ВО СЛАВУ ОТЧИЗНЫ!

www.вославу.рф

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

№ 2 (2)
2018

ВОЕННЫЕ КОНСТРУКТОРЫ И ИЗОБРЕТАТЕЛИ

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ

ПРОТИВ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

БОРЬБА РУСИ С КРЫМСКИМ ХАНСТВОМ

ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС

www.вославу.рф

ВО СЛАВУ ОТЧИЗНЫ!

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

№ 2 (2)
2018

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АНТОШКИН Николай Тимофеевич – Герой Советского Союза, генерал-полковник авиации, депутат Государственной Думы;

БАБАНСКИЙ Юрий Васильевич – Герой Советского Союза, генерал-лейтенант, ветеран боевых действий;

БЕНОВ Геннадий Матвеевич – генерал-лейтенант, председатель Союза ветеранов советских офицеров, член ВС ВВС СССР;

БОДУНОВ Игорь Аркадьевич – полковник, ветеран военно-технического сотрудничества, член правления Фонда «Резерв»;

БОНДАРЕНКО Константин Константинович – полковник, ветеран военной разведки;

БЫЧИХИН Павел Александрович – полковник, ветеран военной разведки;

ГАЕВ Александр Александрович – полковник таможенной службы;

ГЛАГОЛЕВ Вячеслав Евгеньевич – генерал-лейтенант, ветеран военной разведки;

ГРОСС Виктор Константинович – полковник, летчик-испытатель 1-го класса;

ДЕМЕНТЬЕВ Сергей Павлович – генерал-майор авиации, ветеран боевых действий, член Фонда «Резерв»;

ДОМСКИЙ Игорь Александрович – доктор ветеринарных наук, профессор, лауреат Премии Правительства РФ;

КАРПЫЧЕВ Александр Анатольевич – генерал-лейтенант, президент Союза ветеранов военной разведки;

КОРНЕЕВЕЦ Владимир Сергеевич – полковник, ветеран военной разведки;

КОТЕЛКИН Александр Иванович – генерал-майор авиации, кандидат экономических наук, ветеран военной разведки;

КРИВОРУЧКО Анатолий Петрович – полковник, доктор исторических наук, профессор, ветеран военной разведки, член Союза писателей России;

КРИТСКИЙ Василий Юрьевич – заместитель главного конструктора по перспективным разработкам ОКБ им. А.М. Люльки, ПАО «ОДК – УМПО», член Фонда «Резерв»;

КУЗНЕЦОВ Владимир Васильевич – заместитель начальника департамента международных организаций МИД РФ;

МОЧНОВ Николай Борисович – полковник, ветеран боевых действий, президент Фонда «Резерв», Заслуженный испытатель космической техники, ветеран военной разведки;

НЕМЧИКОВ Геннадий Алексеевич – генерал-майор авиации, ветеран боевых действий, вице-президент Фонда «Резерв», кандидат военных наук:

ПАНИН Илья Григорьевич – генерал-полковник, председатель Совета ветеранов ГУК МО РФ;

ПОЛОЗОВ Андрей Алексеевич – гвардии майор, летчик 1-го класса, литератор;

ПОНОМАРЕВ Александр Васильевич – генерал-майор, член Совета ветеранов военной разведки;

РЕШЕТНИКОВ Василий Васильевич – Герой Советского Союза, генерал-полковник авиации, Заслуженный военный летчик СССР, участник Великой Отечественной войны;

РУМЯНЦЕВ Владимир Владимирович – генерал-лейтенант, ветеран военной разведки;

САВИНЫХ Виктор Петрович – дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт, Почетный президент Университета геодезии и картографии РФ, член-корреспондент РАН;

СТРЮКОВ Владимир Антонович – полковник, ветеран боевых действий, член Союза писателей России, ветеран военной разведки, главный редактор ВИА «Во славу Отчизны»;

ФИЛАТОВ Василий Валерьевич – полковник таможенной службы, кандидат экономических наук;

ЦИБЛИЕВ Василий Васильевич – Герой Российской Федерации, генерал-лейтенант авиации, летчик-космонавт РФ;

ЧУЙКОВ Василий Валерьевич – полковник, председатель общественной комиссии по международному сотрудничеству Союза ветеранов России;

ЮДИН Виктор Анатольевич – генерал-майор авиации, член Фонда «Резерв»;

История – особая наука, занимающаяся изучением прошлого человеческих обществ, начиная с зарождения социума по настоящее время. Главной задачей истории, основным её предназначением следует считать познание прошлого человечества для понимания современного состояния нашего человеческого общества и предвидения его развития в будущем.

История призвана отражать реальность прошлого в его узловых моментах так, как писал древнеримский политический деятель и мыслитель Марк Туллий Цицерон: «Первая задача истории – воздержаться от лжи, вторая – не утаить правды, третья – не дать никакого повода заподозрить себя в пристрастности или в предвзятой враждебности».

В истории России была целая временная полоса, когда появилось удивительно прискорбное пренебрежение к истории, к наследию наших предков. А ведь память о них – необходимое условие воспитания чувства патриотизма. Само понятие «патриотизм» вмещает в себя мощные заряды исторических знаний нашего прошлого, без которых невозможна осмысленная любовь к своему Отечеству.

Изучение прошлого, осмысление происходящего и предвидение грядущего вдвойне ценно тогда, когда приходит тому срок и, когда правда остается незыблемым критерием сущего во всех разностях и сложностях взаимосвязанного развивающегося исторического процесса.

Военно-исторический альманах «Во славу Отчизны» нацелен на освещение вопросов нашей истории в объективном, справедливом и честном ключе.

Учредители:
Союз ветеранов военной разведки;
Фонд «Резерв» ветеранов Военно-воздушных сил

Главный редактор:
Владимир Стрюков

Дизайн и верстка:
Марина Столбова

E-mail: voslavu@yandex.ru
www.вославу.рф

Содержание

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

Владимир Стрюков
Закономерный финал 4

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ КРАСНОЙ АРМИИ

Михаил Коршунов
Второй Сталинский удар 28

ПРОБЛЕМЫ ОПК

Г.А. Немчиков
Кадровые проблемы ОПК 36

ВОЕННАЯ ЭКОНОМИКА

А.Н. Комаровский
Челябинский металлургический 40

ГРАЖДАНСКАЯ ОБОРОНА

Василий. Янушкевич
Самая грандиозная катастрофа XX века 53

ВОЕННЫЕ КОНСТРУКТОРЫ И ИЗОБРЕТАТЕЛИ

Александр Яковлев
Три поездки в фашистскую Германию 61

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ

Я. А. Слащов-Крымский
Крах белого Крыма 84

ИЗ ИСТОРИИ СПЕЦСЛУЖБ

П.А. Судоплатов
Действия советских спецслужб накануне войны 105

ПРОТИВ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

А. И. Фурсов
Сталин и ветер истории 121

С.А. Герасимова
Как к этому относиться? 128

БОРЬБА РУСИ С КРЫМСКИМ ХАНСТВОМ

Александр Камчатов
Набеги крымских татар на русские земли 131

РУССКИЕ ЦАРИ – КТО ОНИ?

Г.В. Дорофеев
Тряпичная кукла 151

ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС

Денис Давыдов
О польских событиях 1830 года 164

ВОЕННАЯ ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Г.П. Кочергин
Танкист 175

В.С. Корнеевец
День Победы 176

ВЛАДИМИР СТРЮКОВ

ЗАКОНОМЕРНЫЙ ФИНАЛ

Улицы и площади Берлина, откуда взметнулось зловещее пламя II мировой войны, напоминали свалку металлолома и битых кирпичей. Помятые каски, перевернутые орудия, танки без башен. Пустые коробки домов смотрели обугленными глазницами окон, на задымленных стенах толстый слой липкой пыли, дыхание перехватывал едучий тротиловый смрад.

Полумрак командного пункта, бледное лицо начальника генерального штаба сухопутных войск нацистской Германии генерала Кребса. Он явился вести переговоры об условиях прекращения огня в Берлине.

– Нет, генерал, никаких условий, только безоговорочная капитуляция, – услышал он в ответ.

Поздно вечером 30 апреля на передний край 102 гвардейского стрелкового полка 35 стрелковой дивизии 4-го гвардейского стрелкового корпуса прибыл с белым флагом подполковник германской армии Зейферд. У него был пакет на имя командования русских войск. Немец просил немедленно доставить его в вышестоящий штаб для передачи важного сообщения. Ему удалось перейти канал на участке Висячего моста. Парламентера доставили в штаб дивизии. У него были полномочия германского верховного командования. Он просил указать место и время для перехода линии фронта представителям верховного командования Германии. Командир 4-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-лейтенант В.А. Глазунов немедленно доложил командующему 8-й гвардейской армии генерал-полковнику В.И. Чуйкову.

– Мы готовы принять парламентеров. Пусть он ведет их по тому же участку, где перешел сам, через Висячий мост. Огонь на этом участке прекратить, парламентеров принять и направить на мой передовой командный пункт, я сейчас же выезжаю туда.

Приказав начальнику штаба армии генералу В.А. Белявскому обеспечить надежной связью на ПКП, В.И. Чуйков доложил обо всем по телефону командующему 1-м Белорусским фронтом маршалу Г.К. Жукову, и вместе с генералами Пожарским и Вайнрубом выехал на ПКП.

Прибыв на ПКП, генерал В.И. Чуйкой вызвал к телефону генерала В.А. Белявского и приказал прибыть к нему на ПКП с офицерами и переводчиками разведывательного отдела штаба армии.

Наступило томительное ожидание. Глубокая ночь.

Три часа тридцать минут. Забрезжил рассвет. Наступило утро первого мая 1945 года. В Берлине мрачно, а на родной земле, в ее восточных районах, уже начались первомайские демонстрации. В Европе время отстает от нашего. На Дальнем Востоке, в Сибири, на Урале, в Москве, во всех уголках нашей необъятной Родины люди скоро узнали, что на фронтоне Рейхстага уже развевается красный стяг – Знамя Победы.

Первыми Знамя Победы над Рейхстагом водрузили в 14 часов 25 минут 30 апреля 1945 года войсковые разведчики взвода разведки 674 гвардейского стрелкового полка 150 гвардейской стрелковой Идрицкой дивизии: рядовой Григорий Булатов, командир взвода лейтенант Семен Сорокин, сержант Виктор Провоторов, старший сержант Иван Лысенко, рядовой Степан Орешко.

После них на фронтон Рейхстага установили Красное Знамя Победы дивизионные разведчики той же 150 стрелковой дивизии М.А. Егоров и М.В. Кантария... В пылу боя донесение в штаб дивизии о водружении Знамени Победа первым пришло от дивизионных разведчиков.

В три часа пятьдесят пять минут на командный пункт 8 гвардейской армии прибыл немецкий генерал с Железным крестом на шее. Это был немец среднего роста, плотный, с бритой головой, на лице шрамы. Правой рукой он сделал жест приветствия по-своему, по-фашистски; левой протянул генерал-полковнику В.И. Чуйкову свой документ – солдатскую книжку. Это был начальник генерального штаба сухопутных войск нацистской Германии генерал Ганс Кребс. Вместе с ним вошли начальник штаба 56-го танкового корпуса полковник генерального штаба фон Дуфвинг и переводчик.

– Буду говорить особо секретно, – заявил Кребс. – Вы первый иностранец, которому я сообщаю, что 30 апреля Гитлер добровольно ушел от нас, покончив жизнь самоубийством.

Произнеся эту фразу, Кребс сделал паузу, точно проверяя, какое воздействие произвело на русских это сообщение. Он, по-видимому, ожидал, что все они набросятся на него с вопросами, проявив жгучий интерес к этой сенсации. А Чуйков, не торопясь, спокойно сказал:

– Мы это знаем!

Затем, помолчав, попросил Кребса уточнить, когда это произошло.

Кребс заметно смутился. Он никак не ожидал, что его сенсационное заявление окажется холостым выстрелом.

– Это произошло в пятнадцать часов сегодня, – ответил он. И, видя, что Чуйков смотрит на часы, поправился, уточнил: – Вчера, тридцатого апреля, около пятнадцати часов.

Затем Кребс зачитал письмо Геббельса к советскому Верховному Главнокомандованию, в котором говорилось:

«Согласно завещанию ушедшего от нас фюрера мы уполномочиваем генерала Кребса в следующем.

Мы сообщаем вождю советского народа, что сегодня, в 15 часов 50 минут, добровольно ушел из жизни фюрер. На основании его законного права фюрер всю власть

в оставленном им завещании передал Денницу, мне и Борману. Я уполномочен Борманом установить связь с вождем советского народа. Эта связь необходима для мирных переговоров между державами, у которых наибольшие потери. Геббельс».

Кребс вручил Чуйкову еще два документа: о его полномочии на ведение переговоров с русским верховным командованием (бланк начальника партийной канцелярии с печатью подписан Борманом 30 апреля 1945 года) и завещание Гитлера со списком нового имперского правительства и верховного командования вооруженных сил Германии (этот документ подписан Гитлером и свидетелями; на нем пометка – 4 часа 00 минут 29 апреля 1945 года).

Кребс как бы хотел прикрыться этими документами от вопросов, которых, разумеется, ожидал. Он чувствовал неловкость и трудность дипломата, пришедшего не просто представлять одну сторону другой, а просить пардона. Конечно, ему хотелось осторожно прощупать представителей советского командования, узнать, нельзя ли чего выторговать, играя на их чувствах обостренного недоверия к союзникам по антигитлеровской коалиции, которые так долго тянули с открытием второго фронта. В то же время ему, закоренелому нацисту, не так-то легко было признать себя побежденным. Ведь он принимал личное участие в походе на Восток.

Почему же Чуйков ответил Кребсу, что самоубийство Гитлера не является для него новостью?

Чуйков ничего не знал о смерти Гитлера и не ожидал услышать о ней из уст Кребса. Однако же, готовясь к этому разговору, он настроил себя встретить любую неожиданность спокойно, не выказывая и тени удивления, не делая торопливых выводов. Он знал, что опытный дипломат и разведчик – а Кребс был именно таковым – никогда не начнет разговора с того вопроса, который для него является главным. Он обязательно сначала разведает настроение своего собеседника, а затем постарается повернуть разговор так,

чтобы о главном вопросе заговорил первым тот, кто должен его решать.

Для Чуйкова и для всех присутствующих при переговорах смерть Гитлера была действительно новостью первостепенной важности, но для Кребса она служила лишь дипломатической маскировкой основного, самого главного вопроса. Поэтому Чуйков сразу отвел его попытку увести разговор в сторону и тем самым заставил перейти к делу, ради которого он пришел.

– В этих документах речь идет о Берлине или о всей Германии? – спросил Чуйков.

– Я уполномочен Геббельсом говорить от имени всей германской армии, – последовал ответ.

– Идет ли речь о капитуляции?

– Есть другие возможности прекратить войну, – ответил Кребс. – Для этого необходимо дать возможность собраться новому правительству во главе с Деницем, которое решит вопрос путем переговоров с Советским правительством.

– Какое может быть правительство, если ваш фюрер покончил жизнь самоубийством, тем самым признал несостоятельность возглавляемого им режима. После него, наверное, остался кто-то из заместителей, который вправе решать, быть или не быть дальнейшему кровопролитию. Кто сейчас замещает Гитлера?

– Сейчас Гитлера замещает Геббельс. Он назначен канцлером. Но перед смертью Гитлер создал новое правительство во главе с президентом гросс-адмиралом Деницем.

Получив первые ответы на свои вопросы от Кребса, Чуйков решает позвонить командующему фронтом. Берет телефонную трубку, вызывает маршала Жукова, докладывает ему:

– Ко мне прибыл начальник генерального штаба сухопутных войск Германии генерал Кребс. Он сообщил, что Гитлер покончил жизнь самоубийством. Геббельс как канцлер и Борман как председатель нацистской партии уполномочили Кребса вести переговоры с нами о перемирии. Кребс просит прекратить военные действия на время переговоров, дать возможность собраться новому правительству во главе с президентом Деницем, которое решит вопрос о дальнейшем течении войны.

Г.К. Жуков сказал, что немедленно доложит в Москву. Чуйков же должен ждать у телефона: возможно, будут вопросы и потребуются разъяснения.

Спустя минуту он спросил:

– Когда Гитлер покончил с жизнью?

Чуйков сознательно задает Кребсу вторично этот вопрос, так как в первый раз он оговорился не то механически, не то умышленно. Спрашивает и смотрит на часы, они показывали 4 часа 27 минут 1 мая.

Кребс поспешил уточнить:

– Вчера, тридцатого апреля, в пятнадцать часов пятьдесят минут.

Передает это Жукову, а тот – в Москву.

Через минуту в телефоне слышится:

– Спросите Кребса, хотят ли они сложить оружие и капитулировать или же намерены заниматься переговорами о мире?

Чуйков спрашивает Кребса в упор:

– Идет ли речь о капитуляции и заключается ли ваша миссия в том, чтобы ее осуществить?

– Нет, есть другие возможности.

– Какие?

– Разрешите и помогите нам собрать новое правительство, которое назначил Гитлер в своем завещании, и оно решит этот вопрос в вашу пользу.

Докладывает этот ответ Г.К. Жукову. Он приказывает снова ждать у телефона.

Ну, и хитер этот Кребс: второй раз повторяет одно и то же – излюбленный прием дипломатов добиться цели настойчивым повторением одной и той же мысли в разных вариантах. Но сейчас он грубо перехлестывает. На пятой странице завещания Гитлера Чуйков читает:

«Чтобы Германия имела правительство, состоящее из честных людей, которые будут продолжать войну всеми средствами, как лидер нации, я назначаю членами нового кабинета...»

– Что за новое правительство? – интересуется Жуков.

Чуйков, как раз, читая завещание Гитлера, дошел до состава этого нового правительства. Вот оно:

1. Президент – Дениц
2. Канцлер – Геббельс
3. Министр партии – Борман
4. Министр иностранных дел – Зейс-Инкварт
5. Министр внутренних дел – гаулейтер Гислер
6. Военный министр – Дениц
7. Командующий сухопутными войсками – Шернер
8. Командующий военно-морским флотом – Дениц
9. Командующий военно-воздушным флотом – Грейм
10. Рейхсфюрер СС и начальник германской полиции – гаулейтер Ханке
11. Министр хозяйства – Функ
12. Министр сельского хозяйства – Баке
13. Министр юстиции – Тирак
14. Министр просвещения – д-р Шил
15. Министр пропаганды – д-р Науман
16. Министр финансов – Шверин-Кроанг
17. Министр труда – д-р Хурфауэр
18. Министр вооружения – Саур
19. Руководитель германского рабочего фронта и член кабинета рейхсминистр – Лей.

– Что еще может сказать Кребс? – спросил Жуков.

Передает вопрос Кребсу. Тот пожимает плечами. Тогда Чуйков пояснил ему, что русские могут вести переговоры только о полной капитуляции Германии перед союзниками по антигитлеровской коалиции: СССР, США и Англией. В этом вопросе они едины.

– Для того чтобы иметь возможность обсудить ваши требования, я прошу о временном прекращении военных действий и о помощи новому правительству собраться здесь, в Берлине. – И подчеркнул: – Именно в Берлине, а не в другом месте.

– Нам понятно, чего хочет ваше новое правительство, – заметил командарм, – тем более нам известна попытка ваших друзей, Гиммлера и Геринга, зондировать почву у наших союзников. Разве вы об этом не знаете?

Кребс насторожился, видимо, вопрос был для него неожиданным. Смутился, начал шарить в боковом кармане мундира и достал карандаш, который ему был совершенно не нужен.

– Я являюсь уполномоченным законного правительства, которое сформировано по завещанию Гитлера, – ответил он наконец. – Может появиться новое правительство на юге, но оно будет незаконным. Пока правительство есть только в Берлине, оно законное, и мы просим перемирия, чтобы собраться всем членам правительства, обсудить положение и заключить выгодный для вас и для нас мир.

– Вопрос о перемирии или мире может решаться только на основе общей капитуляции, – твердо заявил командарм. – Таково решение наше и наших союзников, и никакими разговорами и обещаниями вам не удастся разорвать этот единый фронт антигитлеровской коалиции.

По лицу Кребса пробегает дрожь, шрам на его щеке порозовел. Заметно, что напрягает всю силу воли, чтобы оправиться от растерянности, и тут же проговаривается.

– Мы думаем, что СССР будет считаться с новым легальным немецким правительством. Для обеих сторон это выгодно и удобно. Если вы завладеете районом, где находится правительство, и уничтожите всех нас, тогда немцы не будут иметь возможности работать с вами и...

Чуйков перебивает:

– Мы пришли не для того, чтобы уничтожать немцев, а освобождать их от фашизма. И немцы, честные немцы, уже работают с нами, чтобы избежать дальнейшего кровопролития.

Кребс снова продолжает:

– Мы просим признать новое правительство Германии до полной капитуляции, связаться с ним и дать ему возможность войти в сношение с вашим правительством. От этого выгадаете только вы.

Повторив, что у русских одно условие – общая капитуляция, командарм вышел в соседнюю комнату позвонить командующему фронтом.

В докладе маршалу Жукову Чуйков изложил свои соображения:

– Кребс пришел не для переговоров о капитуляции, а, по-видимому, выяснить обстановку и наше настроение – не пойдем ли мы на сепаратные переговоры с новым правительством? Сил у них для дальнейшей борьбы с нами нет. Геббельс и Борман решились на последний ход – завязать переговоры с нашим правительством. Они ищут всякие лазейки и трещины между нами и союзниками, чтобы посеять недоверие. Кребс явно тянет с ответами на вопросы, хочет выиграть время, хотя это не в их пользу, так как наши войска продолжают наступление. Тихо лишь на участке, где перешел Кребс.

Маршал задал несколько вопросов, сказал, что он сейчас доложит обо всем в Москву Сталину, и приказал Чуйкову продолжать переговоры и добиться от Кребса согласия на общую капитуляцию.

Начальник штаба армии генерал Белявский подает командарму на подпись проект приказания за № 2948 от 30 апреля 1945 года. Читает. Что ж, все правильно. Чуйков молча визирует этот документ, который, по существу, стал последним боевым распоряжением по 8-й гвардейской армии:

«В связи с возможной капитуляцией или массовой сдачей в плен окруженного противника в городе Берлине приказываю:

1. Начальнику тыла армии подготовиться к приему 40-50 тысяч пленных, для этого:

а) в полосе армии, вне черты города, но не далее 5-8 км от его окраины, не позднее 1.5.45 г. подготовить достаточной емкости армейский пункт сбора военнопленных (возможно, в районе Дамм);

б) для питания военнопленных подвести необходимые запасы продовольствия.

2. Командирам корпусов:

а) для надежной охраны пленных и для конвоирования их с армейского пункта во фронтовой лагерь военнопленных подготовить по одному стрелковому батальону;

б) на случай капитуляции противника в Берлине заранее наметить места для разоружения и пути вывода частей противника из города на ар-

мейский пункт военнопленных. Сюда же принимать военнопленных от 1-й гвардейской танковой армии.

О готовности к приему пленных донести к 18.00 1.5.45».

Чуйков возвращается в комнату переговоров. Время – 4 часа 40 минут. От усталости и бессонницы в голове шум. Непривычная работа быстро утомляет.

Садится за стол против Кребса. Командарм чувствует, что за время своего отсутствия он обдумал положение и подготовил какие-то новые аргументы в защиту своих, вернее геббельсовских предложений. Он заговорил первым, снова настаивая на временном перемирии.

– Я не имею возможности вести иные переговоры, – заявил он, – я только уполномоченный и не могу отвечать за свое правительство. В ваших интересах вести их с новым правительством Германии. Мы знаем, что немецкое правительство – пас (и сам засмеялся). Сильны вы – мы это знаем, и так думаете вы сами...

Это уже ход ферзем. Кребс пускает в дело главную фигуру. Давать ему спуску за навязчивость нельзя. Он явно хочет втянуть Чуйкова в обсуждение вопроса о перемирии.

– Вы должны понять, господин генерал, – сказал Чуйков, – что мы знаем, чего вы хотите от нас. Вы намереваетесь предупредить, что будете продолжать борьбу, точнее, бессмысленное сопротивление, которое увеличит число напрасных жертв. Я задаю вам прямой вопрос: в чем смысл вашей борьбы?

Несколько секунд Кребс смотрел на Чуйкова молча, не зная, что сказать, затем выпалил:

– Мы будем бороться до последнего.

Командарм не мог сдержать иронической улыбки.

– Генерал, что у вас осталось, чем, какими силами вы хотите бороться? – Затем, после небольшой паузы, добавил: – Мы ждем полной капитуляции.

– Нет! – воскликнул Кребс. Потом со вздохом сказал: – В случае полной капитуляции мы юридически не будем существовать как правительство.

Переговоры утомляли все больше. Ясно: Кребс имеет задачу убедить советское командование признать «новое» правительство. Без согласия Геббельса и Бормана он не может изменить высказанных им предложений и будет твердить одно и то же. В его словах, во всем поведении чувствовалась безнадежность, но он не уходил, чего-то ждал от Чуйкова. Возможно, объяснения, что командарм разговаривает с ним как с пленником.

Чуйкову принесли письмо из одного иностранного посольства, в котором глава миссии благодарил советские войска за внимательное отношение к членам миссии.

Стрелки часов показывали пять утра. Командарм не выдержал и заявил Кребсу:

– Вы настаиваете на перемирии и ведении переговоров о мире в то время, когда ваши войска капитулируют, когда ваши солдаты и офицеры сотнями и тысячами сдаются в плен.

Кребса передернуло. – Где? – быстро спросил он.

– Везде.

– Без приказа? – удивился Кребс.

– Наши наступают – ваши сдаются.

– Может быть, это отдельные явления? – цеплялся за соломинку немецкий генерал.

И как раз в этот миг донесся грохот залпа «катюш». Кребс даже съежился.

Чуйков берет газету и читает вслух сообщение агентства Рейтер о неудачном дипломатическом маневре Гиммлера, который с помощью Бернадотта – члена шведской королевской семьи – стремился вступить в переговоры с влиятельными людьми Англии и с британским правительством. Гиммер через Бернадотта передавал, что фюрер конченный человек как политически, так и физически.

– «В сложившейся ситуации, – читал Чуйков, – руки у меня свободны. Желаю предохранить возможно большую часть Германии от русского вторжения, я готов капитулировать на Западном фронте, чтобы тем самым войска западных держав смогли как можно быстрее продвинуться на восток. В противоположность этому я не намерен капитулировать на Восточном фронте. Я всегда был и остаюсь заклятым врагом большевизма». Так заявил Гиммер англичанам, – заметил Чуйков и продолжал читать: – «Благодаря вмешательству Советского правительства американцы и англичане отказались вести с Гиммлером сепаратные переговоры, о чем поставили в известность Советское правительство...»

Кребс явно удручен. Глядя в пол, он бормочет:

– Гиммлер на это не был уполномочен. Мы этого боялись. Гиммлер не знает, что фюрер покончил с собой.

– Но ведь вам известно, что Гиммлер по радио назначал пункты для сепаратных переговоров с нашими союзниками?

– Это частное мероприятие, – ответил Кребс, – на других основаниях. – И, помолчав, добавил: – В случае полной капитуляции мы не сможем избрать свое правительство.

Немец переводчик вмешивается в разговор:

– Берлин решает за всю Германию.

Кребс его тут же обрывает:

– Я сам говорю по-русски не хуже вас. – И, обращаясь к Чуйкову, уже на русском языке, быстро заговорил: – Я боюсь, что будет организовано другое правительство, которое будет против решений Гитлера. Я слушал только радио Стокгольма, но мне показалось, что переговоры Гиммлера с союзниками зашли далеко.

Этими словами Кребс выдал себя с головой. Руководство третьего рейха знало о переговорах Гиммлера, оно было убеждено, что наши союзники соблазнятся на предложение Гиммлера, а Советское правительство примет предложение Геббельса и Бормана. Как нам было известно, Герман Геринг нацеливался с такой же миссией на американцев, конкретно на Эйзенхауэра, но его попытки потерпели неудачу.

После короткой паузы Кребс снова повторил о необходимости создания нового германского правительства, что задача нового правительства – заключить мир с державой – победительницей, то есть с СССР.

Чуйков дал понять Кребсу еще раз, что действия правительств США и Англии согласованы с Советским правительством, что демарш Гиммлера он понимает как неудачный дипломатический шантаж. Что касается нового правительства, то: «мы думаем так: самое авторитетное немецкое правительство для немцев, для нас и наших союзников будет то, которое согласится на полную капитуляцию».

– Ваше так называемое «новое» правительство, – сказал Чуйков, – не соглашается на общую капитуляцию потому, что связало себя завещанием Гитлера и намерено продолжать войну. Ваше «новое» правительство или «новый кабинет», как назвал его Гитлер в своем политическом завещании, хочет в будущем выполнять его волю. А его воля заключается в следующих словах завещания: «Чтобы Германия имела правительство, состоящее из честных людей, которые будут продолжать войну всеми средствами...» – Показывает Кребсу эти строчки. – Разве из этих посмертных слов Гитлера не видно, что, отрицая общую капитуляцию, ваше так называемое «новое» правительство хочет продолжать войну?

Время потянулось еще медленнее. Но приходилось сидеть и ждать решений Москвы.

– Где сейчас генерал Гудериан, с которым я в тридцать девятом году встречался в Бресте? – поинтересовался Чуйков. – Он тогда командовал танковой дивизией.

– Гудериан был начальником штаба сухопутных войск Германии до пятнадцатого марта, затем заболел и сейчас находится на отдыхе. Тогда я был его заместителем.

– Болезнь Гудериана дипломатическая, политическая или военная хитрость?

– О своем бывшем начальнике я не могу говорить плохо, но нечто в этом роде было.

– Вы все время находились в генштабе?

– Я работал начальником отдела боевой подготовки. Я был также в Москве и до мая сорок первого года замещал там военного атташе, а затем меня назначили начальником штаба армейской группы на Востоке.

– Значит, это вы в Москве научились русскому языку и с вашей помощью Гитлер получал информацию о Советских Вооруженных Силах? Где вы были во время Сталинградского сражения и как вы к нему относитесь?

– Я был в это время на Центральном фронте, у Ржева. Ужасно – этот Сталинград! С него начались все наши несчастья... Вы были в Сталинграде командиром корпуса?

– Нет, командующим армией.

– Я читал сводки о Сталинграде и доклад Манштейна Гитлеру.

Долгая пауза.

Чтобы прервать молчание, Чуйков спросил:

– Почему Гитлер покончил жизнь самоубийством?

– Военное поражение, которого он не предвидел. Надежды немецкого народа на будущее потеряны. Фюрер понял, какие жертвы понес народ, и, чтобы не нести ответственности при жизни, решил умереть.

– Поздно понял, – заметил Чуйков. – Какое было бы счастье для народа, если бы он это понял пять-шесть лет назад...

Чуйков берет завещание Гитлера и читает вслух:

– «Хотя в годы борьбы я считал, что не могу взять на себя такую ответственность, как женитьба, теперь, перед смертью, я решил сделать своей женой женщину, которая после многих лет настоящей дружбы приехала по собственному желанию в этот уже почти окруженный город, чтобы разделить мою судьбу.

Она пойдет со мной на смерть по собственному желанию как моя жена, и это вознаградит нас за все, что мы потеряли из-за моей службы моему народу».

Обращается к Кребсу:

– Ева Браун как будто не арийской крови. Как же это Гитлер отошел от своих принципов?

Кребс поморщился и нечего не ответил.:

– Может быть, провести телефон из этого дома к Геббельсу? – переменил Чуйков тему разговора.

– Я буду очень рад, – встрепенулся Кребс. – Тогда и вы сможете говорить с доктором Геббельсом. Я готов послать с вашими телефонистами своего адъютанта – это поможет.

Позвонил маршал Жуков. Чуйков доложил, что Кребс с 15 марта – начальник генерального штаба, читает по телефону документ Геббельса о полномочии Кребса.

Мы договорились, что полковник, сопровождавший Кребса, и немецкий переводчик возвратятся к себе, чтобы установить прямую телефонную связь с имперской канцелярией. С ними ушли два наших связиста – офицер и рядовой, которых выделил начальник штаба армии.

К этому времени на ПКП прибыли член Военного совета армии генерал-майор Пронин, первый заместитель генерал-лейтенант Духанов, начальник разведки полковник Гладкий, его заместитель подполковник Матусов и переводчик капитан Кельбер.

Все перешли в соседнюю комнату, приспособленную под столовую. Принесли чай, бутерброды. Все проголодались. Кребс тоже не отказался. Взял стакан и бутерброд. Было заметно, как дрожат у него руки.

Чувствуется близость конца войны, но ее последние часы утомительны. Ждут указания Москвы.

А фронтовая жизнь шла своим чередом. Штаб армии предупредил войска, в первую очередь армейских артиллеристов, что надо быть готовыми к продолжению штурма. Разведчики вели наблюдение за противником, его резервами, снабжением. В подразделения подвози-

ли боеприпасы и горючее. Саперы строили и улучшали переправы через канал Ландвер. Чуйков иногда уходил от Кребса в соседние комнаты, чтобы дать указания и утвердить распоряжения штаба.

Командирам корпусов и дивизий было четко сказано, что переговоры ведутся как положено, а войска должны быть готовы немедленно, по первому сигналу возобновить штурм. Получалось так: Геббельс, Борман и Кребс хотели оттянуть время в свою пользу – авось русские начнут перепалку с союзниками... А русские это же самое время использовали для того, чтобы получше подготовиться и одним ударом завершить штурм Тиргартена, если капитуляция не состоится.

Разговор с Кребсом возобновился. Чуйкову хотелось проникнуть в тайны руководителей третьего рейха, в их замыслы и надежды, тем более без ответа Москвы прекратить переговоры с Кребсом он не мог. Кребс, конечно, все знает, но ничего толком не скажет, из него надо суметь выудить все, что можно, ведя беседу, сопоставляя его ответы на вопросы.

– Где сейчас Герман Геринг?

Кребс встрепенулся, будто его разбудили:

– Геринг? Он – предатель, его фюрер терпеть не может. Геринг предложил фюреру сдать ему управление государством, фюрер исключил его из партии. – И тут же поправился: – Гитлер перед смертью исключил его из партии, о чем он пишет в завещании.

Уже путаница: то «фюрер терпеть не может Геринга» сказано в настоящем времени, то «Гитлер перед смертью исключил его из партии» – уже прошедшее время.

Чуйков пытается уточнить:

– Кто же, по-вашему, Гиммлер?

– Гиммлер – предатель. Он работал против фюрера, давно хотел заключить сепаратный мир с западными державами и разъединить нас. О его намерении узнал фюрер и... – несколько секунд пауза, – это одна из причин его самоубийства. Фюрер дорожил преданностью своих соратников. Перед смертью он искал выхода... в заключении мира, в первую очередь с Россией.

– Итак, Гиммлер – предатель?

– Да, – подтвердил Кребс. – Согласно завещанию Гитлера Гиммлер вне Берлина. Он в Мекленбурге.

– Вы ведь знали о предложении Гиммлера: полная капитуляция перед США и Англией? (Тут Чуйков прямо берет Кребса на пушку: он до последнего дня почти ничего не знал о предложении Гиммлера.)

Кребс, подумав, ответил:

– Как вам известно, мы его подозревали, но окончательно я убедился в этом из сообщения агентства Рейтер. Мы не были извещены Гиммлером. Фюрер оставил его вне Берлина, чтобы он прислал помощь Берлину, бросил сюда все части вооруженных сил Германии. Но он обманул фюрера, не сделал этого. Гиммлер – предатель, хотел заключить мир без ведома фюрера, он против интересов Германии. Я все время находился с фюрером, был его непосредственным советником по вопросам войны. А вне Берлина, в Мекленбурге, был ОКВ. Фюрер давал им приказы непосредственно из Берлина. Я был ответственным за Восточный фронт.

Тут Кребс проболтался и тем подтвердил все догадки и предположе-

ния Чуйкова. В его словах о том, что Гитлер приказал все части вооруженных сил Германии бросить «оттуда», то есть с Запада, к Берлину, на Восточный фронт, против русских, и тем самым открыть войскам западных держав путь на Берлин, была истинная правда.

Чуйков спрашивает Кребса:

– Кто у вас сейчас является главнокомандующим?

– Согласно завещанию Гитлера теперь стал Денниц. Шернер – новый командующий сухопутными войсками; воздушными силами – фон Грейм, Геринг болен, Гудериан болен.

– Где Риббентроп?

– В Мекленбурге. Вместо него Зейс-Инкварт.

– Таким образом, полная реорганизация правительства. Она не касается только вас. Вы были при Гитлере, и остаетесь сейчас начальником генерального штаба сухопутных войск?

– Да, – подтвердил Кребс.

– Кто же будет уполномочен на окончательные переговоры с Советским Союзом и его союзниками?

– Геббельс и Борман. Они находятся в Берлине и являются единственными представителями Германии.

– А что будут делать другие члены правительства?

– Они выполняют приказ фюрера.

– А признают ли войска новое правительство?.

– Если представится возможность довести завещание фюрера до сведения армии, войска выполнят его волю. Лучше это сделать до объявления другого правительства.

– Вы боитесь этого «другого» правительства?

– Гиммлер предал нас и может создать новое правительство. Гиммлер еще не знает о смерти фюрера и его завещании.

– Как вы думаете связаться с другими районами? Ведь они отрезаны.

– Посредством временного перемирия с вами. Мы тогда все огласим.

– Не понимаю

Кребс уточнил:

– При вашем содействии мы свяжемся с периферией при помощи авиации или другими способами.

– Значит, правительство создается, чтобы действовать на территории Германии, собрать силы и продолжать войну?

– Нет, чтобы начать переговоры и кончить войну.

– Однако, в завещании Гитлера ясно говорится, что он создает правительство из людей, «которые будут проводить войну всеми средствами». Не лучше ли вам согласиться сначала кончить войну, а потом начать переговоры?

Кребс что-то медлит с ответом, а затем отвечает

– Ответ может дать мое правительство, а не я...

На улице уже светло, день 1 мая начинается в Берлине для переговорщиков очень своеобразно. Целую ночь они ведут переговоры, а пользы – ноль. Москва приказала ждать ответа, то и дело запрашивает о разных деталях, уточняя ход переговоров. Из штаба фронта срочно потребовали прислать документы, принесенные Кребсом.

Генерал Пожарский и сообщает, что командарма к телефону вызывает командир 28-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-лейтенант Рыжов. Чуйков оставляет Кребса с генералами Пожарским, Вайнрубом и писателями (в политотделе армии находились Всеволод Вишневский, Константин Симонов, Евгений Долматовский, композиторы Тихон Хренников, Евгений Блантер).

Генерал Рыжов докладывает, что в 4 часа 30 минут немецкие радиостанции якобы из штаба обороны города Берлина попросили выслать офицера на северо-восточную окраину зоологического сада для встречи с парламентерами немецкой армии. Генерал Рыжов и командир 39-й гвардейской стрелковой дивизии полковник Марченко назначили своим парламентером майора Берсенева – офицера штаба этой дивизии.

Как прошла и чем закончилась эта встреча, рассказал Берсенев.

«Я должен был предъявить ультиматум о безоговорочной капитуляции, гарантировав жизнь всем сдавшим оружие и прекратившим сопротивление. Я должен был заявить немцам, что в случае отказа сдаться они в течение 24 часов будут полностью уничтожены.

Я отдавал себе отчет в том, что успешное выполнение этого задания сохранило бы жизнь многим нашим солдатам и офицерам. Прекрати враг бессмысленное сопротивление, намного меньше было бы в мире калек, вдов и сирот. Я дорожил оказанным доверием и был полон решимости выполнить задание до конца, чего бы это мне ни стоило.

Ровно в 5 часов 1 мая 1945 года я был с белым флагом на указанном месте, у северо-восточного угла зоологического сада. Свою машину с ординарцем и шофером оставил за углом соседней улицы в укрытии.

Пока шел к назначенному месту и пока минут двадцать ждал парламентеров, немцы огня по мне не вели. По-видимому, немецкие войска на этом участке были предупреждены о прибытии представителя нашего командования.

За эти двадцать минут ожидания я многое передумал, но одна мысль особенно сверлила мой мозг: не ложный ли был вызов со стороны противника, не провокация ли это? Однако, зная хорошо обстановку в Берлине, в каком безвыходном положении находятся войска противника, я эту мысль отбрасывал. Но она возникала снова и снова. Наконец я увидел, как метрах в двухстах от меня из-за угла вышли двое немцев с белым флагом и направились ко мне.

Я сделал несколько шагов к ним навстречу. Вдруг один из парламентеров упал. Послышались выстрелы, и пули завизжали вокруг меня. Я не успел принять мер предосторожности. Почувствовал удар в левое бедро и коленный сустав. После этого я упал, сильно ударился головой о панель.

Очнулся уже около своей автомашины. Оказывается, ординарец, рискуя жизнью, вытащил меня из зоны огня. Вместе с шофером они подняли меня в автомашину. Нога висела как плеть, но особенной боли я не чувствовал, только в голове шумело. Я сказал: «Везите к комдиву» – и снова впал в забытье. Пришел в себя, когда мне сделали укол. Надо мной склонились полковник Марченко и генерал Рыжов. Посмотрев на свои ноги, я не узнал свою левую: вместо сапога и брюк увидел белую чурку с красными кровавыми пятнами. В глазах рябило, лица людей расплывались. Я рассказал по порядку все как было...»

После того как генерал Рыжов доложил Чуйкову о случае с Берсеневым, стало совершенно ясно, что в гарнизоне Берлина произошел раскол: одна часть солдат и офицеров

готова сдаться, другая, состоящая из оголтелых нацистов, не только сама не идет на капитуляцию, но и силой оружия пресекает попытки других к сдаче. Кто из них возьмет верх, зависит от наших действий. Ясно только одно, что наступившее затишье в связи с переговорами с Кребсом нацисты используют для усиления своего влияния на осажденный гарнизон. Нужно скорее нанести еще удар посильнее, и сопротивление врага будет сломлено. Возможно, даже с помощью тех, кто готов к капитуляции.

Звонок из штаба фронта. Маршал Жуков сообщил, что к Чуйкову выехал его заместитель генерал армии Соколовский. Командующий попросил уточнить данные о Гиммлере, указать, где Риббентроп, кто сейчас начальником генерального штаба, где труп Гитлера. И еще вопросы, вопросы...

Чуйков ответил то, что знал из разговора с Кребсом. Остальное надо еще вытягивать из него. А он не особенно разговорчив на эти темы: на каждый вопрос отвечает предельно кратко и уклончиво. Его положение не из легких. Он знает, что уговорить русских, заставить поверить Геббельсу и Борману невозможно. Но его послали за этим, и он упорно добивается своего. Чуйков, ведя переговоры, может сам решить только один вопрос – принять капитуляцию. Он с большим удовольствием выпроводил бы Кребса обратно к Геббельсу, чтобы затем силой оружия заставить войска сдаться и капитулировать. Но Москва приказала ждать.

Вернувшись в комнату переговоров, Чуйков задает вопросы Кребсу:

-Где труп Гитлера?

– В Берлине. Сожжен по завещанию. Это совершилось сегодня.

– Кто начальник штаба вашей ставки?

– Йодль, а Денниц – новый верховный главнокомандующий, оба в Мекленбурге. В Берлине только Геббельс и Борман.

– Что же вы раньше не сказали, что Денниц в Мекленбурге?

Кребс молчит.

Чуйков берет трубку, вызывает маршала Жукова и докладывает:

– «Верховный главнокомандующий» гросс-адмирал Денниц находится в Мекленбурге, там же рядом и Гиммлер, которого Геббельс считает предателем. Герман Геринг якобы болен, находится на юге. В Берлине только Геббельс, Борман, Кребс и труп Гитлера.

Маршал Жуков говорит, что эта путаница, неразбериха с посылкой парламентеров к нам, в Берлине, а на западе и на юге – к союзникам задерживает решение нашего правительства. Но ответ скоро будет, и, наверное, с требованием полной капитуляции.

Кребс слышал разговор с Жуковым: Чуйков не стеснялся высказывать при нем свои мысли. Положив трубку, Чуйков обращается к Кребсу:

– Значит, основные военные деятели в Мекленбурге, а в Берлине Геббельс и Борман остались выполнять волю фюрера. Какую?

– Они хотят прекратить войну, но только после признания вами правительства, созданного согласно воле фюрера.

– То есть правительства, которое не хочет ни мира, ни войны?

Кребс задумался, потом сказал:

– На том участке, где огонь, я согласен его прекратить.

– Зачем это надо, раз ваше так называемое правительство не идет на капитуляцию? Вы хотите, чтобы еще лилась кровь?

– Я хочу все сделать, и как можно скорее, чтобы было признано одно легальное правительство в Берлине, чтобы не появилось еще какое-то – нелегальное правительство.

– Если вы не капитулируете, то наши войска пойдут на штурм, а там разбирайся, где легальное, а где нелегальное правительство.

– Поэтому мы и просим перемирия.

– А мы требуем капитуляции!

– У вас есть еще какие-либо документы кроме предъявленных?

– Тут есть приложение – состав правительства, о котором я вам доложил. – И протягивает Чуйкову еще бумагу, в которой указываются члены кабинета, уже названные в завещании Гитлера.

– Цель вашего прихода – переговоры только с СССР?

– Только с вами.

– Вы – с нами, а Гиммлер и другие – с союзниками? Почему вы не хотите говорить одновременно с нами и с нашими союзниками, а предпочитаете действовать раздельно?

Пауза. Кребс потупился. Затем поднял голову:

– При расширении полномочий будем вести переговоры и с другими правительствами, с вашими союзниками.

– Это зависит от решения вашего правительства?

– Да, когда оно соберется полностью. Это основная его цель.

– Где должно собраться ваше правительство?

– До сих пор это не решено. Но лучше всего в Берлине.

– Но ведь до безоговорочной капитуляции остатков берлинского гарнизона ваше правительство не сможет здесь собраться.

– А я глубоко убежден, что при капитуляции берлинского гарнизона наше правительство вообще никогда не соберется. Это будет невыполнением завещания фюрера. Я считаю, что полная капитуляция не может быть решена до признания всеми нового правительства.

– Итак, правительство действует и не капитулирует?

– Я прибыл, чтобы разрешить все эти вопросы и передать немецкие заверения. А вопрос о полной капитуляции может быть решен в несколько часов после перемирия и признания нового правительства.

– Это значит, вы хотите драться до последнего? Знаете ли вы об условиях полной капитуляции?

– Да, знаю, – ответил Кребс. – Но кому вести эти переговоры?

– У вас есть рейхсканцлер, с ним Борман. Если они уполномочили вас вести с нами переговоры, значит, они могут принять окончательное решение. Разве это не так?

– Они не могут принять решение о полной капитуляции, не проинформировав обо всем Денница. Единственная рация находится у Гиммлера. У нас же радиостанция разбомблена.

– Мы дадим вам радиосвязь. Обнародуйте завещание фюрера по радио. Это прекратит кровопролитие.

Кребс поморщился:

– Неудобно. Для Денница это будет неожиданным известием. Он еще не знает о завещании. Мы сделали попытку заинтересовать СССР, мы не хотим нелегального правительства, согласного на отдельный договор с США и Англией. Мы предпочитаем вести переговоры с Россией.

Только теперь, видимо, до него стало доходить, что русские не доверяют ни Геббельсу, ни его посланцам. И Чуйкову осталось сказать ему прямо, что, как военный, он заинтересован прежде всего в том, чтобы поскорее разделаться с войсками противника, безнадежно обороняющимися в Берлине.

Кребс, выслушав Чуйкова, опять повторил:

– Если будет уничтожен берлинский гарнизон, не будет германского легального правительства…

– Бессмыслица, – прервал Чуйков его.

– Я познакомил вас с моим поручением, других у меня нет…

– А я сообщил вам единственное и окончательное условие: безоговорочная капитуляция.

Генерал Кребс и его адъютант внешне сдержаны, спокойны, но чего им это стоит!

– Гарантируем сохранение жизни. А о правительстве после будем говорить. У вас нет войска, а вы хотите собрать какие-то силы. Не выйдет!

Кребс говорит торопясь:

– Я предлагаю паузу в боевых действиях. Мы можем с определенного времени отдать приказ не стрелять.

Опять звонок телефона. Звонит командующий фронтом, интересуется, как идут переговоры. Командарм объясняет, что у немцев нет средств связи. Они не хотят объявлять о смерти и завещании Гитлера, чтобы Гиммлер этим не воспользовался. По-видимому, боятся и Денница. Они хотят объявить это при нашем содействии и после перемирия. Гиммлер откололся и исключен из партии.

Чуйков кладет трубку. И опять к Кребсу:

– Лучший выход для тех, кто хочет признания нового правительства, – капитуляция.

– Полная? – переспросил Кребс.

– Полная. Тогда мы будем разговаривать с этими членами правительства.

Кребс отрицательно мотает головой:

– Я не уполномочен объявлять о капитуляции. Наше правительство, таким образом, будет уничтожено… – Он говорит то по-немецки, то по-русски.

– Но и снаряд не будет разбирать, кто солдат, а кто член правительства, – заметил Чуйков.

Кребс опять трясет головой и говорит по-русски:

– Я беспокоюсь в интересах заключения мира…

– Мы настаиваем на общем требовании – нашем и союзников: безоговорочная капитуляция.

Теперь Кребс уже возражает с раздражением:

– Полная и действительная капитуляция может быть решена легальным правительством. Если у Геббельса не будет договоренности с вами, то, что получится? Вы должны легальное правительство предпочесть правительству предателя Гиммлера. Вопрос войны уже предрешен. Результаты должны решаться с правительством, указанным фюрером…

– Объявите волю вашего фюрера войскам, –

Кребс волнуясь, уже почти кричит по-русски:

– Изменник и предатель Гиммлер может уничтожить членов нового правительства!

Какой страх! Чуйкову становится смешно. Они думают только о своей шкуре.

Немцы тихо совещаются друг с другом.

Приехал генерал Соколовский. Чуйков докладывает ему о ходе пе-

реговоров. Выслушав, Соколовский начинает сам спрашивать Кребса.

Соколовский (Кребсу). Когда вы объявите о Гитлере и Гиммлере?

Кребс. Тогда, когда мы придем к соглашению с вами о новом правительстве.

Соколовский. Командующий фронтом считает, что сначала надо объявить Гиммлера изменником, чтобы помешать его планам.

Кребс (оживляясь). Очень умный совет. Это можно сейчас же сделать. Конечно, с разрешения доктора Геббельса. Я снова прошу послать к нему моего адъютанта.

– Надо передать Геббельсу, что до капитуляции не может быть нового правительства, – замечает генерал Чуйков.

Кребс. Сделаем паузу. Создадим правительство...

– После полной капитуляции.

Кребс. Нет.

Соколовский. У вас есть Геббельс и другие – и вы сможете объявить капитуляцию.

Кребс. Только с разрешения Денница, а он вне Берлина. Мы могли бы послать Бормана к Денницу, как только объявим паузу. У меня нет ни самолета, ни радио.

Атмосфера накаляется.

– Сложите оружие, тогда будем говорить о дальнейшем.

Кребс. Нет, это невозможно. Мы просим перемирия в Берлине.

– У вас есть коды, шифры и так далее? – спрашивает Чуйков.

Кребс. Они у Гиммлера... – Чуйков с Соколовским невольно переглядываются. – Если вы разрешите паузу, мы придем к соглашению...

– Только на основе капитуляции, после которой Дениц сможет прийти к нам, как это сделали вы.

Кребс. Надо Денница вызвать сюда, пропустите его.

Соколовский. Капитулируйте – и мы пропустим его немедленно.

Кребс. Я не полномочен это решать...

– Немедленно капитулируйте, тогда мы организуем поездку Денница сюда.

Кребс. Сначала связь с Деницем, потом капитуляция. Я не могу без Денница капитулировать. (Подумав.)

Но я все же мог бы спросить об этом Геббельса, если вы отправите к нему полковника. (Показывает на своего адъютанта.)

Соколовский. Итак, мы пришли к следующему: немецкий полковник идет к доктору Геббельсу узнать, согласен ли тот на немедленную капитуляцию.

Кребс (прерывая). Будет ли перемирие или до перемирия Геббельс должен согласиться на капитуляцию?

Соколовский. Мы не разрешим запрашивать Геббельса о перемирии.

Кребс (***снова упирается***). Без Денница ни я, ни Геббельс не можем допустить капитуляцию.

– Тогда вы не создадите правительство.

Кребс. Нет, надо создать правительство. Потом решать вопрос о капитуляции.

Соколовский выходит в соседнюю комнату, звонит командующему фронтом и докладывает:

– Кребс настаивает на своем, говорит, что без согласия Денница капитулировать они не могут, а Дениц якобы ничего не знает о событиях. Кребс просит сообщить ему обо всем, тогда будто бы последует решение. Просит также послать адъютанта к Геббельсу, а потом, возможно, послать человека к Денницу. Машиной в Мекленбург и обратно – более че-

тырехсот километров. Предлагает послать туда и нашего офицера: Дениц может ждать его на линии фронта. Все это – большая затяжка времени. Мы пока разрешаем послать человека только к Геббельсу.

Получив указание Жукова, генералы возвращаются к Кребсу.

Кребс. Можно мне на минуту выйти?

– Пожалуйста.

Кребс и адъютант вышли. Скоро они вернулись.

Адъютант Кребса уходит к Геббельсу. Чуйков звонит начальнику штаба и приказывает обеспечить переход полковника и одновременно связать наш батальон на переднем крае с немецким батальоном и таким образом дать Геббельсу связь с нами.

– Правительство Германии должно быть авторитетным, – вдруг заявил Кребс.

– А вы считаете, что при полном поражении Германии авторитет Гитлера сохранится?

– Вы видите наши страдания, – печально вымолвил Кребс. – Может быть, авторитет фюрера несколько стал меньше, но он еще велик. Его мероприятия никогда не смогут измениться. Новые люди, новые правительства будут основываться на авторитете Гитлера.

Какой-то фанатик. Говорит серьезно. Внешность солидная: на мундире – генеральские красные петлицы с золотом, узкие погоны, ленточка зимы 1941 года, ордена, Железный крест...

– Может быть, база будет шире, демократичней, – продолжает он. – Я это допускаю. Но мы хотим сохранить себя. И если Англия и Франция будут нам диктовать формулы капиталистического строя – нам будет плохо...

Соколовский. Мы не хотим уничтожать немецкий народ, но фашизма не допустим. Мы не собираемся убивать членов национал-социалистической партии, но распустить эту организацию надо. Новое германское правительство должно быть создано на новой базе.

Кребс. Я думаю, уверен, что есть только один вождь, который не хочет уничтожения Германии. Это – Сталин. Он говорил, что Советский Союз невозможно уничтожить и также нельзя уничтожить Германию. Это нам ясно, но мы боимся англо-американских планов уничтожения Германии. Если они будут свободны в отношении нас – это ужасно...

– А Гиммлер?

Кребс. Разрешите говорить прямо? Гиммлер думает, что германские войска еще могут быть силой против Востока. Он доложил об этом вашим союзникам. Нам ясно это, совершенно ясно!..

– Тогда, господин генерал, мне окончательно непонятно ваше упорство. Бои в Берлине – это лишняя трата крови.

Кребс. Клаузевиц говорил, что позорная капитуляция – худшее, а смерть в бою – лучшее. Гитлер покончил с собой, чтобы сохранить уважение немецкого народа...

Логика самоубийц. Генералы расспрашивают Кребса о подробностях самоубийства Гитлера.

Кребс. Было несколько свидетелей: Геббельс, Борман и я. Согласно завещанию труп облили бензином и сожгли... Перед смертью фюрер попрощался с нами, предупредил нас. Мы отговаривали его, но он настаивал на своем. Мы советовали ему прорваться на Запад...

9 часов 45 минут. Звонок. Советское Правительство дает окончательный ответ: капитуляция общая или капитуляция Берлина. В случае отказа – в 10 часов 40 минут мы начинаем новую артиллерийскую обработку города. Чуйков об этом говорит Кребсу.

– Я не имею полномочий, – отвечает он. – Надо воевать дальше, и кончится все это страшно. Капитуляция Берлина тоже невозможна,

Геббельс не может дать согласия без Денница. Это большое несчастье...

Соколовский. Мы не пойдем на перемирие или на сепаратные переговоры. Почему Геббельс сам не может принять решение?

Кребс (снова и снова). Если мы объявим полную капитуляцию Берлина, то все поймут, что фюрер погиб. А мы хотим создать правительство и сделать все организованно.

Соколовский. Пусть Геббельс объявит...

Кребс (перебивая). Но Дениц – беспартийный. Легче решить ему. Пусть он и капитулирует, чтобы не нести напрасных жертв.

Соколовский. Капитулируйте и объявите о новом правительстве. Мы вам дадим для этого рацию в Берлине. Вы свяжетесь и с правительствами наших союзников.

Кребс. Да, Геббельсу, пожалуй, придется на это решиться. Может быть, можно мне поехать к нему?

Соколовский. Можете ехать. Мы говорим вам все напрямую. У вас положение безвыходное: даже нет связи между Геббельсом и Деницем. А после капитуляции Берлина мы дадим вам самолет или автомашину и установим радиосвязь.

Кребс. Нас не арестуют? Все военные, которые будут руководить капитуляцией, останутся на свободе? Или мы будем считаться пленными?

Соколовский. Мы не знаем, каковы будут решения союзных правительств.

Кребс. Я снова повторяю свой вопрос: что нас ждет после капитуляции?

Соколовский. Мы гарантируем членам нового временного правительства право снестись с союзными правительствами совершенно официально. Решения примут три союзных правительства и, повторяю, нам сообщат...

Кребс. Мне надо узнать, что думает доктор Геббельс. Надо сказать ему о варианте капитуляции Берлина.

Соколовский. Выступайте перед тремя союзными державами. Так как Гитлер умер, то у вас все полномочия.

Кребс. Когда мы получим связь?

Он нервничает. 10 часов 40 минут. Началась артиллерийская подготовка… Полетели самолеты.

Вернулся немецкий переводчик, который уходил с полковником фон Дуфвингом и советскими связистами для установления прямой связи с имперской канцелярией. Он очень взволнован.

– Когда мы шли, я кричал: «Не стрелять, мы парламентеры!» Наши мне не отвечали. Русский майор тянул провод для связи. На углу Принц-Альбертштрассе он был обстрелян с немецкой стороны. Его ранило в голову. Я стал кричать, чтобы не стреляли. Сам пошел с кабелем. Полковник фон Дуфвинг снял шинель и оружие и направился с белым флагом вперед. Обстрел продолжался. Ранило несколько русских солдат и офицера – командира роты: они стояли неподалеку, ожидая связи. Но ее нет до сих пор. Со стороны русских она включена, а с нашей стороны – нет. Вероятно, боевая группа не была информирована. Что же теперь делать? Ждать связи или возвращения полковника? Русские сказали, что с их стороны полковнику будет обеспечено беспрепятственное возвращение.

– Вернитесь и обеспечьте переход полковника обратно, – распорядился Кребс. – Кто стрелял?

– Должно быть, снайпер. Русский майор, очевидно, умрет. Жаль…

Отыскали на карте улицу Принц-Альбертштрассе.

– Тут отель «Эксцельсиор», – показывает переводчик. – Тут мы кричали, тут стрелял наш снайпер. Русские не стреляли по всему участку.

Отметили на карте три квартала. Телефонный звонок из нашего батальона: немецкий полковник перешел к немцам, но связи пока нет.

– Идите, – говорит Чуйков переводчику.

Он просит мегафон и белый флаг.

Получив их, четко повернулся, руку вверх, поклон – и ушел.

Командующий артиллерией генерал Пожарский отдает приказ не вести огня на 35-м участке – от озера и до зоологического сада, вплоть до Фридрихштрассе; здесь пройдут парламентеры.

Немного погодя Кребс говорит:

– Первое мая у вас – большой праздник.

– А как же нам не праздновать сегодня – конец войны и русские в Берлине.

– В сорок первом году я был в Москве. Я уже говорил, что имел честь быть заместителем военного атташе. Во время парада стоял на трибуне, возле Мавзолея…

После завтрака дали связь с имперской канцелярией. Генерал Кребс приободрился, просит точно записать все пункты капитуляции, предъявленные советским командованием. Берет в руки трубку и начинает говорить. Подчеркивает пункт: по радио будет объявлено о предательстве Гиммлера. Геббельс ответил, что требует возвращения генерала Кребса и тогда лично все с ним обсудит. Наши дают согласие.

Затем Кребс еще раз прочел свою запись советских условий капитуляции:

«1. Капитуляция Берлина.
2. Всем капитулирующим сдать оружие.
3. Офицерам и солдатам, на общих основаниях, сохраняется жизнь.
4. Раненым обеспечивается помощь.
5. Предоставляется возможность переговоров с союзниками по радио».

Соколовский разъясняет:

– Вашему правительству будет дана возможность сообщить о том, что Гитлер умер, что Гиммлер – изменник, и заявить трем правительствам – СССР, США и Англии о полной капитуляции. Мы, таким образом, частично удовлетворим и вашу просьбу. Будем ли мы помогать вам в создании правительства. Нет. Но даем вам право сообщить список лиц, которых вы не хотите видеть в качестве военнопленных. Мы даем вам право после капитуляции сделать заявление Союзным Нациям. От них зависит дальнейшая судьба вашего правительства.

– Список лиц, находящихся в Берлине, который мы дадим, не будут рассматривать как список военнопленных?

– Это обеспечено. Офицерам сохраним звания, ордена, холодное оружие. Мы даем право представить список членов правительства, право связи с Деницем и так далее. Но все это после капитуляции.

– С целью образования общего легального правительства Германии?

– Только для заявления и связи с правительствами государств нашей

коалиции. Их дело решать, как будет дальше.

– Итак, после капитуляции советское радио даст сообщение о смерти Гитлера, о новом правительстве и о предательстве Гиммлера?

Кребс заверил, что постарается обо всем быстро договориться.

13 часов 08 минут.

Кребс ушел. Парламентер от руководства третьего рейха не согласился на капитуляцию, не захотел приостановить разрушение Берлина и прекратить напрасные жертвы с той и другой стороны, включая мирных граждан.

Чего он хотел от нас, от советского командования, правительства? Перед тем как уйти Кребс что-то долго собирался и даже два раза возвращался уже с лестницы: сначала он позабыл перчатки, которые положил на подоконнике вместе с фуражкой; однако фуражку-то он надел, а вот перчатки не взял. Второй раз Кребс вернулся под предлогом, что забыл полевую сумку, которой у него вообще не было. Он уверял, что принес в ней документы от Геббельса и Бормана, хотя – Чуйков хорошо помнил – доставал бумаги из бокового кармана.

По его глазам и поведению было видно – генерал колебался; идти ему обратно в пекло или первому сдаться на милость победителя? Возможно, ждал, что мы объявим его пленником, с чем он, наверно, охотно согласился бы.

Но зачем нам такой пленный? Целесообразнее было, чтобы он возвратился назад, так как мог повлиять на прекращение кровопролития.

Чего же добивался от советского командования Кребс? Несомненно, он выполнял волю Геббельса и Бормана, которая была и его волей. Они рассчитывали смягчить противоречия между Советским Союзом и фашистской Германией известием о смерти Гитлера. Дескать, Германия расплатилась за миллионы жертв тем, что главный виновник войны сожжен. Но это не все и не главное.

Главное было то, что гитлеровские главари, как и сам Гитлер, до последних часов своей жизни рас-

считывали на усиление противоречий между нашей страной и ее союзниками.

То, что определенные расхождения существовали, не было секретом. Но у народов антигитлеровской коалиции была общая цель, был общий враг, и они стремились быстрее покончить с ним.

Этого не понимали и не учитывали руководители третьего рейха и кое-кто на Западе. Они искали трещину внутри антигитлеровской коалиции. Но такой трещины не нашли.

Пробыв на КП 8-й гвардейской армии около полусуток, генерал Кребс не увидел никаких колебаний нашей верности союзническому долгу. Наоборот, ему показали, что ни на шаг не отступим от решений Тегеранской и Ялтинской конференций. У наших союзников Геринг и Гиммлер тоже не добились успеха.

Генерал Кребс, несомненно, крупный разведчик и опытный дипломат, ушел, как говорят, не солоно хлебавши. Очевидно, это была последняя попытка добиться раскола между союзниками. Потерпев неудачу, Геббельс и компания должны были принять какое-то решение.

* * *

Была дана команда: огонь на полную мощь и быстрее добить врага! Тысячи мин и снарядов полетели на правительственные кварталы, на имперскую канцелярию, на рейхстаг.

Результат мощного и хорошо подготовленного удара скоро сказался. Начали поступать донесения и доклады об успешных действиях наших войск.

Командир 28-го гвардейского стрелкового корпуса генерал А.И. Рыжов докладывал, что его войска находятся в центре зоологического сада и успешно развивают наступление на север, на соединение с 2-й гвардейской танковой армией С.И. Богданова.

Командир 74-й гвардейской стрелковой дивизии генерал Д.Е. Баканов сообщил, что его гвардейцы овладели Потсдамским вокзалом.

Наконец сообщили, что генерал Кребс благополучно перешел линию фронта. Теперь, наверное, он докладывает Геббельсу и Борману.

На КП 8-й гвардейской армии приходят донесения:

в зоологическом саду взорвали стену ограды и через проломы продолжают наступление на Шарлоттенбург, навстречу танковой армии Богданова. Немцы с крыш домов и бункеров бьют из зенитных орудий прямой наводкой. Наши артиллеристы тоже прямой наводкой сметают их оттуда.

Дошли до стены ипподрома. Получают распоряжение – осторожно, надо сохранить ценных лошадей.

Генерал Покровский докладывает командарму:

– Приказал стрелять только прямой наводкой.

Решение правильное. Бить надо по хорошо наблюдаемым целям, надо беречь дома – они пригодятся жителям.

Поступают данные о добровольной сдаче в плен многих немецких солдат и офицеров.

22 часа 20 минут.

К ночи бой начинает стихать. С улицы перекатами доносится треск автоматов.

Все валятся от усталости с ног, но спать нельзя.

Докладывает генерал Рыжов:

– Севернее зоологического сада наши бойцы вышли в район шведского посольства. Посол просит дать охрану, хотя бы несколько солдат. Восхищаются мужеством Красной Армии. Личный состав посольства находится в убежище и всем доволен.

– Шведов успокоить, охрану дать.

1 час 25 минут 2 мая. Бой идет слышны автоматные очереди и взрывы гранат.

Докладывают на КП армии из штаба 28-го корпуса. В 0 часов 40 минут радиостанции 79-й гвардейской стрелковой дивизии перехватили радиограмму немцев из штаба на русском языке:

«Алло! Алло! Говорит пятьдесят шестой германский танковый корпус. Просим прекратить огонь. В ноль пятьдесят по берлинскому времени высылаем парламентеров на Потсдамский мост. Опознавательный знак – белый флаг. Ждем ответа».

Это обращение было повторено немцами пять раз.

Радиостанция дивизии ответила:

«Вас поняли, вас поняли. Передаем вашу просьбу вышестоящему начальнику».

Немецкий радист живо подтвердил:

«Русская радиостанция, вас слышу. Вы докладываете вышестоящему начальнику».

Чуйков приказывает прекратить огонь только на участке встречи парламентеров, а в штаб 56-го танкового корпуса передать, что переход и встреча парламентеров в указанное время и в указанном месте будут обеспечены. Для встречи с парламентерами назначается офицер штаба армии подполковник Матусов и переводчик капитан Кальберга.

– Никаких переговоров, кроме как о безоговорочной капитуляции не вести, пусть сразу сдают оружие.

Принесли пакет. На нем штамп: «Королевская шведская миссия» (на шведском языке). Дальше по-русски:

«Командующему генералу.

Сим позволяем себе обратить Ваше внимание на то, что Королевская шведская миссия находится под адресом: Раухштрассе № 1, 3, 25 и Тиргартенштрассе № 36. Шведская церковь находится под адресом: Берлин, Вильмередорф, Ландхаузштрасе № 27.

Прошу Советские военные власти дать миссии возможность продолжать исполнение своих задач по отношению к покровительству шведских граждан и шведского имущества.

Я был бы Вам очень благодарен за случай разговора с компетентным представителем Красной Армии.

Ожидаю Вашего благосклонного ответа на этот счет. Как известно, Королевская шведская миссия является до сих пор покровительницей советских прав в Германии.

Берлин, 1 мая 1945 года. Гуго Эрифаст, поверенный в делах».

В шведскую миссию был послан офицер штаба с заверением, что командование армии с должным вниманием отнеслось к письму поверенного в делах и гарантирует полное содействие миссии в ее служебных делах.

Снова сообщение – из 47-й гвардейской стрелковой дивизии: высланные на Потсдамский мост офицеры из штаба встретили там немецких парламентеров – одного полковника и двух майоров. Полковник фон Дуфвинг, начальник штаба 56-го танкового корпуса, заявил, что они уполномочены командиром корпуса генералом артиллерии Вейдлингом заявить советскому командованию о решении генерала Вейдлига прекратить сопротивление частей 56-го танкового корпуса и капитулировать. При этом полковник фон Дуфвинг предъявил следующий документ.

«Командир 56-го танкового корпуса.

Командный пункт. 1.5.45 года.

Полковник генерального штаба фон Дуфвинг является начальником штаба 56-го танкового корпуса. Ему поручено от моего имени и от имени находящихся в моем подчинении войск передать разъяснение.

Генерал артиллерии Вейдлинг».

Исполняющий обязанности командира 47-й гвардейской стрелковой дивизии полковник Семченко спросил полковника фон Дуфвинга: «Сколько нужно времени командованию корпуса для того, чтобы сложить оружие и организованно передать личный состав и вооружение частей корпуса советскому командованию?»

Фон Дуфвинг ответил, что для этого необходимо три-четыре часа. Причем они намерены использовать ночное время, так как Геббельс приказал стрелять в спину всем, кто попытается перейти к русским.

Чуйков приказывает:

– Полковника фон Дуфвинга отправить обратно к генералу Вейдлингу с заявлением о принятии капитуляции, а двух немецких майоров оставить у себя.

В 5 часов 50 минут прибыла делегация от Геббельса. Делегатов трое, они в штатской одежде, с ними солдат в шлеме и с белым флагом. Солдата удалили из комнаты. Один из прибывших – правительственный советник министерства пропаганды Хейнерсдорф.

Чуйков: – что вы хотите и чем могу служить?

Хейнерсдорф вручает письмо в розовой папке.

«Как Вы извещены генералом Кребсом, бывший рейхсканцлер Гитлер недостижим. Доктора Геббельса нет в живых. Я, как один из оставшихся в живых, прошу Вас взять Берлин под свою защиту. Мое имя известно. Директор министерства пропаганды доктор Фриче».

За последние дни и даже часы ход событий развивался с поразительной быстротой: вслед за Гитлером ушел Геббельс, за Геббельсом кто? Кто бы там ни был, но это уже есть конец войны.

– Когда покончил жизнь самоубийством доктор Геббельс?

– Вечером.- Где труп?

– Сожжен. Его сожгли личный адъютант и шофер.

Гитлера тоже сожгли. Главари третьего рейха избрали огонь средством очищения от земных грехов...

– Где сейчас находится начальник генерального штаба Кребс, который вчера по поручению Геббельса вел с нами переговоры?

– Не знаем. Нам известен новый начальник – генерал Ейнсдорф.

(Позже стало известно, что Кребс покончил с собой.)

– Известны ли вам наши условия: мы можем вести разговор только о безоговорочной капитуляции?.

– Да, известны. Мы для этого пришли и предлагаем свою помощь.

– А чем вы можете помочь своему народу?

– Доктор Фриче просит дать ему возможность обратиться по радио к немецкому народу и армии, чтобы прекратить напрасное кровопролитие, принять безоговорочную капитуляцию.

– Будут ли войска выполнять приказы Фриче?

– Его имя известно всей Германии, и особенно Берлину. Он просит разрешения выступить в Берлине по радио.

Раздается телефонный звонок. Докладывает генерал Глазунов с командного пункта 47-й гвардейской стрелковой дивизии: с первой линии передают, что там видят, как немецкие войска строятся в колонны.

В штаб немецкого корпуса направлен офицер С.А. Глущенко с двумя разведчиками. Глущенко за сутки третий раз идет к немцам, он встречал и провожал Дуфвинга и наших связистов, ранен пулей навылет, но продолжает выполнять свои обязанности. Сейчас он у Вейдлинга.

В 6 часов 2 мая командир 56-го танкового корпуса генерал артиллерии Вейдлинг в сопровождении двух генералов своего штаба перешел линию фронта и сдался в плен. Вейдлинг показал, что он является одновременно и командующим обороной Берлина. На эту должность был назначен шесть дней назад.

На вопрос командира 47-й гвардейской стрелковой дивизии полковника Семченко, произошла ли капитуляция корпуса с ведома Геббельса, Вейдлинг ответил, что он принял решение о капитуляции без ведома Геббельса.

Был отдан приказ генералу Глазунову прекратить огонь на всем участке корпуса, а генерала Вейдлинга направить на КП 8-й гвардейской армии.

Чуйков обращается к делегатам от Фриче:

– Известно ли вам и Фриче, что берлинский гарнизон начал сдаваться?

Отвечают, что, когда они выезжали, ничего не было известно.

– Сейчас немецкие войска на всех участках фронта капитулируют. Где Борман?

– Он, кажется, был в канцелярии Гитлера. Там произошел взрыв газа. Борман и семья Геббельса погибли.

По телефону Чуйков вызывает маршала Жукова и докладывает о цели прихода делегатов от Фриче.

– Можно ли положиться, что доктор Фриче скажет по радио немецкому народу то, что нужно? – спрашивает Жуков.

Чуйков отвечает, что можно, но под нашим контролем, и это будет обеспечено.

Через несколько минут – звонок Жукова. От командующего фронтом Чуйков получил исчерпывающие указания.

После переговоров с Жуковым Чуйков озвучил их всем присутствующим, и главным образом делегатам от Фриче:

– Первое. Советское командование принимает капитуляцию Берлина и отдает приказ о прекращении военных действий.

Второе. Оставшиеся немецкие гражданские и военные власти должны объявить всем солдатам, офицерам и населению, что все военное имущество, здания, коммунальные сооружения и ценности должны быть в порядке, ничего не взрывать и не уничтожать.

Третье. Вы, господин Хейнерсдорф, поедете с нашим офицером к доктору Фриче, заберете его с собой на радиостанцию для выступления, затем вернетесь сюда.

Четвертое. Я еще раз подтверждаю, что мы гарантируем жизнь солдатам, офицерам, генералам и населению и по возможности окажем медицинскую помощь раненым.

Пятое. Мы требуем, чтобы не было никаких провокационных действий со стороны немцев – выстрелов и прочих диверсий, иначе наши войска будут вынуждены применять ответные меры.

Хейнерсдорф заявляет просьбу о защите сотрудников министерства пропаганды.

– Те, кто сложит добровольно оружие и не проявит враждебных действий против советских людей, могут быть спокойны. У них и волос с головы не упадет.

Вызванные на КП армии полковник Вайгачев и переводчик гвардии старшина Журавлев прибыли для сопровождения немцев.

– Вы поедете с Хейнерсдорфом к доктору Гансу Фриче. От имени немецкого правительства Фриче даст приказ войскам о капитуляции, о сдаче войск в плен в полном порядке, с вооружением и техникой. Пусть Фриче передаст по радио всем, что советское командование приняло предложение о капитуляции и берет Берлин и весь его гарнизон под свою защиту. Вы обеспечите приезд Фриче на нашу радиостанцию и установите контроль за передачей того, что я сказал. После выступления Фриче по радио он и его ближайшие сотрудники должны прибыть сюда. Будем здесь разговаривать о дальнейшем.

Немецкая делегация и советские офицеры направляются к выходу. В дверях они неожиданно сталкиваются с Вейдлингом.

Тот зло покосился на них и проговорил:

– Надо это было делать раньше!

Вейдлинг – в очках, среднего роста, сухощавый и собранный.

– Вы командуете гарнизоном Берлина?

– Да.

– Где Кребс? Что он говорил вам?

– Я видел его вчера в имперской канцелярии. Я предполагал, что он покончит жизнь самоубийством. Вначале он упрекал меня за то, что – неофициально – капитуляция была начата вчера. Сегодня приказ о капитуляции дан войскам корпуса. Кребс, Геббельс и Борман вчера отклонили капитуляцию, но вскоре Кребс сам убедился в плотности окружения и решил – наперекор Геббельсу – прекратить бессмысленное кровопролитие. Повторяю, я дал приказ о капитуляции моему корпусу.

– А весь гарнизон? Распространяется ли на него ваша власть?

– Вчера вечером я всем дал приказ отбиваться, но... потом дал другой...

Вейдлинг показывает по немецкой карте место расположения своего штаба и частей корпуса, фольксштурма и прочих. В шесть часов утра они должны были начать капитуляцию.

– Что с Гитлером и Геббельсом?

– Насколько мне известно, Геббельс и его семья должны были покончить с собой. Фюрер тридцатого апреля принял яд. Его жена тоже отравилась...

– Это вы слышали или видели?

– Я был тридцатого к вечеру в имперской канцелярии. Кребс, Борман и Геббельс мне это сообщили...

– Значит, это конец войны?

– По-моему, каждая лишняя жертва – преступление, сумасшествие...

– Правильно. Давно вы в армии?

– С одиннадцатого года. Начал солдатом.

– Вы должны отдать приказ о полной капитуляции, – говорит Соколовский.

– Я не мог отдать всем приказ о капитуляции, так как не было связи, – объясняет Вейдлинг. – Таким образом, в ряде мест отдельные группы еще могут сопротивляться. Многие не знают о смерти фюрера, так как доктор Геббельс запретил сообщать о ней...

Соколовский. Мы полностью прекратили военные действия и даже убрали авиацию. Вы не в курсе событий? Ваши войска начали сдаваться, вслед за этим прибыла гражданская делегация от Фриче с заявлением о капитуляции, и мы, чтобы облегчить ее задачи, прекратили огонь.

– Я охотно помогу прекратить венные действия наших войск.

Он показывает, где еще остались части СС.

– Они хотят пробиться на север. На них моя власть не распространяется.

Соколовский. Отдайте приказ о полной капитуляции... Чтобы и на отдельных участках не сопротивлялись.

– У нас нет боеприпасов. Поэтому сопротивление долго продолжаться не может.

Соколовский. Это мы знаем. Напишите приказ о полной капитуляции, и у вас будет совесть чиста.

Вейдлинг набрасывает проект приказа. Присутствующие беседуют вполголоса. Вейдлинг пишет...

– Может быть, вам нужен ваш помощник?

– О. да, да! Это будет очень хорошо! – обрадовался генерал.

Зовут начальника штаба германского танкового корпуса. Немцы советуются друг с другом.

Вейдлинг молча вручает бумагу.

«30 апреля фюрер покончил с собой и, таким образом, оставил нас, присягавших ему на верность, одних. По приказу фюрера, мы, германские войска, должны были еще драться за Берлин, несмотря на то что иссякли боевые запасы и несмотря на общую обстановку, которая делает бессмысленным наше дальнейшее сопротивление.

Приказываю: немедленно прекратить сопротивление.

Вейдлинг, генерал артиллерии, бывший комендант округа обороны Берлина».

– Не надо «бывший», вы еще комендант, – поправляет Соколовский.

Вейдлинг в затруднении, не знает как озаглавить: призыв или приказ?

– Приказ.

-- Сколько экземпляров отпечатать? – спрашивает переводчик.

– Двенадцать. Нет, как можно больше...

– У меня большой штаб, – говорит Вейдлинг. – У меня два начальника штаба и еще два генерала, которые были на пенсии, но пришли служить ко мне и отдали себя в мое распоряжение. Они помогут организовать капитуляцию.

Приказ отпечатан.

– На машину посадить одного нашего офицера и одного немца,

дать им приказы в руки, пусть ездят по улицам и оглашают его войскам и населению.

11 часов 30 минут.

На самоходке (нашей) приехал Фриче. В сером пальто, в очках, небольшого роста. На ходу читает бумаги.

Соколовский. Мы заинтересованы в том, чтобы в Берлине было спокойно. Тем, кто беспокоится за свою судьбу, мы можем дать охрану.

Фриче. Немецкие полицейские органы разбежались, но можно их вновь собрать.

Соколовский. Нас полиция не интересует. Она будет причислена к военнопленным. Нас интересуют чиновника администрации. Им мы обеспечим охрану. Ущерба им не будет. Ясно?

Фриче. Не понимаю. Кто, где может причинить ущерб? Кто решится на эксцессы?

Соколовский. И наши отдельные бойцы, и немецкое население могут проявить жестокость к вам за действия гестапо и тому подобное...

Фриче. Да, возможно.

Соколовский. У нас все предусмотрено, объявлено. Есть комендант Берлина – советский генерал Берзарин. Созданы районные комендатуры. Они примут все меры. Есть ли у вас другие пожелания?

Фриче. Я вам писал письмо как последний ответственный представитель правительства. Я писал его, чтобы предотвратить кровопролитие.

Соколовский. Ваш вынужденный жест нам понятен.

Фриче. Я бы хотел расширить документ, для чего мне нужно связаться с Деницем.

– В десять часов утра Дениц обратился к армии и народу с заявлением, что он принял руководство и до конца продолжает борьбу с большевизмом, а также с американцами и англичанами, если они будут мешать.

Окончательно уточнив условия капитуляции, Фриче покинул командный пункт 8-й гвардейской армии.

Скоро в Берлине стало тихо.

В полдень берлинский гарнизон капитулировал.

Главной крепостью нашего государства был человек. Убедительное свидетельство тому – стойкость и неистребимая вера наших воинов в победу даже тогда, когда казалось, нечем было дышать, и смерть преследовала на каждом шагу. Для гитлеровских стратегов истоки такого явления остались неразгаданными. Моральные силы, как и возможности ума человека, который осознает ответственность перед временем, перед своим народом, не знают измерений, они оцениваются свершениями.

Нельзя победить того народа, который знает, за что он борется. Советские люди знали, за что боролись, – и победили. ■

МИХАИЛ КОРШУНОВ

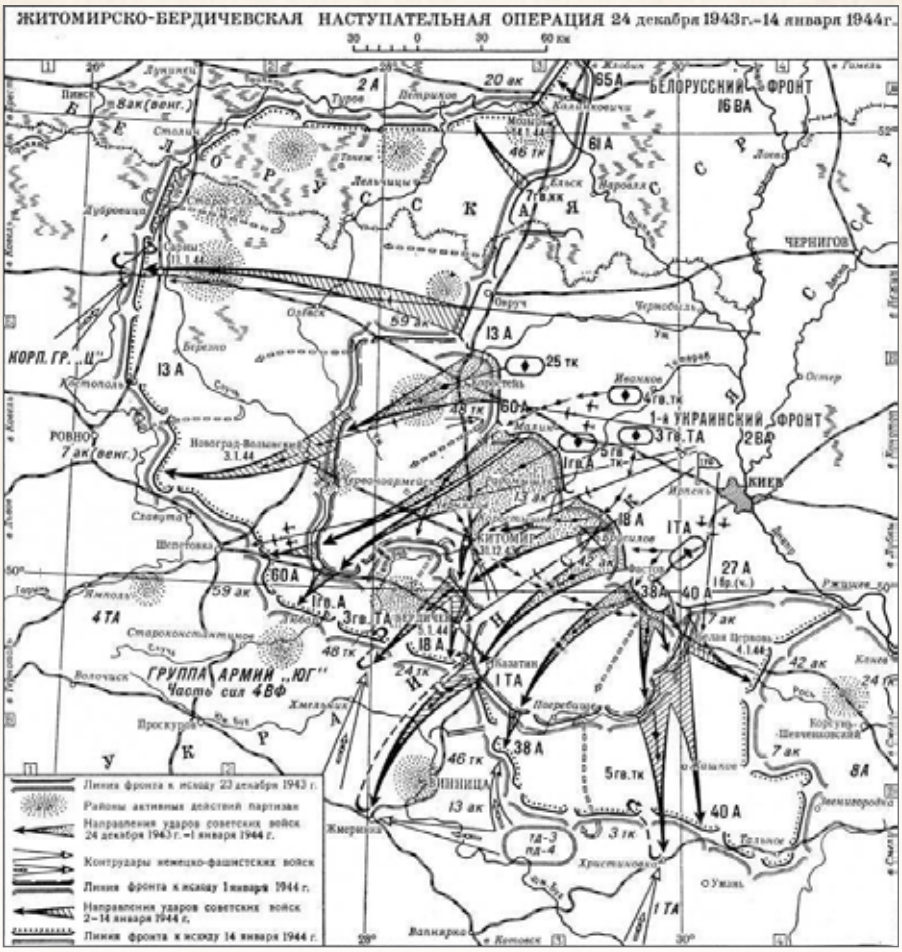
ВТОРОЙ СТАЛИНСКИЙ УДАР

Второй Сталинский удар нанесли войска 1-го, 2-го, 3-го и 4-го Украинских фронтов в феврале–марте 1944 года, разгромив немецкие группы армий «Юг» и «А» на реке Южный Буг и отбросив их остатки за реку Днестр. В результате стратегической внезапности удара советских войск была освобождена вся Правобережная Украина и советские войска вышли на рубеж Ковель, Тернополь, Черновцы, Бельцы. Это создало условия для последующего удара в Белоруссии и разгрома немецко-румынских войск в Крыму и под Одессой в апреле–мае 1944 года.

В результате успешного осуществления Житомирско-Бердичевской операции войска 1-го Украинского фронта под командованием генерала армии Н.Ф. Ватутина к середине января 1944 года вышли в район города Сарны, на подступы к Шепетовке и Виннице.

Войска 2-го Украинского фронта захватили большой плацдарм западнее и северо-западнее Днепропетровска и после Кировоградской наступательной операции отбросили противника от Днепра более чем на 100 километров, выйдя на рубеж Смела, Баландино, западнее Кировограда и Новгородки. В это же время войска 3-го Украинского фронта под командованием генерала армии Р.Я. Малиновского, освободив Запорожье, продвинулись от Днепра на запад на 50-100 километров.

Однако в среднем течении Днепра в районе Канева гитлеровцам удалось удержаться. В результате сложившейся на фронте обстановки образовался так называемый Корсунь-Шевченковский выступ. Обо-



ронявшиеся немецкие войска, используя благоприятную местность, удержались на стыке между 1-м и 2-м Украинскими фронтами, нависли над смежными флангами фронтов и сковывали свободу их маневра.

Немецко-фашистское командование стремилось во что бы то ни стало удержать Корсунь-Шевченковский выступ, упорно обороняло его, поскольку не могло примириться с окончательной потерей «Восточного вала». Было очевидно, что гитлеровский генералитет рассчитывал использовать этот выступ в качестве плацдарма для наступления с целью восстановить линию фронта по западному берегу Днепра.

Ставка Гитлера и командование группы армий «Юг» надеялись, что в связи с началом распутицы советские войска не смогут наступать в прежних масштабах, поэтому рассчитывали получить передышку на южном участке своего восточного фронта. В этот период противник всё

ещё полагал, что ему удастся сильными ударами отбросить наши войска к Днепру, сохранить за собой богатые промышленные и сельскохозяйственные районы Правобережной Украины и установить сухопутную связь с крымской группировкой своих войск. Гитлер принимал все меры к тому, чтобы удержать Правобережную Украину.

На Корсунь-Шевченковском выступе оборонялась крупная группировка войск противника, имевшая 9 пехотных. 1 танковую дивизии и моторизованную бригаду с многочисленными средствами усиления из состава 1-й танковой и 8-й армий группы армий «Юг» (командующий генерал-фельдмаршал Э. Манштейн).

Ставка Верховного Главнокомандования поставила фронтам задачу окружить и уничтожить группировку противника в Корсунь-Шевченковском выступе. Замыслом операции предполагалось нанести войсками двух фронтов мощные встречные удары под основание выступа и соединиться в районе Шпола, Звенигородка. К операции привлекались часть сил 40-й армии, 27-я, 6-я танковая армии и часть сил 2-й воздушной армии 1-го Украинского фронта, 52-я, 4-я гвардейская, 53-я, 5-я гвардейская танковая, 5-я воздушная армии и 5-й гвардейский кавалерийский корпус 2-го Украинского фронта, а также 10-й истребительный авиационный корпус ПВО страны.

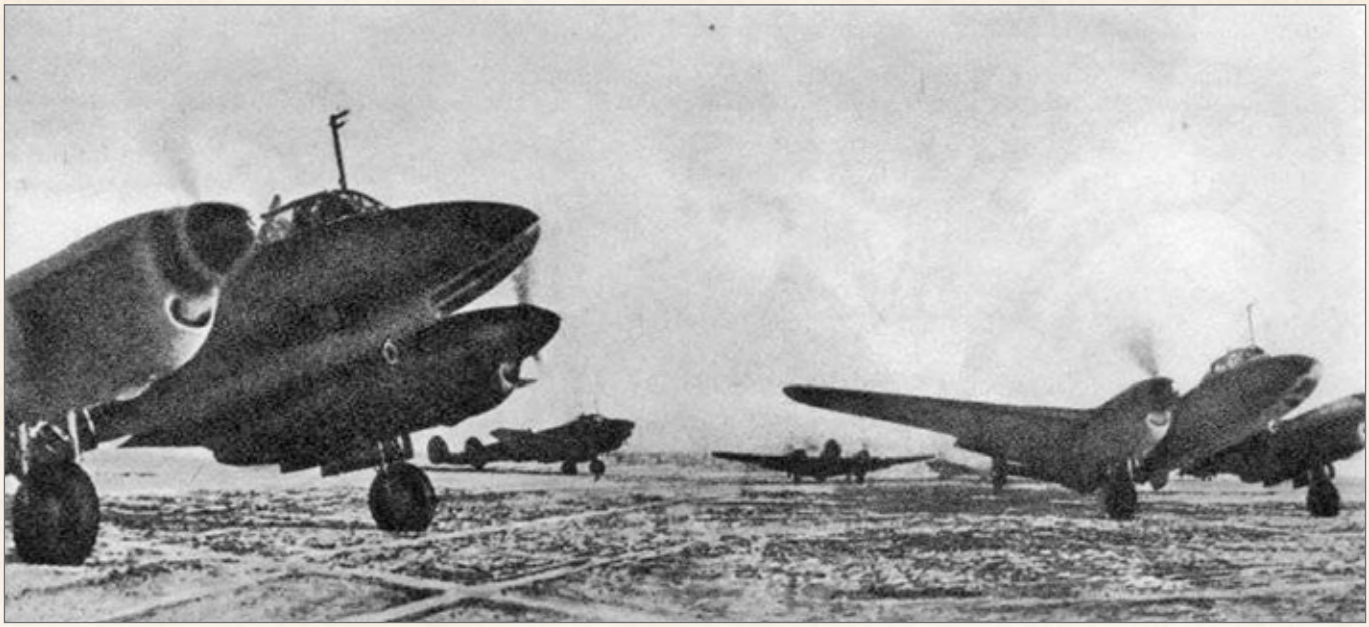
При создании ударной группировки особенно большие трудности возникли на 1-м Украинском фронте, войска которого в это время отражали ожесточенные удары противника в районе севернее города Умань и восточнее города Винница и одновременно готовили наступательную операцию на своем правом крыле

К началу операции за счет внутрифронтовых перегруппировок на направлениях главных ударов фронтов было создано превосходство над противником по численности войск в 1,7, артиллерии в 2,4, танкам и САУ в 2,6 раза. По авиации силы сторон были примерно равными.

Операция готовилась и осуществлялась в сложных условиях рано начавшихся на Украине оттепелей и весенней распутицы. Разбитые и раскисшие дороги затрудняли манёвр войск и подвоз материальных средств. Ненастная погода и пришедшие в негодность грунтовые аэродромы ограничивали возможность использования авиации. Кроме того, на подготовку операции отводились весьма сжатые сроки – 5-7 суток.

Войска 2-го Украинского фронта перешли в наступление 24, а 1-го Украинского фронта – 26 января. Прорвав оборону противника, они устремились навстречу друг другу. На 2-м Украинском фронте 25 января в прорыв была введена 5-я гвардейская танковая армия. На 1-м Украинском фронте для нанесения более мощного удара и быстрого прорыва вражеской обороны в первом эшелоне вместе с общевойсковыми армиями наступала ещё не закончившая формирование 6-я танковая армия, усиленная стрелковыми соединениями. После прорыва обороны её подвижные соединения (всего 107 танков и САУ) вырвались вперед и стали быстро продвигаться в направлении Звенигородки.

▲ По врагу «Огонь!»



▲ Пе-2. 2-й Украинский фронт

Противник, стремясь ликвидировать прорыв, 27 января нанёс контрудар по флангам ударной группировки 2-го Украинского фронта (тремя танковыми дивизиями с юга, одной танковой и тремя пехотными дивизиями с севера) в общем направлении на Оситняжку. Немецко-фашистским войскам удалось временно закрыть образовавшуюся в их обороне брешь и отрезать от главных сил фронта прорвавшиеся вперед 2 танковых корпуса 5-й гвардейской танковой армии. Несмотря на исключительно сложную обстановку, оба корпуса продолжали выполнять поставленную задачу и 28 января соединились в районе Звенигородки с частями 6-й танковой армии 1-го Украинского фронта, завершив окружение корсунь-шевченковской группировки противника.

После отражения советскими войсками контрудара противника в направлении Оситняжки гитлеровское командование для спасения окруженных войск перебросило танковые дивизии из районов восточнее Винницы и севернее Умани. Однако советское командование заблаговременно (к 3 февраля) создало устойчивый внешний фронт окружения.

Чтобы выиграть время, здесь использовались танковые армии фронтов, усиленные стрелковыми дивизиями, противотанковой артиллерией и инженерно-саперными частями. Одновременно войска 27-й армии 1-го Украинского фронта и 4-й гвардейской армии 2-го Украинского фронта, а также введенного в сражение из резерва 2-го Украинского фронта 5-го гвардейского кавалерийского корпуса 3 февраля в районе Ольшаны замкнули внутренний фронт окружения.

Несмотря на неблагоприятные метеорологические условия, большую помощь сухопутным войскам при окружении противника и отражении его контратак оказала авиация 2-й и 5-й воздушных армий. С 29 января по 3 февраля было совершено 2 800 самолето-вылетов – вдвое больше, чем немецкой авиацией, и завоевано господство в воздухе.

Подтянув к внешнему фронту окружения 8 танковых и 6 пехотных дивизий и меняя направление ударов, противник попытался осуществить прорыв в узкой (14 километров) полосе фронта четырьмя танковыми (танковая эсэсовская «Адольф Гитлер», 17-я, 1-я, 16-я) и двумя пехотными дивизиями в направлении на Лисянку.

Ценой больших потерь ему удалось на участке 47-го стрелкового корпуса 1-го Украинского фронта в районе Ризино вклиниться в оборону. Одновременно в полосе 2-го Украинского фронта в районе Ерки также продолжались танковые атаки в общем направлении на Лисянку, но они были успешно отражены войсками 5-й гвардейской танковой армии и 49-го стрелкового корпуса.

В телеграмме генералу Штеммерману Гитлер писал: «Можете положиться на меня, как на каменную стену. Вы будете освобождены из котла. А пока держитесь до последнего патрона».

Манштейн, имея неудачный опыт выручки и деблокирования окруженной армии Паулюса под Сталинградом, стремился осуществить реванш, сообщал Штеммерману, что на выручку идет 3-й танковый корпус в направлении на Лисянку. Командир этого корпуса генерал Брайт по радио сообщил: «После отражения сильных атак неприятеля 3-й танковый корпус снова перешел в наступление. Во что бы то ни стало, держитесь. Мы придем, несмотря ни на что. Генерал Брайт». Командующий 1-й танковой армией немцев в своей радиограмме: «Я вас выручу. Хубе».

Завершая окружение и отражая танковые атаки на внешнем фронте, войска 1-го и 2-го Украинских фронтов активно вели на внутреннем фронте наступательные бои по рассечению и уничтожению частей врага. Из журнала боевых действий 2-го Украинского фронта за 7 фев-

раля: «Несмотря на то, что немецкая группировка полностью окружена уже в течение нескольких дней и что беспрерывное наступление наших частей, хотя и медленно, но неуклонно сжимает стальное кольцо окружения; несмотря на полную неудачу освобождения окруженных с юга через Шполу и Лебедин и очевидную невозможность выбраться из этого огневого кольца; несмотря на то, что окруженные несут ежедневно огромные потери в живой силе и технике, нет фактов деморализации и дезорганизации в войсках окруженных немецких дивизий. В плен сдаются единицы, сопротивление упорное, контратаки не прекращаются. Это явление ещё раз подчеркивает, что мы воюем всё ещё с очень сильной, упорной и устойчивой армией. Тем ценнее и значительнее наша победа над врагом».

Немецко-фашистское командование попыталось организовать снабжение окруженных войск боеприпасами, продовольствием и горючим по воздуху. Однако наша авиация и зенитная артиллерия почти полностью сорвали эти планы. За несколько дней было уничтожено около 200 транспортных самолетов врага.

8 февраля советское командование во избежание ненужного кровопролития предъявило окруженным войскам ультиматум с предложением сложить оружие.

«Командующему 42-м армейским корпусом.

Командующему 11-м армейским корпусом.

Командирам 112-й, 88-й, 72-й, 167-й, 168-й, 82-й, 57-й и 332-й пехотных дивизий, 213-й охранной дивизии, танковой дивизии СС «Викинг», мотобригады СС «Валония».

Всему офицерскому составу немецких войск, окруженных в районе Корсунь-Шевченковский.

42-й и 11-й армейские корпуса немецкой армии находятся в полном окружении.

Войска Красной Армии железным кольцом окружили эту группировку. Кольцо окружения всё больше сжимается. Все ваши надежды на спасение напрасны...

Попытки помочь вам боеприпасами и горючим посредством транспортных самолетов провалились. Только за два дня, 3 и 4 февраля, наземными и воздушными силами Красной Армии сбито более 100 самолетов Ю-52.

Вы, как командиры и офицеры окруженных частей, отлично понимаете, что не имеется никаких реальных возможностей прорвать кольцо окружения.

Ваше положение безнадежно и дальнейшее сопротивление бессмысленно. Оно приведет только к огромным жертвам среди немецких солдат и офицеров.

Во избежание ненужного кровопролития мы предлагаем принять следующие условия капитуляции:

1. Все окруженные немецкие войска во главе с вами и с вашими штабами немедленно прекращают боевые действия.
2. 2. Вы передаете нам весь личный состав, оружие, всё боевое снаряжение, транспортные средства и всю технику неповрежденной.

Мы гарантируем всем офицерам и солдатам, прекратившим сопротивление, жизнь и безопасность, а после окончания войны – возвращение в Германию или в любую другую страну по личному желанию военнопленных.

Всему личному составу сдавшихся частей будут сохранены: военная форма. Знаки различия и ордена, личная собственность и ценности, а старшему офицерскому составу, кроме того, будет сохранено и холодное оружие.

Всем раненым и больным будет оказана медицинская помощь

Всем сдавшимся офицерам, унтер-офицерам и солдатам будет немедленно обеспечено питание.

▲ Немецкие тигры

Ваш ответ ожидается к 11 часам утра 9 февраля 1944 г. по московскому времени в письменной форме через Ваших личных представителей, которым надлежит ехать легковой машиной с белым флагом по дороге, идущей от Корсунь-Шевченковский через Стеблев на Хировка.

Ваш представитель будет встречен уполномоченным русским офицером в районе восточной окраины Хировка 9 февраля 1944 г. в 11 часов по московскому времени.

Если Вы отклоните наше предложение сложить оружие, то войска Красной Армии и воздушный флот начнут действия по уничтожению окруженных Ваших войск, и ответственность за их уничтожение понесете Вы».

Однако гитлеровские генералы отклонили это гуманное предложение, и бои возобновились с новой силой. Немецкие войска, не считаясь с огромными потерями, с еще большим ожесточением стали бросаться в атаки.

8-10 февраля противник предпринял настойчивые атаки с целью прорыва из кольца. В то же время на внешнем фронте шли тяжелые бои с крупными танковыми силами, пытавшимися выручить окруженных по кратчайшему направлению на Лисянку, Шендеровку.

Предпринятые противником неоднократные контрудары на внешнем фронте окружения, для нанесения которых Манштейн стянул к 11 февраля до 8 танковых и 6 пехотных дивизий, завязались ожесточенные сражения. Командующие 1-м и 2-м Украинскими фронтами также непрерывно наращивали силы на внешнем фронте окружения. Наряду со стрелковыми дивизиями и крупными силами артиллерии сюда была переброшена из-под Винницы 2-я танковая армия.

Командующий 2-м Украинским фронтом генерал армии И.С. Конев выводит 5-ю гвардейскую армию с внешнего фронта окружения в коридор прорыва к району Лисичанки с задачей не допустить выхода окруженной группировки из котла на стыке двух фронтов и соединения её с танковой группировкой врага, наступающей с внешнего фронта.

▲ Командующий окруженной группировкой генерал Штеммерманн

Генерал Штеммерман спешно создал ударную группировку, 12 февраля перешел в наступление на участке 27-й армии 1-го Украинского фронта, нанося удар из района Стеблева на Шендеровку, рассчитывая прорвать фронт и выйти на соединение со своими частями, наносящими удар на Лисянку.

Создалась угроза выхода группировки врага из окружения. Это был самый кризисный момент операции. Прорыв немецко-фашистской группировки все же произошел на участке 1-го Украинского фронта, на рубеже Шендеровка, Хилки, где оборонялась 27-я армия.

Для обеспечения стыка с 1-м Украинским фронтом и недопущения прорыва немцев из котла, Конев по собственной инициативе выдвинул войска 5-й гвардейской танковой армии и 5-й кавалерийский корпус.

12 февраля в 12 часов Конева по ВЧ вызвал Верховный Главнокомандующий.

«В Ставке есть данные, что окруженная группировка прорвала фронт 27-й армии и уходит к своим. Что вы знаете по обстановке на фронте у соседа?»

«Не беспокойтесь, товарищ Сталин. Окруженный противник не уйдет. Наш фронт принял меры. Для обеспечения стыка с 1-м Украинским фронтом и для того, чтобы загнать противника обратно в котел, мною в район образовавшегося прорыва врага были выдвинуты войска 5-й

▲ Операции на Правобережной Украине

гвардейской танковой армии и 5-й кавалерийский корпус. Задачу они выполняют успешно».

«Это вы сделали по своей инициативе? Ведь это за разграничительной линией фронта».

«Да, по своей, товарищ Сталин».

«Это очень хорошо. Мы посоветуемся в Ставке, и я вам позвоню».

12 февраля в 16 часов Конев по ВЧ получил решение Ставки. Ответственность за разгром окруженной группировки возлагалась на командующего 2-м Украинским фронтом.

«Командующему 1-м Украинским фронтом.

Командующему 2-м Украинским фронтом.

Тов. Юрьеву.[1]

Ввиду того, что для ликвидации корсуньской группировки противника необходимо объединить усилия всех войск, действующих с этой задачей, и поскольку большая часть этих войск принадлежит 2-му Украинскому фронту, Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Возложить руководство всеми войсками, действующими против корсуньской группировки противника, на командующего 2-м Украинским фронтом с задачей в кратчайший срок уничтожить корсуньскую группировку немцев.

В соответствии с этим 27-ю армию в составе 180, 337, 202 сд, 54, 159 УР и всех имеющихся частей усиления передать с 24 часов 12.2.44 в оперативное подчинение командующего 2-м Украинским фронтом. Снабжение 27 А всеми видами оставить за 1-м Украинским фронтом.

Командующему 2-м Украинским фронтом связь со штабом 27-й армии до установления прямой связи иметь через штаб 1-го Украинского фронта.

2. Тов. Юрьева освободить от наблюдения за ликвидацией корсуньской группировки немцев и возложить на него координацию действий войск 1-го и 2-го Украинских фронтов с задачей не допустить прорыва противника со стороны Лисянка и Звенигородка на соединение с корсуньской группировкой противника».

Коридор, разъединяющий обе вражеские группировки, в наиболее узком месте составлял 12 километров. Соединения противника, наносившие удар с внешнего фронта, в составе 16 дивизий, из них 8 танковых, в течение 20 дней непрерывно атаковали позиции наших войск, стремясь выручить окруженную группировку. Окруженная группировка вела активные действия, не только обороняясь, но непрерывно маневрируя, атаковала и неоднократно пыталась прорваться из кольца и соединиться с войсками, наступавшими извне.

По разведывательным данным и показаниям пленных, в ночь на 16 февраля и в течение дня производились перегруппировка и сосредоточение сил в районе Шендеровка с тем, чтобы в ночь на 17 февраля прорваться из окружения в направлении на Лисянку. Кольцо окружения намечалось прорвать на фронте шириной 4,5 километра.

17 февраля солдатам выдали по усиленной порции водки и разрешили съесть неприкосновенный запас продуктов. В 2 часа был объявлен приказ, в котором говорилось, что на помощь извне больше нечего рассчитывать.

Натиск врага приняли на себя части 27-й и 4-й гвардейской армий. Тотчас была дана команда 18-му и 29-му танковым корпусам и 5-му гвардейскому кавалерийскому корпусу наступать навстречу друг другу, пленить или уничтожить противника. Были приняты все меры к тому, чтобы ни один из гитлеровцев не вышел из окружения.

Когда наступил рассвет, немцы, увидев всю безнадежность своего положения, большими группами начали сдаваться в плен. Генерал Штеммерман был убит, его труп обнаружен на поле боя. Конев разрешил немецким военнопленным похоронить своего генерала с надлежащими почестями по законам военного времени.

Так полным разгромом и пленением окруженной группировки врага закончилась Корсунь-Шевченковская операция.

18 февраля Совинформбюро сообщало: «...как показывают пленные немецкие офицеры из окруженных войск, Гитлер после провала попыток спасти окруженных немцев дал немецким войскам, попавшим

▲ И.С. Конев на НП Ротмистрова

[1] Юрьев – оперативный псевдоним Г.К. Жукова.

в «мешок», ещё один приказ, в котором требовал, чтобы окруженные немецкие солдаты и офицеры принесли себя в жертву, дабы задержать своим сопротивлением на некоторое время русские дивизии, ибо этого якобы требуют интересы германского фронта. В упомянутом приказе Гитлера содержалась прямая директива о том, чтобы окруженные немецкие солдаты и офицеры кончали жизнь самоубийством, если их положение станет безвыходным... Раненые солдаты и офицеры по приказу немецкого командования умерщвлялись и сжигались».

По официальным данным, в ходе боев противник потерял 55 тысяч солдат и офицеров только убитыми, более 18 тысяч пленными, а также большое количество боевой техники и вооружения. Но эти сведения не полностью отражают потери противника. Так, при попытке прорвать кольцо окружения извне немцы потеряли только убитыми 20 тысяч солдат и офицеров и большое количество технических средств борьбы, в частности 329 самолетов, более 600 танков, свыше 500 орудий.

В результате нашей победы немецко-фашистские войска, действовавшие на Правобережной Украине, были сильно ослаблены и деморализованы. Создавались благоприятные условия для развертывания дальнейшего наступления к Южному Бугу и Днестру.

▲ Завершение Корсунь-Шевченковской операции

18 февраля Москва от имени Родины салютовала 20 артиллерийскими залпами из 224 орудий в честь новой победы Красной Армии.

Маршал Советского Союза И.С. Конев хранил всю жизнь, как реликвию боевой славы «Приказ Верховного Главнокомандующего генералу армии Коневу

Войска 2-го Украинского фронта в результате ожесточенных боев, продолжавшихся непрерывно в течение четырнадцати дней, 17 февраля завершили операцию по уничтожению десяти дивизий и одной бригады 8-й армии немцев, окруженных в районе Корсунь-Шевченковского.

В ходе этой операции немцы оставили на поле боя убитыми 52 000 человек. Сдалось в плен 11 000 немецких солдат и офицеров.

Вся имевшаяся у противника техника и вооружение захвачены нашими войсками.[2]

В боях отличились войска генерал-лейтенанта Трофименко, генерал-лейтенанта Смирнова, генерал-лейтенанта Селиванова, танкисты генерал-полковника танковых войск Ротмистрова, генерал-майора танковых войск Кириченко, генерал-майора танковых войск Полозкова и летчики генерал-лейтенанта авиации Горюнова.

В ознаменование одержанной победы наиболее отличившиеся в

▲ Разгром

[2] В последующем данные о потерях противника были уточнены. Они значительно превосходили цифры, указанные в Приказе Верховного.

боях соединения и части представить к присвоению наименования «Корсуньских» и к награждению орденами.

Сегодня, 18 февраля, в 1 час столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам 2-го Украинского фронта, завершившим уничтожение окруженных войск немцев, двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий.

За отличные боевые действия объявляю благодарность всем войскам 2-го Украинского фронта, участвовавшим в боях под Корсунью, а также лично генералу армии Коневу, руководившему операцией по ликвидации окруженных немецких войск.

Вечная слава героям, павшим в борьбе за свободу и независимость нашей Родины!

Смерть немецким захватчикам!

Верховный Главнокомандующий Маршал Советского Союза И. Сталин

18 февраля 1944 года».

После короткого доклада командующего 2-м Украинским фронтом генерала армии И.С. Конева по телефону в Ставку о завершении сражения под Корсунь-Шевченковским И. В. Сталин сказал: «Поздравляю с успехом. У правительства есть мнение присвоить вам звание Маршала Советского Союза. Как вы на это смотрите, не возражаете? Можно вас поздравить»?

« Благодарю, товарищ Сталин».

«Представьте отличившихся командиров к наградам. У нас также есть соображение ввести новое воинское звание маршала бронетанковых войск. Каково ваше мнение на сей счет»?

Командующий фронтом ответил, что он относится к этому положительно.

«Позвольте представить к этому новому званию маршала бронетанковых войск Павла Алексеевича Ротмистрова. Он отличился в этой операции».

«Я – за. И думаю, что мы еще присвоим такое звание товарищу Федоренко, начальнику бронетанковых войск».

Корсунь-Шевченковская операция – одна из выдающихся операций по окружению и уничтожению крупной группировки противника. Особенность её состояла в том, что внутренний и внешний фронты окружения создавались в условиях отражения сильных контратак и контрударов врага. Необычным было использование танковых объединений: 6-й танковой армии в первом

▲ Маршал Конев

эшелоне фронта с целью прорыва обороны противника и 5-й гвардейской и 6-й танковой армий для самостоятельной организации обороны на внешнем фронте окружения, где ожидались контрудары крупных танковых группировок.

Уничтожение окруженной группировки советские войска осуществляли без оперативной паузы, сразу же после завершения окружения, стремясь одновременными ударами с различных направлений расчленить её на части. Операция поучительна широким манёвром войск в условиях распутицы. Соединения 2-ё воздушной армии и 10-го авиационного корпуса ПВО страны совместными усилиями осуществили эффективную блокаду окруженного противника с воздуха, что способствовало быстрому его разгрому.

В Корсунь-Шевченковской операции советское военное искусство снова одержало верх над военным искусством немецко-фашистского вермахта.

С начала Великой Отечественной войны после Сталинградской битвы Корсунь-Шевченковская операция была второй большой операцией на окружение. В последующем враг ещё не раз испытал на себе эту форму оперативного искусства. ■

▲ Фашистские танки

Г.А. НЕМЧИКОВ
генерал-майор авиации,
кандидат военных наук

КАДРОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОПК

В результате проведенных в стране в 90-е годы политических, экономических и административных реформ предприятия ОПК оказались в кризисном состоянии. И в более, чем короткий срок по различным причинам они лишились высококвалифицированных , имеющих огромный практический опыт работы, руководителей разного уровня, специалистов по различным направлениям производственной деятельности и, конечно, высокоподготовленных рабочих. Поэтому, в настоящее время одной из важнейших задач, стоящих перед ОПК является формирование совершенно новой кадровой политики, направленной на развитие кадрового потенциала отрасли.

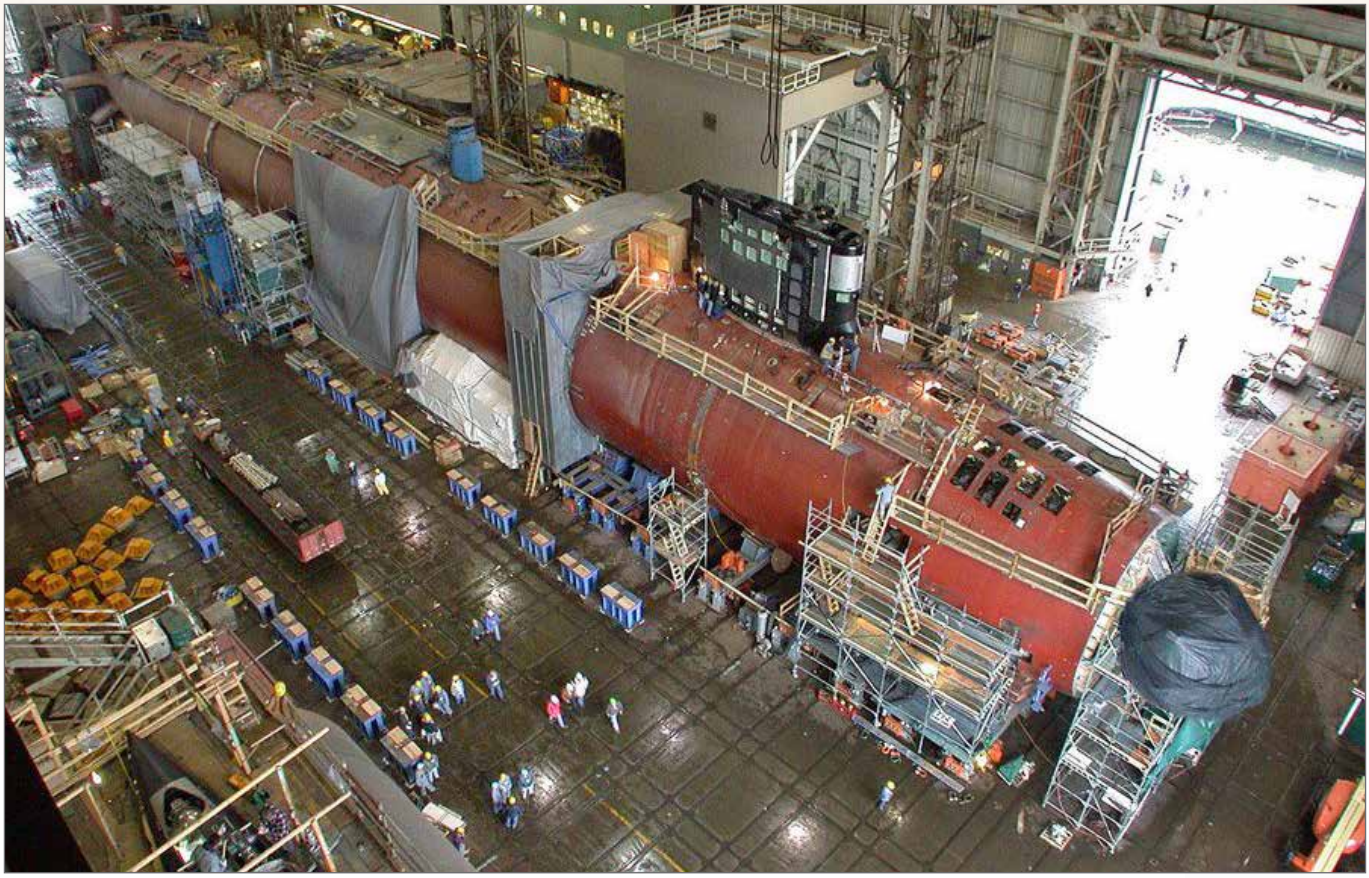
А существующее положение с кадрами на предприятиях ОПК характеризуется:

1. Несоответствием между требованиями современного производства к квалификации специалистов и уровнем их подготовки, т.е. нехватка квалифицированных кадров на всех уровнях от рабочего до высшего звена управления.
2. Устойчивой тенденцией снижения численности квалифицированного персонала на предприятиях ОПК, при этом число работников предпенсионного и даже пенсионного возраста неуклонно растет.
3. Практическим исчерпанием подготовленного кадрового резерва высококвалифици-рованных специалистов.
4. Оттоком молодых специалистов.
5. Падением престижа рабочих профессий.
6. Серьезным отставанием в подготовке кадров в государственных образовательных учреждениях (ГОУ) от динамично развивающегося за последние годы производства, переоснастившегося на современное универсальное оборудование с применением новейших высоких технологий.
7. Отсутствием четко обоснованного расчета потребностей персонала по необходимым специальностям и профессиям всех уровней образования для предприятий ОПК, являющегося основой для формирования государственного кадрового заказа- отсюда-несбалансированность объемов и профилей подготовки специалистов с потребностями современного рынка труда.
8. Отсутствием целенаправленной работы по разработке и совершенствованию квалификационных требований к выпускникам и профессиональных стандартов для специалистов отрасли.

Отсутствие должного государственного внимания (не на словах, а на деле) к проблемам надлежащей обеспеченности квалифицированными кадрами предприятий ОПК, обеспечивающих обороноспособность, жизнеспособность и развитие страны (в т.ч. отсутствие

Государственного кадрового заказа, сформированного на основе расчета потребностей отрасли по специальностям и уровням образования); не учет отрицательных демографических тенденций (уменьшение численности трудоспособного населения страны-рост дефицита трудовых ресурсов) ; не учет территориальных и структурных диспропорций спроса и предложения на рынке труда (смещение приоритетов трудовой деятельности); протекционизм, пропитавший все структуры и сферы деятельности в России; низкая исполнительность, безответственность, отсутствие практического опыта работы по возглавляемому ими направлению деятельности у значительного числа должностных лиц, занимающих ответственные руководящие посты (когда, зачастую, дилетанты руководят-профессионалами) приводят в том числе к:

1. Созданию напряженности на рынке труда, особенно в период финансово-экономического кризиса, который обнажает ее истинные причины:
   - неконкурентоспособность отечественной продукции на мировом рынке;
   - серьезные отставания в технологиях;
   - значительные потери интеллектуального ресурса страны и снижение уровня интеллекта граждан (в т.ч. за счет имеющихся деформаций в системе базового образования);
   - отсутствие высококвалифицированных специалистов, численность которых на предприятиях ОПК снижается до 7% в год (это при большом количестве безработных, численность которых явно занижается).
2. Несбалансированности объемов, профилей и уровней подготовки специалистов с фактическими и прогнозируемыми потребностями рынка труда.
3. Серьезным ошибкам в подготовке резерва (большинство программ подготовки не основано на практическом опыте, отсутствует система анализа профессионального образования, в т.ч. оценка взаимосвязей набора- процесса обучения- выпуска-трудоустройства по специальности).
4. Бессистемным сокращениям профильных специалистов.
5. Отсутствию адекватной аттестации и надлежащей сертификации кадров.
6. Снижению качественных характеристик профессорско-преподавательского состава образовательных учреждений, особенно инженерных, военных, педагогических и т.п. (основу которых должны составлять практики, имеющие опыт работы на предприятиях ОПК и в организациях профильных отраслей).
7. Отсутствию современной эффективной системы комплектования образовательных учреждений, готовящих специалистов для ОПК.
8. Отсутствию объективной оценки возможностей ГОУ с ВПО и СПО по их подготовке.
9. Большим потерям в процессе обучения и еще большим после окончания ВУЗа специалистов, подготовленных по данному про-



филию и специальности для ОПК.
10. Низким качеством подготовки выпускников ГОУ с ВПО и СПО для ОПК.
11. Недостаточно эффективной работе системы подготовки научных кадров для ОПК.
12. Отсутствию системы интегрированного инженерно-технического и военного образования, включающего в себя все необходимые уровни развития и сохранения кадров ОПК.
13. Отсутствию системы преемственности профессиональных знаний и практического опыта.
14. Отсутствию системы профессионального анализа зарубежного опыта.
15. Отсутствию современных научных исследований, отсутствию материально-технической базы для повышения качества образования и освоения новых технологий.

16. Отсутствию отраслевой системы контроля качества образования.
17. Отсутствию законодательных и экономических условий для привлечения и закрепления отечественных профессиональных кадров в стратегически важных отраслях развития страны.
18. Отсутствию качественной периодической переподготовки профессиональных кадров ОПК.
19. Разобщенности Министерств и Ведомств, отсутствию единого заказчика и ответственного за системное согласование потребностей ОПК в кадрах и планов их подготовки.
20. Массовым потерям отечественных профессиональных кадров, в т.ч. за счет эмиграции, необоснованного «перепрофилирования», коррупции, бесконечных «структурных изменений», межличностных конфликтов и т.п.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ:

1. Принять незамедлительные меры по изменению кадровой политики, приведению в соответствие с основными принципами и требованиями ее формирования.

Кадровая политика должна быть направлена на создание четкой системы прогнозирования, формирования и развития кадровой обеспеченности страны, защищающей квалифицированные профессиональные кадры (в т.ч. от проявлений дискриминации по возрастным и индивидуальным признакам); улучшения межведомственного трансфера знаний и технологий, обеспечивающего в России повышение уровня межведомственной координации деятельности по сохранению, формированию и развитию кадрового потенциала (в т.ч. в наукоемких отраслях) и реализации принципа прогнозирования и обеспечения непрерывной профессиональной подготовки и переподготовки кадров, обеспечивающего в т.ч. решение проблемы формирования и внедрения профессиональных и образовательных стандартов и квалификационных требований к современным профессиональным кадрам (особенно инженерно-техническим).

Повысить ответственность всех должностных лиц за подготовку собственного резерва на основные руководящие должности предприятий и организаций ОПК, основой которого должны стать компетентные, имеющие практический опыт работы люди умеющие руководить и принимать обоснованные решения и конечно, брать на себя ответственность как на этапе принятия, так и в ходе реализации этих решений , ни в коем случае не допуская даже возможности , чтобы дилетант – руководил профессионалом.

2. Обеспечить сбалансированность профобразования и спроса на рабочую силу в ОПК , пересмотрев направления и уровни профессиональной подготовки с учетом спроса и предложения на рынке труда в рамках профессионально-квалификационных групп с обеспечением соответствия структуры профобразования потребностям ОПК.

3. Повысить эффективность системы мониторинга и прогнозирования ситуации на рынке труда не менее, чем на 10-15 лет, с целью повышения качества расчета потребностей ОПК в специалистах различного направления и разного уровня подготовки.

4. Определить источники комплектования предприятий и организаций ОПК квалифицированными кадрами.

5. Сократить до минимума выпуск из образовательных учреждений невостребованных специалистов, для чего набор в Государственные образовательные учреждения осуществлять только через Государственный кадровый заказ на основе расчета потребностей отрасли по специальностям и уровням подготовки.

Набор в Вузы проводить по результатам конкурсных вступительных экзаменов.

Срочно вернуть – ФИЗИКУ – в обязательный предмет для ЕГЭ в школах, в противном случае уже через 5-10 лет некому будет поступать в инженерно-технические Вузы страны.

6. Исключить потери квалифицированных кадров в период демографического провала, в том числе на этапах обучения и после окончания образовательного учреждения.

Вернуться к системе распределения (с обязательной отработкой по полученной специальности в течение 3-х-5-ти лет) выпускников Вузов, обучающихся на бюджетной основе.

7. Совместно с образовательными учреждениями (департаментами, управлениями) силовых структур рассмотреть вопрос интеграции подготовки специалистов для ОПК в стенах гражданских и военных учебных заведений (путем стыковки программ подготовки по родственным специальностям, использования единых методик подготовки, лабораторий, учебно-материальных баз и т. д.). Сегодня этот вопрос стоит особенно остро, так как множество должностей в военных организациях, на предприятиях ОПК стали -гражданскими. При этом функции – остались, а кто и где этих специалистов будет готовить – не ясно.

8. Оптимизировать привлечение иностранной рабочей силы на предприятиях отрасли.

9. В ближайшее время, завершить переработку тарифно-квалификационного справочника и разработку профессиональных стандартов, после чего приступить к их внедрению на предприятиях и организациях ОПК.

10. Повысить качественную характеристику профессорско-преподавательского состава образовательных учреждений (особенно инженерно-технических), основу которых должны составлять практики, имеющие практический опыт работы на предприятиях и организациях ОПК на должностях руководителей и ведущих специалистов, создав систему мотиваций и заинтересованности при переходе на преподавательскую работу , используя опыт решения этого вопроса в Министерстве обороны.

11. Более эффективно использовать высококвалифицированный профессорско- преподавательский состав и научный потенциал военных учебных заведений и их учебные базы в гражданских ВУЗах и научных организациях для повышения качества подготовки специалистов для ОПК.

12. С целью повышения эффективности использования для ОПК военных специалистов, уволенных из Вооруженных Сил, в условиях дефицита трудовых ресурсов создать четкую систему работы с этой категорией граждан, основой которой является организация теснейшего взаимодействия предприятий и организаций ОПК и центров занятости с военкоматами, ведущими учет уволенных военнослужащих по специальностям, образованию, опыту работы, месту жительства.

13. Включить во все федеральные целевые программы раздел «Подготовка кадров» с обоснованием затрат по указанному направлению.

14. Рекомендовать СМИ (печатные издания, радио , телевидение и т. д.) проводить работу по поднятию престижа инженерно-технических специальностей и рабочих профессий, трудовой деятельности на предприятиях и организациях ОПК.

Отдельно каждое из предложений готов обсудить с заинтересованными лицами конкретно с имеющимися обоснованиями и путями их реализации.

■

АЛЕКСАНДР КОМАРОВСКИЙ

ЧЕЛЯБИНСКИЙ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ

Создание завода качественных сталей в районе Челябинска на базе руд Бакальского месторождения было задумано ещё в начале 30-х годов. Тогда же начались и первые в основном изыскательные работы. В районе посёлка Першино было построено несколько небольших зданий для Управления строительства и около десятка временных бараков для строителей. Но в 1935 году строительство было законсервировано.

В августе 1940 года Центральный комитет ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров СССР принимают постановление о строительстве начиная с 1941 года Бакальского металлургического завода для производства качественного проката на базе бакальских руд, кузнецких и карагандинских углей. Срок пуска первой очереди, говорилось в постановлении 1944 год. В начале 1941 года на месте создается строительное управление Бакалстроя Наркомстроя, но эта небольшая организация сразу же перебрасывается для выполнения срочных строительных работ на Челябинский тракторный завод, и едва начавшаяся стройка вновь полностью замирает. Уже во время войны 1 сентября 1941 года, на площадку приходит эшелон одного из эвакуированных строительных управлений треста Запорожстрой с небольшим количеством транспорта и оборудования. В декабре 1941 года Куйбышевский особстрой начинает направлять на это строительство людей, значительные материальные и технические ресурсы, а в марте – апреле 1942 года в соответствии с решением ГКО прибывает из Сталинграда основная часть 5-й саперной армии с квалифицированными кадрами инженеров и техников, строителей и монтажников, с автотранспортом (правда, весьма изношенным) и средствами механизации.

Этот момент и следует считать, по существу, началом строительства Челябинского металлургического завода. В августе 1942 года в соответствии с решением Совета Народных Комиссаров строительство получает наименование – Челябметаллургстрой.

Станция Баландино Южно-Уральской ж.д., куда прибыли наши первые эшелоны из Сталинграда, была в 12-15 км от площадки будущего завода. Покрытая глубоким снегом территория строительства общей площадью 1 200 га представляла собой весьма характерную для Южного Урала лесостепь с единственной в этом районе рекой Миасс, вода которой, к сожалению, пригодна только для технических целей.

Весьма образно и точно, на мой взгляд, писал тогда в строительной многотиражке наш поэт П. Брандт:

На рассвете
И небо от холода стынет,
Леденеет мерцанье
Застуженных звезд.
И стоят занесенные
В снежной пустыне
Неживые тела
Посиневших берез.
. . . . . .
Нарушив сон
Безмолвия лесного,
Злых зимних вьюг
Степной свирепый ход,
Здесь начал жить
По-боевому строго
Сорок второй
В войне зачатый год.

Вблизи реки в двухэтажном доме с небольшой группой инженеров работал главный инженер строительства, строивший до этого Норильский комбинат и ряд других сооружений, Василий Андреевич Сапрыкин. Рядом два домика и бараки, где жили инженеры с семьями. Вот, собственно, и всё. Как говорится, ни кола ни двора... Причем «ни кола» – это в буквальном смысле слова, так как среди снегов нам не всегда удавалось найти вехи, показывающие места будущих цехов, намеченные работниками проектного института Гипромез, местное отделение которого создавалось параллельно с формированием строительства. Пробраться к площадкам можно было только на лошадях, запряженных в розвальни, да и то с большим трудом, особенно после частых метелей.

В. А. Сапрыкин – легендарная личность, он был главным инженером на судостроительном заводе № 402 в Архангельской области, ставшего в будущем головным предприятием по производству атомных подводных лодок и боевых кораблей ВМФ СССР. После войны Сапрыкин участвовал в строительстве объектов атомной промышленности и стратегических объектов системы ПВО Москвы. Был начальником строительства комбината «Маяк», где одним из ключевых сооружений

Комаровский, Александр Николаевич (7(20).5.1906, Петербург, – 19.11.1973, Москва), советский военный деятель, генерал армии (1972), Герой Социалистического Труда (1949), доктор технических наук (1956), профессор (1958). Член КПСС с 1939. После окончания Московского института инженеров транспорта (1928) работал на инженерно-технических должностях в Московском бюро «Свирьстроя» и трестах «Водоканалстрой», «Гидротехстрой» и «Спецстройпроект». В 30-х гг. на строительстве канала им. Москвы: начальник гидротехнического сектора, зам. Начальника технического отдела и зам. Начальника работ Южного (Московского) района, а с мая 1936 начальник Центрального района. В 1937 начальник и главный инженер управления эксплуатации канала. Затем один из руководителей проектирования и строительства Куйбышевского гидроузла, был начальником сектора капитального строительства Наркомата водного хозяйства, зам наркома Морского флота, а с мая 1939 зам. наркома по строительству, возглавлял проектирование, строительство и механизацию портов, судоремонтных предприятий и военно-морских баз. В период Великой Отечественной войны Комаровский – начальник Управления по строительству оборонительных сооружений Главного управления оборонительных работ НКВД СССР, затем командующий 5-й саперной армией и зам. начальника Главного управления оборонительных работ Наркомата обороны СССР. В этих должностях организовал строительство ряда оборонительных рубежей на Южном и Юго-Западном фронтах. С января 1942 был начальником Управления строительства Челябинского, а затем Закавказского металлургического заводов. В мае 1944 Комаровский назначен начальником Главпромстроя СССР, руководил строительством ряда крупных предприятий. В 1948 Комаровскому было поручено руководство строительством зданий Московского государственного университета на Ленинских горах, а затем и других сложных сооружений, с 1954 возглавлял строительство объектов атомной промышленности. Внес большой вклад в строительство научных центров страны, одновременно с 1958 заведовал кафедрой в Московском инженерно-строительном институте им. В. В. Куйбышева. С декабря 1963 зам. министра обороны СССР по строительству и расквартированию войск. На этом посту Комаровский проявил себя как крупный специалист и организатор. Под его руководством проведены важные мероприятия по совершенствованию структуры военно-строительных органов и техническому оснащению военно-строительных частей, построено большое количество важных военных объектов. Комаровский вёл большую научную работу в области оборонного, промышленного и гидротехнического строительства, опубликовал значительное количество работ по этим вопросам. Под его руководством создан ряд коллективных научных трудов, в том числе «Проектирование и строительство ядерных установок», «Применение атомной энергии в народном хозяйстве».

Комаровский – лауреат Сталинской премии (1951), Ленинской премии (1968), награжден 7 орденами Ленина, 2 орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1-й степени, 2 орденами Красной Звезды, медалями и иностранными орденами.

был атомный реактор А-1. В Озерске руководил строительством емкостей для отработанного ядерного топлива. В 1949 году ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Последняя его должность на строительном поприще – заместитель начальника Главспецстроя СССР. Умер выдающийся военный строитель в 1964 году, похоронили его на Новодевичьем кладбище в Москве.

С Василием Андреевичем мы подружились сразу. Его безоговорочный технический авторитет, исключительная сердечность и личное обаяние наряду с большой работоспособностью и оперативностью вызывали всеобщее уважение и любовь. И я навсегда сохранил самое светлое воспоминание о многих годах работы с ним. Пожалуй, только одно его качество – удивительный оптимизм – иногда оборачивалось недостатком. В нашем строительном деле при постоянно меняющихся характере работ, заданных сроках, графиках для руководителя значительно полезнее (наряду с уверенностью) здоровое беспокойство, а иногда и тревога.

Первым секретарем областного комитета партии был тогда Николай Семенович Патоличев. Его постоянной, очень конкретной, действенной помощи мы во многом обязаны тем,

▲ Сапрыкин В. А.

что сумели быстро организовать строительство и приступить к основным работам. Встречаясь сейчас с Николаем Семеновичем (теперь уже министром внешней торговли СССР), мы не раз вспоминали горячую напряженную работу в тылу для обеспечения неотложных нужд фронта.

Перед нами, как всегда в первый организационный период, да ещё в условиях военной зимы, встало множество сложных задач.

Надо было прежде всего принимать и расселять рабочих из числа так называемой трудовой армии (т.е. лиц военнообязанных, но не призываемых по тем или иным причинам в действующую армию), прибывающих из Сталинграда инженеров и техников. К тому же ехали члены семей офицеров и вольнонаемных работников, откомандированных из 5-й саперной армии. Узнав, что их мужья и отцы направляются в Челябинск, они, несмотря на предупреждение, что жить пока негде, прибывали на пустую площадку из многих иногда весьма отдаленных районов страны, где они в большинстве своем находились в эвакуации. Приезжали сразу с детьми, домашним скарбом.

В деле расселения сотрудников и семей неоценимую помощь нам оказал областной комитет ВКП(б) и облисполком, предоставившие часть квартир (конечно, для покомнатного расселения) в Челябинске, комнаты в городской гостинице. А самое главное – нам передали пустовавший в то время дом отдыха «Каштак». Деревянные корпуса его и вспомогательные здания мы быстро подремонтировали и использовали для жилья. Одновременно к нам начали поступать из Соликамского домостроительного комбината деревянные двухэтажные сборные дома и комнатные общежития, которые мы собирали и обеспечивали теплом и водой, работая круглосуточно в 3 смены.

Решением Челябинского облисполкома ещё в декабре 1941 года строительству Челябинского металлургического завода были отведены для расселения рабочих и служащих поселки Першино, Казанцево и хутор Миасс. Местным жителям пришлось «уплотниться» и помочь строителям.

Но, конечно, эти меры ещё не решали жилищную проблему полностью. За короткий срок на строительство прибыло около 30 тыс. человек. Лес для строительства казарм на стройку поступал несвоевременно и не в достаточном количестве. Всё это отягощалось необычайной даже для Южного Урала суровой зимой.

Вспоминая сейчас все стройки, на которых мне до или после этого приходилось участвовать, не могу назвать более сложной обстановки, если не считать, конечно, строительства оборонительных рубежей

в прифронтовой полосе. Выход был найден совершенно необычный для строительной практики. Сотни людей день и ночь плели из прибрежного ивняка щиты, которые устанавливались на деревянном каркасе с плотной забивкой пространства между щитами талой глиной, добываемой из-под почти двухметрового слоя мерзлого грунта. Таким образом, создавалась верхняя половина стены. Остальная часть заглублялась в землю с закреплением стенок одним слоем этой же плетенки. Скудные ресурсы леса шли только на каркас (из подтоварника) и на пологие кровли. По тесу внахлестку укладывался один слой толя, потом шлак и слой мелко трамбованной земли и, наконец, – дерн. Такая кровля, как показала практика, вполне водонепроницаема.

Полуземлянки были оборудованы двухъярусными топчанами (к сплошным нарам мы не прибегали даже в этот труднейший период). Трудармейцы знали, что строят для себя, и работали быстро, тщательно перекрывая всевозможные пути для холода и создавая отводы для весенних и ливневых вод. Эти полуземлянки, побеленные и благоустроенные по мере возможности, внутри были теплыми, сухими, и некоторые подразделения в дальнейшем не желали переходить из них в построенные обычные деревянные казармы. В таких же полуземлянках и частично в щитовых казармах расположились бани-прачечные, столовые, медпункты, штабы подразделений. О клубах и кино мы, конечно, тогда не могли и мечтать. К концу 1942 года уже было построено 12 рабочих поселков с общей жилой площадью свыше 40 тыс. кв. м, что позволяло обеспечить приём поступавших на строительство рабочих. Поселки располагались не далее полутора километров от соответствующих объектов строительства.

Холодные помещения (конюшни, сараи, уборные и т.п.) строились только из хворостяных плетней. В дальнейшем по предложению инженера С. Е. Шебетовского были внедрены в практику строительства более совершенные стеновые щиты из полыни и хвороста, изготовляемых на специальном станке. Дефицит лесоматериалов доходил до того, что черенки для лопат, топорища и другие детали для инструментов изготовлялись прямо на площадке из срубленных тут же берез.

Второй по важности задачей явились автомобильные и железнодорожные подъезды к стройплощадкам, складам и предприятиям строительства.

Мы знали, что с середины апреля начнётся бурное таяние снега, покрывающего всю территорию строительства первой очереди (площадью 300 га), и если не успеем сделать хотя бы упрощенные проезжие дороги, то мы, по существу, не сможем начать строительство до середины июня. На наше счастье, непосредственно на площадке строительства во многих местах (с выходом на поверхность) залегали мощные слои так называемой дресвы – разрушенная скальная порода – в виде естественной щебенки в смеси с крупнозернистым песком или же в виде разрушенной породы без песка. Она-то и выручила нас. Для магистральных шоссейных дорог было применено покрытие из дресвы толщиной 10 см на слое обратной мостовой толщиной 15 см. Для остальных дорог был применен серповидный профиль с покрытием земляного полотна дресвой слоем 15-20 см по оси дороги. Вот такие дороги в условиях зимы, идя в основном по нулевым отметкам, мы начали строить широким фронтом по всем основным направлениям. И весна 1942 года нами была встречена, можно сказать, во всеоружии. Мы обеспечили нормальную работу транспорта по всем нужным направлениям, не разбивали и без того предельно изношенные машины, привезенные нами со строительства рубежей. Железнодорожные пути укладывались по спланированной, но не досыпанной до проектной отметки поверхности и поступали в эксплуатацию без подбивки шпал балластом. Отсыпка полотна до проектных отметок и балластировка производились уже во время эксплуатации.

До строительства дорог к объектам я не считал возможным начинать на них какие-либо основные работы, хотя и находился под постоянным нажимом наркомата черной металлургии и его замечательного наркома И. Ф. Тевосяна, который настойчиво требовал скорейшего разворота работ по основным сооружениям. Наше решение оказалось рациональным. Построив дороги (к концу 1942 года 51 км автомобильных и 64 км железных), мы смогли начать и в исключительно быстрых темпах выполнить основные работы.

Учитывая особое значение строительства дорог, его непосредственно возглавил назначенный к тому времени начальник политотдела строительства полковник Абрам Григорьевич Воронков.

Надо было организовать водоснабжение и энергоснабжение строительства.

Для первоочередного снабжения работ водой были использованы образовавшиеся в ранний весенний период после таяния снега временные водоёмы. Наряду с этим шло бурение четырех артезианских скважин на глубину до 60 м. С наступлением тепла от них по поверхности земли была протянута временная водопроводная сеть, которая к осени была заглублена. В разгар работ по бетонированию и каменной кладке скважины давали до 20 л воды в секунду.

Вначале местные установки на отдельных строительных площадках питались электроэнергией от передвижных станций. Позже мы соорудили линию электропередачи длиной 7 км и временную открытую подстанцию с разводящей сетью.

Мы отлично понимали, что без создания хотя бы минимальной строительной базы не сможем обеспечить выполнение основных работ. Поэтому параллельно со строительством дорог всемерно форсировали сооружение первоочередных вспомогательных хозяйств строительства.

В нашем коллективе трудились крупнейшие специалисты по бетону и бетонным хозяйствам, руководившие этим делом ещё на канале Москва – Волга, Сергей Владимирович Шестоперов и Герман Дмитриевич Петров. Благодаря им центральный бетонно-растворный узел (производительностью 1 200 куб.м бетона в сутки) был спроектирован и к июлю 1942 года построен. В июне была организована полевая мастерская по изготовлению сборных железобетонных элементов. Конечно, на нашем строительстве в те годы сборный железобетон ещё не находил широкого применения (кроме каркасов основных зданий). Всего за первые два года было изготовлено 2 000 куб. м сборного железобетона. В качестве известного достижения в этой области можно отметить, что на Челябметаллургстрое впервые было освоено массовое изготовление железобетонных безнапорных труб с применением виброформ и немедленной распалубки после бетонирования. В дальнейшем этом метод получил широкое распространение на многих стройках страны, в частности в дорожном строительстве. На строительстве применялись пропарочные камеры для изготовления

▲ Завенягин А. П..

железобетонных изделий в зимнее время вне цехов. В те годы это тоже было технической новинкой.

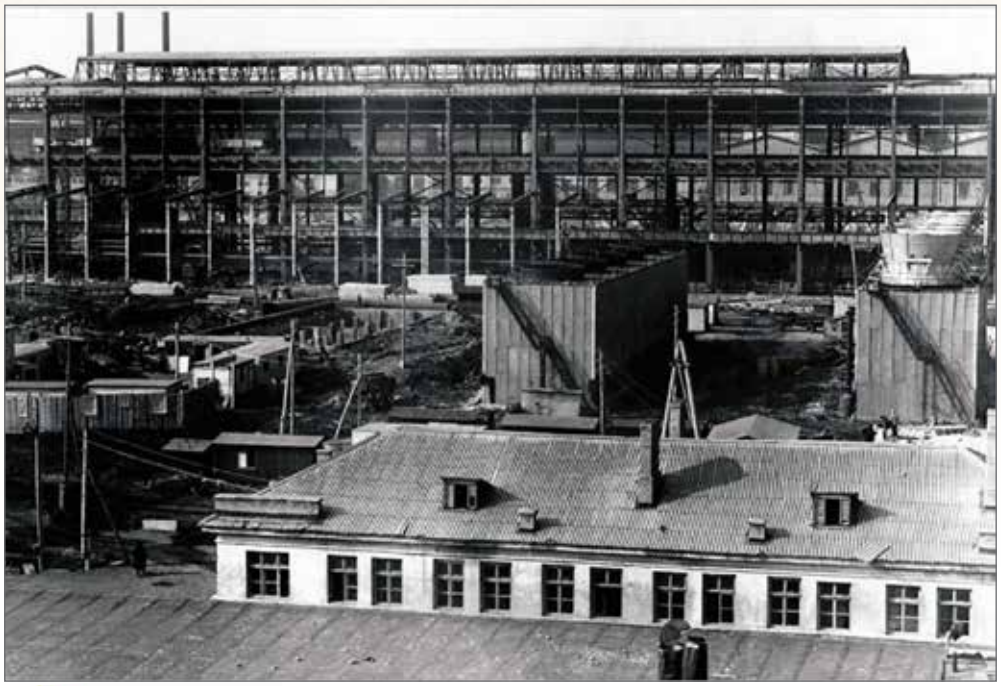
В тот же период были построены лесопильные и деревообрабатывающие хозяйства, а также центральная площадка для изготовления деревянных сегментных форм для промышленных цехов.

Можно ещё отметить, что к концу 1943 года на базе отходов деревообрабатывающих производств построили и запустили цех производства гидролизных дрожжей, что явилось серьёзным подспорьем в питании наших рабочих. Эти дрожжи в определенной дозировке добавлялись в супы, повышая их калорийность.

О том, какое значение мы придавали этому цеху, можно судить по выдержке из приказа по Управлению строительства:

«Зам. Главного инженера т. Георгиевскому П. К. приступить к изготовлению необходимого... оборудования по мере получения из главка рабочих чертежей, считая эту работу первоочередной.

Обращаю внимание всех руководителей на важнейшее значение этого цеха для нашего строительства



и обязываю их всемерно способствовать форсированию строительства и пуску в эксплуатацию».

Наряду с бетонными и деревообрабатывающими хозяйствами, вероятно, самым важным делом для нас было создание автобазы со своим ремонтным хозяйством, а также ремонтно-механических мастерских в составе механического, литейного и котельно-сварочного цехов. Неотложность в создании этих предприятий определялась крайней изношенностью автотранспорта и механизмов, привезенных нами со строительства оборонительных рубежей (нового мы почти не получали). Кроме того, поступающее к нам оборудование для главных объектов (в основном оно было демонтировано на предприятиях западных районов страны) было некомплектным, требовалось изготовлять множество деталей. Иногда сравнительно крупных, на месте работы. Сейчас мне и самому трудно поверить, как удавалось тогда в полукустарных мастерских с двумя маленькими вагранками и миниатюрной сталелитейной печью «Мечта» изготовлять, например, задвижки Лудло диаметром до 900 мм. Эти же мастерские поставляли большую номенклатуру запасных автомобильных частей.

При ремонтно-механическом заводе были смонтированы по получению карбида и кислорода, которые в те годы никто не мог нам централизованно поставлять. Там же организовали производство самых различных инструментов с их термообработкой, изоляторов, роликов для электропроводок и даже гвоздей. Успешно работали мастерская по реставрации электроламп и цех по перемотке электромоторов.

Не забывали мы и бытовые потребности: изготавливались мебель различного назначения, металлическая посуда, репродукторы для радиотрансляционной сети и т.д. А наша лаборатория выпускала даже некоторые медикаменты. Например, стрептоцид.

К этому же времени был построен цех металлоконструкций производительностью в 16 тыс. т в год. Согласно постановлению СНК СССР цех был передан Стальконструкции Наркомстроя, но поставлял конструкции исключительно для нас. В дальнейшем этот цех был реконструирован и уже как завод переведен на машиностроительный профиль. Важное значение имели ремонт и восстановление Потанинского кирпичного комбината общей производительностью до 60 млн. штук кирпича в год и создание собственных лесозаготовительных участков, с которых уже в 1942 году мы получили 112 тыс. куб.м древесины.

Характерным для коллектива строителей Челябметаллургстроя было то, что никто из руководителей даже крупных строительно-монтажных подразделений не считал для себя зазорным на время (иногда и длительное) переключаться на маленькое, но решающее на данном этапе успех строительства дело. Так, к весне 1943 года строительство, получавшее с одного Потанинского завода (вблизи Челябинска) стеновой материал, оказалось в совершенно критическом положении. Панели и блоки в тот период нигде, включая Челябметаллургстрой, не производились, да и проектов зданий из этих рациональных элементов ещё не было, и стройке буквально грозила остановка из-за недостатка кирпича, начальник крупного строительного управления Прокатстроя Дмитрий Семенович Захаров, закончивший к тому времени строительство прокатного Цеха, сам взялся за это, по существу, вспо-

могательное производство и сумел в исключительно короткие сроки достроить новый Потанинский кирпичный завод, интенсифицировать производство кирпича на существующем оборудовании. Уже в мае мы получили с этих заводов 1 млн. штук кирпича, в июне – 3 млн. штук и в июле – около 6 млн. штук кирпича, полностью разрешив проблему со стеновым материалом.

Вскоре возникла новая проблема – недостаток бензина для нашего автотранспорта, так как жидкое горючее в основном шло на нужды фронта. Мы оказались под угрозой остановки всего автотранспорта, а значит, и строительства. Было принято решение в массовом порядке собственными силами переоборудовать машины на газогенераторное горючее (древесные чурки и другие лесоотходы). Газогенераторы, конечно, изготовляли сами в наших мастерских. Только это и позволило не останавливать строительство практически ни на один день, обеспечить работу автотранспорта. Нас тогда так волновал и занимал вопрос о переоборудовании автомашин на газогенераторы, что я, отнюдь не являясь специалистом в этой области, написал даже статью по этому вопросу, опубликованную в № 7-8 журнала «Строительная промышленность» за 1943 год.

Проектирование основных, вспомогательных и обслуживающих цехов велось непосредственно на площадке строительства филиалом Гипромеха почти одновременно с их сооружением. Это позволило осуществить оперативную увязку работы проектировщиков и производственников и значительно сократить число детализировочных чертежей.

Проект организации работ ограничивался составлением схем, производственно-технических показателей и пусковых пообъектных графиков. Иногда проекты организации работ разрабатывались в нескольких вариантах, чтобы в зависимости от создавшихся в данный момент условий можно было быстро предложить производству готовое решение.

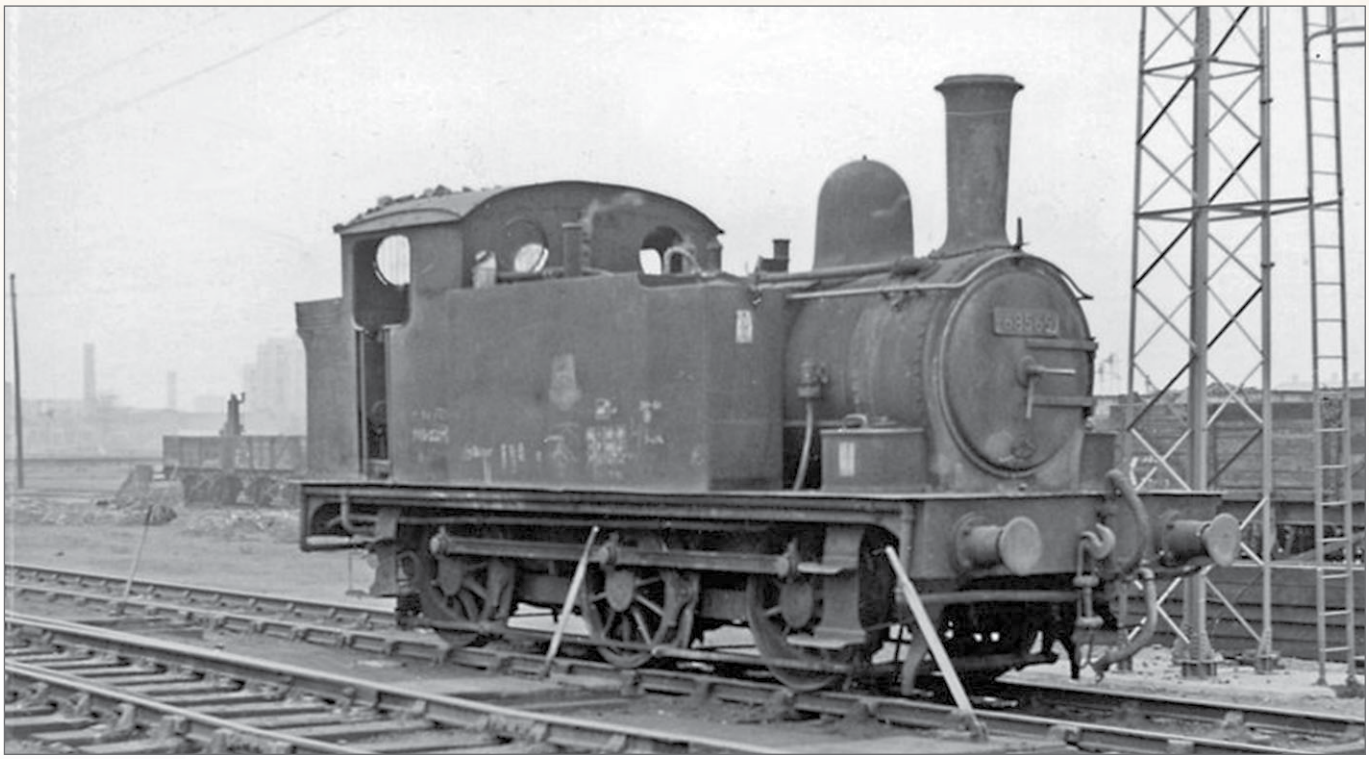
Заниматься проектированием объектов первой очереди, а также подготовительными и вспомогательными работами, не приступая к основным цехам металлургического завода, мы могли только в течение 2-3 месяцев. Дальнейшее создание производственных предприятий могло вестись только параллельно с основными работами.

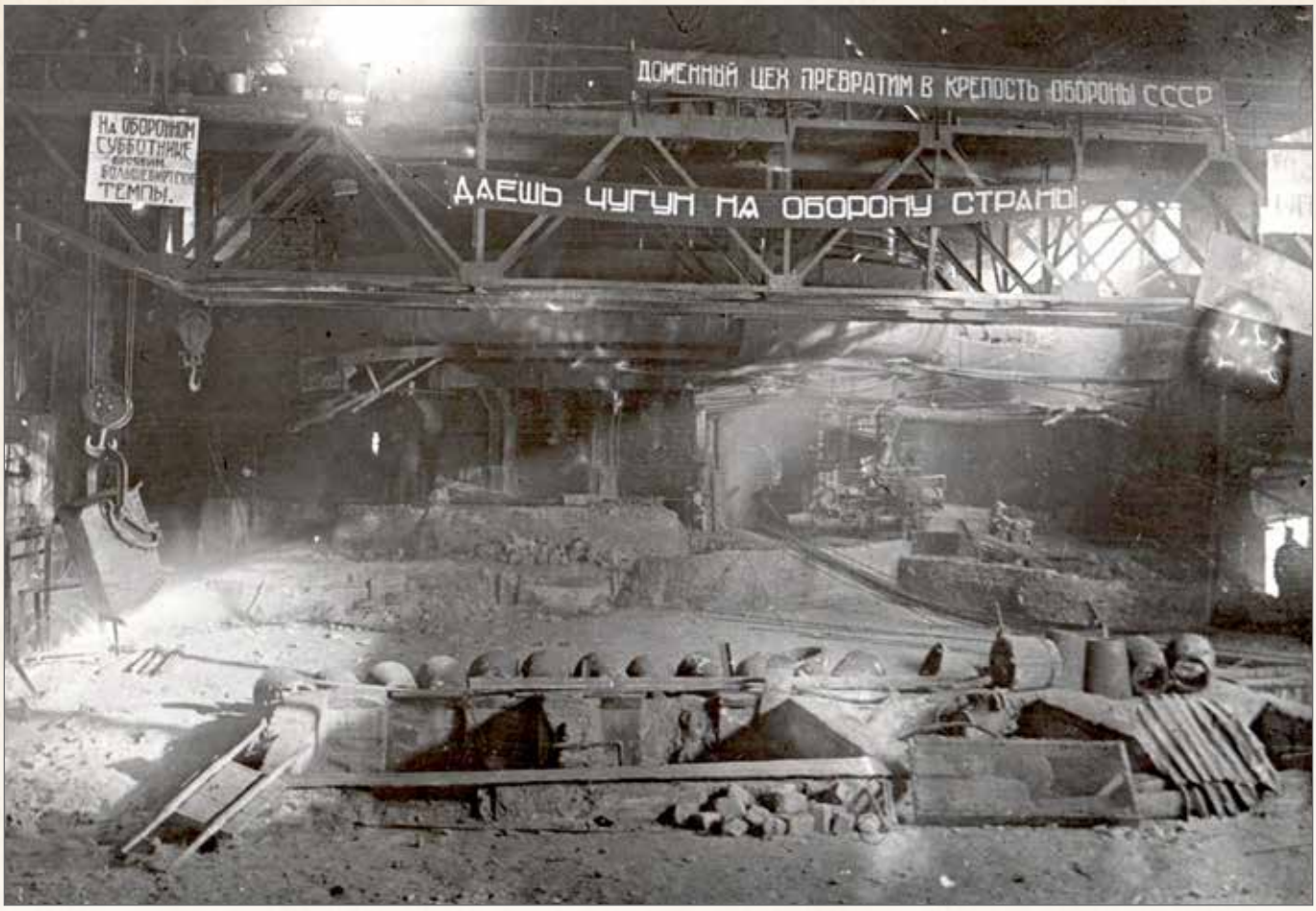
К 1-й очереди основных объектов металлургического завода относились: электросталеплавильный цех, по мощности в то время самый крупный в Европе (5 печей по 30 тыс. т стали в год), прокатный цех длиной около 500 м, чугуно-меднолитейный, кузнечный и ремонтно-механический цехи, завод огнеупоров и деревообделочный цех.

Площадь кровли основных и вспомогательных объектов составляла 70 тыс. кв. м. Из них 42 тыс. кв. м настилались по деревянным сегментным фермам, изготовляемым под открытым небом. Число ферм достигало 500 при пролетах от 15 до 25 м.

Деревянные фермы обшивались двумя слоями досок. Металлические фермы перекрывались сборными железобетонными плитами. В тех отсеках, где избыточные тепловыделения вызывали опасность в пожарном отношении, применялись решетчатые металлические фермы с холодным деревянным покрытием. Пожарные зоны, а также потолки в местах установки печей подшиты кровельным железом.

Исходя из реальных возможностей получения металла и металлоконструкций для основных цехов





были приняты следующие конструктивные решения.

Электросталеплавильный цех, имеющий высоту до 25 м, пролета до 26 м и шаг колонн до 18 м, оборудован мостовыми кранами грузоподъемностью до 75 т. Значительные размеры цеха и большая мощность кранов обусловили выбор металлических конструкций для наиболее ответственных несущих элементов. Менее нагруженные колонны и фахверки сделаны железобетонными, а некоторая часть ферм – деревянной.

Обычно применявшаяся металлическая конструкция рабочей площадки заменена в большей части железобетоном. Последний пролет – обдирочный – выделен в отдельное здание. При строительстве этого здания было использовано 914 т (около 20%) металлоконструкций, демонтированных с других предприятий, оставшихся на территориях, временно захваченных врагом.

Подкрановые балки при шаге колонн 6 м конструировались железобетонными; в тех местах, где шаг увеличен до 12 м и более, а также в пролетах, оборудованных быстроходными мостовыми кранами, установлены металлические подкрановые балки. Все железобетонные конструкции – колонны, подкрановые, обвязочные и фундаментные балки – сборные; их вес не более 10 т, и потому монтаж обеспечивался наличным крановым оборудованием.

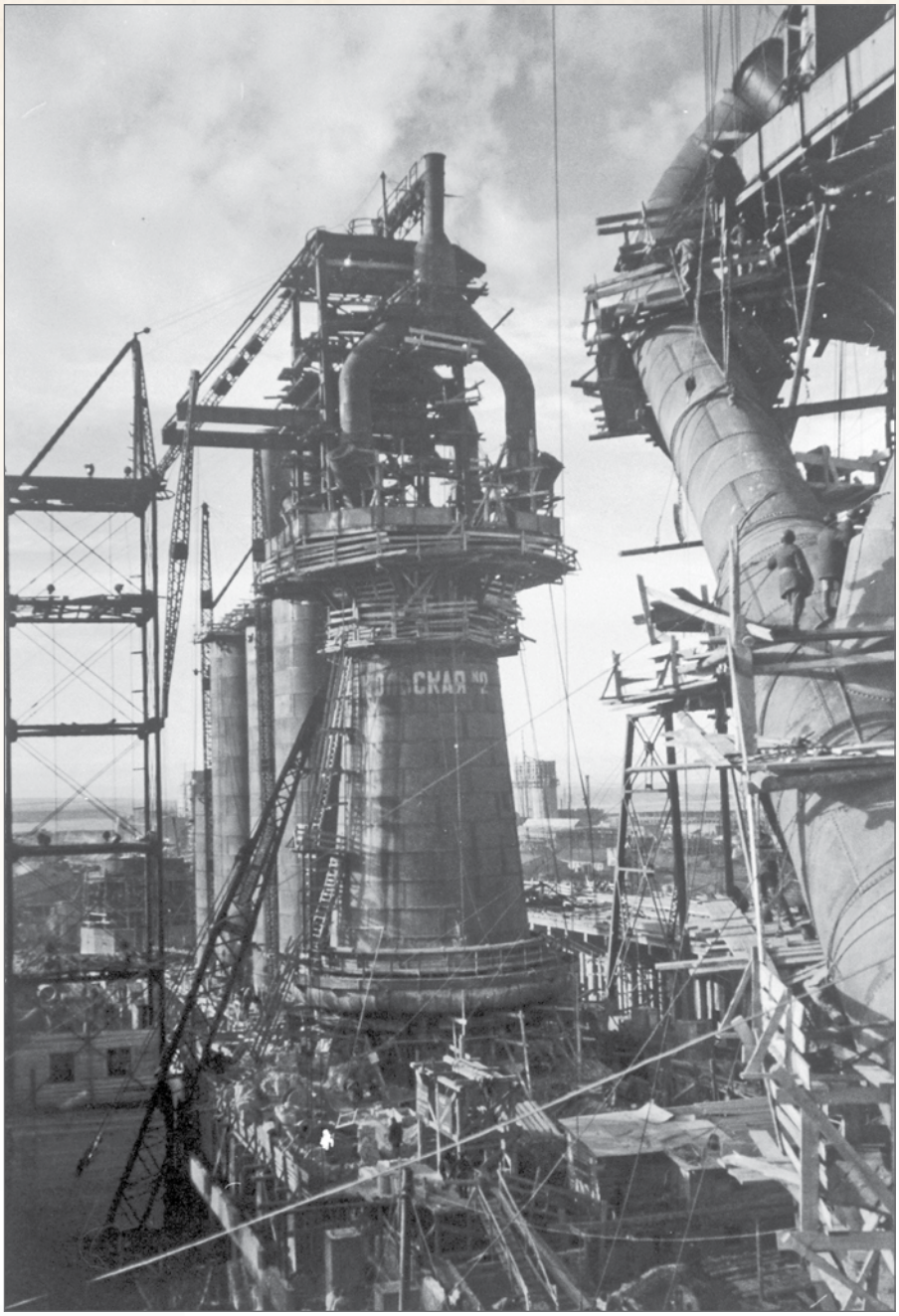
Недостаток некоторых материалов и сжатые сроки строительства заставляли нас по согласованию с проектировщиками идти на ряд упрощений, но отнюдь не в ущерб технологическому процессу или прочности сооружений. Например, в горячих цехах – прокатном, электросталеплавильном, ремонтно-кузнечном и чугуно-меднолитейном – полы были глиноземлебитные из тщательно утрамбованных сапролитов и суглинков, являвшихся основными грунтами строительной площадки; в слесарных мастерских, моторных помещениях, ремонтно-механическом и деревообделочном цехах – из местной дресвы, пропитанные смолой и тщательно укатанные. Дресвяные полы прочны, эластичны, нетеплопроводны, имеют сравнительно гладкую поверхность.

Для облицовки боровов коксовых печей, сушки магнезита, а также при кладке известково-обжигательных и других вспомогательных печей был применен вместо дефицитного огнеупорного – трепельный кирпич, сохраняющий согласно результатам лабораторных испытаний огнестойкость при температуре до 1300 °С. Намеченная проектом постройка двух больших и сложных зданий главного распределительного устройства и щита управления при ТЭЦ объемом 12 тыс. куб. м и стоимостью 700 тыс. руб. заменена одноэтажным зданием стоимостью около 500 тыс. руб. Этим была обеспечена своевременная подача электроэнергии пусковым цехам, что позволило

повременить со строительством капитальных сооружений по крайней мере один год без ущерба для нужд эксплуатации.

Для экономии металла некоторые трубопроводы были заменены бетонными и асбоцементными. Вместо общезаводской ливневой и производственной канализации выпуск в кюветы производственных вод был осуществлен по закрытым деревянным лоткам.

Мы должны были также построить плотину на р. Миасс с береговой насосной станцией, центральную компрессорную, ряд других более мелких объектов и все магистральные коммуникации. Одновременно строился и город металлургов – по 20-25 тыс. кв. м жилья в год. Почти одновременно со строительством электросталеплавильного и прокатного цехов были начаты земляные, а затем и бетонные работы по мартеновскому цеху. Но этот объект был отнесен к работам второй очереди, а в дальнейшем даже к третьей (после двух домен и коксовых батарей), и вначале строился медленными темпами, являясь скорее резервным фронтом для освобождающейся временами техники и рабочих кадров. Одновременно надо было обеспечить (по постоянной, а не временной схеме) подачу электроэнергии, воды, тепла, создать систему стоков и связи.

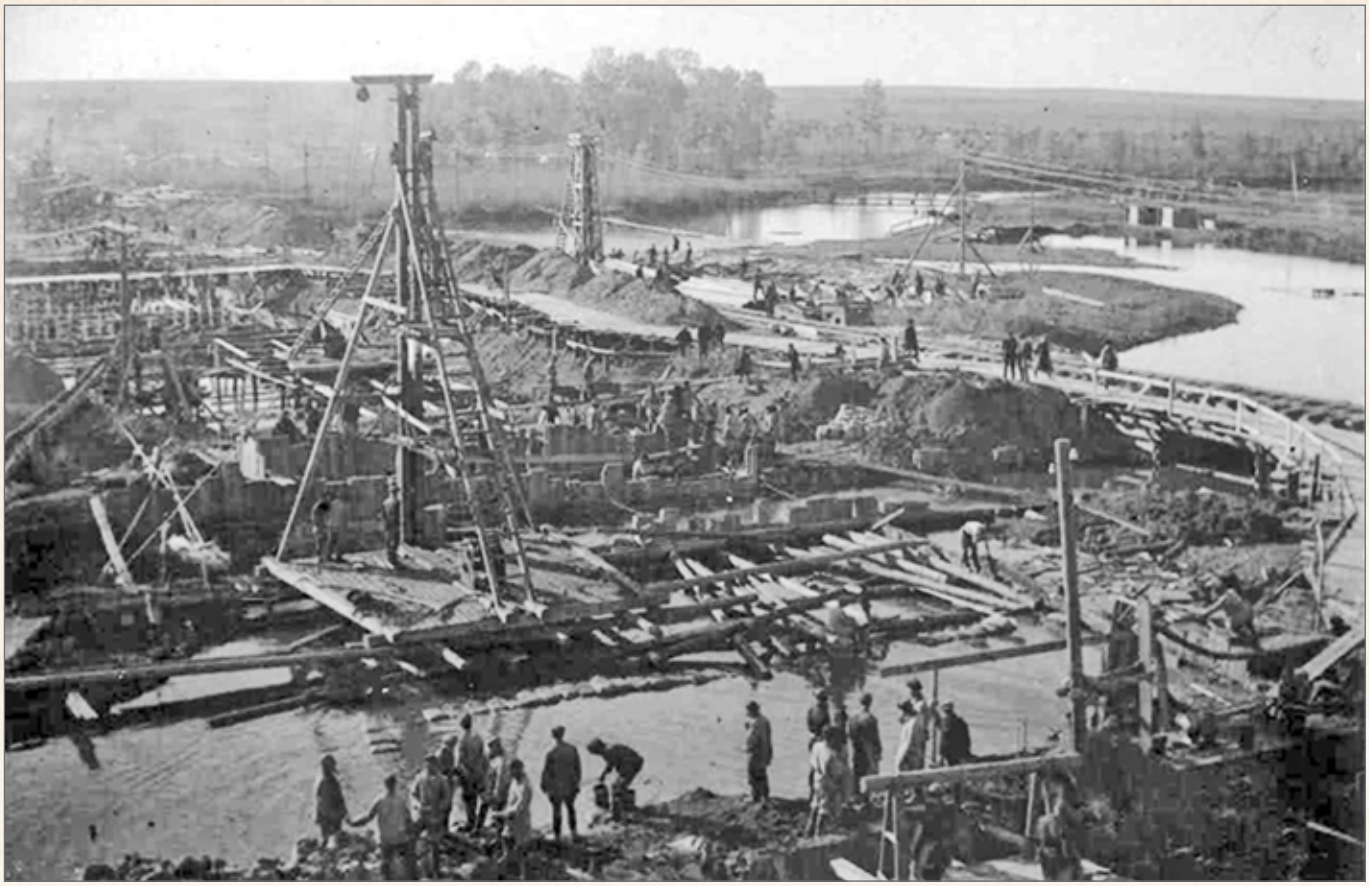


По-настоящему боевая работа нашего дружного коллектива, постоянная поддержка строительства областным комитетом партии, четкая работа органов наркомата черной металлургии как в области проектирования, так и обеспечения нас оборудованием позволили нам 7 февраля 1943 года – ровно через 9 месяцев после разгрузки первого эшелона строителей – доложить Государственному Комитету Обороны о завершении и сдаче в эксплуатацию первой очереди строительства Челябинского металлургического завода. Этот рапорт, как и последующие доклады Государственному Комитету Обороны, был опубликован в центральной печати.

После отладки оборудования и опытных плавок электросталеплавильный цех выдал 19 апреля 1943 г. первую эксплуатационную плавку. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 апреля 1943 года большая группа работников строительства была награждена орденами и медалями.

Конечно, такие сроки строительства могли быть осуществлены только в результате подлинного трудового героизма всего коллектива, понимающего, как нужна качественная сталь для фронта. Может быть, это звучит парадоксально, но даже сейчас, в дни мирного строительства, при неизмеримо лучшем снабжении, более высокой механизации работ, было бы очень трудно в такие сроки создать на голом месте комплекс металлургических цехов, реально выдающих качественную продукцию.

На всем строительстве было 480 грузовых машин, 32 паровоза (зимой часть из них использовалась в качестве паровых установок), 300 вагонов и 1176 лошадей. Кроме этих транспортных средств мы имели 15 различных экскаваторов общей емкостью ковшей около 14 куб. м, 27 бетономешалок, 13 растворо-



мешалок и 13 камнедробилок. Вот и вся механизация. И тем не менее, например, в 1943 г. объем строительно-монтажных работ составил 154 млн. руб. (в тех ценах). Это на 60% больше, чем в 1942 году.

И сейчас встает комок в горле, когда вспоминаешь дни отгрузки первых эшелонов нашей челябинской стали на танковый завод, митинги в цехах, полные горячего патриотизма речи рабочих и инженеров, принятие новых обязательств.

В телеграмме заместителя Председателя Совнаркома СССР В. А. Малышева, посланной на завод 12 ноября 1943 года, говорилось:

«Коллектив Челябинского металлургического завода перевыполнил в октябре задание Государственного Комитета Обороны по поставке металла заводам танковой промышленности, чем обеспечил выполнение плана по производству танков и танковых моторов.

Надеюсь, что коллектив вашего завода и впредь будет обеспечивать металлом производство танков, столь необходимых в настоящее время нашей Родине для окончательного разгрома врага».

Наказ правительства сталеплавильщики выполнили успешно.

Вспоминая и анализируя нашу работу на Челябметаллургстрое, хочется подчеркнуть, что в немалой степени успех в выполнении задания партии и правительства определялся не только общим энтузиазмом и стремлением как можно скорее дать сталь для нужд фронта. На строительстве, как и на других оборонных предприятиях страны, была поистине боевая обстановка. Во главе большинства подразделений строительства стояли военные инженеры А. М. Волынский, М. А. Зарицкий, Н. Б. Лобоцкий, Д. С. Захаров и другие.

Положение «приказ – закон» было не фразой, а общим стилем работы. Это в полной мере относилось не только к трудармейцам, но и ко всему нашему многочисленному коллективу вольнонаемных рабочих, ИТР и служащих.

Большую политико-массовую, воспитательную и организационную работу вел созданный с середины 1942 г. политический отдел строительства. Умело направляли патриотический подъем строителей и монтажников на успешное решение сложных и разнообразных задач партийные и комсомольские организации. На строительстве регулярно с 1 мая 1942 года издавалась очень боевая и острая многотиражная газета.

На всех объектах строительства, выполняющих суточный план, поднимался на мачте большой красный вымпел. Если план не выполнялся, вымпел немедленно спускался. О каждом подъеме и спуске вымпела докладывали мне и начальнику политотдела. Подобные вымпелы были установлены и для бригад, выполняющих заданную норму свыше 125%.

Не забывали мы и о материальных формах поощрения за отличный труд, высокие производственные показатели. Вот лишь один пример. В обращении, с которым мы с начальником политотдела строительства А. Г. Воронковым обратились

▲ Современный ЧМК

к монтажникам ТЭЦ и Доменстроя и к экскаваторщикам, наряду с призывом отдать все силы на скорейшее обеспечение нужд фронта в качественном металле было записано:

«Рабочий, досрочно выполнивший десятидневное задание с оценкой не ниже «хорошо», сокративший заданный срок на три дня и более, получает за наличный расчет: шесть метров х/б ткани, одну пару парусиновых ботинок, одну пару белья, две пары носков, трусы, майку, 10 штук лезвий для безопасной бритвы и один кусок туалетного мыла».

Работница-женщина имела право приобрести шесть метров ткани, хлопчатобумажное платье и босоножки, две пары трико и чулок, кусок туалетного мыла.

Далее указывались нормы отпуска этих же товаров при соответственно меньших трудовых показателях (но не менее 100%). Молодые рабочие ФЗО получали эти же товары бесплатно.

В ряде приказов о премировании устанавливалось, например, что половину денежной премии разрешалось отоварить (без карточек) в магазинах нашего Торгпита. Часто наряду со скромными денежными премиями выдавался костюм (гимнастерка и брюки), что было по тем временам, пожалуй, нужнее денег.

Возможно, сегодня эти премии вызовут улыбку, но в те трудные годы они были серьезным стимулом повышения производительности труда.

Необходимо отметить, что успех коллектива был бы невозможен и без постоянной серьезной помощи Главного управления промышленного строительства, возглавляемого Георгием Михайловичем Орловым, и опекавшего нас заместителя наркома внутренних дел СССР Аврамия Павловича Завенягина, руководившего до этого строительством и эксплуатацией Норильского комбината (ныне носящего его имя).

Много лет проработал я с Аврамием Павловичем и в качестве подчиненного ему начальника строительства, и в качестве его заместителя, многому научился у него. Сын паровозного машиниста из Луганска, заместитель Председателя ВСНХ Серго Орджоникидзе и, наконец, заместитель Председателя Совета Министров СССР, А. П. Завенягин обладал исключительной эрудицией, удивительной способностью смотреть вперед, принимать верные решения вне зависимости от ведомственных интересов, а иногда и вопреки им. С беспредельной настойчивостью он добивался выполнения принятых им решений (всегда глубоко рассмотренных и обсужденных), и требовались какие-то исключительные аргументы и усилия, чтобы он согласился пересмотреть принятое или утвержденное им решение.

Металл был главной, но не единственной задачей коллектива Челябметаллургстроя (ЧМС).

Неотложным было и строительство первой очереди ТЭЦ мощностью 25 тыс. квт с плотиной и насосной станцией на реке Миасс. Эту работу мы начали вслед за строительством металлургических цехов в марте 1943 года. А в январе 1944 года был уже дан ток от первого турбогенератора. За эту работу наш коллектив вновь получил благодарность Государственного Комитета Обороны.

С осени 1942 г. развернулись работы второй очереди по строительству металлургического завода, к которой относилось сооружение двух доменных печей объемом по 930 куб. м, которые мы же демонтировали со всем их хозяйством на Липецком металлургическом заводе, а также двух коксовых батарей. Имея уже законченные, хотя и сравнительно примитивные производственные предприятия, сеть дресвяных, но устойчивых дорог, а главное, сработанный коллектив и умудренные опытом рабочие кадры, строительство этих крупных сооружений мы вели уже более организованно и с большей производительностью труда, чем работы первой очереди.

Можно отметить, например, что непрерывное бетонирование монолитного «пня» домны № 2 было выполнено в суровых зимних условиях всего за 64 часа с подачей до 70 куб. м бетона в час. Было уложено 1630 куб. м бетона и 320 куб. м камня в виде «изюма». Бетонирование осуществлялось слоями толщиной в нижней (уширенной) части фундамента 20 см и в верхней части толщиной 35 см. Каждый слой перекрывался следующим не позже чем через 2,5-3 часа. Обработка бетона осуществлялась вибробулавами. Этот опыт интересен, во-первых, тем, что удалось произвести действительно непрерывное бетонирование фундамента под домну, а во-вторых, тем, что это было достигнуто простейшими средствами механизации. Первая домна была закончена и дала чугун 30 апреля 1944 года.

В те же сроки вошла в эксплуатацию первая коксовая батарея и построенная нами агломерационная фабрика на Бакальских рудниках. Об этом мы вместе с руководством завода доложили Государственному Комитету Обороны и 12 мая получили (опубликованное в прессе) поздравление и приветствие ГКО. Тогда же группа работников строительства и завода была вновь награждена орденами и медалями. Вскоре была завершена напряженная работа по пуску второй домны и второй коксовой батареи.

Наряду с перечисленными основными объектами наше строительство в 1942-1943 гг. вело ряд вспомогательных объектов завода, к которым относились: Тургоякский известняковый карьер с дробильной фабрикой, Нижне-Увельский рудник огнеупорных глин, Катав-Ивановский цементный завод, работы по которому были закончены в ноябре 1943 года.

Замечательные, самоотверженные люди работали на нашем строительстве! Я не имею возможности назвать всех тружеников, высококвалифицированных строителей и монтаж-пиков, создавших первую и вторую очереди Челябинского металлургического завода. Но кроме

▲ Могила Комаровского на Новодевичьем кладбище

главного инженера В. А. Сапрыкина, о котором я писал выше, не могу не упомянуть моих заместителей, в прошлом руководителя крупного строительно-монтажного южного треста Наркомстроя Александра Михайловича Волынского, Михаила Михайловича Кузнецова и Павла Павловича Честных, заместителя главного инженера по производству Лазаря Борисовича Хейфица. Решающую роль в организации строительства в целом, и прежде всего в создании ремонтно-механической базы, организации монтажа, сыграл заместитель главного инженера по механизации инженер с разносторонним практическим опытом и теоретической эрудицией Петр Константинович Георгиевский (ныне заместитель министра среднего машиностроения СССР).

Прокатстрой возглавляли Д. С. Захаров и Д. К. Семенов (глав. инженер), Стальстрой – М. А. Зарицкий и С. Д. Радько, Доменстрой – Н. Б. Лобоцкий и В. П. Островский, Предзаводстрой – Я. М. Гельман, Подсобстрой и ТЭЦстрой – Д. К. Семичастный, Желдорстрой – Ф. А. Крупович и А. В. Малик, Жилстрой – Н. И. Егоров, Дорстрой – А. П. Евсин и Б. А. Курочкин, Рудбакалстрой – Н. Ф. Шапошников, которого сменил в дальнейшем Д. С. Захаров, Конскострой – Г. Е. Павский и Радзиловский, Ремзаводстрой – А. И. Кочегаров, Сантехстрой – Н. И. Полетаев, Стальконструкция – А. З. Цифринович, а затем Б. П. Калинин, Огнеупорстрой – М. Б. Дзампаев.

С некоторыми из перечисленных руководителей строительно-монтажных подразделений я работал еще на канале Москва – Волга, с другими встретился впервые на строительстве оборонительных рубежей, но все они на всю жизнь остались моими настоящими друзьями, и со многими из них предстояло совместно трудиться долгие годы.

Самоотверженно трудились все строители и монтажники нашего многотысячного коллектива (к концу 1943 года работало уже около 44 тыс. человек). Как на других заводах, работавших для фронта, так и у нас на стройке с конца апреля 1942 года

▲ Мемориальная доска Комаровского

был установлен одиннадцатичасовой рабочий день с соответствующей доплатой. Фактически же на пусковых объектах работали и дольше. Это обязывало руководителей проявлять особую заботу о быте рабочих, о питании. Ресурсы централизованного продовольственного снабжения были недостаточны, приходилось широко использовать самозаготовки. Помню, мы организовали тогда киргизскую заготовительную контору. Создали свою рыболовецкую артель, которая вылавливала на уральских озерах не менее 25 т рыбы в месяц. Это было неплохим подспорьем для наших столовых.

С конца июня 1943 года был разрешен прием на индивидуальное и бригадное обучение ребят, достигших 14-летнего возраста и имевших медицинское заключение об удовлетворительном состоянии здоровья. Для них был установлен шестичасовой рабочий день со льготной оплатой. На строительстве была широко организована подготовка специалистов-строителей (в основном путем бригадного ученичества), что позволило к 1943 году подготовить 5 тыс. каменщиков, плотников, арматурщиков и слесарей.

Как и на строительстве капала Москва – Волга, на Челябметаллургстрое мы придавали важнейшее значение контролю за работой во всех звеньях строительства. В апреле 1942 года помимо технической инспекции была создана очень оправдавшая себя так называемая «особая инспекция».

В Положении об этой инспекции говорилось:

«Инспекция существует на правах самостоятельного отдела, возглавляется начальником инспекции с непосредственным подчинением начальнику Управления строительства и осуществляет контрольно-инспекторские функции.

1. На инспекцию строительства возлагаются следующие функции:

а) контроль и проверка исполнения издаваемых начальником управления строительства приказов;

б) выполнение особых заданий, полученных лично от начальника строительства;

в) наблюдение за ходом выполнения плана и графика работ;

г) контроль за санитарно-бытовыми условиями во всех подразделениях, за проведением в жизнь инструкций и положений, регламентирующих внутренний порядок и режим».

Не буду вдаваться в подробности работы этой инспекции. Скажу только, что была она весьма эффективна и способствовала правильному и своевременному сооружению большинства объектов.

Ни на минуту не оставляли всех нас мысли о положении на фронтах. Для фронта, для победы мы отдавали не только свой труд. В соответствии с решением Челябинского обкома ВКП(б) в начале февраля 1943 года мы подготовили из числа военнообязанных наших работников и проводили на фронт лыжный батальон численностью 1750 человек. Строители и монтажники собирали крупные суммы в фонд обороны. Так, 27 февраля 1943 года мы собрали свыше 5 млн. руб., за что получили благодарность Председателя ГКО.

И в заключение напомню, что, несмотря на очень напряженную работу, мы все-таки считали себя тыловиками. ■

ВАСИЛИЙ ЯНУШКЕВИЧ

САМАЯ ГРАНДИОЗНАЯ КАТАСТРОФА XX ВЕКА

26 апреля 1986 года произошла самая грандиозная катастрофа XX века. На Чернобыльской АЭС взорвался четвертый атомный реактор. ЧАЭС находится в ста км севернее Киева и в тридцати км от Чернобыля – районного центра с населением около тридцати тысяч человек.

Истинную причину случившегося можно только предполагать. 25 апреля дежурная смена начала снижать температуру реактора, чтобы провести необходимые профилактические работы. Но реактор, вдруг, вышел из повиновения. Стала резко повышаться температура. 26 апреля произошло два взрыва. Реактор был полностью разрушен. В небо над ним взметнулся огненный столб раскаленного урана высотой около двухсот метров. Двое суток он горел, как второе солнце, излучая невидимую смерть. Никто не знал, что надо делать. При взрыве около 80 тонн различного хлама – графита, бетона, арматуры – перебросило через крышу третьего энергоблока, частично оседая на ней. Начался пожар. Первыми бросились его тушить аварийные службы станции. Тридцать человек погибли в первые двое суток. По тревоге были подняты части Гражданской обороны Киевского военного округа, которые уже через полтора часа приступили к ликвидации последствий. Начали рыть штольни, чтобы заливать бетоном реактор. С вертолетов сбрасывали в жерло свинец и бетонные блоки, но все было бесполезно. Только на шестые сутки температура реактора стала снижаться.

В трех км от станции расположен поселок городского типа Припять. 27 апреля населению объявили о пожаре на АЭС и рекомендовали закрыть все окна и не выходить на улицу. По свидетельству одного жителя Припяти, его сосед решил позагорать на крыше гаража, но вскоре слез, сказал, что сильно печет солнце. Через

пару часов тело его покрылось пузырями, началась рвота, его госпитализировали.

По планам Гражданской обороны при возникновении любых аварий, если есть угроза жизни для людей, должна проводиться немедленная эвакуация населения. После взрыва, 26 апреля, по системе гражданской обороны о случившемся было доложено по всем инстанциям, в том числе Горбачеву. Из Москвы последовала команда – «не поднимать паники». Страна готовилась к Первомайским праздникам.

А между тем, радиоактивная зараза, в зависимости от направления ветра, разносилась над планетой. Зараженной оказалась местность вокруг АЭС в радиусе до 60 км, значительная часть Гомельской области Белоруссии, Брянской области. 30 апреля на Шведской АЭС Фордсмарк зафиксировали повышенный уровень радиации. Вскоре повышение радиации было зафиксировано в Японии и в США. Ученые установили источник излучения – АЭС под Чернобылем.

А что же делало руководство нашей страны? Только через три дня началась эвакуация населения из зараженной территории площадью около 240 тысяч квадратных километров. Было эвакуировано 130 тысяч человек, хотя никакой информации официально власти не давали.

На запрос МАГАТЭ сообщили, что при взрыве выброс из реактора составил около 3%, хотя на самом деле выброс составил около 80% мощности реактора, в котором находилось 180 тонн ядерного топлива, мощность которого, по данным ученых, составляла 1 500 атомных бомб, сброшенных США на Хиросиму в 1945 году.

Первомайскую демонстрацию в Киеве не отменили, хотя отмечено было массовое бегство населения из столицы. Осознав всю опасность происшедшего, была создана государственная комиссия во главе с министром Щербиной и группировка войск из частей Гражданской обороны и войск военных округов.

В то время не было МЧС, ее теперешние функции выполняла Гражданская оборона, организационно входившая в состав Министерства обороны. Начальником Гражданской обороны СССР был заместитель Министра обороны. В военных округах были управления гражданской обороны во главе с заместителем командующего округом по гражданской обороне. В каждом округе были части гражданской обороны. В первую же неделю части гражданской обороны Киевского военного округа получили предельно допустимые дозы облучения, поэтому в группировку для ликвидации последствий катастрофы были включены батальоны химической защиты: 25 бригада химической защиты Московского военного округа и 21 полк химической защиты Сибирского военного округа.

▲ Радиационная разведка

Непосредственное руководство всеми работами по ликвидации последствий осуществлял штаб, в состав которого входили ученые-

▲ Загрузка свинца

атомщики, работники министерств страны и республик. От штаба ГО СССР входила Оперативная группа. Работа штаба была организована в Чернобыле. Группа ученых-атомщиков занималась своими проблемами, представители правительств – проблемами материального обеспечения, а военным предстояло заниматься ликвидацией последствий катастрофы. Она заключалась в постоянном ведении радиационной разведки, дезактивации дорог, объектов, в первую очередь, на третьем энергоблоке, который был остановлен, а также всех населенных пунктов в радиусе тридцати километровой зоны от АЭС. Но главная задача состояла в том, чтобы прекратить радиоактивное излучение в атмосферу, то есть замуровать разрушенный реактор в саркофаг. С этой целью были развернуты полевые бетонные заводы, строилась опалубка, сооружались металлические каркасы. Десятки тяжелых бетоновозов день и ночь возили бетон и заливали в опалубку. Работы по сооружению саркофага

Янушкевич Василий Антонович, генерал-майор танковых войск (1980 г.) родился 12 февраля 1937 года в глухой сибирской деревне. Был призван в армию в 1956 году, закончил танковое училище. С 1960 по 1980 гг. находился в войсках, командуя танковым взводом, ротой, батальоном, полком и танковой дивизией. Воинские звания майор, подполковник, полковник получил досрочно. В 1982 году закончил Военную академию Генерального штаба, назначен на должность первого заместителя командующего армией в Забайкальский военный округ. В 1985 году по состоянию здоровья был вынужден уйти со строевой службы. Был назначен заместителем командующего войсками Сибирского военного округа по гражданской обороне.

26 апреля 1986 года взорвался атомный реактор на Чернобыльской атомной электростанции. В.А. Янушкевич был командирован в зону заражения. С ноября 1986 по 17 января 1987 года руководил работой всех войск, участвовавших в ликвидации последствий катастрофы. 17 января был эвакуирован в новосибирский военный госпиталь. После двухмесячного лечения был назначен начальником Ярославского высшего военного финансового училища имени генерала армии А.В. Хрулева. В декабре 1992 года вышел в отставку.

были закончены только в ноябре. На его сооружение израсходовано более шести тысяч тонн бетона и около трех тысяч тонн металла.

Эту задачу выполняли в основном строители и шахтеры. Если учесть, что работа проходила непосредственно вблизи реактора, где нахождение более одной минуты было смертельно опасно, то можно понять, что многие из этих героических людей были обречены.

Второй по важности проблемой была задача подготовки к введению в эксплуатацию третьего энергоблока, в котором надо было провести дезактивацию всех помещений по нескольку раз, а этих помещений от залов до различных кладовых, насчитывалось сотни. Как показала проверка, в реакторном зале третьего энергоблока уровень радиации достигал 40 рад/ч. Тем не менее, было принято решение готовить реактор к вводу в эксплуатацию и одновременно провести подготовительные работы для начала строительства третьей очереди АЭС, то есть пятого и шестого энергоблоков. Но здесь возникла новая проблема.

▲ Ликвидаторы

Все железнодорожные пути были заражены, к месту строительства нужно было проложить новые пути, для чего необходимо было прорубить просеку через лес длиной 5 км и шириной не менее 60 м. Однако, при взрыве реактора этот лес оказался накрыт облаком радиоактивного йода, он стал совершенно рыжим.

Кратко о решении других задач. Радиационная разведка проводилась ежедневно в радиусе до 60 км и более. Все дороги, ведущие к станции, ежедневно смывались дезрастворами, обочины опрыскивались латексом. Все жилые и хозяйственные строения в радиусе тридцати километровой зоны смывались сверху донизу растворами, дворы под-

▲ Дозиметрический контроль

метались метлами, из всех хлевов выбрасывался весь навоз. Все это собиралось в целлофановые мешки и вывозилось в так называемые могильники – обыкновенные силосные ямы и карьеры. На отдельные площадки сосредоточивалась вся зараженная техника – бульдозеры, экскаваторы, самосвалы, автокраны, бронетранспортеры – все, что не поддавалось обработке. Эти работы продолжались до 1992 года, когда по требованию МАГАТЭ работа Чернобыльской АЭС была прекращена и приступили к выгрузке ядерного топлива из всех энергоблоков. А пока руководство страны принимало различные решения, тысячи военнообязанных и кадровых военнослужащих вахтовым методом продолжали борьбу с невидимой смертью. Всего с начала взрыва и до окончания работ прошло через это пекло около пятисот тысяч человек (далее – ликвидаторов). Смена личного состава проводилась через три месяца, а в отдельных случаях и раньше. Необходимо остановиться на особенностях радиационной обстановки. Она существенно отличалась от той, какая возникает при обычном ядерном взрыве. В ядерном взрыве мгновенно происходит цепная реакция, заражение местности проходит по направлению ветра, как бы лучом. В нашем случае ситуация совершенно другая. Как уже сказано выше, после взрыва двое суток столб раскаленного урана высотой около двухсот метров освещал и облучал все вокруг и до конца ноября, то есть до окончания сооружения саркофага, в зависимости от направления ветра, происходило заражение всего вокруг. Степень заражения зависела от интенсивности выбросов из утробы реактора. Поэтому, даже на десяти квадратных метрах уровни радиации могли существенно отличаться.

В октябре 1986 года на всю страну был показан телеролик – солдат с красным флагом карабкается по трубе третьего реактора, чтобы водрузить его в знак победы, подтверждая тем самым, что третий реактор готов к вводу в эксплуатацию. Трудно объяснить, чем руководство штаба той смены руководствовалось, принимая такое решение. 20 ноября 1986 года на вахту прибыла очередная смена. Во главе штаба был назначен начальник Главка министерства строительства В.Я. Возняк, начальником ОГ штаба ГО СССР генерал-лейтенант Н.А. Капочкин, его первым заместителем автор этих строк – генерал-майор В.А. Янушкевич (в то время – заместитель командующего Сибирским военным округом по гражданской обороне).

Работу мы начали с детальной радиационной разведки. Оказалось, что уровни радиации в помещениях третьего энергоблока превышают все допустимые нормы, а на крыше третьего реактора уровни радиации достигали от тридцати миллирентген до тысяч рентген, о чем мы доложили по команде. Министр обороны доложил Предсовмина. Через два дня прибыл председатель правительственной комиссии Щербина и кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС В.И. Долгих.

◀ Создание саркофага

Было принято решение продолжать работы по дезактивации третьего энергоблока и ускорить работы по подготовке условий для строительства третьей очереди АЭС. Но как удалить радиоактивный хлам с крыши третьего реактора? Бульдозер туда не затащишь. Привезли два японских робота – мини-бульдозера. Запустили их, они прошли несколько метров и остановились. Оказалось, что они рассчитаны для работы при радиации не более пятидесяти рентген. Наши «Кулибины» решили заставить «японцев» работать – что-то подкрутили, снова запустили. Роботы прошли за зону свыше пятидесяти рентген и сгорели. Остался самый надежный вариант – солдат с лопатой. Нашлись добровольцы. Солдата одели в защитный костюм, нацепили свинцовых пластин, дали лопату, которой он должен взять кусок хлама, быстро добежать до карниза и бросить его вместе с лопатой. Солдата отпустили домой, а эксперимент прекратили. Перед проделыванием просеки для прокладки железнодорожной ветки была проведена детальная радиационная разведка полосы шириной около километра через «рыжий лес» протяженностью пять километров. Оценив обстановку, было принято решение делать просеку шириной шестьдесят метров. К концу декабря просека была готова, но, как потом оказалось, это была никому не нужная работа.

Каковы же оказались последствия этой катастрофы века? В СССР детали ее и последствия тщательно замалчивались. В западных СМИ сообщалось, что в Англии и Голландии забили десятки тысяч голов домашнего скота, в Германии вылили тысячи тонн молока. В СССР об этом никакой информации не было. В тоже время, все центральные госпитали в Москве, госпитали Украины, Белоруссии и госпитали Военных округов были заполнены «ликвидаторами». По данным некоторых ученых, в течение первого года после взрыва погибло более десяти тысяч человек. Но последствия радиоактивного облучения проявляются десятилетиями, поэтому никто в государстве не заинтересован в этих исследованиях, кроме ученых.

Ведь в противном случае, государство должно позаботиться о тех, кто рисковал жизнью, здоровьем, об их семьях, которые остались без кормильцев. Прежде, чем рассказать, как руководство страны проявило заботу об этих людях, необходимо освятить еще один очень важный вопрос, а именно – как велся учет облучения

«ликвидаторов»? Прежде всего, следует отметить, что никаких приборов индивидуального учета облучения личного состава в стране не оказалось! Те индивидуальные дозиметры, которые выдавались офицерам, оказались в данной ситуации не пригодны, так как они начинали показывать при уровне радиации не менее пяти рентген. Для определения уровня радиации на местности, а так же облучения техники использовался прибор ДП5. Поэтому, учет облучения личного состава велся эмпирически. Тем, кто работал на третьем энергоблоке, записывали 0,9 рентген, в зоне до десяти км – 0,6, в зоне от десяти и далее от АТС – 0,3 рентгена в час. Но, как уже сказано ранее, уровень

▲ Зараженная техника

радиации везде существенно отличался, то определить дозу облучения точно практически было невозможно. Приведу такой пример. Когда мы прибыли на вахту, нам – руководству, выдали маленькие контейнеры, в которых помещалось три маленькие таблетки, якобы, накопители радиации. Когда 17 января 1987 года меня по состоянию здоровья эвакуировали в Новосибирский окружной военный госпиталь, я отдал эти таблетки в институт ядерной физики, чтобы определить дозу облучения, то оказалось, что этот контейнер до меня уже использовался. Отсюда можно сделать вывод, что никто не знает, какую дозу кто получил.

Теперь вернемся к вопросу, какую заботу наше родное руководство проявило о тех, кто отдал жизни, рисковал здоровьем во имя жизни других? В 1991 – 1992 годах правительством Черномырдина были приняты ряд законов «О социальной защите лиц, подвергшихся радиоактивному облучению в результате Чернобыльской катастрофы». Они были утверждены Президентом Ельциным. Этими законами «ликвидаторам» предоставлялись большие льготы. В частности – бесплатное медицинское обслуживание, льготное, то есть, бесплатное обеспечение лекарствами, бесплатное санаторно-курортное обеспечение, скидки на 50% всех коммунальных платежей, в том числе на членов семьи, проживающих с ним и ряд других льгот. Должен отметить, что в эти труднейшие для страны годы эти законы неуклонно исполнялись.

Вплоть до зурабо-кудринской реформы монетизации льгот. Хорошо помню разговор президента В.В. Путина по теме этих реформ. Президент сказал, что надо сделать так, чтобы ни в коем случае не стало хуже, на что его заверили, что этого не будет. А что они сделали на самом деле? В преамбуле закона действительно написали, что не должно быть хуже. Более того, регионам дали право увеличивать льготы. А на самом деле фактически льготы выхолостили. Так, раньше льготники освобождались от уплаты подоходного налога, других налогов, сборов и пошлин. В новом

▲ Руины 4-го энергоблока

законе просто уменьшили налогооблагаемую базу на 10 000 рублей, что адекватно одной сотки кадастровой стоимости земли в Ярославской области. Отменили бесплатные путевки в санатории, отменили бесплатный проезд железнодорожным транспортом один раз в год в границах РФ. Льготы по коммунальным платежам членам семьи ликвидаторов отменили, а самим льготникам оставили только 50% от социальной нормы. И еще можно перечислять, но думаю этого достаточно, чтобы увидеть циничность «реформаторов». Видимо, не хватало денег олигархам! А ведь закон прошел через наших слуг народа, подписан Президентом.

На этом примере видно, как вешают лапшу Президенту. Ведь он не мог прочитать талмуд в четыре сотни страниц. Эта зурабо-кудринская реформа трагически ударила по многим ликвидаторам. Так, командир 21 полка химзащиты Сибирского военного округа полковник В.Г. Левченко, работавший в зоне заражения, бессменно, пять месяцев – инвалид первой группы, даже на полковничью пенсию не может купить все необходимые лекарства. Хорошо, что помогают дети. Многие из тех героических людей уже ушли из жизни, а те, кто еще жив, доживают свои дни, вспоминая « нежным» словом «родное правительство».

Ответственность за трагедию возложили на директора АЭС – (дали восемь лет) и первого секретаря ЦК компартии Украины, который не выдержал обвинения и покончил жизнь самоубийством. Горбачев побоялся даже прибыть в Киев. Совещание по Чернобыльской катастрофе летом 1986 года провел в Минске. ■

АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВ

ТРИ ПОЕЗДКИ В ФАШИСТСКУЮ ГЕРМАНИЮ

Конец 30-х годов запечатлелся в памяти моего поколения серией наглых разбойничьих нападений гитлеровской Германии, разгромом ряда европейских государств. Буквально каждый день был чреват неожиданностями.

После того как в 1938 году гитлеровская Германия в результате попустительства правителей Англии и Франции поглотила Австрию и Чехословакию, окрыленный легким успехом Гитлер задумал захватить и Польшу.

Правда, здесь дело обстояло несколько сложнее, так как между Польшей, с одной стороны, и Англией и Францией, с другой, существовал договор о взаимопомощи в случае агрессии. Хотя Гитлер и был уверен, что Англия и Франция воевать за Польшу не станут, он все же решил спровоцировать повод для нападения.

И вот 30 августа 1939 года группа выпущенных из немецких тюрем уголовников, переодетых в польскую военную форму, под руководством эсэсовца Скорцени совершает нападение на радиостанцию в пограничном германском городе Глейвиц. Провокация удалась. Повод создан. Фашистские газеты и радио захлебываются от враждебных выпадов против Польши. В ночь на 1 сентября 1939 года гитлеровские войска перешли границу Польши.

Быстро преодолев сопротивление польской армии, гитлеровцы в короткий срок добились победы. Уже 6 октября боевые операции в Польше были закончены. Остатки польских

▲ Сентябрь 1939-го г. Польша

вооруженных сил капитулировали, а варшавское правительство бежало за границу.

Сразу после вторжения в Польшу немецких войск Англия и Франция объявили Германии войну. Объявили... но не воевали, несмотря на весьма благоприятную для них военную обстановку.

Весь мир со дня на день ожидал, когда же Англия и Франция начнут военные действия. Но в конце 1939 – начале 1940 года ни войска французов и англичан, ни войска гитлеровцев не переступали свои границы.

В военных сводках союзников неизменно сообщалось: «Ничего нового...», «На фронте без перемен».

Возникал вопрос: что же это за странная война, в которой одно государство – Германия, воюющее против многих европейских стран, в том числе против крупнейших в военном отношении держав – Франции и Англии, постоянно проявляет инициативу, проводит односторонние военные операции и неизменно выходит из них победителем, а другая сторона больше разводит руками, чем воюет?

Война, действительно, была странной. Да это признавали и сами союзники.

Вице-маршал английской авиации Дж. Кингстон-Макклори пишет в книге «Руководство войной»: «В течение всего периода странной войны в Европе передовой ударной авиагруппе не разрешалось производить налеты на Германию; она занималась разбрасыванием листовок».

Гитлеровская Германия эти листовки читала и продолжала проглатывать европейские страны.

▲ Немцы в Париже. 1940 г.

9 апреля 1940 года немецкие войска внезапно захватили Данию и одновременно высадили свои десанты на побережье Норвегии.

После высадки немецких десантов англичане спохватились. Они также высадились в Норвегии, в районе Нарвика. Таким образом, англо-германская война, по существу, началась на норвежской земле. Но англичане в Норвегии вели себя весьма «скромно», и скоро гитлеровцы вынудили их эвакуироваться. С 10 июня 1940 года немцы стали полными хозяевами в Норвегии.

Тем временем французские войска и английский экспедиционный корпус во Франции топтались у германской оборонительной линии «Зигфрид». Эта линия еще не была полностью готова, и на глазах у французов и англичан немцы продолжали ее укреплять, в то же время скрытно перебрасывая на запад высвободившиеся после разгрома Польши дивизии. Когда Гитлер счел подготовку законченной, в «день икс», 10 мая 1940 года, его войска перешли французскую границу. Военно-воздушные силы нанесли мощный удар по французским аэродромам. Почти вся французская авиация была уничтожена.

Одновременно немецко-фашистские войска оккупировали Голландию и Бельгию. Неудержимой ла-

▲ Молотов в Берлине

▲ Молотов и Риббентроп

виной ринулись немецкие танки на французскую землю. За несколько дней Франция перестала существовать как самостоятельное государство.

10 июня на стороне Германии в войну вступила Италия.

Разбитая и деморализованная предательством своих правителей, французская армия, лишенная поддержки авиации, не могла сопротивляться, и 14 июня Париж, объявленный открытым городом, был занят гитлеровцами без боя.

Покончив с Францией, немецкие фашисты начали воздушное наступление на Англию. 23 августа 1940 года был совершен первый массированный налет гитлеровской бомбардировочной авиации на Лондон.

Весь дальнейший ход событий, вплоть до начала войны против Советского Союза, отличался невероятной быстротечностью и фантастическим для гитлеровцев успехом. В газетах с калейдоскопической быстротой мелькали названия стран и городов, поглощаемых гитлеровской армией...

Такой крупный военный авторитет, как английский фельдмаршал Монтгомери, в своих воспоминаниях о начальном периоде войны с Германией пишет:

«Франция и Британия не шелохнулись, когда Германия проглотила Польшу. Мы продолжали оставаться в бездействии даже тогда, когда германские армии перебрасывались на запад с совершенно очевидной целью атаковать нас. Мы терпеливо ожидали, пока на нас нападут... Я не понимал, была ли это война».

Может быть, Монтгомери и не понимал... Но теперь ясно, что странная война велась по той причине, что реакционные круги Англии и Франции лелеяли мечту направить германский фашизм против СССР.

Это, между прочим, показали военные переговоры, проводившиеся в Москве тремя военными делегациями – английской, французской и советской – в августе 1939 года, то есть буквально накануне нападения Гитлера на Польшу. Делегации вели переговоры о военном сотрудниче-

Яковлев, Александр Сергеевич (19.3 (1.4) 1906, Москва –22.8.1989, Москва), советский авиаконструктор, генерал-полковник-инженер (1946), дважды Герой Социалистического Труда (1940, 1957), академик АН СССР (1976). Член КПСС с 1938. В Советской Армии с 1924. Окончил Военно-воздушную инженерную академию (ВВИА) имени Н. Е. Жуковского (1931). В 1924 построил планер АВФ-10, отмеченный на вторых Всесоюзных планерных соревнованиях. В 1924-1927 работал мотористом в авиаотряде ВВИА, где в 1927 спроектировал и построил спортивный самолет АИР-1. В 1927-1931, будучи слушателем ВВИА, создал легкие самолеты АИР-2, -3, -4, -5. С 1931 инженер на авиационном заводе, где сформировал КБ легкой авиации. С 1935 главный, с 1956 генеральный конструктор, в 1940 – 1946 одновременно зам. наркома авиационной промышленности. Яковлевым были разработаны серийно выпускавшиеся самолет местной связи АИР-7 (1932); серийные учебные самолеты УТ-2 и УТ-1 (1935-1936); учебно-тренировочный бомбардировщик УТ-3 (1938); ближний бомбардировщик ББ-22 со скоростью 567 км/ч (1939); истребители Як-1, Як-7, Як-9, Як-3 (1940-1943), отличавшиеся оптимальным сочетанием скорости, вооружения и маневренности. Истребители Яковлева применялись в боях во время Великой Отечественной войны, составляли две трети советских истребителей (36 тыс. экз.), сыграли большую роль в разгроме немецко-фашистской авиации. В 1944 на Як-3 с мотором ВК-108 была достигнута наибольшая для советских поршневых самолетов скорость – 745 км/ч. Яковлев – один из первых создателей реактивной авиации. Под его руководством разработаны серийные самолеты: Як-15 – первый реактивный истребитель, принятый на вооружение советских ВВС (1946); реактивные истребители Як-17, Як-17УТИ, Як-23; Як-25 – первый всепогодный перехватчик (1952); Як-28 – первый советский сверхзвуковой фронтовой бомбардировщик (1958); первый советский самолет вертикального взлета и посадки (1967); десантный планер Як-14; вертолет Як-24; учебные самолеты Як-11, Як-18 и Як-18Т; многоцелевой Як-12; спортивные Як-18П, Як-18ПМ и Як-50 – победители ряда чемпионатов мира и Европы по высшему пилотажу; реактивные пассажирские Як-40, Як-42 и др. На самолетах Яковлева установлено 74 мировых и 70 всесоюзных рекордов. Всего под руководством Яковлева создано 200 типов и модификаций летательных аппаратов в том числе более 100 серийных типов самолетов, построенных в 70 тыс. экз. Яковлев внес большой вклад в советское самолетостроение и создал школу проектирования, для которой характерны высокая техническая культура, стремление к простым конструктивным решениям и широта диапазона создаваемой авиатехники.

Яковлев лауреат Сталинских премий (1941, 1942, 1943, 1946, 1947, 1948), Ленинской премии (1972), Государственной премии СССР (1977). Награжден 10 орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, 2 орденами Красного Знамени, орденами Суворова 1-й и 2-й степени, Отечественной войны 1-й степени, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, медалями, иностранными орденами и Большой золотой медалью ФАИ. Автор сочинений, посвященных советскому самолетостроению.

стве и заключении соглашения на случай агрессии со стороны гитлеровской Германии.

Как известно, переговоры эти не увенчались успехом. Представители английского и французского правительств и не стремились к такому успеху: им важнее всего было нас «прощупать». В отличие от советской делегации, возглавлявшейся наркомом обороны К. Е. Ворошиловым и начальником генерального штаба Красной Армии Б. М. Шапошниковым, французская и английская делегации были представлены второстепенными военными чиновниками, которые не только не были уполномочены принимать какие-либо решения, но, судя по опубликованным уже после войны документам, вели курс на затяжку и срыв переговоров. Сейчас уже известно, что английское правительство одновременно вело тайные переговоры с Гитлером, предлагая ему заключить пакт о ненападении и соглашение о разделе сфер влияния. Тогдашнее правительство Англии, пресмыкаясь перед Гитлером, предлагало ему ни много ни мало, как подвергнуть разделу... территории Китая и Советского Союза.

Взаимный обмен информацией о состоянии вооруженных сил трех государств, представленных в Москве, показал, что Франция и Англия вполне могли вести активную борьбу с гитлеровской авиацией. К примеру, французский делегат, авиационный генерал Вален, сообщил, что количество самолетов первой линии во Франции составляло около 2 тысяч. Из них две трети являлись вполне современными самолетами. «Эта авиация в последнее время развивается быстрыми темпами вследствие возможностей нашей индустрии, – гордо заявлял генерал Вален. – Предусмотрено, что наша авиация в 1940 году будет иметь 3000 самолетов первой линии...»

Английская авиация, по заявлению маршала Бернета на том же московском совещании, имела около 3 тысяч самолетов, а потенциальная возможность английской промышленности тогда перешагнула уже, по его словам, за 700 самолетов в месяц.

Английским истребителям «Харрикейн» и бомбардировщикам «Уитли» нелегко было по своим летно-боевым качествам конкурировать с немецкими самолетами того времени. Но у англичан имелись и прекрасные истребители – «Спитфайр». Они были поставлены на серийное производство. Значит, у Англии было чем защитить Польшу, Данию, Норвегию, Францию.

Уроки войны между Германией и западноевропейскими странами подтвердили правильность курса Советского правительства, стремившегося отдалить неизбежное столкновение с Германией.

В конце августа 1939 года в Москву на четырехмоторном пассажирском самолете «Кондор» прилетел министр иностранных дел гитлеровской Германии Риббентроп. Он явился с предложением заключить договор о ненападении между Советским Союзом и Германией.

Советское правительство, исчерпав все возможности в бесплодных переговорах с Францией и Англией о совместных действиях против агрес-

▲ Маршем по Европе

сора, вынуждено было пойти на заключение предложенного Германией пакта о ненападении. Советское правительство, заключая этот договор, знало, что рано или поздно Германия развяжет войну против нашей страны. Но договор лишал империалистические державы возможности создать единый антисоветский фронт и давал СССР выигрыш во времени, так необходимом для укрепления обороны.

Помню оголтелую кампанию против Советского Союза английских и французских газет в конце 1939 года. Они, упрекая нас в том, что мы ведем переговоры с Гитлером, делали вид, что забыли об отвергнутых правительствами Англии и Франции неоднократных предложениях СССР объединить все силы против Гитлера.

Вслед за пактом о ненападении было заключено также и экономическое соглашение, по которому Советский Союз обязывался поставлять Германии некоторые виды сырья в обмен на немецкое оборудование и машины, в том числе самолеты.

Для реализации этого соглашения в Германию выехала торговая делегация во главе с И. Ф. Тевосяном. В авиационную группу делегации вошли А. И. Гусев (руководитель), И. Ф. Петров, Н. Н. Поликарпов, В. П. Кузнецов, П. В. Дементьев и я, а также ряд инженеров разных специальностей. В задачу группы входило ознакомление с немецкой авиационной техникой и выбор наиболее интересных объектов для закупки.

Таким образом, совсем незадолго до войны мне пришлось побывать в Германии. И хотя между нашими странами был заключен договор о ненападении, все мы знали, что фашизм есть фашизм и что рано или поздно, а воевать с фашистами придется.

Никогда не забуду того впечатления, которое с самого начала произвело на нас затемнение. Переехав границу, мы из нашей мирной страны, сияющей огнями сотен городов и деревень, попали в царство мрака и тревоги. Поезд с плотно зашторенными окнами вагонов несся к Берлину мимо погруженных в темноту городов, деревень и железнодорожных станций.

▲ Чемберлен у Гитлера

▲ Эсэсовцы в действии

В Берлине с 8–9 часов вечера в ожидании налета английской авиации замирала всякая жизнь, закрывались театры, пустели улицы и довольно часто люди под вой сирен прятались в подвалы. А днем в городе было спокойно. На усыпанных песком и гравием дорожках играли дети, немецкие хозяйки с корзинками шли за продуктами. У продовольственных магазинов стояли очереди.

Большинство мужчин носило какую-нибудь форму – армейскую, эсэсовскую, полицейскую, коричневый пиджак со свастикой на рукаве. Даже подметальщики улиц и газетчики ходили в форменных фуражках. Удивительная любовь к форме, какая угодно – лишь бы форма!

Гитлеровские чиновники изо всех сил старались казаться радушными хозяевами. Это проявлялось во всем: берлинский вокзал к нашему приезду украсили советскими и германскими флагами, нас встречали городские и военные власти. Нам улыбались, пожимали руки, говорили любезности, старались создать атмосферу дружелюбия и искренности, поместили в шикарной гостинице, «Адлон», на улице Унтер-ден-Линден.

Из окна моей комнаты открывался вид на американское и французское посольства и – через Бранденбургские ворота – на бесконечную перспективу аллеи Побед. Подъезд гостиницы украшал советский флаг, и каждый раз по утрам, когда мы выходили к ожидавшим нас машинам, собиралась толпа любопытных.

▲ Имперская канцелярия

Я в Берлин приехал впервые, поэтому рассматривал его с интересом. Конечно, сравнивать Берлин того времени с другими европейскими столицами было нельзя: он уступал им прежде всего тем, что не имел своего, только ему присущего, лица, как, например, Париж, Рим или Ленинград. Однако это был очень чистый, если можно так выразиться, правильный и вместе с тем какой-то скучный и малоуютный город. Прекрасные музеи, театры, парки, нарядные, широкие с красивыми домами и роскошными витринами улицы, такие, как, например, Курфюрстендамм очень нравились, но военщина наложила печать на все.

Побывав в то время в Германии и, проехав ее всю с севера на юг и с востока на запад, я нигде не мог заметить следов войны, если не считать

▲ Зал имперской канцелярии

продовольственных карточек да затемнения по ночам. Союзная авиация больше пугала, чем действовала.

Немецкие города имели совершенно мирный вид. Лишь однажды на вокзале в Бремене, ожидая поезда на Берлин, я обратил внимание на проходивший мимо пассажирский состав, до отказа набитый шумливыми новобранцами. Окна вагонов были раскрыты. Молодые пьяные солдаты горланили, размахивали руками. А один из них, высунувшись до пояса из окна вагона, кричал нам, прогуливавшимся по платформе: «И вы там, сволочи, будете!» Находившихся на перроне он, очевидно, принял за немецких тыловиков. Вагон уже был далеко, а солдат все еще размахивал руками и выкрикивал какие-то ругательства. Сопровождавший нас представитель немецкой фирмы смущенно пробормотал:

– Не обращайте внимания, это новобранцы, они едут на фронт.

Только этот эпизод напоминал о войне и запомнился нам во время поездки по Германии. Правда, в Берлине довелось быть свидетелем воздушных налетов англичан, но налеты эти не носили тогда массового характера и не причиняли столице Германии ущерба. Во многом обстановка напоминала учебную воздушную тревогу.

В один из первых дней пребывания в Берлине нас принял генерал-полковник Удет – заместитель Германа Геринга, бывшего в то время министром авиации. Генерал Удет ведал всей технической частью министерства авиации и был теснейшим образом связан с авиационными промышленниками – Мессершмиттом, Дорнье, Хейнкелем и др. Его должность имела громкое название – генерал-фельдцейхмейстер.

Удет – известный военный летчик первой мировой войны, а также инженер-конструктор. Незадолго до нашего приезда ему удалось установить мировой рекорд скорости на одном из самолетов Хейнкеля, с которым они были большими друзьями.

С первой же встречи Удет произвел на меня хорошее впечатление – невысокий, плотный, с открытым приятным лицом, живой в обращении. Он сразу заявил, что по указанию Геринга покажет нам все самолеты, моторы и предметы оборудования, состоящие на вооружении германских ВВС.

▲ Замок Бельвю резиденция советской делегации. 1940 г., осень

Для начала он предложил продемонстрировать немецкую технику на земле и в полете на аэродроме Иоганнисталь под Берлином; затем проехать по авиационным заводам Юнкерса, Хейнкеля, Мессершмитта, Фокке-Вульфа, Дорнье; повидаться там с конструкторами; выбрать то, что мы захотим приобрести, а потом еще раз встретиться для окончательных переговоров. Такая программа с нашей стороны возражений не встретила, и на другой же день состоялся показ в Иоганнистале.

На линейке аэродрома в строгом порядке, как на параде, было выставлено много различной военной техники, двухмоторные бомбардировщики «Юнкерс-88» и «Дорнье-215», одномоторные истребители «Хейнкель-100» и «Мессершмитт-109», разведчики «Фокке-Вульф-187» и «Хеншель», двухмоторный истребитель «Мессершмитт-110», пикирую-

щий бомбардировщик «Юнкерс 87» и другие самолеты. Около каждой машины замерли по стойке смирно экипажи – летчики и механики.

Нас встретили многочисленные чины министерства авиации во главе с Удетом. Для начала Удет пригласил нашего главу – Тевосяна к самолету связи «Шторх» («Аист»), сел на пилотское кресло и предложил Ивану Федоровичу занять место пассажира. Запустили мотор, и прямо с места, с очень коротким разбегом Удет поднял машину в воздух, в течение нескольких минут покружил на небольшой высоте над нами и с блеском приземлился точно на стоянку. Тевосян вышел из самолета и похвалил машину. Позже этот самолет Геринг нам подарил.

Затем мы приступили к осмотру выставленных самолетов. Нам были названы их летно-тактические данные, особенности вооружения и оборудования. Когда осмотр закончился, самолеты один за другим с интервалом в одну-две минуты поднялись в воздух, на бреющем полете прошли над нами и в таком же порядке выполнили посадку. Все было организовано образцово. По-видимому, такие показы устраивались не в первый раз и не только для нашей делегации.

Мы вернулись в «Адлон» под сильным впечатлением увиденного. Однако нашего генерала Гусева одолевали сомнения: не могли же немцы показать нам действительный уровень военной авиационной техники «Наверное, нас считают дураками и показали старье, а не современные самолеты», – говорил он.

Признаться, меня тоже смущали откровенность при показе секретнейшей области вооружения. Действительно, может быть, нас водят за нос, втирают очки, пытаясь продать устаревшие типы самолетов? После зрелого размышления мы решили, однако, пока не спешить с окончательным заключением, а побывать на заводах. Там будет виднее.

И действительно, поездка по заводам во многом помогла рассеять наши сомнения. Серийное производство самолетов и моторов, характер технологической оснащенности заводских цехов довольно убедительно говорили о том, что показанное в Иогаништале и есть основа технического оснащения «Люфтваффе» – военно-воздушных сил гитлеровской Германии. Однако

▲ Рибентропп

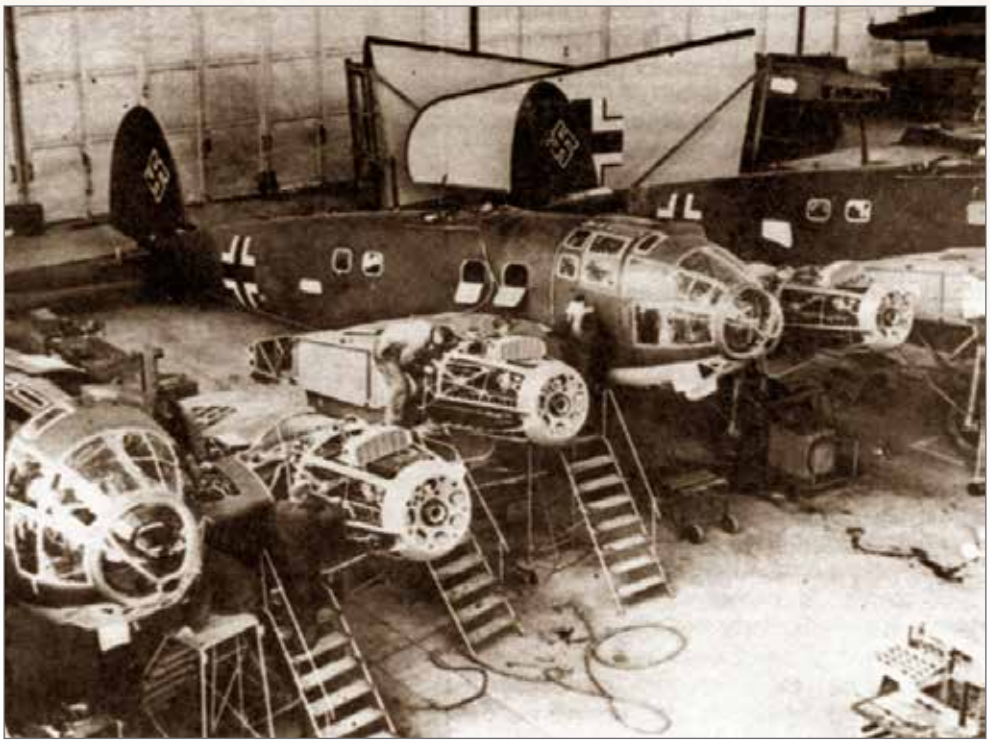
некоторые члены нашей комиссии держались другого мнения. «Старье, барахло, настоящую, современную технику скрывают, покупать нечего» – вот что они нам твердили.

О том, что мы видели на заводах, с кем и как встречались, я расскажу позже, а сейчас опишу, чем закончилась эта наша первая поездка.

По возвращении в Берлин нас, как и было обещано, снова принял Удет. Однако его отношение резко изменилось, когда наш старший, генерал Гусев, в довольно бестактной форме заявил, что показанные самолеты устарели, интереса для нас не представляют и что мы хотели бы увидеть технику сегодняшнего дня. Удет вспыхнул:

– Я офицер и за свои слова отвечаю. Мы показали все, и, если вам не нравится, не покупайте. Мы не настаиваем – дело ваше.

Когда во время разразившейся через полтора года войны против Советского Союза гитлеровская авиация стала терпеть поражения от советских летчиков, виновником этих неудач гитлеровцы объявили Удета. Его обвинили в том, что он выдал советским людям, то есть нашей делегации, все секреты «Люфтваффе».



▲ Сборка «Хенкель 111»

В начале 1942 года в Москву поступили сведения, что «при испытании нового оружия погиб генерал-полковник Удет».

Из опубликованных после войны мемуаров конструктора Хейнкеля стало известно, что против Удета интриговал другой заместитель Геринга – фельдмаршал Мильх. Геринг пытался их мирить, но у него ничего не получалось. Конфликт с каждым днем обострялся. Мильх, пользуясь расположением Гитлера, организовал настоящую травлю Удета.

Хейнкель пишет: Удет «надеялся, что Геринг поддержит его, так как тот сам опасался честолюбия Мильха, однако маршал старался защитить себя. Он искал компромиссов и не оказал Удету никакой поддержки. Он, правда, все еще не хотел смещать Удета и поставить на его место Мильха, что было бы вполне естественным решением. „Ты должен остаться. Ты должен работать вместе с Мильхом, не раз говорил он. – Если я отпущу тебя с твоего поста, весь мир поймет, что что-то неладно“...»

Мильх продолжал свои интриги, которые достигли высшей точки к моменту провала гитлеровского наступления на Москву.

Читаем у Хейнкеля:

«17 ноября в полдень Пфистермайстер (сотрудник Хейнкеля. – А. Я.) позвонил мне из Берлина. „Удет скончался“, – сказал он. У меня перехватило дыхание. „Как это произошло?“ „Застрелился“, – ответил он.

...Удет в своей спальне пустил себе пулю в голову, все было совершенно ясно. Блицкриг против России провалился. „Люфтваффе“, брошенные на восток, были измотаны и разбросаны по русским степям. Их хребет был сломлен.

Не было ни малейшего шанса вернуть самолеты на Западный фронт...

...По приказу Геринга власти позаботились о том, чтобы никто, кроме гробовщика, не видел его и чтобы его самоубийство держалось под строгим секретом».

За время пребывания в Германии мне приходилось встречаться с немцами разных специальностей и разного культурного уровня. Но у всех без исключения – от конструктора до носильщика – чувствовалось сознание неизмеримого превосходства. Это сквозило во всем, и это был результат фашистской пропаганды.

По указанию свыше с нами старались быть любезными, но высокомерие, чувство превосходства бросались в глаза. В отношении нас что-либо открыто тогда, понятно, не высказывалось. Но высмеивание англичан было излюбленной темой при разговорах на международные и политические темы.

Мне приходилось в основном сталкиваться с немцами, имеющими то или иное отношение к авиации: с конструкторами, летчиками, работниками министерства авиации.

▲ «Юнкерс», закупленный в Германии

Каждый раз, когда речь заходила о воздушной войне с англичанами, гитлеровцы обязательно сравнивали английскую авиацию с их собственной «непревзойденной» авиацией, с их собственными «замечательными» летчиками, с их «непревзойденным» фельдмаршалом Герингом.

– А кто есть у англичан? Кого вы назовете выдающимся деятелем английской авиации? У нас Геринг, Удет, у нас есть Хейнкель, Мессершмитт. А кого вы назовете у англичан?

И тут же рассказывалась какая-нибудь история, характеризующая авиационную немощь Англии и трусость британских летчиков.

Англичан они ненавидели, хотя английские бомбардировки в то время были еще безобидны. Не раз встречался мне в метро и просто на улицах плакат с изображением Черчилля и с надписью: «Враг номер один» – или такой лозунг: «Боже, покарай Англию!»

Однажды, посетив Аугсбург – вотчину мессершмиттовских заводов, мы получили приглашение Мессершмитта совершить с ним автомобильную прогулку в городок Инсбрук в Тироле.

Аугсбург находится в Южной Германии, близ Мюнхена. Дорога исключительно красива. При выезде из Аугсбурга сперва идет прямолинейное, прекрасно асфальтированное шоссе, окаймленное деревьями. По сторонам фермы. Постепенно местность становится холмистой, на горизонте появляются лиловые гряды гор. То и дело мелькают характерные альпийские домики, деревянные, с остроконечными крышами, церкви с готическими колокольнями. Потом идет область прекрасных зеленых, сочных горных лугов; воздух становится изумительно свежим и чистым. Горы обступают со всех сторон, дорога все время вьется, как лента серпантина, то опускается, то поднимается петлями, совсем как на наших кавказских и крымских дорогах.

И вот, наконец, Инсбрук – столица австрийского Тироля. Это интересный и милый старинный городок с узенькими, кривыми улочками, очень чистенький. Там еще сохранились местные национальные костюмы, мужчины ходили в коротких

штанах, в чулках и зеленых тирольских шляпах с перьями.

Под впечатлением красот природы настроение у нас было исключительно бодрое, поездке предшествовал плотный обед с вином, так что сопровождавшие нас разоткровенничались и, стараясь развеселить, стали рассказывать анекдоты.

По дороге то и дело попадались группы оборванных, обросших и почерневших, грязных людей в полувоенной форме. Они занимались ремонтом дороги и угрюмо расступались перед нашими автомобилями. Люди работали под охраной часовых. На их одежде были опознавательные знаки военнопленных. Кто-то из немцев сказал:

– Не правда ли, молодцы – пленные французы?

Разговор перешел с французов на англичан, с англичан на поляков. Откровенно рассказывали о том, как в лагерях стравливают военнопленных разных национальностей, что взаимная ненависть доходит до убийств. Лагерное начальство разжигало среди пленных вражду, провоцировало людей различных национальностей, чтобы они не смогли сговориться и восстать против каторжного режима.

Тут же наши спутники весьма иронически отозвались об итальянцах, приводя как факт слова Гитлера:

– Итальянцы стоят нам двадцать дивизий: в том случае, если они наши союзники, – для того чтобы их защищать, двадцать дивизий: в том случае, если они будут врагами, – для того чтобы их разбить.

Или такой «тонкий» анекдот:

– Танки итальянцев отличаются от немецких тем, что имеют три скорости назад и одну скорость вперед.

Гитлеровцы воспитывали в немецком народе дух человеконенавистничества и презрения к другим нациям и не стеснялись это подчеркивать. Евреи обязаны были носить на левой руке желтую повязку с черной буквой «J» («юде»). В такси нередко можно было увидеть табличку: «Евреев не обслуживаю». В некоторых кинотеатрах у кассы, рядом с расценкой мест, объявление: «Евреям билеты не продаются». При входе

▲ Летчик-испытатель Супрун

в магазин плакат: «Евреям вход после 5 часов в такие-то дни» (три раза в неделю). На бульварах скамейки для всех выкрашены в белый или зеленый цвет, а для евреев выделены специальные, желтые, повернутые спиной к бульвару, с надписью «Фюр юден» («Для евреев»).И так по всей Германии.

Все, что я видел и слышал, казалось до того невероятным, что в сознании не укладывалось. С одной стороны, высокая внешняя культура, все признаки современного уровня техники и быта, везде и всюду удивительная чистота, порядок, организованность, с другой – мрачное средневековье.

Богатая страна, европейская культура – и еврейские погромы. Мы этого не понимали, но это было так. Мы воочию увидели фашизм.

По возвращении из Германии, вечером, только я приехал с вокзала домой, позвонил Поскребышев и предложил сейчас же приехать в Кремль.

У Сталина в кабинете был народ. Шло обсуждение каких-то вопросов. Он поздоровался и пошутил:

– Значит, вас прямо с корабля на бал, посидите, послушайте. Мы скоро кончаем и тогда поговорим с вами.

Через некоторое время он предложил подробно рассказать о поездке. Слушали очень внимательно, не перебивая.

Я не скрыл, что в нашей авиационной группе были разногласия. Наши военные руководители считали, что немцы обманывают нас, втирают очки, показывают старье. Что самолеты «Мессершмитт», «Юнкерс» и другие – это устаревшие, несовременные машины, а что с современной техникой нас не познакомили. Работники промышленности, наоборот, считали, что такие самолеты, как истребители «Мессершмитт», бомбардировщики «Юнкерс», – сегодняшний день немецкой военной авиации. Правда, и нас смущало то, что если это техника современная, то почему нам ее показывают. Однако мы твердо считали, что технику эту надо закупить и как следует изучить.

Сталин очень интересовался вооружением немецких самолетов: стрелково-пушечным, бомбовым, а также сравнением летно-технических данных с нашими машинами аналогичных типов.

Разговор затянулся до поздней ночи и закончился уже на квартире Сталина за ужином.

* * *

Не успел я еще как следует освоиться с новой должностью (11 января 1940 года назначен на должность заместителя наркома авиационной промышленности по новой технике), как в марте 1940 года пришлось вторично поехать в Германию с экономической делегацией И.Ф. Тевосяна. Это произошло так же неожиданно, как и первый раз.

Первоначально меня не включили в состав авиационной группы этой делегации. Авиационных специалистов представляли два десятка работников промышленности и Военно-Воздушных Сил. Как потом стало известно, за несколько дней до отъезда Сталин просматривал списки членов делегации и почему-то обратил внимание на отсутствие в списке моей фамилии. И тут же дал указание назначить меня руководителем авиационной группы.

За два дня до отъезда он вызвал меня к себе и стал говорить о задаче,

возлагавшейся на комиссию. Она заключалась в том, чтобы в возможно короткий срок закупить в Германии авиационную технику, представлявшую для нас наибольший интерес. Требовалось сопоставить уровень наших самолетов и немецких, изучить технические новинки в области авиации вообще.

Внимательно выслушав Сталина, я в свою очередь поставил перед ним несколько вопросов.

Первый вопрос – о составе авиационной группы. Я считал, что поскольку мне придется отвечать за выполнение порученных группе заданий, то я имею право скорректировать состав ее участников, на что мне сразу же было дано согласие.

Второй вопрос был довольно щекотливым. Я сказал Сталину, что следовало бы создать для членов делегации приличные материальные условия. Некоторые товарищи стремятся экономить деньги на гостинице, на транспорте, на чаевых, чем иногда компрометируют себя в глазах иностранцев. А ведь по отдельным мелким штрихам нашего поведения за границей судят в целом о советских людях и о нашей стране.

– Зачем экономят?

– Да как же? Ведь каждый хочет привезти из-за границы своим домашним какие-нибудь гостинцы, сувениры, вот и экономит на копейках...

– Понятно, а сколько суточных получают наши командированные? – спросил Сталин.

– Пятнадцать марок в сутки.

– А сколько было бы нужно?

– Да, я думаю, марок двадцать было бы хорошо.

Тогда Сталин подошел к телефону, набрал номер Анастаса Ивановича Микояна и сказал ему, что, по имеющимся у него сведениям, суточных денег, выдаваемых нашим командированным за границу, недостаточно и, для того чтобы наши люди чувствовали себя свободней, надо увеличить суточные членам делегации Тевосяна до 25 марок.

Я поблагодарил и доложил третий вопрос:

– Существующая у нас система оформления заказов очень громоздка и бюрократична. Для того чтобы

▲ Заправка самолета

▲ О работе нового самолета

закупить что-нибудь, мы должны в Берлине дать заявку торгпредству. Торгпредство посылает письменный запрос в Москву, в Наркомвнешторг. Наркомвнешторг в свою очередь направляет заявку на заключение в Наркомат авиапромышленности и в ВВС, к людям, которые и в глаза не видели того, что мы, специалисты, на месте определили как целесообразное для закупки. Получается очень сложно, и, самое главное, совершенно неоправданно теряется много времени. Это противоречит основной цели поездки – скорее получить немецкую технику.

– Что же вы предлагаете?

– Я просил бы оказать нашей делегации больше доверия и разрешить закупать на месте под нашу ответственность то, что сочтем необходимым.

– Что же, пожалуй, разумно, – подумав, ответил Сталин.

– Разрешите также в случае каких-нибудь ведомственных заторов обратиться к вам лично.

– Не возражаю, пожалуйста.

– Кроме того, целесообразно было бы ассигновать какие-то свободные средства для оплаты непредусмотренного, но представляющего

▲ Выступление И. В. Сталина

интерес оборудования и немедленного его приобретения через торгпредство.

– Сколько вы считаете необходимым выделить валюты для таких закупок? – спросил Сталин.

– Я думаю, тысяч сто-двести.

Сталин подошел к телефону и сказал Микояну:

– Выделите в распоряжение делегации миллион, а когда израсходуют, переведите еще миллион.

Затем, обратившись ко мне, Сталин сказал:

– В случае каких-либо затруднений в осуществлении вашей миссии обращайтесь прямо ко мне. Вот вам условный адрес: Москва, Иванову.

После этого он спросил:

– Какие еще есть вопросы?

Я поблагодарил за внимание и сказал, что больше ничего не нужно, все остальное будет зависеть от нас.

Во время поездки по авиационным предприятиям Германии мы еще раз встретились и ближе познакомились с видными представителями германской авиации. Наиболее характерной фигурой среди них являлся конструктор Вилли Мессершмитт. По технической литературе, по статьям и журналам я знал об этом человеке как о самом видном немецком конструкторе. Поэтому встреча с Мессершмиттом представляла большой интерес.

Вилли Мессершмитт – лет сорока пяти, высокий, худой, с большой головой, острыми, умными глазами, с крупными чертами лица. Иссиня-черные волосы заметно начинали редеть. Разговаривая, он глядел исподлобья, и любезность в отношении русских ему давалась с большим трудом.

Мы ознакомились с основными заводами в Аугсбурге, осмотрели самолеты – двухместный двухмоторный «Мессершмитт-110» и гордость немецкой истребительной авиации «непобедимый» истребитель «Мессершмитт-109».

После того как все вопросы по этим машинам были исчерпаны, возник разговор о новом самолете, интерес к которому разжигали сами же немцы, – истребителе «Мессершмитт-209». Вокруг этой машины гитлеровцы создали ореол таинственности и говорили, чуть ли не шепотом о ее необыкновенно высоких летных качествах.

Естественно, мы захотели ознакомиться с этой машиной.

С нами находился в это время знаменитый летчик, Герой Советского Союза Супрун. Когда машину выкатили на аэродром, мы поняли, что нам показывают совсем не то. Это была опытная, кустарная попытка переделать в истребитель гоночный самолет «Мессершмитт». Каждый авиационный специалист видел это с первого взгляда. Судя по всему, истребителя из этой машины не получилось, и даже по ее состоянию ясно было, что она законсервирована.

Супрун, человек непосредственный и темпераментный, больше всех разозлился.

– Чем они хвастаются, какая это машина? Чего они очки втирают! – говорил он.

Представители министерства авиации сначала, как говорится, полезли в бутылку, дескать, хорошая машина. Но мы тут же дали ей технически грамотную оценку, справедливость которой они не могли не признать. Профессиональное самолюбие их было сильно задето. Они тут же проговорились, что это другая машина, а настоящий «Мессершмитт-209» стоит в ангаре. Спохватились, что наболтали лишнее, однако слово – не воробей, вылетит – не поймаешь.

В этот же день при встрече с Мессершмиттом мы в деликатной форме высказали ему свои впечатления о машине. На него наша инженерная оценка самолета подействовала не менее возбуждающе, чем на его помощников. Он покраснел, разнервничался, но тоже признал, в конце концов, что это не тот истребитель. Пришлось ему показать настоящий «Мессершмитт-209».

Самолет Ме 209 создавался для установления абсолютного мирового рекорда скорости. 26 апреля 1939 года Ме 209, пилотируемый летчиком Фрицем Венделем, установил новый рекорд. Показав среднюю скорость на маршруте 755,136 км/ч, он побил рекорд своего конкурента – немецкого самолета-рекордсмена Не 100V8 (746,6 км/ч). Попытка адаптации Ме 209 для применения в качестве боевой машины потерпела неудачу.

Однако, по нашему мнению, эта машина тоже еще была в очень сыром виде, далеко не закончена. Очень много времени и сил требовалось для того, чтобы довести ее до состояния боевого истребителя. Не было уверенности, что Мессершмитт сможет это сделать. Машина имела ряд таких специфических недостатков, которые ставили под сомнение возможность ее доводки, что, между прочим, впоследствии и подтвердилось.

Задетый нашей критикой, Мессершмитт взбеленился, не вытерпел, вскочил со своего места и заявил:

– Вам не нравится – как хотите! А, по-моему, хорошая машина.

«Мессершмитт-209» не увидел света. Не удалось его довести. Во время войны он так и не появился в воздухе против наших самолетов.

Хейнкель – прямая противоположность Мессершмитту. Мессершмитт – сравнительно молод, высок. Хейнкель – старик, маленького роста. Мессершмитт – сосредоточенный, малоразговорчивый человек; Хейнкель, несмотря на свой преклонный возраст, подвижный, живой, любит шутить, острить. Хейнкель не раз подчеркивал, что питает большую симпатию к русским.

Однажды он пригласил нашу комиссию на обед. Здесь были его ближайшие помощники, летчики-испытатели и представители министерства авиации.

Обед проходил очень оживленно. Хейнкель угощал, провозглашал много тостов и сам изрядно выпил. Хвалил наше искусство, говорил, что очень любит русскую икру и русскую водку. Много произносилось хороших слов о замечательных свойствах русского сердца.

И в довершение всего он вдруг, коверкая русские слова, запел «Стеньку Разина»:

Из-за острова на стрежень,
На простор речной волны...

Это прозвучало до того неожиданно, что в первый момент я не поверил, что поет сам Хейнкель. Откуда он знал эту песню? Вернее всего, слышал ее записанной на пластинку в исполнении знаменитого Шаляпина.

Хейнкель, как и Мессершмитт, был не только конструктором. Он

▲ После испытательного полёта

являлся крупным капиталистом, хозяином нескольких самолетостроительных заводов Германии. Фирма Хейнкеля известна главным образом созданием двухмоторного бомбардировщика «Хейнкель-111» – основного бомбардировщика германских военно-воздушных сил.

Хейнкель вел себя тоньше Мессершмитта. Мессершмитт не скрывал своей неприязни к русским и открыто говорил нам, что не хочет показывать свои самолеты. Хейнкель же делал вид, что рассказывает нам больше того, что ему разрешено правительством. В некоторых случаях он даже разговаривал с нами полушепотом, как будто делился какими-то секретами.

– Я очень люблю русских, и моя давнишняя мечта – лично побывать в России, – при каждом удобном случае повторял Хейнкель.

Его «любовь» к русским объяснялась тем, что в трудное для него время, в начале 30-х годов, советский заказ на изобретенную Хейнкелем авиационную катапульту и летающую лодку выручил его из беды, как он сам пишет об этом в своих мемуарах:

«...Вскоре после успеха моей катапульты в Германии я стал получать многочисленные иностранные заказы. Самый важный и самый сложный из них был получен с Востока. Как-то в начале 1930 года Мария Хуперц (секретарша Хейнкеля. – А. Я.) доложила мне, что пришли два подозрительных господина, вероятно большевики. Она считает, что ей необходимо присутствовать при беседе и следить за ними. В таких обстоятельствах она неплохой телохранитель. Моих визитеров впустили, и я должен признаться, что они не внушили мне большого доверия. Они даже не представились. Старший из них говорил только по-русски, а его товарищ быстро переводил на немецкий.

▲ Авиаконструктор Яковлев

«Я представитель торговой делегации СССР в Берлине. – Подозрительно оглядываясь по сторонам, старший подождал, пока его друг переведет эти слова. – Мне поручено спросить у вас, сможете ли вы в кратчайший срок построить катапульту и летающую лодку. Скажите просто: «да» или «нет». Это все, что мне надо. Мы пришлем вам технические условия. Вы представите нам проекты. Если они нам понравятся, мы дадим вам заказ».

Я не могу сказать ничего плохого о честности русских в деловых вопросах...

В лаконичном стиле моих гостей я ответил простым «да». Через два дня я получил документ с техническими условиями...

Неделю спустя снова появились двое русских. На этот раз они представились. Оказалось, что старший был Алкснис, заместитель командующего красных ВВС, а молодой человек – переводчик Саснов. Я получил заказ на катапульту и опытный экземпляр самолета. «Если этот самолет окажется хорошим, – сказал Алкснис, – вы получите большой заказ. Посмотрим».

Они положили передо мной контракт, содержащий несколько десятков пунктов и невероятное количество деталей: точные даты поставок, контроль со стороны русских, обычные неустойки в случае несоблюдения сроков поставок или снижения характеристик по сравнению с указанными в проектах. Самое главное – это контракт, сказал я себе, а с остальным мы справимся, когда его получим...»

Заказ Хейнкель выполнил. Самолеты с катапультой в установленный срок были отправлены в СССР.

В мемуарах Хейнкеля далее читаем:

▲ Месершммитт Ме 410в-2

▲ Яковлев и немецкие авиаконструкторы

«...Несколько месяцев о них ничего не было слышно. Затем неожиданно пришел Алкснис и, как всегда, без обиняков заявил мне: «Летающая лодка очень хороша. Вы получите заказ на строительство двадцати экземпляров».

Сначала я не поверил своим ушам. Это был самый крупный заказ на один тип самолета, когда-либо полученный мной. Для экспериментального завода, подобного моему, это была чрезвычайно большая работа...

Я спросил: «Приемочная комиссия тоже прибудет?»

«Конечно, и на этот раз она будет в большем составе, – сказал Алкснис. – Много самолетов требует много глаз. Много глаз видят лучше».

Дальше Хейнкель сетует на русских приемщиков:

«...Они вмешивались в каждую мелочь... Мои люди не могли избавиться от них. Они сотни раз испытывали материалы. Они испытывали каждую проволоку, каждый кусок полотна, каждую деревянную деталь. Их контроль вскоре заставил меня усилить свой надзор. Мы вдруг начали работать с такой точностью и в таком темпе, каких у нас никогда не было раньше.

«Ну и ну, – говорил я, всегда думал, что мой завод работает как хороший оркестр, но большевики работают лучше. Это чего-нибудь да стоит...»

И еще Хейнкель свидетельствует:

«...Строительство этих самолетов для русских оказалось очень важным для меня, так как помогло мне пережить ужасный кризис, охвативший не только авиационную, но и всю промышленность...»

Хейнкель показал нам созданный им в самое последнее время истребитель «Хейнкель-100». Мы его оценили не так высоко, как немцы. Несмотря на свои хорошие летные качества, самолет обесценивался очень плохими эксплуатационными свойствами.

В своих мемуарах, о которых уже была речь, Хейнкель вспоминает про нашу комиссию:

«30 октября на мой завод с целью ознакомления с ХЕ-100 прибыла русская комиссия экспертов ВВС, ВМФ и промышленности во главе с Александром Гусевым, Владимиром Шевченко и Василием Кузнецовым. Этот визит был для нас довольно затруднительным, так как в этот же день прибыла японская комиссия. Надо было сделать так, чтобы они не увидели друг друга, и пришлось рассылать с предупреждениями мотоциклистов, чтобы комиссии не встретились в ангарах. Одним из наиболее интересных русских был некий Александр Яковлев, который в качестве инженера по приемке продолжительное время оставался у нас в Мариенэе. Тогда ему было трид-

цать три года и он учился в России в Академии Жуковского. Позднее, во время войны и после нее, когда появились советские самолеты ЯК-1, ЯК-3, ЯК-7, ЯК-9 и реактивные ЯК-15, ЯК-17 и генерал ВВС Яковлев шесть раз подряд получил Сталинскую премию в 150 000 рублей, я вспомнил этого молодого русского, который был у нас в Мариенэе. Один из моих инженеров утверждал, что у него был чудесный метод проверки размеров самолета, состоящий в том, что он между делом проводил рукой вдоль фюзеляжа, вычисляя затем размер из количества пядей. Они решили купить ХЕ-100 и пригласили меня на чай в русское посольство в Берлине. Присутствовал Геринг. Было много черной икры, водка текла рекой, произносились тосты за дружбу. Русский посол Шкварцев, узнав, что я люблю охоту, пригласил меня в Россию поохотиться на медведей.

В составе морской комиссии был молодой летчик, Герой Советского Союза, летное мастерство которого произвело большое впечатление. Это был высокий, статный мужчина. Перед первым полетом на ХЕ-100, самом скоростном из всех самолетов, на которых он когда-либо летал, он имел десятиминутную консультацию с одним из моих лучших летчиков-испытателей. Затем он поднял машину в воздух и стал швырять ее по нему, выполняя такие фигуры, что мои летчики почти онемели от удивления».

«Морской летчик», которым Хейнкель восхищается, – это член комиссии летчик-испытатель Супрун. Он, кстати сказать, никогда не был морским летчиком. Что касается приписываемого мне способа измерять размеры самолета пядью, то это уже не больше как шутка.

Старейшими немецкими самолетостроительными фирмами были «Фокке-Вульф» и «Юнкерс». Основатели их профессор Фокке и Юнкерс давно уже не имели к своим предприятиям никакого отношения. Юнкерс был не в почете у Гитлера и умер перед войной в опале. Но, поскольку имя Юнкерса, крупного ученого, пользовалось огромным авторитетом в Германии, фашисты

▲ Руководители государства и авиаторы

оставили это имя как ширму. Что касается профессора Фокке, то его выгнали с собственных предприятий и дали ему за несколько километров от Бремена завод, напоминающий скорее сарай или конюшню. Но в течение многих лет имя его символизировало техническую надежность всего того, что выпускала фирма «Фокке-Вульф».

Руководить заводами фирмы «Фокке-Вульф» было поручено бывшему шеф-пилоту Геринга Курту Танку. Когда мы приехали на завод в Бремен, нам отрекомендовали Курта Танка как директора завода, главного конструктора и шефа летчика-испытателя. Курт Танк – среднего роста, крепко скроенный мужчина с хриплым голосом, с серыми жесткими глазами. Это типичный фашист-пруссак. На лице у него шрамы от студенческих дуэлей. У немецкого студенчества существовала традиция – доказывать дуэлями на рапирах свою храбрость и ловкость. И шрам – своего рода визитная карточка настоящего пруссака-арийца.

Курт Танк в первый же день нашего посещения завода сам сел в кабину тренировочного самолета и показал класс высшего пилотажа: вот, мол, удивляйтесь – главный инженер и директор завода у нас сам летает! После целого фейерверка фигур высшего пилотажа Курт Танк вышел из самолета самодовольный и улыбающийся. Узнав, что среди нас есть летчик генерал Гусев, он предложил ему попробовать самолет в пилотировании. Гусев принял предложение, сел в кабину, запустил мотор, начал было рулить, и тут случился конфуз: Гусев не справился с тормозами и поставил самолет на попа.

После этого не оставалось ничего другого, как принять предложение пойти обедать.

Мы ожидали, что нас пригласят в директорскую столовую, как было у Хейнкеля, Мессершмитта и на других заводах. Но Курт Танк повел нас в рабочую столовую, посадил за общий стол и заявил:

– Вы удивляетесь? Я здесь обедаю.

Конечно, было интересно побывать не в парадной обстановке директорской столовой, а в общей рабочей, где обедало в тот момент несколько сот человек.

Огромная столовая уставлена рядами длинных столов, за каждый из которых садилось 10 человек. У вхо-

да на столах – груды тарелок и ложек. Каждый входящий брал тарелку и ложку и садился за стол на заранее определенное место.

Для нас сделали единственное исключение: тарелки и ложки нам принесли и поставили перед каждым на стол.

Танк сидел вместе с нами и самодовольно оглядывался: вот какой я демократ! Ждать пришлось недолго: пришла девушка в белом халате и принесла большую миску, накрытую крышкой. Крышку сняли, и каждому было предоставлено право самому взять себе кушанье. Большой разливной ложкой я положил на тарелку какое-то месиво, не густое, не жидкое, серо-зеленого цвета. Оказалось, что это был вареный горох с кусочками ветчины. В этом и заключался весь обед рабочего – тарелка вареного гороха с мелко нарубленными кусочками свинины.

Справедливость требует отметить, что блюдо это было вкусное, сытное, и лично я съел его с удовольствием.

Про этот обед я вспомнил спустя некоторое время, когда в нашем берлинском посольстве был дан дипломатический обед и в числе гостей я увидел Курта Танка. Он сидел за богато сервированным столом советского посольства.

Танк основательно выпил и уже в гостиной, после бесчисленных чашек кофе с коньяком и ликерами, расчувствовался и сказал нам, троим советским инженерам:

– Я сделал сейчас выдающийся истребитель, скорость которого 700 километров в час (по тем временам очень много. – А.Я.). В следующий раз, когда вы ко мне приедете, я покажу вам этот истребитель. Только чтобы вы никому не говорили, – добавил он заплетающимся языком, таинственно приложив палец к губам.

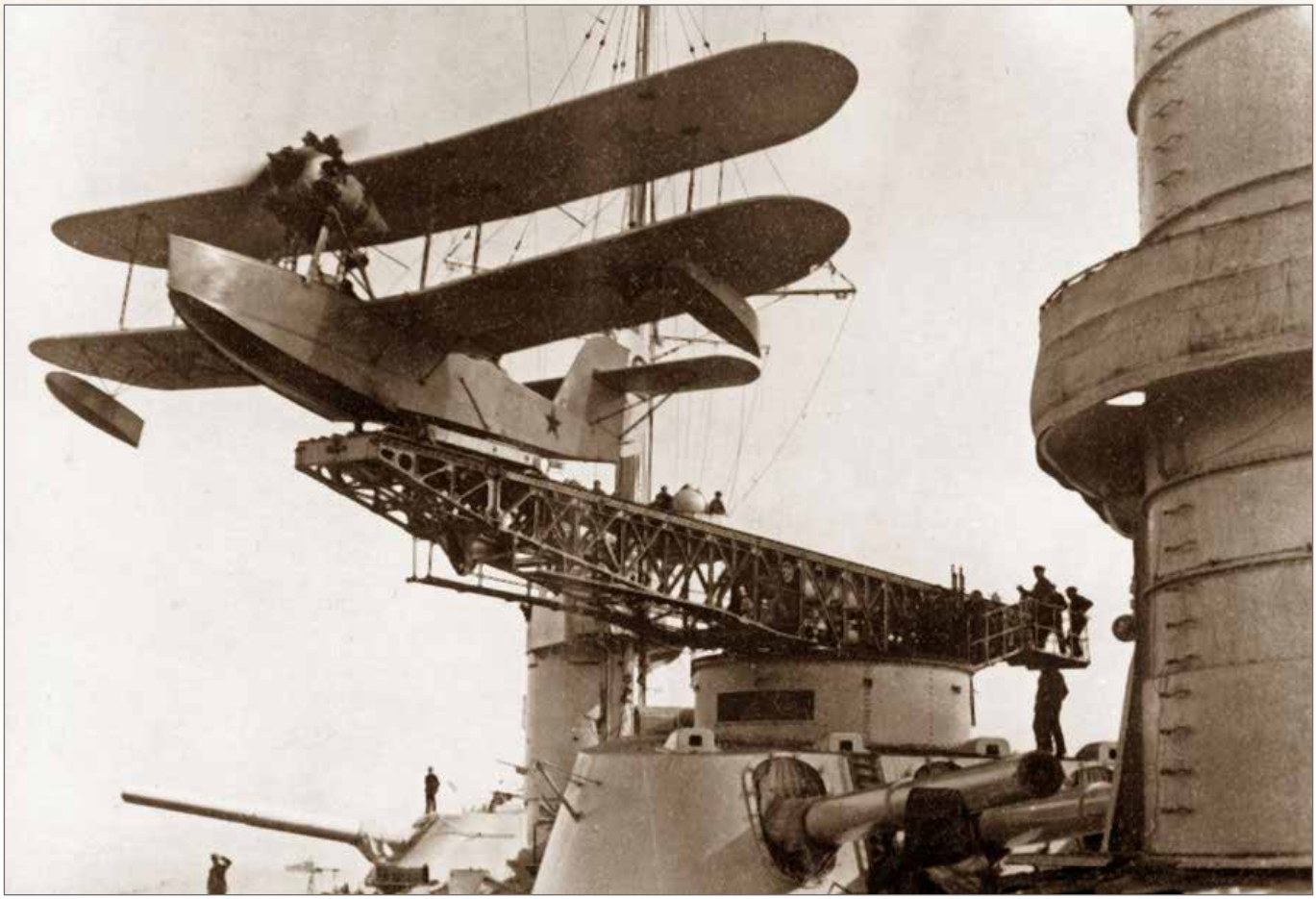
Через некоторое время, когда мы были на заводе «Фокке-Вульф» в Бремене, я напомнил Танку об этом самолете. Танк, не моргнув глазом, заявил:

– Понимаете, какая неприятность! Этот самолет только вчера потерпел аварию, так что я очень жалею, но показать вам его не могу.

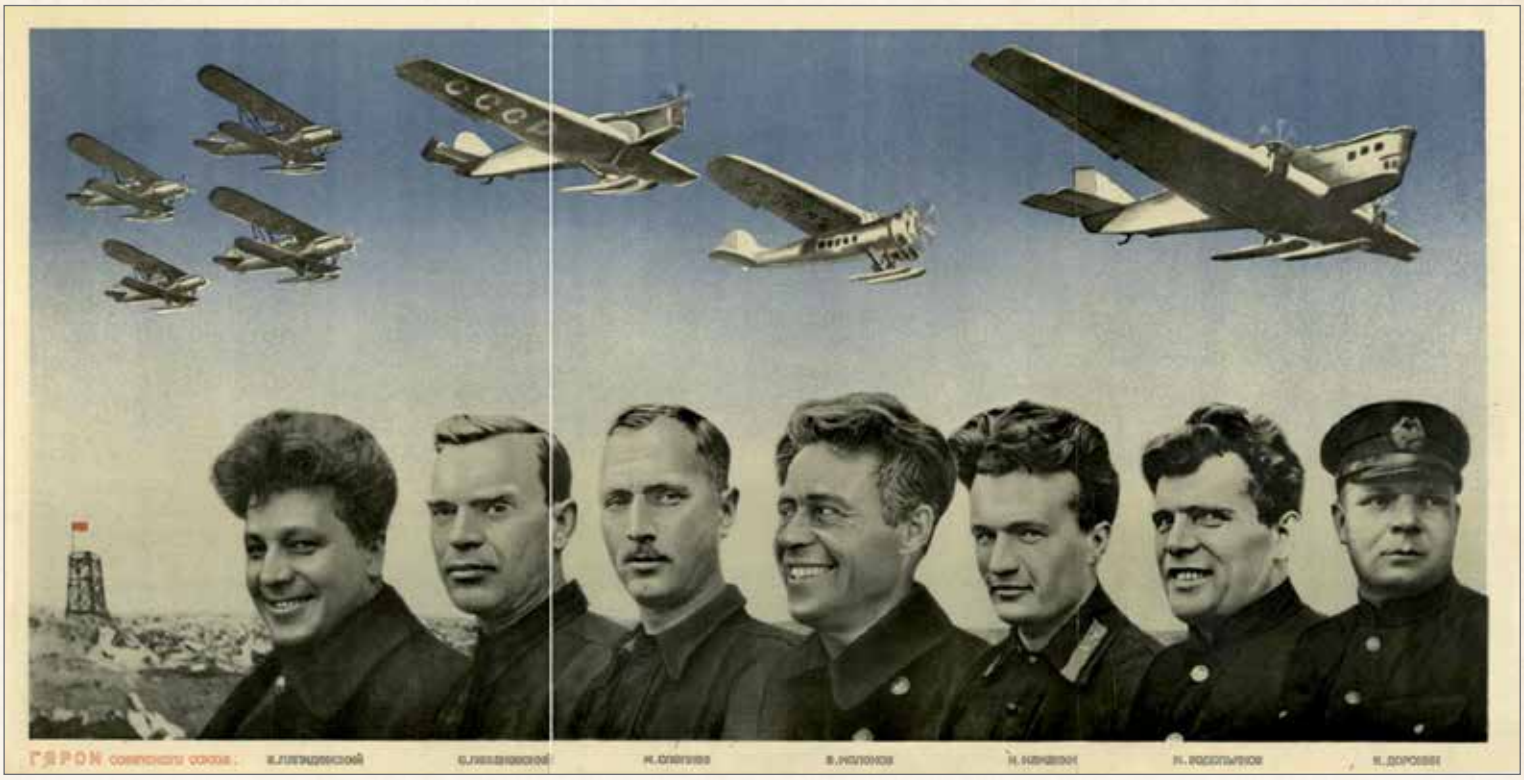
Как можно было потом догадаться, этим самолетом был тот самый «Фокке-Вульф-190», беспощадно битый советскими истребителями с момента своего появления на фронтах в 1943 году. Но только скорость его достигала не 700 километров, как хвастался Курт Танк, а примерно километров на 100 меньше. Может быть, поэтому-то Курт Танк и не показал нам своего истребителя.

По возвращении из поездки по заводам И.Ф. Тевосяна должен был принять Геринг. Так как с ним предстояло решить некоторые вопросы, в том числе и о приобретении авиационной техники, я тоже должен был, как мне казалось, участвовать вместе с Тевосяном в поездке в Каринхалл – поместье Геринга под Берлином.

Не знаю, из каких соображений, но Тевосян взял не меня, авиацион-



▲ Авиационная катапульта



▲ Пилоты воздушного флота Страны Советов

ника, а артиллериста Савченко, сославшись на то, что немцы пригласили Савченко, а не меня. Поэтому мне не пришлось повидать Геринга.

После поездки по заводам и встреч с Мессершмиттом, Хейнкелем и Танком у членов авиационной комиссии составилось вполне определенное мнение о необходимости закупить истребители «Мессершмитт-109» и «Хейнкель-100», бомбардировщики «Юнкерс-88» и «Дорнье-215».

Однако из-за бюрократических проволочек аппарата торгпредства мы не могли быстро и оперативно решить порученную нам задачу, то есть принять на месте решение о типах и количестве подлежащих закупке самолетов.

Заведующий инженерным отделом торгпредства Кормилицын предложил действовать по обычной в таких случаях схеме: от имени торгпредства послать запрос во Внешторг, чтобы последний согласовал его с ВВС и Наркоматом авиационной промышленности, то есть потратить несколько месяцев на ведомственные переговоры без гарантии на успех.

Я, видя такое дело, попробовал послать телеграмму по адресу: «Москва, Иванову». Торгпредское начальство телеграмму задержало и запретило передавать ее в Москву. Только после того, как я объяснил Тевосяну, что, предвидя возможность каких-либо затруднений и учитывая важность задания, Сталин разрешил при осуществлении нашей миссии обращаться непосредственно к нему и для этой цели дал мне шифрованный телеграфный адрес: «Москва, Иванову», он согласился и приказал не чинить препятствий.

Буквально через два дня был получен ответ, предоставляющий право на месте определить типы и количество закупаемых самолетов без согласования с Москвой. Такая быстрая реакция на мою шифровку буквально потрясла торгпредских чиновников. Работать стало очень легко, и поставленная перед нами правительством задача была успешно решена.

В общем вторая поездка в Германию оказалась такой же интересной и полезной, как и первая, а может быть, еще интереснее, потому что если первая носила ознакомительный характер, то эта – деловой: мы отбирали и закупали нужную нам авиационную технику.

В день возвращения в Москву из Германии, вечером, я был вызван к Сталину. Со мной долго и подробно беседовали, сперва в кремлевском кабинете, а потом за ужином на квартире у Сталина.

Сталина интересовало все: не продают ли нам немцы старье, есть ли у них тяжелые бомбардировщики, чьи истребители лучше – немецкие или английские, как организована авиапромышленность, каковы взаимоотношения между немецкими ВВС – «Люфтваффе» и промышленностью и т. д.

Участвовавших в беседе, естественно, больше всего интересовало: действительно ли немцы показали и продали нам все, что у них находится на вооружении; не обманули ли они нашу комиссию, не подсунули ли нам свою устаревшую авиационную технику.

Я сказал, что у нас в комиссии также были сомнения, особенно в первую поездку, но сейчас разногласий на этот счет нет. Мы уверены, что отобранная нами техника соответст-

вует современному уровню развития немецкой авиации.

Сталин предложил мне представить подробный доклад о результатах поездки, что я и сделал.

* * *

Октябрьские дни 1940 года мы праздновали с большим подъемом: дела нашего наркомата стали налаживаться. Вечер 8 ноября проводили на подмосковной даче Наркомавиапрома.

В самый разгар веселья подходит ко мне нарком и говорит:

– Вас срочно вызывают в Кремль к Молотову, машину я уже вызвал.

В Кремле пустынно, правительственные учреждения по случаю праздника не работали, коридоры Совнаркома безлюдны. Это была моя первая личная встреча с Молотовым у него в кремлевском кабинете.

До этого я с ним не раз виделся на различных заседаниях и особенно часто у Сталина, где он бывал ежедневно с другими членами Политбюро при рассмотрении самых разнообразных вопросов.

Он сидел обычно по левую руку от Сталина, по правую – Ворошилов, дальше по обе стороны длинного стола располагались Жданов, Микоян и другие.

Перед ним всегда лежала папка с кипой бумаг по иностранным делам, которую он приносил с собой. Просматривает их, делает какие-то заметки и только изредка протрет пенсне и вскинет глаза, чтобы мы убедились, что он внимательно слушает.

Молотов постоянно участвовал в обсуждении наших авиационных вопросов.

Поздоровавшись со мной и усадив в кресло напротив себя, Молотов сообщил, что я включен в состав советской правительственной делегации для переговоров с Гитлером в Берлине.

– Как вы на это смотрите? – спросил Вячеслав Михайлович.

Я ответил довольно неостроумно, больше того, глупо: «Как прикажете».

Молотов оборвал меня и сказал с неудовольствием: «Вы можете говорить по-человечески? Хочется вам ехать или не хочется?»

Я сразу спохватился и ответил: «Большое спасибо за доверие, конечно, буду очень рад».

– Ну, вот это другой разговор, – сказал он. – Значит, завтра в 9 часов вечера вы должны явиться на Белорусский вокзал, поедем в Берлин. Это указание товарища Сталина.

– Но как же завтра? – удивленно спросил я. – Ведь у меня нет заграничного паспорта, и вообще я совершенно не подготовлен к поездке.

– Ни о чем не беспокойтесь, все будет. Чемоданчик со свежим бельем найдется?.. Больше ничего от вас не требуется. Значит, завтра ровно в 9 на Белорусском вокзале...

Назавтра, прибыв на Белорусский вокзал в условленный час, я едва пробился со своей машиной через оцепленную площадь. Масса посольских машин с флажками стояла против подъезда вокзала. Я не имел ни билета, ни каких-либо документов, но, тем не менее, благополучно добрался до перрона, у которого стоял специальный литерный поезд.

В назначенное время мы отбыли.

Но не успел поезд пройти и десятка метров, как вдруг с резким толчком остановился. Что такое?! Через несколько минут опять поехали. И вторично, не дойдя до конца платформы, поезд вновь остановился, с еще более резким толчком. Забегали, засуетились железнодорожники, произошла какая-то заминка.

Что случилось?

Оказывается, этим же поездом ехал немецкий посол граф фон Шуленбург. Это Шуленбург дважды останавливал состав стоп-краном только потому, что к моменту отхода поезда из посольства ему не доставили... парадный мундир, в котором он собирался выйти из вагона в Берлине.

В конце концов, поезд ушел, не дождавшись мундира.

Позже мы узнали, что посольскую машину с чемоданами фон Шуленбурга не пропустили на привокзальную площадь, так как она не имела специального пропуска. Когда стал известен инцидент с мундиром Шуленбурга, вдогонку за поездом послали две легковые автомашины. Они должны были догнать состав и на одной из промежуточных станций погрузить багаж графа.

Все это происходило в ноябре, в гололедицу; машины мчались по Можайскому шоссе с бешеной скоростью, одна с багажом, другая резервная. Где-то по дороге, не то в

▲ Бранденбурские ворота

Голицыно, не то в Кубинке, первая машина потерпела аварию. Чемоданы перегрузили на вторую, и дальше в пути, кажется в Вязьме, посольские чемоданы благополучно доставили вконец изнервничавшемуся графу.

В Берлине нас встречали с почетом, соответствующим дипломатическому рангу правительственной делегации.

К прибытию поезда на Ангальтском вокзале собралось много встречающих, среди которых находились министр иностранных дел гитлеровского рейха Риббентроп и фельдмаршал Кейтель. Был выстроен почетный караул, и оркестр исполнил «Интернационал».

В замке Бельвю, где нам отвели апартаменты, все было «заботливо» предусмотрено. Кроме цветов, фруктов, минеральной воды, путеводителей по Берлину и всевозможных реклам, любезные хозяева позаботились и о «пище духовной» для нас. На столе рядом с фруктами лежал иллюстрированный журнал под названием «Kunst dem Volk», что значит «Искусство народу», напечатанный на прекрасной меловой бумаге. На обложке изображены два гитлеровских солдата в весьма воинственных позах, с гранатами в одной руке и револьвером – в другой. Фоном картины служили дымящиеся развалины Варшавы.

Я перелистал странички журнала. Запомнилась одна картинка. Под развесистым деревом изображен умирающий немецкий солдат. Стоя на коленях, он склонил голову на руки ангелоподобной, светящейся благочестием девушки. Все это нарисовано в полутонах с каким-то «потусторонним» освещением. Девушка нежно гладит голову умирающего. Выражение лица солдата, отправляющегося на тот свет, блаженное. Смысл картины: умереть за фюрера – высшее призвание немца. На следующей странице – красочная иллюстрация, изображающая тяжелое немецкое орудие, около которого хлопочет орудийный расчет, а на горизонте – пылающие строения.

Все это было довольно прозрачным намеком. Но нам приходилось проявлять дипломатическую любезность, разговаривать вежливо и с улыбкой произносить на банкетах взаимные тосты, чокаясь со своими соседями.

Чуть ли не в день приезда пришлось быть на банкете в честь нашей делегации в отеле «Кайзергоф».

Мы приехали в роскошный отель, вестибюль которого представлял собой жужжащий улей. Множество немцев во фраках, смокингах, военных мундирах с орденами и медалями заполняли зал. Сквозь раскрытые двери был виден огромный, красиво сервированный стол, а на стене перед входом в зал – план стола с указанием места каждого из гостей. В назначенное время всех пригласили к столу.

Хозяин банкета, министр Риббентроп, любезно улыбался направо и налево. Я быстро нашел свое место и раскланялся со своими соседями. Перед каждым из нас на приборе лежали меню и визитная карточка с обозначением фамилии, имени и чина приглашенного.

Захотелось узнать, кто сидит рядом со мной. Я скосил глаза направо и увидел карточку генерала Тодта – одного из крупнейших инженеров и организаторов германской военной техники.

Взглянув на карточку своего визави, убедился, что это фон Папен, бывший вице-канцлер Германии. В Первую мировую войну фон Папен был не то военным, не то морским атташе в Америке, откуда его выслали за разведывательную и подрывную деятельность.

Бесцветные глаза ничего не выражали даже в тот момент, когда, обращаясь к своему соседу, он поднимал бокал с вином и пытался изобразить на своем лице подобие улыбки. Он до конца своей жизни, подобно всем фашистским главарям, остался лицемером. Когда через пять лет фон Папен был взят англичанами в плен, он смиренно спросил:

– Что вы от меня, старика, хотите?

После войны Международный военный трибунал судил Папена как одного из главных немецких военных преступников.

Левым моим соседом был престарелый адмирал. Шамкая беззубым ртом, он вдруг заговорил со мной по-русски:

– Не удивляйтесь, что я знаю ваш язык. Я был морским атташе в Москве в 1927 году, когда, помните, произошла история с покушением на советника нашего посольства. С тех пор я в Москве не был. Сейчас работаю экспертом в министерстве иностранных дел.

Банкет внезапно был прерван. Раздался вой сирены, хозяева всполошились, повскакали с мест. Немецкие офицеры предложили нам свои услуги для того, чтобы отвезти в бомбоубежище замка Бельвю. Мы вышли на улицу. Стояла светлая, лунная ночь. Где-то высоко-высоко в небе жужжали английские самолеты. Бесчисленные лучи прожекторов шарили по небу, пытаясь их отыскать. Бухала зенитная артиллерия.

Постепенно лучи прожекторов уходили в сторону, за ними удалялись и выстрелы зениток.В ту пору английская авиация была еще слаба и немногочисленна по сравнению с немецкой. При налетах берлинцы часто отделывались одним испугом. Больших бед, как это стало позже, английские самолеты им не приносили.

Назавтра предстоял прием у Гитлера.

Из нашей резиденции – замка Бельвю – мы поехали по аллее Побед, через Бранденбургские ворота, по Уитер-ден-Линден, свернули направо, на Вильгельмштрассе, где помещался въезд в новую имперскую канцелярию – так именовался дворец, служебная резиденция Гитлера, занимавшая целый квартал в центре Берлина.

Перед нами распахнулись ворота, и мы въехали во внутренний двор новой канцелярии. Двор имел форму правильного прямоугольника, окаймленного с четырех сторон совершенно плоскими серыми стенами каменных зданий одинаковой высоты, с прямоугольными глазницами окон. Такими же серыми каменными плитами был устлан гладкий, как шахматная доска, двор. Создавалось впечатление, что попали в какую-то каменную коробку. Лишь в противоположной воротам стене был внуши-

тельный подъезд с огромными зеркальными дверями.

У подъезда, так же как и у ворот, каменными изваяниями стояли эсэсовцы в серо-зеленых мундирах, в стальных касках с фашистской эмблемой, с отличительными значками эсэсовских частей: череп и скрещенные кости.

Нас ввели в вестибюль и пригласили сесть. Обстановка здесь была роскошная. Пол вестибюля сплошь застлан мягким красным ковром, мебель дорогая, стены увешаны картинами известных художников. Какие-то прилизанные военные разговаривали между собой благоговейным шепотом. Они беззвучно сновали туда и сюда, постоянно щелкали каблуками друг перед другом и отдавали фашистское приветствие.

Торжественная обстановка, тишина, шепот – все это, очевидно, создавалось для того, чтобы психологически подготовить человека, который должен был «предстать» перед фюрером.

Через 5–10 минут ожидания тем же полушепотом была дана какая-то команда. Щелканье каблуков усилилось. Дипломат, сопровождавший нас, изогнулся в три погибели, сделал жест в сторону арки, ведущей в другую комнату. Мы поняли, что нас приглашают пройти.

Мы встали и направились в другую комнату. В дверях я увидел Адольфа Гитлера. Он стоял в ожидании и, пропуская нас в комнату, здоровался со всеми; каждого из нас ему представляли. Вслед за Гитлером цепочкой стояли Риббентроп, Геббельс, Гиммлер, фельдмаршал Кейтель и Лей.

Гитлер был в коричневом пиджаке, черном галстуке и черных брюках – традиционный костюм члена фашистской партии. Наружность невыразительная. Пресловутый чуб на лбу, серые водянистые глаза, нездоровый серовато-желтый цвет лица, неэнергичное пожатие влажной мясистой руки произвели неприятное впечатление. Вскинув взгляд своих оловянных глаз при рукопожатии, он тотчас же переводил его на другого.

Полным контрастом ему был стоявший рядом Иоахим Риббентроп –

▲ Награжденные в Верховном Совете СССР

высокий, безукоризненно одетый мужчина. Он энергично, продолжительно жал руку и пристально смотрел в глаза с чрезвычайно вежливой улыбкой на лице. Создавалось впечатление, что он знает вас и хочет выразить вам свое особое расположение. По-видимому, он выработал подобную манеру здороваться в результате многолетней «дипломатической деятельности».

Затем настала очередь поздороваться с Йозефом Геббельсом – этой маленькой хромой обезьянкой, знакомой нам по многочисленным карикатурам, портретно схожим с ним. Одет он был в такой же, как у Гитлера, коричневый пиджак и черные брюки. Наглые, бегающие глазки, совершенно желтое, испещренное следами многочисленных угрей лицо и прилизанная лопоухая голова. Плохие, нездоровые зубы.

За Геббельсом стоял руководитель так называемого «трудового фронта» Роберт Лей – здоровенный краснощекий мужик с двойным подбородком и тройным затылком, с кровавым рубцом от шрама на щеке, с сиплым, грубым, пропитым голосом. Типичный мясник, с маслянистыми, навыкат глазами, потным, сальным лицом, с толстыми, короткими, как обрубок, пальцами. Он старался делать вид, что чрезвычайно доволен знакомством с нами, беспрестанно улыбался и издавал какие-то непонятные звуки, которые, очевидно, должны были выражать удовольствие.

Фельдмаршал Вильгельм Кейтель с Железным крестом на шее, представитель генерального штаба – типичный пруссак. Высокий, пожилой, с каменным выражением лица, с холодными, жесткими глазами, менее

других словоохотливый. Он молча здоровался, щелкая каблуками.

Омерзительное впечатление производил Генрих Гиммлер – начальник гестапо, главный палач Германии, организатор страшных лагерей – Майданека, Освенцима, Дахау и других. Одет он был в форму офицера СС, в сером мундире с бархатным воротником, традиционными нашивками: череп и кости. Маленькая головка, волосы подстрижены коротко – ежиком, остренький носик, узкие, змееподобные губы, маленькие, холодные, крысиные глазки, прикрытые пенсне. Даже затрудняешься сказать, какой у него взгляд. Временами казалось, что Гиммлер смотрит так, как смотрит удав, не мигая. Это взгляд человека, от которого веет могильным холодом.

Для полноты коллекции не хватало Геринга, которого в тот момент в Берлине не было.

После взаимного представления Гитлер пригласил нас к пышно убранному, украшенному цветами столу. Каждому заранее было определено место. Справа вдоль стены стояло человек 10–15 официантов, вытянувшихся в струнку. Все молодые, все одного роста, все одной масти – светлые блондины, с одним цветом глаз и даже похожие друг на друга. Все одеты в одинаковую форму – курточку с серебряным шитьем, светло-серые брюки, белую манишку и черный галстук бабочкой. Эти официанты походили скорее на военных, так слаженно они работали и такими механическими, выученными были их движения.

Гитлеру подавал особый официант – офицер в форме СС, тоже высокий, тоже молодой блондин с голубыми глазами. Все они, включая и офицера, подававшего кушанья Гитлеру, являлись олицетворением чистейшей арийской расы, той самой «белокурой бестии», превосходство которой над всеми другими народами провозгласил немецкий философ Ницше.

Эти «белокурые бестии» являли собой резкий контраст с самими вождями германского фашизма. Ни Гитлер, ни тем более Геббельс не могли ни в какой степени считаться родственными им по расе.

Гитлер и его коллеги были с нами предельно любезны.

Обед проходил в атмосфере нормальной дипломатической процедуры, за разговорами о самых пустых и нейтральных вещах. И здесь, так же как и на всех других подобных приемах в Германии, опять я услышал похвалы замечательной музыке русского композитора Чайковского, замечательному искусству русского балета Большого театра (Риббентроп видел в Москве «Лебединое озеро»), высоким качествам души русского человека, «известным всему миру» по произведениям Толстого и Достоевского. Словом, все в духе обычной дипломатической любезности.

За обедом я заметил, что Гитлер – вегетарианец: ему подавали на особом закрытом блюде, крышку с которого снимали только на столе. На блюде стояло несколько специальных серебряных судочков. В судочках разная еда: какая-то кашица, свежие овощи, овощной салат, поджаренные овощи и другие вегетарианские кушанья.

Всем присутствующим официанты наливали в бокалы вино. Один Гитлер пил какую-то воду из специальной бутылки. Оказывается, он не пил вина, не курил.

Тут же за обедом нам сообщили, что новая имперская канцелярия – это служебное помещение, а живет Гитлер в очень простой квартирке из двух комнат. Этот лицемер разыгрывал скромного, добропорядочного немца с запросами среднего обывателя.

В других обстоятельствах он пытался создать впечатление великого человека. В своих многочисленных речах на военных парадах, перед сборищами штурмовиков и фашистских головорезов, запечатленных на кинопленках, он принимал все меры к тому, чтобы своей внешностью, своей походкой, своими жестами и истерическими выступлениями убедить всех в величии своей особы.

Гитлер часто паясничал. Уже позднее я видел в кино, что он кривлялся даже тогда, когда подписывалось перемирие в историческом компьенском вагоне с вишийскими капитулянтами.

Советско-германские переговоры в Берлине в ноябре 1940 года были непродолжительны и, как известно, бесплодны. Вся делегация во главе с Молотовым вернулась в Москву, а меня оставили еще на две недели, так как я получил задание использовать свое пребывание в Германии для ознакомления с авиационными заводами, на которые мне не пришлось попасть в предыдущие поездки.

Мне удалось встретиться с некоторыми немецкими авиационными специалистами и еще раз побывать

▲ Тирольский пейзаж

на нескольких заводах, которые нам охотно показывали. Как и в прежние поездки, я задумывался над вопросом: почему гитлеровцы так откровенно знакомят со своей авиационной промышленностью – одной из секретнейших отраслей вооружения армии? Разгадку дали они сами.

Однажды нас пригласили осмотреть авиационный завод Хейнкеля в Ораниенбурге, под Берлином. Завод хороший. Правда, не было случая, чтобы нам показали какой-нибудь завод сразу. Следовало предупредить заблаговременно, что хотим посмотреть такое-то предприятие. Нас туда возили, но показывали, естественно, все в «подготовленном» виде. После осмотра авиационного завода директор предложил мне записать свои впечатления и отзыв в книге почетных посетителей. Я поинтересовался, кто там писал до меня. Оказывается, мы были не первыми из иностранцев, которым показывали этот завод. Многие известные деятели авиации крупнейших стран мира – США, Англии, Франции, Японии – осматривали завод и оставили свои отзывы. Я обнаружил, что здесь побывал и оставил восторженную запись знаменитый американский летчик Линдберг.

Директор завода обратил особое внимание на автограф главнокомандующего французским воздушным флотом генерала Виемена, который посетил этот завод незадолго до начала войны с Германией. Генерал написал: замечательный, лучший в мире завод, который делает честь и славу не только строителям завода, но и вообще германскому воздушному флоту.

Пока я читал, директор лукаво поглядывал на меня. Я прочел и спросил:

– Ну что же тут особенного? Ваш завод стоит такой оценки.

Директор ответил:

– Дело в том, что генерал Виемен был у нас за полтора-два месяца до войны. Он и его спутники посмотрели наш завод и немецкую авиацию похвалили, но, видимо, не сделали соответствующего вывода, потому что через два месяца французы отважились на войну с нами.

Стало понятно, что французскому генералу показывали этот лучший германский самолетостроительный завод, чтобы доказать: авиационная мощь Германии неизмеримо выше воздушной мощи Франции.

Они запугивали французов, англичан, запугивали американцев, надеялись запугать и нас. Чувствовалось их стремление поразить нас своей мощью. Не только внушить уважение к немецкой технике, но главным образом посеять в нас страх перед немецкой военной машиной, заложить основу того, чем они побеждали других: заразить паническим ужасом перед мощью гитлеровской Германии и сломить волю к сопротивлению.

По возвращении в Москву меня сразу же, чуть ли не с вокзала, вызвали в Кремль.

Сталин проявлял чрезвычайный интерес к немецкой авиации. Поэтому не случайно, каждый раз по возвращении из предыдущих поездок в Германию меня в тот же день к нему вызывали.

В приемной я встретил Молотова. Здороваясь, он засмеялся:

– А, немец! Ну, теперь затаскают нас с вами.

– За что, Вячеслав Михайлович?

– А как же! С Гитлером обедали? Обедали. С Геббельсом здоровались? Здоровались. Придется каяться, – пошутил Молотов.

В этот вечер обсуждалось много всевозможных вопросов, большей частью не имевших отношения к авиации, но меня все не отпускали и нет-нет да и расспрашивали, что нового видел я на этот раз в Германии. Сталина, как и прежде, очень интересовал вопрос, не обманывают ли нас немцы, продавая авиационную технику.

Я доложил, что теперь в результате этой, третьей поездки, создалось уже твердое убеждение в том, что немцы показали истинный уровень своей авиационной техники. И что закупленные нами образцы этой техники самолеты «Мессершмитт-109», Хейнкель-100», «Юнкерс-88», «Дорнье-215» и другие отражают состояние современного авиационного вооружения Германии.

И в самом деле, война впоследствии показала, что кроме перечисленных, имевшихся в нашем распоряжении самолетов на фронте появился только один новый истребитель – «Фокке-Вульф-190», да и тот не оправдал возлагавшихся на него надежд.

Я высказал твердое убеждение, что гитлеровцам, ослепленным своими успехами в покорении Европы, и в голову не приходило, что русские могут с ними соперничать. Они были так уверены в своем военном и техническом превосходстве, что, раскрывая секреты своей авиации, думали только о том, как бы нас еще сильнее поразить, потрясти наше воображение и запугать.

Поздно ночью, перед тем как отпустить домой, Сталин сказал:

– Организуйте изучение нашими людьми немецких самолетов. Сравните их с новыми нашими. Научитесь их бить.

Ровно за год до начала войны в Москву прибыли пять истребителей «Мессершмитт-109», два бомбардировщика «Юнкерс-88», два бомбардировщика «Дорнье-215», а также новейший истребитель – «Хейнкель-100». К этому времени мы уже имели свои конкурентоспособные истребители – ЛАГГи, ЯКи, МиГи, штурмовики бомбардировщики ИЛы и ПЕ-2.

В дни нашего пребывания в Германии английская и французская пресса вновь, как и год назад, вопила истошным голосом, обвиняя нас в сговоре с Гитлером. Они все еще с упорством маньяков мечтали о том, чтобы немцы ввязались в драку с русскими, а им тем временем можно было бы выжидать, пока Россия будет разбита, а Германия обескровлена. Но в сложившейся обстановке начала II мировой войны Советское правительство предпочитало переговоры. Каждый день мирной передышки работал на нас.

Выигрыш во времени был особенно дорог для нашей авиации: он позволил за 1939–1940 годы создать новые, вполне современные типы боевых самолетов и к 1941 году запустить их в серийное производство. ■

ЯКОВ СЛАЩОВ-КРЫМСКИЙ

КРАХ БЕЛОГО КРЫМА

Находясь в руководстве белогвардейскими войсками, Слащов со временем обнаружил бесперспективность вооруженной борьбы с красными, продажность, лицемерие, безыдейность и бездарность белогвардейских генералов, и потерял веру в победу Белого движения.

Постепенно противостояние между Ставкой деникинцев и непокорным генералом переросло в откровенную борьбу. Обеспокоенный сложившейся ситуацией, генерал Деникин присылает в Севастополь к всесильному в Крыму Слащову своего представителя полковника Нога, якобы в помощь генералу. Но помощь Ноги заключалась в том, что он без стеснения следил за всеми шагами Слащова и докладывал о них в Ставку лично генералу Деникину.

Антанта снимает Деникина с поста главнокомандующего войсками Юга России. «Деникин сделал своё дело – Деникин должен уйти».

Следует торжественная церемония возвращения генерала Врангеля из Константинополя в Севастополь. Почётный караул. Прочувственные речи. Бравурные марши. Памятные, последние торжества белой России на последнем клочке белой русской земли. Семьдесят генералов собираются во дворце командующего флотом в Севастополе на совет и в духе «демократии» голосуют за генерала Врангеля на пост главнокомандующего. Лишь один генерал Слащов сплюнул на пол и, прогрохотав в своих сапогах к выходу, убыл к себе в Джанкой. Уже из Джанкоя Слащов телеграммой поздравляет Врангеля с избранием на высокий пост главнокомандующего. Врангель со своей стороны делает реверанс – подписывает приказ о присвоении Слащову звания генерал-лейтенанта, приговаривая: «Популярен, скотина, среди солдат!»

Между новым командующим, ставленником Антанты, и генералом Слащевым и раньше были трения. Летом 1920 года между ними возникают разногласия в проведении операций против красных. Грамотный талантливый военачальник Слащов решительно выступил под Каховкой, предложив свой план разгрома красных против плана Врангеля. В чём была суть конфликта?

Слащов, Яков Александрович русский и советский военачальник, и военный педагог, генерал-лейтенант, активный участник белого движения на Юге России. Родился в Санкт-Петербурге 29 декабря 1885 года в семье потомственного военного. В 1903 году окончил полный курс реального училища. В 1905 он году окончил Павловское военное училище, выпущен подпоручиком, служил в лейб-гвардии Финляндском полку. В 1911 году окончил Николаевскую военную академию.

Командовал Московским лейб-гвардии полком, Кубанской пластунской бригадой, 1-й отдельной Кубанской пластунской бригадой, 3 армейским корпусом.

31 декабря 1914 года в составе лейб-гвардии Финляндского полка принял участие в I мировой войне. 10 октября 1916 года произведен в полковники. За мужество, героизм, бесстрашие, умелое командование вверенными подразделениями и частями в годы войны был награжден 8 орденами и Почетным Георгиевским оружием.

К белому движению присоединился в декабре 1917 года. С декабря 1919 года командир 3 армейского корпуса в армии Деникина.

За годы I мировой и Гражданской войн был ранен 9 раз. Чтобы уменьшить невыносимую боль после ранения в живот в 1919 году (рана не заживала более полугода) колол себе обезболивающее – морфий.

Отличался исключительной храбростью и бесстрашием, постоянно лично водил в атаку войска.

Пользовался любовью и уважением солдат и офицеров, вверенных ему войск, за что снискал уважительное прозвище «Генерал Яша».

▲ Казаки

Врангель по рукам и ногам был связан с Антантой. Слащев считал себя обязанным не Антанте, а собственному полководческому таланту. Слащов предлагает свой план боевых действий: поляки наступают на красных с Запада, нам надо ударить с юга им навстречу. Но Врангель получает прямые указания из Парижа: наступать всеми силами на Донбасс. Именно там до революции французам принадлежало немало шахт и заводов, а интересы сохранения и приумножения своих капиталов для них были важнее напрасно проливаемой русской крови. Врангель был далеко не дурак. Он был просто реалистом и отлично понимал: Слащёв прав, но ссориться с Францией ему было нельзя. Из Франции в Крым шёл поток оружия, военного снаряжения и обмундирования. Именно Франция, а не Англия (в свое время отказавшая в убежище Николаю II и его семье) в случае чего, обещала приютить белых у себя.

Врангель, насколько было в его силах, старается выглядеть «демократично». Нигде и никогда в белом стане не пахло какой-либо демократией. «Демократизировать клочок российской земли в Крыму!» Но Слащов открыто смеется над потугами Врангеля.

Видя свою беспомощность и неспособность, подчинить себе непокорного Слащова, Врангель требует собрать на него компромат. Угождая Врангелю, контрразведчики доносят: «Опасен, явно сумасшедший. Способен на всё: взорвать Крым, перейти на сторону Махно и даже большевиков»...

Слащову «повезло» при жизни. У себя, в лагере белых, и у красных, он удостоился сразу несколько разных званий: «Слащов-Крымский», «Слащов-вешатель», позже, в эмиграции «Генерал-предатель крымский». О нём говорили с содроганием. Но, что интересно: он подписал более сотни приговоров к повешению. Более половины из них были вовсе не его враги-противники (подпольщики-большевики, комсомольцы), а свои же белые, допустившие вандализм, мародерство, грабёж, воровство, дезертирство, трусость.

Так, в игорном доме Симферополя (на углу Пушкинской и Екатерининской улиц) Слащов лично арестовал трёх офицеров, ограбивших евреяювелира, и велел их тут же повесить. Казнил солдата за гуся, украденного у крестьянина. Не посчитался даже с полковничьими погонами и вздёрнул полковника, приговаривая, «Погоны позорить нельзя», которому покровительствовал сам генерал Врангель.

Ещё летом 1919 года перед Слащовым трепетали, заискивали. Ведь, ни кто иной, как именно он, отстоял Крым в конце 1919 года при первом натиске красных. Крым стал подарком генералу Врангелю от Слащёва.

Генерал Врангель лично провозгласил здравицу в честь «Слащова-Крымского» за летнюю блестящую крымскую компанию в районе Коктебеля. Десант Слащова в 5 тысяч штыков, оттеснил красных, вызвал панику в тылу Крымской Советской республики. Но его постоянные скандалы с «тыловыми крысами» в генеральских мундирах, открытое

третирование органов местного, «демократически настроенного, самоуправления» в лице кадетов, эсеров, меньшевиков испортили репутацию генерала. Мало радости от «генерала Яши» было лидерам «местной демократии», протестовавших против террора.

И любителям «весёлой жизни» Слащов спуску не давал. Чего стоят его приказы, расклеиваемые по всему Крыму, с характерной для него экзотической риторикой:

«...опечатать винные склады и магазины. Буду беспощадно карать... На всей территории Крыма запрещаю повсеместно азартную карточную игру. Содержателей всех притонов покараю не штрафами, а как прямых пособников большевизма... Пока берегитесь, а не послушаетесь – не упрекайте за преждевременную смерть... Генерал Слащов»

С фронта генерал рассылал настенные бюллетени со своей спецификой и с той же риторикой:

«...Безобразие! Посмели дать себя атаковать, не атаковали сами... Приказываю: ни шагу назад, а в атаку вперёд! Где потребует обстановка, выеду сам... Подтверждаю: из Крыма не уйду! Из двух армий противника одну разгромил, берусь за вторую. Доволен молодецкой работой добровольцев и казаков... Население спокойно, но инертно. Нужна изюминка...»

Генерал Слащов

В самый драматический момент сражения, когда красные яростно атаковали, генерал Слащов под Чонгарской Гатью отдал приказ своим верным юнкерам построиться в колонну, музыкантам играть марш и под ураганным артиллерийским огнём красных под развёрнутым российским знаменем пошёл на Гать в атаку.

В ноябре 1920 года, когда красная конница уже вышла на окраины Севастополя, Слащов в числе последних белых защитников Крыма эвакуировался в Константинополь, отплыв на ледоколе «Илья Муромец» с остатками Финляндского полка. Большую часть его «багажа» занимало... полковое Георгиевское знамя, под сенью которого он начинал офицерскую службу и сражался на фронтах в I мировой войны.

Находясь в Константинополе, 14 декабря 1920 года Слащов написал в резких тонах письмо председателю собрания русских общественных деятелей П. П. Юреневу по поводу вынесенной им резолюции, в которой содержался призыв ко всем эмигрантам поддержать Врангеля в его дальнейшей борьбе против Советской России.

Сразу после письма Слащева Врангель организовал суд генеральской чести, признавший поступок Слащова «недостойным русского человека и тем более генерала и приговорил Я. А. Слащова «к увольнению от службы без права ношения мундира».

В январе 1921 года Слащов опубликовал в Константинополе книгу «Требую суда общественности и гласности! Оборона и сдача Крыма. Мемуары и документы». Книга содержала настолько нелицеприятные оценки деятельности Врангеля в крымский период, что если экземпляр её обнаруживали в Галлиполийском лагере, где содержались прибывшие из Крыма части белой армии, этот факт расценивался контрразведкой как измена, со всеми вытекающими для виновного последствиями...

В 1921 году к опальному генералу случайно попадает текст тайного соглашения барона Врангеля с государствами Антанты. Оказывается, главком вооруженных сил Юга России столько пообещал Парижу и Лондону, что от «великой и неделимой России», в случае победы белых, остались бы одни воспоминания.

Слащов открыто высказывает своё мнение: «Красные – мои враги, но они сделали главное – моё дело: возродили великую Россию!» и добавил в своём духе: «...а как они её назвали – мне на это наплевать!» «Я. Слащов-Крымский, зову вас, офицеры и солдаты, подчиниться Советской власти и вернуться на Родину!»

▲ Слащов Я. А.

«...Мои трения с Врангелем продолжались, дело дошло до упрека с моей стороны, что, кажется, мы начинаем плясать под дудку французов, а подняли мы восстание против Советской власти, как против власти, поставленной немцами. Чем немцы хуже французов? Правда, раньше чинам армии говорили, что борьба продолжается, приходилось это говорить и мне, но все же переговоры с англичанами были, и Врангель собирался сам вести их с большевиками. Тут же уже не было сомнений, что безыдейная борьба продолжается под командой лиц, не заслуживающих никакого доверия, и, главное, под диктовку иностранцев, т.е. французов, которые теперь вместо немцев желают овладеть «отечеством». Кто же мы тогда? На этот вопрос не хотелось отвечать даже самому себе.»

Советская разведка в Турции внимательно следила за белогвардейцами и, обнаружив существование острых и глубоких противоречий между Слащовым и белоэмигрантской верхушкой, доложила в Москву председателю ВЧК Ф.Э. Дзержинскому.

В Турцию был направлен особоуполномоченный ВЧК и Разведывательного управления Красной Армии Ельский Яков Петрович с паспортом на имя Тененбаума, с задачей провести активную работу с генералом, сообщить, что Советская власть в случае его раскаяния и перехода на её сторону простит все прегрешения, даже самые кровавые. Для большевиков политический выигрыш в случае успеха этой акции был бы очень большой.

Переход на сторону Советской власти столь крупной личности из вражеского лагеря имел бы большой политический резонанс. Гласный разрыв Слащова-Крымского с Белым движением и его возвращение в Советскую Россию давали возможность использовать столь заслуженного и авторитетного боевого генерала для разложения почти стотысячной военной эмиграции.

Слащов-Крымский принял предложения эмиссара разведки и согласился вернуться на Родину.

Ф.Э. Дзержинский вместе с М.В. Фрунзе решают поставить вопрос о возвращении Слащова в Советскую Россию перед руководством партии. На заседании Политбюро Дзержинский ставит на повестку дня вопрос «о приглашении бывшего генерала Я. А. Слащова-Крымского на службу в Красную Армию». Мнения в Политбюро разделились. Против: Зиновьев, Бухарин, Рыков. За: Сталин, Ворошилов, Каменев. Воздержался – Ленин. Но Дзержинский настаивает на своем предложении. Политбюро принимает решение назначить комиссию по этому вопросу.

ЗАПИСКА Л. Б. КАМЕНЕВА В ПОЛИТБЮРО ЦК РКП(б) ПО ДЕЛУ Я. А. СЛАЩОВА

Не ранее 7 октября— не позднее 10 октября 1921 г.

Комиссия, назначенная Политбюро, решила:

1) Предложение признать приемлемым, т. е. согласиться на переправку Слащова и К0 в Россию.

2) Поручить т. Уншлихту вызвать к себе Дашевского, проверить его и принять наблюдение над дальнейшим проведением дела.

На документе имеется резолюция: «Воздерживаюсь. В. И. Ленин».

РГАСПИ, ф. 2, оп. 1, д. 24644, л. 2 об. Подлинник, рукопись . Документ опубликован.

Примечание. Указанная комиссия была создана 7 октября 1921 г. и состояла из Каменева, Сталина и Ворошилова.

3 ноября 1921 года, в годовщину взятия Крыма, ВЦИК РСФСР объявил амнистию участникам Белого движения.

21 ноября 1921 года при помощи завербованного ЧК бывшего матроса и добровольца Баткина (брата одного из организаторов операции по возвращению Ф. И. Баткина) вместе с белыми казаками на итальянском пароходе «Жан» Слащов, генерал-майор Мильковский, генерал-майор Секретов, бывший начальник дивизии генерал Гравицкий, полковники Гильбих и Мезернецкий, жена Слащёва Н. П. Нечволодова с ребёнком и ее двоюродный брат, князь Трубецкой прибывают в Севастополь. Оттуда в личном вагоне Дзержинского Слащов выехал в Москву.

Накануне отъезда из эмиграции покинувший ее ряды белогвардейский военачальник разослал в крупнейшие зарубежные газеты письма с объяснением своего поступка.

«Если меня спросят, как я, защитник Крыма от красных, перешел теперь к ним, я отвечу: я защищал не Крым, а честь России... Я еду выполнять свой долг, считая, что все русские, военные в особенности, должны быть в настоящий момент в России».

В 1922 году Слащев своей рукой пишет обращение к офицерам и ге-

▲ В эмиграции

нералам бывшей белой гвардии, находившимся в эмиграции, с предложением последовать его примеру и вернуться из белой эмиграции на Родину.

«С 1918 года льется русская кровь в междоусобной войне. Все называли себя борцами за народ. Правительство белых оказалось несостоятельным и не поддержанным народом – белые были побеждены и бежали в Константинополь.

Советская власть есть единственная власть, представляющая Россию и ее народ.

Я, Слащёв-Крымский, зову вас, офицеры и солдаты, подчиниться советской власти и вернуться на родину, в противном случае вы окажетесь наёмниками иностранного капитала и, что ещё хуже, наёмниками против своей родины, своего родного народа. Ведь каждую минуту вас могут послать завоёвывать русские области. Конечно, платить вам за это будут, но пославшие вас получат все материальные и территориальные выгоды, сделают русский народ рабами, а вас народ проклянёт. Вас пугают тем, что возвращающихся белых подвергают различным репрессиям. Я поехал, проверил и убедился, что прошлое забыто. Со мной приехали генерал Мильковский, полковник Гильбих, несколько офицеров и моя жена. И теперь, как один из бывших высших начальников добровольческой армии, командую вам: «За мной!» Не верьте сплетням про Россию, не смейте продаваться, чтобы идти на Россию войной.

Требую подчинения советской власти для защиты родины и своего народа».

В переписке руководителя польской разведки (II отдел генерального штаба верховного командования польской армии) И. Матушевского содержится свидетельство (письмо от 22 февраля 1922 года), что примеру Слащова последовали многие интернированные в Польше русские офицеры:

«В последние месяцы в лагерях для интернированных заметно сильное влияние т.н. «слащевизны», т.е. повторения пути ген. армии Врангеля Слащева, который выехал из Константинополя в Советскую Россию и служит в Красной Армии. Под воздействием большевистской пропаганды многие интернированные, особенно из молодых «белых» офицеров и солдат, выезжают в Россию».

К исходу 1922 года в Россию вернулось 223 тысячи бывших эмигрантов. За границей в белой ставке «непримиримых» генерала Слащова приговаривают заочно к смертной казни.

Эффект отъезда Слащова в Советскую Россию, который на Лубянке по праву находится в золотом фонде проведенных ею спецопераций оказался потрясающим. Он «всколыхнул,

▲ Врангель в Константинополе

▲ Правительство Врангеля

буквально сверху донизу, всю русскую эмиграцию». За ним последовало возвращение на Родину ряда деятелей отечественной культуры, например, Алексея Толстого в 1923 году. Но еще более сильным оказался военно-политический выигрыш. По оценке французской разведки, «переход Слащова на сторону Красной Армии нанес тяжелый удар по моральному состоянию русских офицеров… Эта неожиданная перемена со стороны боевого генерала… авторитет которого имел большой престиж… внесла большое смятение в дух непримиримости, который до сих пор доминировал среди офицеров и солдат белой армии».

В кадры Рабоче-Крестьянской Красной Армии были зачислены Слащов, Мильковский и Гильбих.

С 1922 года Я. А. Слащов-Крымский преподавал тактику (с 1924 года стал главным руководителем цикла общей тактики) в Высшей тактико-стрелковой школе командного состава РККА «Выстрел» в Лефортово.

Положение Слащова следует признать было далеко от идеального. Он периодически подавал рапорты с просьбой о переводе на командную должность в войска, в чем ему, естественно, отказывали.

Став преподавателем Высшей тактико-стрелковой школы, Слащов обучает слушателей борьбе с десантами, проведению маневренных операций. В военной периодической печати регулярно выходят его статьи «Действия авангарда во встречном бою», «Прорыв и охват укрепленного района», «Значение укрепленных полос в современной войне и их преодоление», «Лозунги русского патриотизма на службе Франции», «Врангелевщина» и др., проявив себя как блестящий лектор и талантливый ученый. В 1924 году он издал книгу «Крым в 1920 г. Отрывки из воспоминаний». Подготовил к печати монографию «Мысли по вопросам общей тактики», опубликованной уже после его гибели.

Он совершенно разочаровался в Белой идее и всей душой рвался служить вновь обретенной Родине.

«Много пролито крови… Много тяжких ошибок совершено. Неизмеримо велика моя историческая вина перед рабоче-крестьянской Россией. Но если в годину тяжелых испытаний снова придется вынуть меч, я клянусь, что кровью своей докажу – мои новые мысли и взгляды не игрушка, а твердое, глубокое убеждение». – Писал Слащов.

Учить бывших врагов в годы Гражданской войны дело сложное. Слушателями Высшей тактико-стрелковой школы «Выстрел» в то время были будущие Маршалы Советского Союза С. М, Буденный, А. М. Василевский, Ф. И. Толбухин, Р. Я. Малиновский…

Генерал армии П. И. Батов, в годы Великой Отечественной войны командующий 65 общевойсковой армией, дважды Герой Советского Союза, вспоминал о Слащове: «Преподавал он блестяще, на лекциях – всегда полно народу, и напряжение в аудитории порой как в бою. Многие слушатели сами недавно сражались с врангелевцами, в том числе и на подступах к Крыму, а бывший белогвардейский генерал, не жалея язвительности, разбирал недочёты в своих и наших действиях. Скрипели зубами от гнева, но учились!»

▲ Слащов-Крымский со штабом

Существует исторический анекдот. Один лихой кавалерийский командир, не выдержавший язвительных комментариев по поводу действий своего кавалерийского соединения, разрядил весь барабан револьвера, стреляя в сторону военного педагога. А тот лишь поплевал на пальцы, измазанные мелом, спокойно бросил в сторону притихшей аудитории: «вот как вы стреляете, так и воюете». Это анекдот, но потрясающе точно характеризует Слащова.

11 января 1929 года главный руководитель общей тактики Высшей тактико-стрелковой школы «Выстрел» Я. А. Слащов-Крымский не появился на лекциях. По этому факту никто не придал особого значения. Прибывшая в общежитие во второй половине дня группа коллег – преподавателей обнаружила Я. А. Слащова-Крымского мертвым. Он был застрелен тремя выстрелами из пистолета практически вупор в затылок и спину.

Следствие продолжалось в течение полугода.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ УПОЛНОМОЧЕННОГО КРО ОГПУ ПО ДЕЛУ Л. Л. КОЛЕНБЕРГА, ОБВИНЯЕМОГО В УБИЙСТВЕ Я. А. СЛАЩОВА

26 июня 1929 г.

1929 года, июня 26 дня, я, уполномоченный 6-го отделения КРО ОГПУ, рассмотрев следственное дело за № 77170 по обвинению гражданина Коленберга Лазаря Львовича в преступлениях, предусмотренных 138 ст. УК, находящегося на свободе, нашел:

Гражданин Коленберг Лазарь Львович, 1905 года рождения, из мещан г. Николаева, 11 сего января убил бывшего белого генерала Якова Александровича Слащова выстрелом из револьвера на его квартире.

Следствием установлено, что Л. Коленберг в 1919 г. совместно со своими родителями и другими членами семьи проживал в г. Николаеве. После занятия Николаева белыми он работал в большевистском подполье. Проводимые белыми жестокие репрессии и бесчинства по отношению еврейского населения, публичные расстрелы заподозренных в причастности и даже сочувствующих революционному движению, расстрел родного брата Коленберга – все это произвело на него глубокое впечатление, и у него запала навязчивая идея мести командовавшему белыми генералу Слащову.

После занятия Николаева красными войсками Коленберг вступил в Красную Армию и прослужил в ней до 1926 г., будучи демобилизованным на должности командира взвода.

Мысль о мести Слащову за все это время Коленберга не оставляла. После демобилизации он приехал в Москву с целью проведения задуманного им убийства Слащова. Однако по не зависящим от него

обстоятельствам он вскоре уехал из Москвы и с той же целью вернулся обратно в сентябре 1928 г. по командировке винницкого военкомата в Московскую пехотную школу им. Ашенбренера и Уншлихта. Через два месяца он был демобилизован и поступил в военизированную охрану.

С целью изучения образа жизни Слащова Коленберг стал брать у него на дому уроки тактики. 15 декабря Коленберг специально выехал в г. Киев за хранящимся там у него револьвером системы «парабеллум».

Вернувшись в Москву 11 сего января, во время урока Коленберг осуществил давно задуманное им убийство Слащова, убив его из револьвера тремя выстрелами. После чего отдался прибывшим властям.

Произведенной психиатрической экспертной Коленберг признан психически неполноценным и в момент совершения им преступления – невменяемым, а посему постановил: На основании ст. 322 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР дело в отношении Коленберга прекратить и сдать в архив.

Уполномоченный 6-го отделения КРО ОГПУ Гурский

На документе имеются резолюции:

«Согласен. Пом. нач. 6-го отд. КРО Чопяк»;

«Утверждаю. Пом. нач. КРО ОГПУ Пузицкий».

Есть смысл привести цитату из книги Я. А. Слащова-Крымского:

«Тут же произошел довольно оригинальный разговор с Врангелем ... Я заговорил с ним о боевых наградах чинов своего корпуса. Этот разговор он прервал словами: «Ну, что говорить о наградах! Ведь у вас потери ничтожны; вот у 1-го и 3-го корпусов большие потери, а о вашем корпусе и говорить не приходится». Мне оставалось только ответить, что свой командный состав за большие потери в частях я караю, а если большие потери являются не случайным, а постоянным явлением, то отчисляю лиц командного состава от должности за неумение водить войска в бой. Победа должна достигаться «малой кровью», для этого мы и получаем военное образование.

Этот оригинальный, чтобы не сказать – преступный, взгляд на большие потери частей как на доказательство их доблести, глубоко укоренился у нас еще в старой армии. С таким взглядом необходимо бороться, и постоянные (подчеркиваю, что не случайные, которые всегда возможны, в особенности при современной технике) большие потери должны свидетельствовать о неумении начальника водить войска, т.е. о его непригодности к занимаемой должности. Чем выше занимает должность начальник, тем ему, конечно, труднее оберегать свои войска от потерь, но все же в этом направлении он влиять может соответствующей основным принципам военного искусства группировкой своих сил и воспитанием своих подчиненных командиров.»

Русский патриот Яков Александрович Слащов-Крымский достоин памяти потомков. Его следует помнить и чтить. Он боролся за Россию,

▲ Командир корпуса Слащов-Крымский

никогда не предавал своего народа, в отличие от столь чтимого нашими лицемерами либералами Маннергейма – врага России, пособника немецких фашистов, стремящегося вместе с ними задушить голодом и варварскими бомбардировками в годы Великой Отечественной войны наш Ленинград.

* * *

Чтобы более резко охарактеризовать период умирания белой армии еще при Деникине, а потом при Врангеле, надо сказать несколько слов о контрразведке. Очерк этот будет крайне неполный, потому что доступа во все тайники этого учреждения я не имел и потому могу нарисовать картину только отдельных эпизодов и главным образом деятельности контрразведки, состоявшей при 3-м (потом Крымском и 2-м) корпусе.

С моим прибытием в Крым туда же был прислан полковник Астраханцев, который был главным представителем контрразведки в Крыму; через него ко мне в Джанкой от штаба войск Новороссии (Шиллинга) был прислан чиновник Шаров с целым штатом служащих в качестве контрразведчика при корпусе. Сначала он подчинялся штабу главнокомандующего через полковника Астраханцева, а потом прямо Ставке. Ни начальнику моего штаба, ни даже мне он в подчинение не входил, и мы могли поручать ему только высылку определенных агентов к противнику и получать от него информацию о состоянии тыла. Этим его роль ограничивалась, пока в штабе корпуса находился официальный представитель штаба главнокомандующего полковник Нога. После того как последний послал свое донесение за № 6 от 12/25 марта, о котором я говорил выше, и был от должности отозван, секретная слежка за мной перешла к чиновнику Шарову; конечно, об этом я узнал только потом.

Кроме того, в Крыму была еще морская контрразведка. Кажется, в ней было больше порядка, но так как круг ее деятельности обнимал только приморские города, находившиеся далеко в тылу, то я о ней очень мало знал. Я узнал ее начальника только во время севастопольского «дела 14-ти». Вся сухопутная организация была в связи и подчинена полковнику Кирпичникову, находившемуся при Шиллинге, и через него начальнику контрразведки Ставки. Полковник Кирпичников, личность крайне темная, так же темно был убит за каким-то темным делом темными личностями из белых же. Полковник Астраханцев, личность тоже достаточно темная, в момент одесской эвакуации уехал из Крыма с казенными деньгами будто бы в Новороссийск с докладом, а на самом деле, скупив валюту, бежал за границу. Из всей милой компании оставался Шаров, который продолжал быть в фаворе и даже получил столь высокие полномочия, как слежка за начальником обороны Крыма.

Очень скоро про джанкойскую контрразведку пошли слухи о провокациях, вымогательствах, исчезновении людей и просто грабежах. Не зная всей тонкости этого аппарата, я назначил ревизию шаровского учреждения. Но Шаров категорически против этого запротестовал, заявляя, что он корпусу не подчинен, а ревизия выдаст много важных секретов, которые он никому, кроме своего начальства (Ставка), открыть не может. В подтверждение его слов я получил из Ставки телеграмму с указанием не вмешиваться не в свои дела. Видимо, Шаров успел связаться по прямому проводу с кем-либо из ставочной контрразведки и Деникину сунули на подпись телеграмму. Не думаю, чтобы он сделал это сознательно.

В ответ на это я подал рапорт о подчинении Шарова мне; ответа не последовало. На телеграмму же последовал ответ, что содержание корпусных контрразведчиков будет слишком дорого. Выходило так, будто я просил учреждения лишней

▲ Офицеры 16-го Кубанского пластунского батальона

контрразведки, но суть вопроса заключалась в том, что Ставка считала необходимым содержать при корпусе контрразведку, не подчиненную ему. Кроме того, мне было указано, что если я шаровской контрразведкой недоволен, то должен сообщить его начальству. Я так и поступил. Ответ полковника Астраханцева гласил, что по сделанному им расследованию все слухи о злоупотреблениях оказались ложными и что, видимо, злоумышленники, сочувствующие красным, стараются оклеветать такого энергичного работника, как чиновник Шаров, чтобы отделаться от него.

Так личной ревизии я добиться не мог. Разрешено мне было только проверить суммы, отпускаемые штабом корпуса на посылку агентов в расположение красных. Мой начальник штаба Дубяго произвел по моему приказу эту ревизию, но что тут можно было проверить? По наряду корпуса отправлены №№ такие-то, им выдано столько-то в такой-то валюте, такие-то вернулись и дали в штаб такие-то сведения, а такие-то, «видимо, погибли у красных», а докажите – не подставные ли это лица. Такая ревизия, конечно, никакого результата дать не могла, и Шаров оказался чист.

В политические же дела Шарова ревизия корпуса доступа не имела. Корпус мог поручить ему работу, но что и как делается – составляло тайну чинов контрразведки, и сообщали они только то, что находили нужным.

Уже во время Врангеля Шаров пришел в штаб и предлагал купить у него кольцо – цена была баснословно дешевой, но и на эту сумму денег не нашлось. Тогда Шаров еще сбавил цену – видно было, что он обязательно хочет продать это кольцо. Это мне показалось крайне подозрительным – точно краденое продает; так я об этом и заявил в штабе. Кольцо никем куплено не было.

Незадолго до десантной операции Шаров, сильно напившись, бродил по станции Джанкой и дебоширил.

Адъютант штаба корпуса капитан Калинин стал его урезонивать и сказал ему, что доложит мне, на это Шаров стал кричать: «Что мне ваш Слащов, я сам назначен за ним следить и сумею его скрутить». За это Калинин так ударил Шарова, что тот полетел под вагон. Случай принял огласку. Я донес об этом в Ставку и просил хоть теперь по этому случаю его убрать. Но Шарову все же удалось уехать в десантную операцию, и только после моего разговора в Мелитополе с Врангелем он был отозван с должности.

Дальнейшие события совершенно отвлекли мое внимание от Шарова. Только уже в Чаплинке я получил от Ставки запрос относительно моего мнения о Шарове. Я ответил, что это личность очень подозрительная и, по моему мнению, «мерзавец». Оказалось, что Шаров был наконец привлечен к ответственности за свои действия в Джанкое; поводом послужило то обстоятельство, что одна родственница Протопопова признала кольцо, бывшее у него, за кольцо казненного полковника Протопопова. Как я потом узнал, это было как раз то кольцо, которое Шаров усиленно навязывал мне или кому-нибудь из моих личных адъютантов.

Какая была бы радость для Врангеля и для всех моих остальных «друзей», если бы это кольцо оказалось у меня или у кого-нибудь из моих приближенных, но этой радости не суждено было осуществиться. Я вернусь к этому делу в следующей главе; тут же только отмечу: хорош был выбор контрразведчиков, из которых один убит по грязному делу своими, другой убегает за границу с казенными деньгами, а третий уличается в присвоении вещей казненного и потом сознается в ряде других преступлений по грабежам, вымогательству и убийству. И это тот, который получил столь важное и секретное поручение, как следить за начальником обороны Крыма! Умирающий строй всегда пользуется такими гадинами. Шарова же хотели использовать еще раз, и поэтому ему было дозволено жить в тюрьме на свой счет и имущество его не было тронуто.

Я выехал с фронта в Севастополь вечером 17 августа, т.е. только на третий день после своего телеграфного рапорта об отставке. Ехать мне пришлось три дня. В тылу было уже известно о моем уходе, и буржуазные слои населения, связывавшие свою судьбу с судьбой белой армии, заволновались. Волнение их было вызвано, конечно, не расположением ко мне, а страхом перед красными. Я играл роль «мавра», который еще не сделал своего дела, и потому мой уход был преждевременным.

Толпа остается толпой и судит по фактам. Новороссийскую и одесскую эвакуации помнили многие, удержание Крыма помнили все, и, естественно, толпа городского мещанства и примыкавшего к ней более состоятельного купечества и испуганная интеллигенция совершенно не верили в военные способности разбитых красными военачальников. Врангель не внушал им особенного доверия, как военачальник, так как принадлежал к новороссийским «пораженцам» и беженцам, и внутреннее его управление никого не удовлетворяло.

К Врангелю посыпались телеграммы и делегации. Ему пришлось уверить всех, что в отставку он меня не отпускает, а что я просто нездоров ввиду страшного переутомления и очень скоро вернусь на фронт. Тут же им был утвержден проект поднесенной мне теми же слоями населения добавочной фамилии – Крымский. Таким образом, мой приезд застал Врангеля уже продумавшим всю обстановку и составившим план действий: «рескрипты» на мое имя уже были готовы и лежали у него на столе. Привожу их тут оба.

ПРИКАЗ
Главнокомандующего
Русской армией

№ 3505

Севастополь 6/19 авг. 1920 г.

В настоящей братоубийственной войне среди позора и ужаса измены, среди трусости и корыстолюбия особенно дороги должны быть для каждого русского человека имена честных и стойких русских людей, которые отдали жизнь и здоровье за счастье Родины. Среди таких имен займет почетное место в истории освобождения России от красного ига имя генерала Слащова.

С горстью героев он отстоял последнюю пядь русской земли – Крым, дав возможность оправиться русским орлам для продолжения борьбы за счастье Родины. России отдал генерал Слащов свои силы и здоровье и ныне вынужден на время отойти на покой.

Я верю, что, оправившись, генерал Слащов вновь поведет войска к победе, дабы связать навеки имя генерала Слащова с славной страницей настоящей великой борьбы. Дорогому сердцу русских воинов – генералу Слащову именоваться впредь Слащов-Крымский.

Главнокомандующий
генерал Врангель

ПРИКАЗ
Главнокомандующего
Русской армией
№ 3506
г. Севастополь
6/19 августа 1920 г.

В изъятие из общих правил зачисляю генерал-лейтенанта Слащова-Крымского в мое распоряжение с сохранением содержания по должности командира корпуса.

Главком ген. Врангель

С места мне было заявлено, что о моей отставке речи быть не может. Моя резкость в телеграммах ему и некоторая «странность» во взглядах на отношение союзников официально объяснялись только моим переутомлением и расстроенными нервами; я должен лечиться и потом опять приняться за дело. Все мои уверения, что я нахожусь в здравом уме и твердой памяти, не приводили ни к чему. Мне даже было предложено ехать за границу лечиться, но я на это ответил, что «правительство при постоянно падающем рубле платить за меня не сможет, и я считаю это для себя неприемлемым, а у меня самого средств на такое лечение нет». Мы расстались враждебно, но с любезной улыбкой со стороны Врангеля.

Я знакомился с тылом, и во мне укрепилось кошмарное состояние внутреннего раздвоения и противоречий, продолжавшееся до самого падения Крыма, способное свести человека с ума. Действительно, если

▲ Ф. Э. Дзержинский

всякие «организации» давили на Врангеля, то они же давили на меня, доказывая неуместность вызванных мною трений, могущих повлечь за собой развал армии, торжество большевиков, падение Крыма и т.п. Одним словом, я находился в состоянии внутреннего разделения, переходя от отчаяния к надежде. Правда, налицо были французы, наличие которых противоречило идее «отечества», которой я руководствовался. Но все-таки колебания то в ту, то в другую сторону были, и выхода никакого я не видел.

Опасность, и жестокая опасность, со стороны красных была несомненная.

Врангель между тем, мило мне улыбаясь и оказывая высшие знаки внимания публично, деятельно занялся вопросом дискредитирования меня в глазах всех как с точки зрения чести, так и с точки зрения военной.

Чтобы дискредитировать меня с точки зрения чести, было выдвинуто дело Шарова, который, как я уже сказал выше, жил в тюрьме очень хорошо и занимался писанием своих «исповедей», в которых искренне во всем сознавался, до убийства и ограбления казненных включительно, но заявлял, что это делал он не только с моего ведома, но и по моему приказанию. Дело приняло настолько серьезный оборот, что я получил записку от следователя по особо важным делам Гиршица о том, что я привлекаюсь в качестве обвиняемого по делу о злоупотреблениях чинов 2-го (бывший Крымского) армейского корпуса. Официальным поводом к привлечению меня к следствию послужило дело Протопопова, председателем суда над которым был обер-офицер, а должен был быть штаб-офицер, и потому Протопопов считался казненным без суда, но и это не противоречило дисциплинарному уставу, так как открытая измена Протопопова была доказана. Конечно, мне казалось, что раньше, чем привлечь к ответственности, надо было бы хотя допросить, но дело генерала Сидорина минувшей весной показало, что от врангелевских судов можно было ожидать чего угодно. Поэтому я решил быть начеку и действовать строго законно, но решительно. На вызов на допрос к следователю я ответил, что по закону полагается определенных лиц допрашивать на дому, поэтому прошу сообщить мне час, когда он ко мне явится. Это сразу немного озадачило Гиршица и сбило немного спеси. При допросе я спросил, в чем, собственно, меня обвиняют. Оказалось, в превышении власти; кроме того, следователь спросил меня, не имел ли я с Шаровым каких-нибудь

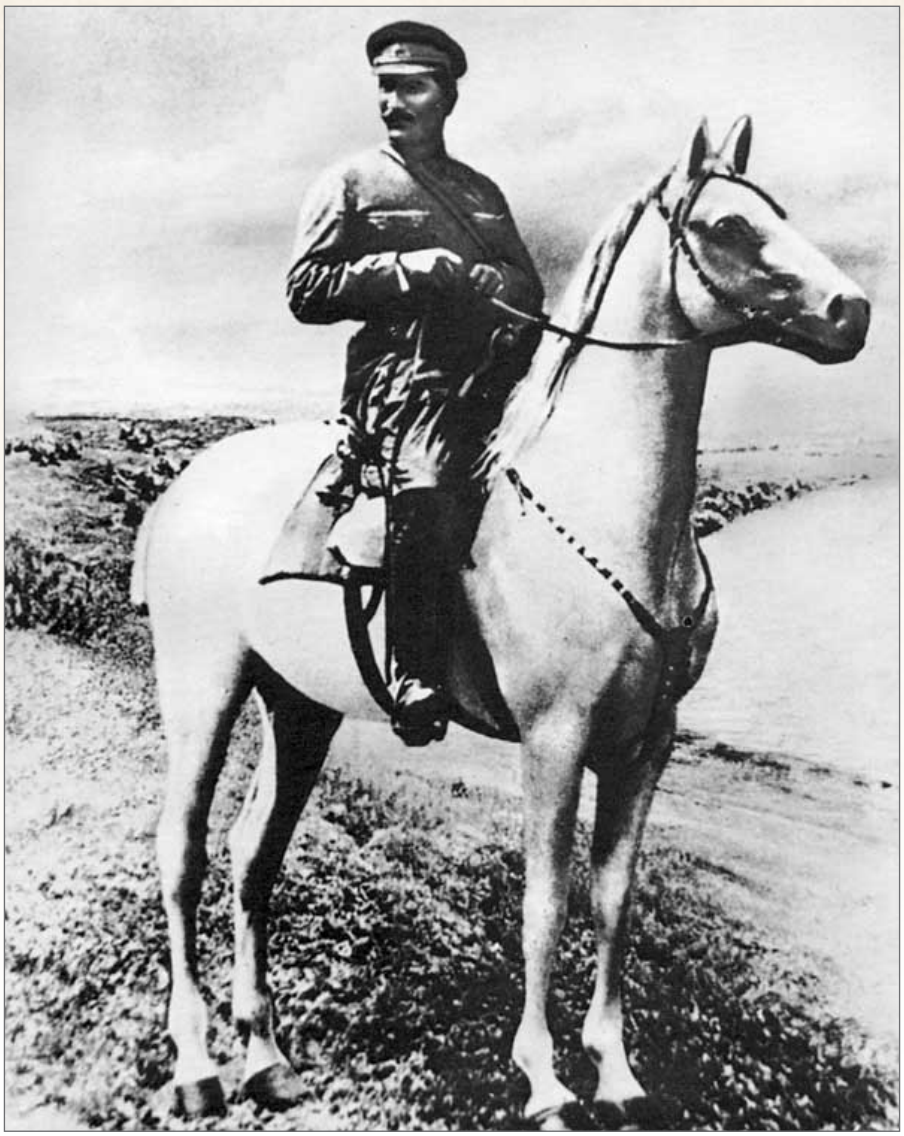
денежных дел. В качестве улики выдвигалась «исповедь Шарова», в которой указывалось, что не сам я грабил, а в пьяном виде подписывал бумаги со смертными приговорами. На естественный мой вопрос, где же эти бумаги, мне был дан ответ, что они утеряны.

Дело становилось ясным: обвинить меня в грабежах с корыстной целью было слишком трудно, так как жил я крайне скромно и никогда не имел денег, хотя раньше обладал средствами, и не в пример прочим белым «знаменитостям» в заграничных банках на мое имя вкладов не было. Следовательно, сознательный грабеж с моей стороны был слишком неправдоподобен, но оставалась надежда забросать меня грязью, как пьяницу и окончательно ненормального человека, а моя ненормальность была Врангелю нужна для объяснения моих «странных взглядов».

На заявление об утере бумаг я заметил, что все смертные приговоры, утвержденные мною, опубликованы в газетах и были в двух экземплярах: один хранился в штабе корпуса со всем делом подсудимого, а второй направлялся в контрразведку, приводившую приговор в исполнение.

Все эти дела тотчас же из штаба корпуса были доставлены в полном порядке. Среди них оказались и дела бывшей 4-й сводной дивизии, которой я перед тем командовал на Украине и из которой был развернут 3-й (Крымский, затем 2-й) армейский корпус. По ним числилось:

▲ М. В. Фрунзе



▲ С. М. Будённый

дело 11-ти в Вознесенске, дело 61-го в Николаеве, дело 1-го (скупщика казенного имущества) в Джанкое, дело полковника Протопопова, дело 16-ти офицеров орловщины, дело 14-ти в Севастополе и дело поручика Дубинина. Все это было налицо, о законности предъявленных обвинений спорить не приходилось, точно так же, как и о моей обязанности, как представителя белых, утвердить эти приговоры. Нашлось также и севастопольское дело Пивоварова (описано в главе о подготовке к Юшуньской операции) с моей резолюцией: «Освободить и дело прекратить под личной моей ответственностью и по честному слову, данному мне рабочими организациями»; это было незаконно, но оправдывалось обстановкой. Явился вопрос: почему у Шарова дела пропали, ведь я у него обыска не делал, где же он мог их потерять? Это оставалось неясным.

После этого я говорил с Врангелем на тему, что включение моего дела в дело Шарова есть натяжка, и незаконная, дело не может называться делом чинов 2-го корпуса, потому что Шаров был чином Ставки и штаба войск Новороссии, т.е. попросту контрразведки при Крымском корпусе. Ввиду того что я не доверяю секретному судопроизводству, я требую вести дело гласно, с опубликованием в газете.

▲ А. Н. Богаевский

▲ Генерал В. К. Витковский

На это Врангель мне заявил, что публикация вредна для меня же и вообще нежелательна, что я напрасно так отзываюсь о судопроизводстве, что оно стоит выше подозрений и что мне нечего бояться секретного его хода. На это я возразил, что слишком хорошо помню дело Сидорина, чтобы доверять следователю (дело Сидорина вел тот же Гиршиц), и потому при секретном его производстве, могу ожидать всего, до подтасовок и подлогов включительно. Поэтому я настаиваю на своем требовании, в противном случае спущу следователя с лестницы, тем более что он позволил себе учреждать за мной тайный надзор, прося моего адъютанта сообщить о моих выездах. Я уже говорил об этом с генералом Трухачевым, который объяснил это недоразумение (Трухачев был дежурный генерал, замещавший начальника штаба главнокомандующего). Тем не менее я предупреждаю, что если в этом деле не будут действовать честно и открыто, то я пойду на какой угодно скандал. Мое условие – гласность.

Вскоре я получил записку от Гиршица, что мое дело выделено из дела Шарова. Через день Гиршиц заходит ко мне и очень скромно говорит, что я обвиняюсь не в превышении, а в бездействии власти, так как я не проверял деятельности Шарова; об основном деле надо мною – незаконном составе суда над Протопоповым – не было ни слова. Я тогда обратил внимание следователя на мои телеграммы о разрешении мне ревизовать Шарова и подчинить его мне и на отказ Ставки, если кто бездействовал, так это главное командование. После этого разговора я Гиршица не видел и о деле не слышал.

События фронта отвлекли теперь мое внимание. Там тоже Врангель хотел меня дискредитировать. Я уже говорил, что отказался брать Каховку, так как видел в этом совершенно безнадежное предприятие. Потерять людей в этом деле нужно было массу, а даже в случае успеха красные в любой момент могут опять занять Каховку, так как артиллерия красных вне досягаемости за Днепром на высоте и охватывает указанный пункт полукругом; как читатель помнит, брать Каховку я предлагал, заняв линию Николаев – Вознесение – Бериславль, т.е. с северного берега Днепра. Это, как известно, было поводом к моей отставке. Теперь Врангелю хотелось доказать всем, что оставление Каховки за красными есть дело моей неспособности и что ее возьмет легко и свободно мой заместитель генерал Витковский со своим начальником штаба полковником Бредовым. Для этого (одновременно с моим уходом) на фронт 2-го корпуса были посланы комплектования, доведшие состав корпуса до 7000 штыков. Эти комплектования были посланы настолько срочно, что я встретил их уже по пути моего проезда в Севастополь. Силы, стоявшие и посылавшиеся на Перекоп, о которых я говорил в главе XVII, так там и оставались

и образовали 6-ю и 7-ю [пехотные] дивизии 4-го [армейского] корпуса Скалона, а это были люди, вновь посланные на пополнение корпуса Витковского. Кроме этого, было прислано 11 аэропланов и 7 танков. Все это сколачивалось и готовилось к атаке. Красные после неудачи первого наступления держались пассивно. И вот на 5 сентября была назначена атака Каховки.

Атака Каховского плацдарма вообще была делом трудным, но при наличии 7 танков и аэропланов Каховку взять было, конечно, возможно; оставался, конечно, открытым вопрос, можно ли было там долго удержаться.

Но в данном случае атака была организована в корне неправильно.

Каховский плацдарм по-прежнему занимала группа Саблина. На рассвете 5 сентября 7 танков белых ворвались в окопы и стали ломать проволоку. Но они были пущены одни. Основное условие, что всякая бронемашина, а в особенности танк, – это есть подвижной форт, могущий действовать только в непосредственной связи с пехотой или конницей, не было соблюдено. Танки вошли в Каховку, а пехота 2-го корпуса лежала далеко сзади. Красные отхлынули и открыли огонь своей артиллерией. Танки стали подбиваться, а попробовавшая продвинуться вперед пехота белых была уже встречена, кроме артиллерии, и пулеметами красных. Потеряв огромное количество людей (около 3000) и 6 танков, корпус Витковского отхлынул назад. Дух был совершенно подорван, вера в командование утрачена; 2/3 командиров полков ушли из армии, а за ними масса строевых офицеров. Даже по заявлению Врангеля корпус Витковского не представлял уже боевой ценности. 8-й кав. полк пришлось расформировать, большинство его офицеров во главе с командиром полка Мезерницким (бывший начальник конвоя) оставили службу так же, как и пехотные, под разными предлогами и «за болезнью» зачислялись в резерв. Так кончилось ничем не оправдываемое, кроме личных счетов, наступление Врангеля на Каховку.

Дело Шарова тоже срывалось; его не только нельзя было раздуть в позорную для меня историю, но 2 сентября состоялось заседание Ялтинской городской думы, протокол которой был прислан в Севастополь Врангелю и мне вскоре после рокового «каховского дня» и «следовательской истории».

Постановление думы было очень пространно и витиевато, описывало и подчеркивало достоинства Врангеля и мои, говорило о лихоимстве и преступлениях высших чинов административного управления, уничтоженного мною, и заканчивалось избранием меня почетным гражданином города Ялта.

Постановление это было составлено в очень дружелюбном тоне по отношению к Врангелю и подчеркивало, что Врангель сам оценил мои заслуги. Но именно поэтому это был сильный удар для Врангеля: было ясно, что гласный суд немыслим без дискредитирования его самого и мое оправдание за полным отсутствием какого-либо доказанного обвинения несомненно. Тайно же тоже вести дело нельзя без моего гласного ареста, потому что иначе я не подчинюсь тайному судилищу; таким образом, Врангелю пришлось бросить это дело. Шаров перестал сознаваться, но в благодарность за его «службу» его не притесняли и затягивали дело. Только в 1921 г., уже в Константинополе, оно слушалось, и Врангель амнистировал своего верного контрразведчика.

Говорят, неудачи не приходят поодиночке. И тут, в этот период поражений, они сыпались одна за другой.

Параллельно с каховской неудачей потерпела крушение операция кубанская, и опять по вине неорганизованности.

Об этой операции говорили все и знали все заранее, называли пункты высадки. А начштаглав (начальник штаба главнокомандующего) генерал Шатилов занимался продажей нефтяных бумаг, которые благодаря слухам о десанте вздувались в цене.

Одновременно с этим шли нелады Врангеля с кубанским атаманом Иванесом и назначение новых атаманов отделов, которые должны были ехать с десантом. Одновременно оказались налицо неотрешенные старые и вновь назначенные.

Операция была поручена генералу Улагаю, человеку безусловно честному, но без широкого военного образования. Он был избран как популярный кубанский генерал, кажется, единственный из «известностей», не запятнавших себя грабежом. У Врангеля, конечно, были с ним нелады, и поэтому к нему был назначен генерал Драценка начальником штаба с особыми полномочиями, позволявшими ему игнорировать своего начальника, так что от Улагая оставалась только «фирма». Этот Драценко был всем известен как специалист по поражениям. Каждый бой он обставлял крайне научно, много о нем говорил и до, и после дела, но неизменно его проигрывал. Это был типичный представитель врангелевских приближенных. Я тогда очень удивлялся, что такой честный человек, как Улагай, взялся при таких условиях командовать армией. Для того чтобы довершить картину неправильной постановки дела и еще больше связать десант, в Керчь был посажен уже известный нам генерал-квартирмейстер штаба главнокомандующего генерал Коновалов и распоряжался оттуда именем главкома.

Подробностей этой операции я не знаю, потому что Врангелем эта «победа» усиленно замалчивалась. Десант произошел на Таманском полуострове. Красные совершенно правильно, не давая главного боя у побережья, оттянули десант в глубь Кубани и нажали на фланги и тыл. Все побежало, причем лучшие части, как юнкера, погибали, спасая бегущую толпу. Вместе с десантом бежала и небольшая часть населения, примкнувшая к нему. Вообще, население встретило десант довольно-таки осторожно, в особенности после его первых шагов, когда опять начали отнимать подводы, лошадей и хлеб и взыскивать за службу у красных. Но примкнувший элемент все же был, благодаря чему десант вернулся в увеличенном, несмотря на большие потери, составе. Врангель изображал его, конечно, как набег и побе-

▲ Н. Махно

▲ А. И. Деникин

▲ Кутепов

ду, но всем было ясно, что это было поражение, и поражение тяжелое, а Врангель сам подробности старательно замалчивал. Донской десант полковника Назарова тоже был неудачен – восставших было слишком мало, и десант не вернулся.

На Украине Врангель не предпринимал ничего, и фронт его армий продолжал оставаться полукругом, заставляя бояться катастрофы. Красные постепенно подавляли восстания.

Доклады по украинскому вопросу и об улучшении быта военнослужащих, составленные по приказу Врангеля, лежали без движения. (Для этой цели при мне состоял Генштаба генерал Киленин, который, в сущности, и ведал этими вопросами). Получались доклады, параллельные с ведавшим этим делом официально генералом Киленином, т.е. опять отсутствие организации.

В тылу в это время образовался целый фронт зеленых, среди которых, конечно, было много красных. Зеленых насчитывалось до десяти тысяч человек. Они совершали набеги на разные города и благодаря сочувствию населения были неуловимы. Против них из Симферополя действовала целая армия во главе с генералом Носовичем, о его способностях я ничего сказать не могу, они ни в чем не проявились. Сочувствие населения вызывалось недовольством белой властью, которая, ничего не давая населению, требовала от него вечных повинностей. Вопрос о церковных (вакуфных) землях татар разрешен не был, мобилизация ложилась тяжелым бременем на население; дезертиры становились зелеными, население, конечно, их кормило, сообщало все сведения и, если нужно, укрывало, а укрытий в горах района Карасу-Базар – Бахчисарай – Ялтинское побережье было достаточно. Вожаками движения часто являлись красные во главе с Мокроусовым. Зеленые просуществовали вплоть до падения Крыма.

В тылу в это время шла вакханалия наживы должностных лиц во главе с Кривошеиным. Он открыто брал взятки и занимался поставками на армию (конечно, через подставных лиц).

Я поселился в Ливадии, далеко от всей этой грязи, но и там не мог отделаться от давления заинтересованных групп, старавшихся выдвинуть меня на фронт. Единственным счастливым обстоятельством, не позволявшим мне снова принять участие в этой драме, было наличие французов. Когда все мои доводы разбивались о предъявленные обвинения в индифферентности к святой идее «отечества», я выдвигал свой аргумент – «французы». Меня уверяли, что это ложь, что главнокомандующий вовсе не слушает их; тогда я соглашался переговорить с главнокомандующим. Повторялась сказка про журавля и цаплю; то Врангель обращался ко мне, то я говорил с Врангелем о фронте и моем участии, но каждый раз я затрагивал вопрос о французах. Между тем я продолжал переживать период внутреннего раздвоения, о котором говорил выше, а процесс внутреннего перелома всегда бывает крайне болезненным.

Мне теперь, когда я оглядываюсь назад, кажется очень смешным мое возмущение вмешательством в гражданскую войну французов: да разве Врангель мог поступить иначе, разве можно было вести эту классовую борьбу без поддержки иностранного капитала? Но тогда, к сожалению, о классовой борьбе я не имел благодаря буржуазным шорам ясного представления.

А Врангель был последователен: «назвался груздем, полезай в кузов», стал наемником – и делай, что хочет твой хозяин, а хозяин был против заключения мира, и Врангель подчинялся французам, а его приближенные наживались и сознательно проводили политику своего класса. Каждый сидел на определенном стуле. Я же, носясь с идеей «отечества» и не понимая сущности происходив-

шей борьбы, уселся сразу между всеми стульями.

В сентябре месяце на Днепровском фронте опять стали собираться тучи. Красные сосредоточивали силы, подвозя комплектования частям и доводя их до штатного состава. В районе Апостолова обучалась и сколачивалась 2-я конная армия. В одной из бесед со мною Врангель (или Шатилов, точно не помню) спросил меня (мое мнение) о Каховском направлении. Я ответил, что красные хотят повторить подобие своей августовской операции через Каховку на Перекоп и Сальково.

Занятием Каховки красные ясно выдали свой план, и можно смело утверждать, что по окончании сосредоточения они поведут решительное наступление, стараясь отрезать Кутепова от перешейков; наличие конницы еще более подтверждало это. «Какие же средства борьбы?» – спросили меня. – «По моему мнению, их два: первое, которому я не сочувствую, – это переправа на правый берег Днепра у Херсона (с прорывом туда мелких судов флота) и Александровска с тем, чтобы, заняв район Синельниково – Апостолово – Николаев, угрожать Екатеринославу, а Каховскую группу взять в клещи от Александровска и Херсона и передать в наши руки правый берег Днепра, поднимая одновременно восстания. Но я полагаю, что этот план запоздал – времени у вас для его производства не хватит, да 2-й корпус теперь стал настолько небоеспособным, что задачи овладения низовьем Днепра не выполнит, а восстания уже там ликвидированы. Поэтому второй способ, который бы я применил, – это оставить в Северной Таврии только конные группы, всю же массу войск отвести в Крым, расположить по квартирам и начать переговоры, для подкрепления которых высадить часть слишком многочисленных [135] для Крыма войск в Одессе или в устье Буга и устроить там плацдарм. Если это сделать и вести защиту Крыма, как я ее вел в прошлом году, красные в Крым не войдут и сговорятся с нами о нашей будущности». На это мне ответили: «Ну, ваши нервы еще расстроены, вам всюду мерещатся опасности, которых нет». «Дай бог, чтобы было так, – ответил я, – только помните одно: кто обороняет Северную Таврию, не имея очень глубоких крупных резервов для действия по внутренним операционным линиям, всегда будет разбит. Ваши армии стоят растянутыми по фронту в несколько сот верст, и прорыв противника в одном месте приведет его к перешейкам раньше других ваших частей, которые должны будут бежать вперегонки, спасая свою жизнь, это я говорил еще в прошлом году Деникину, а теперь повторяю вам». – «Ну, у вас было мало войск, а у нас их, слава Богу, достаточно». Этим и закончился приведенный характерный разговор.

Врангель старательно распространял слухи о моих расстроенных нервах, и в «обществе» стали упорно говорить о моей ненормальности; почву для этого давало и то, что, как я указал выше, настроение мое было действительно ужасно и я жил затворником, почти нигде не появляясь.

После разговора со мною Врангель предпринял Александровскую операцию.

* * *

В конце сентября месяца Врангель сосредоточивает почти все силы Кутепова (развернувшего в 1-ю армию 1-й, 3-й армейские корпуса и корпус Барбовича) в направлении Александровска, берет Александровск и затем Синельниково. Создав таким образом зону перед Александровском, переправляется через Днепр южнее Кичкас и предпринимает операцию наподобие той, которую я ему рекомендовал в июле, только без обеспечения со стороны Екатеринослава и без занятия Николаева – Вознесенска и

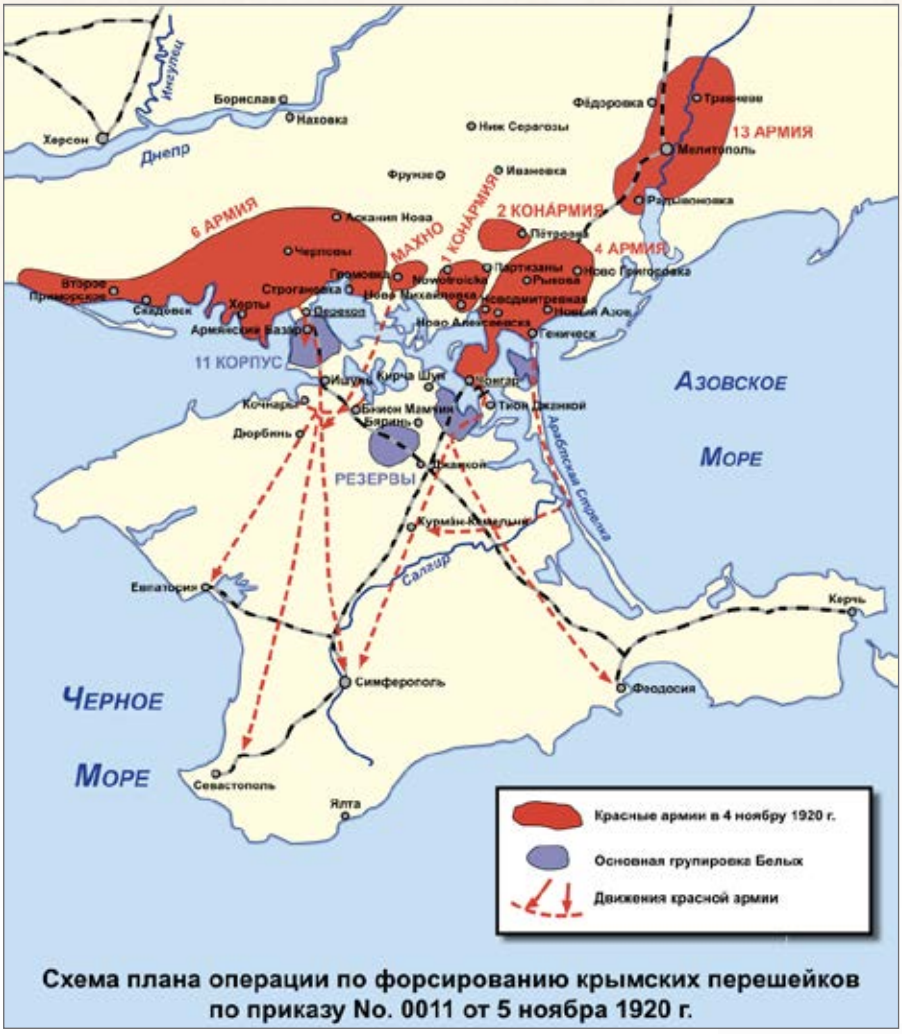


Схема плана операции по форсированию крымских перешейков по приказу No. 0011 от 5 ноября 1920 г.

наступления оттуда, т.е. что-то куцее, точно страница, вырванная из книги, и, как все неполное, обреченное на неудачу.

Наступление идет удачно, захватываются пленные, пулеметы, орудия. В районе Балино на Покровское начинается вторая переправа белых в поддержку Александровска. Встретивший меня на улице генерал Артифексов (генерал для поручений при Врангеле) сказал мне: «Ну что же? Вопреки вашим уверениям, как видите, мы побеждаем». Мне пришлось с ним согласиться, но вместе с тем я заметил: «Ведь я в тылу, а вы знаете мое мнение о тыле; очень рад, если я ошибся, но боюсь, что я в данном случае окажусь правым». Артифексов замахал руками и, весело посвистывая, пошел своей дорогой.

Между тем войска Кутепова наступали от Александровска прямо на запад во фланг и тыл Каховской группе. Атакой красной конницы (всего одной бригадой) в первую голову были разбиты белые у Покровского, а потом уже всей 2-й Конной армией в районе Шолохова красная конница прорвала фронт Кутепова, смяла конницу Барбовича и заставила 3-й корпус бежать к переправам, бросая пулеметы и орудия. 14 октября было разгромом войск Кутепова, самых боеспособных в то время частей Врангеля.

Все это, конечно, не было опубликовано в тылу. Я опять был в Ливадии, когда ко мне явились «украинские и татарские организации» с воплями и стенаниями о спасении «родины» и гибели «отечества».

Это время было опять минутой слабости. Меня убедили написать Врангелю письмо с указанием об удручающем впечатлении неудач на фронте. Ожидая неудач от такого командования и такого ведения дел, я все же был поражен. Принужден сознаться в отсутствии определенного мнения у меня самого в тот момент. Врангель ответил мне очень милым письмом, но с уверением, что на фронте все идет великолепно.

Тыл волновался, обвиняя меня в дезертирстве и в том, что я умышленно пользуюсь «французским вопросом», чтобы не ехать на фронт. Доходило до того, что мне это говорили в лицо (конечно, люди, знавшие меня, в виде дружеского укора).

Красные между тем развивали наступление на Таганрогском направлении: 8000 штыков и 2000 шашек – группа начдива; 9-я стрелковая дивизия – 4000 штыков и 5000 шашек; Никопольская группа – 10 500 штыков и 9500 шашек; Каховская группа – 22 500 штыков и 3000 шашек; тут же была 1-я Конная армия в составе 6–7 тысяч шашек. В районе Александровска – резерв [138] около 6000 штыков и 500 шашек. Итого 51 тысяча штыков и 27 тысяч шашек. Группировка сил явно указывала главный удар в сторону Перекопа. Наличие крупных масс конницы позволяло одновременно делать налет и на тыл Сальковского направления.

Врангель этому противопоставлял около 50 000 штыков и около 25 000 шашек, растянутых по фронту главным образом в северо-восточном и восточном направлениях.

Находясь в положении необходимости вести борьбу по внутренним операционным линиям, он, растянув войска всюду, не оставил себе крупного резерва, а части Кутепова, кроме того, только что были разбиты на правом берегу Днепра. Управление Врангелем было потеряно.

У Каховки был смят растянувшийся по побережью, желая прикрыть все, 2-й корпус Витковского и побежал к Перекопу, где имелся еще 4-й корпус Скалона, составлявший со 2-м корпусом и кубанцами 2-ю армию генерала Драценко (героя кубанского поражения белых).

Красные, преследуя пехотой 2-ю армию, бросили свою конницу от Каховки на Сальково – на тылы 1-й армии Кутепова и Донской армии Абрамова. И их войска должны были бежать вперегонки, пробиваясь к Сальковскому перешейку. Произошло то, о чем я предупреждал.

Подробностей этого бегства я не знаю, потому что в тылу все усиленно скрывалось, так что могу передать только рассказы обозных беженцев и кое-какие отрывочные сведения из Ставки. Суть дела заключалась в том, что академически правильно задуманный красными маневр Врангель позволил провести в жизнь как добросовестный и хорошо выученный обозначенный противник.

Несмотря на то что план красного командования или его возможность были ясны еще в августе месяце благодаря упорному удерживанию и устройству Каховского плацдарма, Врангель, желавший все прикрыть в Северной Таврии, резерва, как я уже сказал, не оставил. Товарищ Буденный блестяще использовал положение и врубился в обозы белых в районе Ново-Алексеевки. Правда, пробившиеся с севера части донцов и Кутепова проложили [139] себе дорогу назад, но ради этого должны были спешно уйти с фронта, да и конница для длительного удержания чего-нибудь не годится. Одним словом, конная операция красных была блестяща. Но красная пехота и вообще все части, преследовавшие белых, должны были бы поторопиться, тогда не ушел бы никто из армии Северной Таврии. Тут же разгром был главным образом моральный и обозный.

Интересный инцидент произошел при встрече моей с Врангелем, когда я, будучи вызван в Ставку и не застав ее в Севастополе, был отправлен в Джанкой. При моем входе он метался по салону своего вагона. Еле успели поздороваться, он потащил меня к карте, и произошел приблизительно следующий разговор. Врангель: «Вы знаете, Буденный здесь (палец ткнулся в Ново-Алексеевку).

Я. – Сколько?

В. – 6–7 тысяч.

Я. – Откуда он, с неба или Каховки?

В. – Шутки неуместны: конечно, с Каховки.

Я. – Значит, мои расстроенные нервы оказались правы. К сожалению, они расстроились еще больше. Вы хотите знать мнение расстроенных нервов. Если да, они просят изложения обстановки.

В. – Кутепов по радио из Петровского о частях своих не говорит, думаю, при концентрическом отступлении к Салькову сосредоточились. Ново-Алексеевка занята противником неизвестной силы, но конницей. На Кутепова и донцов с севера и востока не наседают. Драценко в Пе-

▲ Шла Гражданская война...

рекопе, его силы собрались к нему, настроение плохое. Красные заняли Чаплинку. Что вы думаете?

Я. – Есть ли у вас кто-нибудь в Салькове?

В. – Там Достовалов (начальник штаба Кутепова). С 2000 штыков Кутепова, и я ему с тыла собрал около 1500 штыков.

Я. – Дайте взвесить... Мои расстроенные нервы говорят мне, что это есть момент необходимости присутствия старшего начальника. Я бы отдал приказ: Достовалову атаковать Ново-Алексеевку, Кутепову об этом радио и атака в направлении Салькова – одновременно.

Буденный принужден будет отойти, ему остается лазейка к северо-востоку, надо ему ее дать, мы слишком слабы, чтобы не толкать его на спасение своих частей, иначе он будет серьезно драться. Собрать донцов (конных) и Барбовича, и с Кутеповым и вами во главе – на Чаплинку во фланг и тыл Каховской группе красных. Ведь это будет около 20 000 шашек. Вот общий план. Мелочи: надо узнать, куда отойдет Буденный, куда поставит заслон. Но Крым пока что будет спасен, потом можно будет проводить мой план его защиты и замирения с красными.

В. – Да, вы правы, я с вами согласен. Это будет красивая операция. Надо будет приказать собирать все донесения и приказы: важно для истории. Я сейчас переговорю с Павлушей (Шатилов)».

На том мы расстались. Я вернулся в Севастополь и был страшно удивлен, узнав, что главком тоже вернулся туда же. Кутепов пробился назад вместе с Абрамовым. А Врангель предпринять операцию и выехать впереди войск не рискнул. Белые были загнаны за перешейки и расположились в окопах, оплетенных проволокой и расположенных прямолинейно один за другим в расстоянии 1–2 верст без всяких приспособлений для жилья. Морозы наступили до 16 градусов. Была обстановка, подобная началу 1920 г., только войск насчитывалось 60 тысяч человек (строевых частей, приехавших в Константинополь, а сколько еще было брошено в Крыму). Что испытали эти несчастные, загнанные люди, не знавшие, за что они дерутся, трудно описать. Если это испытывали люди, подобные мне, это им поделом: они действовали сознательно и боролись за определенные идеи, но те, эта масса солдат и офицерства, в особенности последняя, которая сама часто была из прежних солдат, т.е. тех же крестьян, они-то при чем? Вот это вопрос, который заставлял меня очертя голову бросаться впереди цепей при первой обороне Крыма и который заставлял меня так долго колебаться уже тогда, когда я ушел после Каховского боя в отставку. Отлично сознаю, какой вред я этим принес, сознаю в особенности теперь, когда деятельно занялся своим политическим образованием, – но как было поступить иначе тогда? Одно скажу: от понятия чести никогда не отступался; то, что обещал, я сделал, и, уже отойдя от дела, я переживал за других ужасы, на которые их обрекли деятели белых, метался от одного решения к другому, то возмущаясь Врангелем и его присными, то готовый с ними помириться, лишь бы избежать катастрофы.

Окончательно растерявшийся Врангель для обороны перешейков решил сделать перегруппировку, т.е. на более доступное Перекопское направление направить более крупную армию Кутепова, а на Чонгарское посадить Драценко; по ходу же отступления Кутепов был на Чонгаре, а Драценко на Перекопе, и началась рокировка (хорошо она проходит только в шахматах). Для защиты Крыма Врангель хотел использовать части, оставшиеся в Польше, и хотел туда сплавить меня, но этот его план сам собою отпал благодаря крушению Крыма.

В доказательство своей окончательной растерянности Врангель сам остался в тылу у судов, а Кутепова назначил защищать Крым и производить рокировку войск. Красные же не захотели изображать обозначенного противника и атаковали перешейки. Часть людей в это время сидела в окопах, часть ходила справа налево и слева направо, но под натиском красных все вместе побежали.

Были отдельные случаи упорного сопротивления, были отдельные случаи геройства, но со стороны низов; верхи и в этом участия не принимали, они «примыкали» к Судам. Что было делать рядовым защитникам Крыма? Конечно, бежать возможно скорее к судам же, иначе их предадут на расправу победителям. Они были правы. Так они и поступили.

11 ноября я по приказанию Врангеля был на фронте, чтобы посмотреть и донести о его состоянии. Части находились в полном отступлении, т.е., вернее, это были не части, а отдельные небольшие группы; так, например, на Перекопском направлении к Симферополю отходили 228 человек и 28 орудий, остальное уже было около портов.

Красные совершенно не наседали, и отход в этом направлении происходил в условиях мирного времени.

Красная конница вслед за белой шла на Джанкой, откуда немедленно же выехал штаб Кутепова на Сарабуз. В частях же я узнал о приказе Врангеля, гласившем, что союзники белых к себе не принимают, за границей жить будет негде и не на что, поэтому, кто не боится красных, пускай остается. Это было на фронте. В тыл же, в Феодосию и в Ялту, пришла телеграмма за моей подписью, что прорыв красных мною ликвидирован и что я командую обороной Крыма и приказываю всем идти на фронт и сгружаться с судов. Автора телеграммы потом задержали: это оказался какой-то капитан, фамилии которого не помню. Свой поступок он объяснил желанием уменьшить панику и убеждением, что я выехал на фронт действительно для принятия командования. И в Феодосии, и в Ялте этому поверили и, помня первую защиту Крыма, сгрузились с судов: из-за этого произошла сильная путаница и потом многие остались, не успев вторично погрузиться.

Эвакуация протекала в кошмарной обстановке беспорядка и паники. Врангель первый показал пример этому, переехал из своего дома в гостиницу Киста у самой Графской пристани, чтобы иметь возможность быстро сесть на пароход, что он скоро и сделал, начав крейсировать по портам под видом поверки эвакуации. Поверки с судна, конечно, он

никакой сделать не мог, но зато был в полной сохранности, к этому только он и стремился.

Когда я 13–14-го ехал обратно, то в тылу всюду были выступления в пользу красных, а мародеры и «люмпен-пролетариат» разносили магазины, желая просто поживиться. Я ехал как частное лицо, и поэтому на мое купе II класса никто не обращал внимания и я мог наблюдать картины бегства и разгул грабежа. В ту же ночь я сел на случайно подошедший ледокол «Илья Муромец», только что возвращенный французским правительством Врангелю и вернувшийся «к шапочному разбору».

Мой доклад по телеграфу Врангелю гласил, что фронта, в сущности, нет, что его телеграмма «спасайся кто может», окончательно разложила его, а если нам уходить некуда, то нужно собрать войска у портов и сделать десант к Хорлам, чтобы прийти в Крым с другой стороны.

Для моей жены, правда, было отведено место на вспомогательном крейсере «Алмаз», который к моему приезду уже вышел в море, а для меня места на судах не оказалось, и я был помещен на «Илью Муромца» по личной инициативе морских офицеров.

Туда же я поместил брошенные остатки лейб-гвардии Финляндского полка с полковым знаменем, под которым служил часть германской войны, и выехал в Константинополь. Прибыв в Константинополь, я переехал на «Алмаз», туда же скоро приехал и Кутепов. Последний страшно возмущался Врангелем и заявил, что нам нужно как-нибудь на это реагировать. Мне пришлось ему сказать, что одинаково надо возмущаться и им самим, а мой взгляд, что армия больше, по-моему, не существует.

Кутепов возмущался моими словами и все сваливал на Врангеля. Я ему на это ответил: «Конечно, его вина больше, чем твоя, но это мне совершенно безразлично: я все равно ухожу, отпустят меня или нет. Я даже рапорта подавать не буду, чтобы мне опять не делали препон, а только подам заявление, что я из армии выбыл: мои 7 ранений (5 в германскую и 2 в гражданскую войну) дают мне на это право, об этом ты передай Врангелю». Тогда Кутепов заявил: «Раз ты совершенно разочаровался, то почему бы тебе не написать Врангелю о том, что ему надо уйти? Нужно только выставить кандидата, хотя бы меня, как старшего из остающихся».

— О, это я могу сделать с удовольствием, – ответил я, – твое имя настолько непопулярно, что еще скорее разложит армию, – и написал рапорт, который Кутепов сам повез Врангелю.

Я же съехал на берег, чтобы не находиться на «территории» Врангеля, и стал продумывать дальнейшую роль белой армии с точки зрения «отечества»; мои размышления привели меня к заключению, что она может явиться только наймитом иностранцев (конечно, кричать об этом громко было нельзя), и потому я занялся работой на разложение армии. Врангель предал меня суду «чести», который специально для этого учредил, но на этот суд меня не вызвали, так как что же могли инкриминировать частному лицу, желающему говорить правду про армию и ее цели? Суд приговорил меня заочно к исключению со службы, большего он сделать не мог. Это дало мне еще лишний козырь, и я мог выпустить брошюру «Требую суда общества и гласности». Правда, писал ее не я, а генерал Киленин, но в момент набора книги контрразведка так стала запугивать, что Киленин испугался. К тому же французская контрразведка изъяла всю переписку, касавшуюся роли французов в Крымской обороне. Все это привело к тому, что Киленин отказался поставить свое имя на брошюре, которая почти целиком состояла из моих документов. Тогда я, уже связанный получением задатка и неустойкой, должен был срочно поставить на книжке свою фамилию

и попросить заменить слова «комкор» и «Слащов» словом «я».

Мною руководила не жажда мести, а полное сознание, что эта заграничная армия может быть только врагом России, а я стоял на платформе «отечества» и с этой, а еще не с классовой точки зрения видел в ней врага. Ко мне обращались украинцы (Моркотуновская организация), я и им советовал вызвать от Врангеля украинцев и при помощи их устроил настоящую свару между двумя «правительствами». Идеей защиты вверившихся людей я уже связан не был. Следя дальше за армией и действиями Врангеля и Кутепова в Галлиполи, за переговорами с иностранцами о нападении на РСФСР еще в 1921 г., за посылкой туда людей для поднятия восстаний, я все более и более убеждался в преступности существования этой армии. Мой разговор с заехавшим ко мне из английской контрразведки Генштаба капитаном Уокером по тому же поводу еще больше укрепил мое мнение, и разговор с лицом, приехавшим из Москвы, нашел во мне глубоко подготовленную почву для гласного разрыва с белыми и переезда в Советскую Россию.

* * *

Итак, какой можно сделать вывод, бросив взгляд назад на борьбу с белыми на Юге России? Что двинуло первое время массы на борьбу с молодой, еще не окрепшей Советской властью? Питалось ли это движение лозунгом «отечество», сохранился ли этот последний лозунг прежней триединой формулы в сознании масс?

Я уже говорил, что им вдохновлялись только отдельные лица, отдельные беспочвенные идеалисты. Массы зажиточного крестьянства и казачества шли за ним только тогда, когда Советская власть затронула их экономические интересы, будучи вынужденной тяжелыми условиями строительства нового пролетарского государства к реквизиции излишков. И когда эти массы охладели к Добровольческой армии? Тогда, когда Добровольческая армия перестала защищать их интересы, а постепенно становилась защитницей интересов интернационального капитала. Борьба шла классовая, та борьба, которая теперь красной нитью пройдет через все войны.

Был ли Врангель не прав в своей политике танца под дудку французов? Нет, был не прав я в своих обвинениях: я не понимал тогда, что возмутителен был самый факт борьбы, а не то, что Врангель, став наймитом, исполнял то, что ему прикажут. Конечно, если смотреть на Врангеля с точки зрения классовой борьбы и как на представителя интернациональной буржуазии, то он был прав. Массы же он обманывал старым лозунгом «отечества», до которого его хозяевам не было никакого дела, которые проводили свои классовые интересы, наживаясь, а главное, думая еще больше нажиться в России...

Средняя буржуазия, естественно, поддерживала совместно со служивой интеллигенцией Врангеля, боясь за свои имущественные интересы, но их давил иностранный капитал, и они тоже будировали, сдерживаемые только страхом перед красными. К счастью, Врангель сам оказался в военном смысле не талантливым и быстро сдал Крым, который при надлежащей обороне мог бы продержаться еще долго и служить предлогом для интервенции. О самой личности Врангеля – его тщеславии, себялюбии, жажде власти и беспринципности – я распространяться не буду, это, я думаю, достаточно ясно из изложения, да это и не имеет значения: не будь его, был бы другой, но обязательно беспринципный, потому что этого качества требовала служба французам.

Вот каков был Врангель с точки зрения политической. Если же мы взглянем на него с точки зрения военной, то увидим, что он в роли главкома оставался с понятиями эскадронного командира, не желающего лично вести в бой свои части. Мы видели при кратких описаниях операций, что с управлением войсками на широком фронте он совершенно справиться не мог. То же касается его ближайших сотрудников. Это были командиры рот и эскадронов, способные сколачивать и муштровать войска после новороссийского бегства, способные смотреть за каким-нибудь тренчиком, но совершенно неспособные вести войска в бой в стратегическом масштабе и совершенно не учитывавшие психологии войск. Этим и объясняется столь скоропалительное падение Крыма и изгнание Врангеля, превзошедшие все самые смелые надежды красных: ведь сам товарищ Троцкий при начавшемся наступлении на Крым говорил, что предстоит очень трудная и длительная операция.

Благодаря этому неумению поставить частям задачу и соответствующим образом управлять ими в бою, учесть их психологию и сохранить их боеспособность Крым рухнул под напором Красной Армии с головокружительной быстротой. Политическая обстановка предрешала разложение армии Врангеля и ее конец, а военное управление, к счастью, ускорило этот конец, и произошла таким образом ликвидация этого нарыва и пути к интервенции на Юге России.

Около Врангеля остались бы только люди, способные быть беспринципными, слепыми орудиями, а все остальные ушли бы. Вопрос осложнился бы только в том случае, если во главе белых оказалось лицо с большим военным дарованием: тогда гражданская война затянулась бы надолго.

Как же смотреть на роль всей нашей эмиграции за границей и на ее старания при помощи иностранцев навязать свою волю первому пролетарскому государству?

Если наши эмигранты открыто станут на классовую точку зрения и прямо заявят: «Мы буржуа и желаем эксплуатировать других, вернуть себе все наши потери и убытки и припеваючи жить на чужой счет», – тогда все ясно, они наши враги. Но пусть же они не опираются на лозунг «за отечество»: в глазах пролетариата, стоящего на классовой точке зрения, они предатели рабочего класса и наемники капитала; в глазах же малосознательных, но честных людей, вдохновляющихся до сих пор отжившим свой век лозунгом «за отечество», они нанятые иностранцами предатели этого Отечества. ■

П. А. СУДОПЛАТОВ

ДЕЙСТВИЯ СОВЕТСКИХ СПЕЦСЛУЖБ НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

Внешние и внутренние задачи ОГПУ-НКВД

Центральный госпиталь КГБ, новое здание недалеко от станции метро «Щукинская». Отделение кардиологии. Небольшая палата, больничная койка. Неприятзательная обстановка. Шепотом говорящие люди. За дверью слышны чьи-то неторопливые шаги. В палате все время горит свет. Это несколько напоминает тюремную камеру. Тем не менее разница огромна. Там можно было только думать, а тут не только думать, но и писать без постоянного контроля над тобой. После августа 1991 года и развала советского государства как-то по-особому ярко и четко вспоминается то великое и историческое время, когда ценой огромных усилий, человеческих жизней, колоссальным напряжением сил отстаивалась от нашествия фашистско-немецких полчищ шестая часть земли с названием Союз Советских Социалистических Республик.

Из головы все время не выходит катастрофа страшного обвала, потрясающей грызни, предательства военных, предательства чекистов, когда никто не вспомнил ни о присяге, ни о долге, чтобы защитить страну, защитить государство, интересами которого жили все советские люди. Если говорить по большому счету, то никто не встал на пути страшной кровавой драмы, которая развязалась на глазах всего мира. Сейчас огненные языки войны, локальные и этнические конфликты подступают к самому сердцу России со всех сторон. Война протекает то в явной, то в скрытой форме. На душе тревога, что будет впереди? Мы явно вступаем в новый мир.

Память то и дело возвращает к кануну 1941 года, ко времени, когда неуклонно нарастала опасность беспощадного столкновения с враждеб-

ным нам миром. Выбор был прост: или мы останемся суверенным государством, или нас уничтожат. Сейчас много выходит различных рассказов из-под пера лиц, допущенных к архивам, к старым секретным документам, освещающим зигзаги и повороты нашей истории. Но полезно все-таки взглянуть на то, о чем мало пишут и не говорят, – каким путем мы шли к созданию великой державы, попытаться разобраться во всем этом с позиций того, что происходило на Лубянке в то время.

Роль органов госбезопасности в советской истории можно оценить только после того, как не стало Советского Союза, неотъемлемой частью которого они были, вернее, были опорой той системы. В журналистике, да и в литературе, существует утверждение о том, что с созданием ОГПУ вместо ЧК после гражданской войны менялись главные функции наших разведывательных и контрразведывательных органов. Отчасти это так.

ЧК существовала в условиях чрезвычайных, в условиях гражданской войны. После смерти Ленина главная спецслужба страны была реформирована в объединенное государственное политическое управление. Однако она по-прежнему оставалась аппаратом осуществления политических репрессий как внутри страны, так и за границей. Очень важно при этом понять, что репрессии рассматривались партией и советским руководством как необходимое, вынужденное действие, цель которого – подавление политической оппозиции и укрепление советского государства. Одновременно ОГПУ стало тем, что было несвойственно ЧК. Оно выполняло важнейшую задачу информационно-аналитического обслуживания руководства страны. В тридцатые – пятидесятые годы без соответствующего заключения ОГПУ-НКВД-МГБ о «фактическом», как говорил Ленин, «положении дел» руководство страны, как правило, не принимало никаких решений по кардинальным вопросам внутренней и внешней политики.

Создание внешней разведки в органах госбезопасности было продиктовано необходимостью проведения прежде всего контрразведывательной работы за рубежом среди эмиграции. Поэтому все операции против эмиграции первоначально осуществлялись контрразведывательным отделом ОГПУ под руководством А. Артузова. И не случайно, что он, руководитель контрразведки в 1930 году, сменил М. Трилиссера на посту начальника внешней разведки. Внешняя разведка вплоть до 1939 года контрразведывательные задачи за границей решала в качестве главного направления своей деятельности.

Лишь в 1941 году после создания наркомата госбезопасности и организации в его структуре 1-го (разведывательного) управления перед разведкой были поставлены главные задачи в получении информации о намерениях правительств ведущих капиталистических стран, выявлении политических планов буржуазных государств, получении агентурным путем новых технологий для советской промышленности.

Разведка также должна была «активно сопровождать» мероприятия внешней политики СССР как крупнейшей державы мира. Но наряду с этим продолжалась и работа, начатая в контрразведывательных отделах ГПУ, по выявлению направленных против СССР заговоров и подрывной деятельности иностранных государств, их разведок и генеральных штабов, а также антисоветских политических организаций, по вскрытию шпионской террористической деятельности на территории нашей страны иностранных разведывательных органов.

Смещение задач было связано с тем, что к началу 1941 года, то есть

▲ ГПУ 1922 г.

к кануну войны, разгром террористических, повстанческих и других антисоветских эмигрантских организаций в основном был завершен. Можно судить да рядить по поводу методов этой борьбы, однако очевидным является то, что активная оппозиция, жаждавшая войны против СССР и ратующая за сотрудничество с ведущими капиталистическими державами, была обезглавлена. В частности, было ликвидировано руководство Российского общевоинского союза. Он был полностью дезорганизован и никакой заметной политической роли в советско-германской войне уже сыграть не смог. Такой же эффект был получен и после ликвидации верхушки украинского националистического движения.

Нанося последние удары в тридцатых годах по руководителям ОУН и РОВС, спецслужбы СССР последовательно лишили эмиграцию доверия ведущих капиталистических государств, то есть того подспорья, на которое рассчитывали спецслужбы и военные круги западных стран, планируя будущее военное столкновение с Советским Союзом. Для руководителей западных спецслужб было совершенно очевидно, что ставка на ослабленную нами эмиграцию в борьбе против СССР хотя и важна и может принести ущерб нашей стране, но вместе с тем бесперспективна. В военном противоборстве с Советским Союзом придется рассчитывать только на свои силы.

Ахиллесова пята внешней разведки накануне войны

Создание агентурного аппарата и агентуры влияния за границей, опирающейся на Коминтерн, позволило решить важную задачу получения необходимой информации о намерениях противника. При этом следует иметь в виду, что поскольку дипломатические отношения были ограничены, а права послов – полномочных представителей Советского Союза за границей до 1939 года, в особенности до прихода Молотова, – были огромными, несопоставимыми с правами послов сороковых – пятидесятых годов, важность каналов разведки приобретала особое значение для предварительной проработки ряда крупных внешнеполитических акций, осуществляемых советским правительством по усилению роли СССР как великой державы.

Надо сказать, что координация деятельности органов внешней разведки и спецслужб всегда являлась ахиллесовой пятой в советском государстве. Первоначально роль координатора работы военной разведки, ОГПУ, наркомата иностранных дел, Коминтерна и зарубежной разведки выполнял М. Розенберг, работник ЦК РКП(б), известный как первый представитель Советского Союза в Лиге Наций в качестве заместителя ее генерального секретаря, первый посол СССР в республиканской Испании. Но вопрос координации деятельности спецслужб заключался не в том, чтобы ставить перед кем-то какие-то задачи, дополнявшие функции военной разведки, ОГПУ и дипломатии или чтобы поддерживать конкуренцию между спецслужбами. Реальность тогда состояла в том, что в главных капиталистических странах в двадцатые – тридцатые годы действовали объединенные резидентуры ОГПУ и Разведупра Красной армии, тесно взаимодействовавшие с отделом международной связи – нелегальным аппаратом Коминтерна. На первом этапе это помогло создать мощный агентурный зарубежный аппарат. Однако объединенные резидентуры Разведупра и НКВД в канун войны и когда она началась оказались очень уязвимыми. Связники и курьеры зачастую знали агентов, принадлежавших к различным советским спецслужбам. А провалы советской разведки в конце двадцатых – начале тридцатых годов в Польше и Китае вообще заставили в 1939 году отказаться от работы в рамках объединенных резидентур военной и политической разведки.

Важный момент для понимания событий того времени – соотношение деятельности Разведупра и разведки органов госбезопасности.

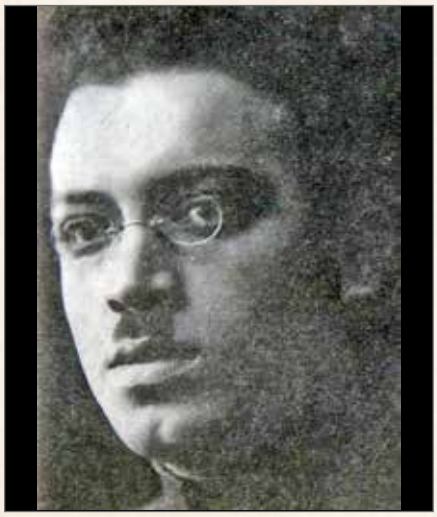
▲ М. И. Розенберг

Возьмем судьбу знаменитого руководителя советской разведки, вышедшего из контрразведки А. Артузова. Пишут как-то вскользь о том, что Артур Христианович Артузов, в оперативной переписке «Алексеев», возглавлял одновременно и Разведупр Красной армии, и ИНО ОГПУ. Почему это произошло? Потому что руководство страны после провалов в Европе и Китае искало наиболее приемлемую для себя форму координации разведывательной деятельности.

В 1930 году Бюро по координации деятельности разведки во главе с Розенбергом было упразднено. Тогда же на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) деятельность советской внешней разведки подверглась всестороннему критическому анализу, причем закордонная работа ОГПУ получила неудовлетворительную оценку. После вскрытия предательства Блюмкина Трилиссер был заменен Артузовым. В свете изменения внешнеполитической обстановки было принято решение пересмотреть приоритеты в работе разведки. Белоэмигрантское движение, противостояние которому являлось основной задачей ОГПУ в течение двадцатых годов, перестало представлять первостепенную угрозу для СССР.

Важнейшими направлениями работы Иностранного отдела (ИНО)

▲ А.Х, Артузов



▲ А.А. Слуцкий

были признаны создание надежной агентуры, способной добывать достоверную информацию политического, экономического и научно-технического характера, внедрение ее на жизненно важных объектах буржуазных государств. В 1933 году была определена структура центрального аппарата Иностранного отдела ОГПУ.

В 1934 году на Политбюро ЦК ВКП(б) был вновь поднят вопрос о закордонной работе советских спецслужб: Разведупра Красной армии и Иностранного отдела ОГПУ. Для разработки плана специальных операций за границей была образована постоянная комиссия в составе руководителей этих служб. Начальник ИНО ОГПУ А. Артузов был назначен по совместительству заместителем начальника Разведупра Красной армии.

В 1934 году в СССР существовало четыре самостоятельные разведывательные службы. Это Иностранный отдел НКВД, Разведуправление Красной армии, отдел международной связи Коминтерна и Специальная группа особого назначения при наркоме внутренних дел (СГОН) Я. Серебрянского («Группа Яши»). В этих условиях Артузов по совместительству был назначен заместителем начальника военной разведки. Почему? Потому что речь шла о необходимости кардинального укрепления контрразведывательного обеспечения закордонной работы нашей разведки. Опыт Артузова, знание им русской эмиграции, которая была одним из основных источников формирования агентуры, больше всего нужны были в этот период. Вскоре Артузова в качестве начальника ИНО сменяет А. Слуцкий. Артузов возвращается вновь в НКВД в 1937 году в качестве консультанта, рядового сотрудника.

Возьмем период репрессий. Ведь не случайно в 1937 году Разведупром Красной Армии руководил старший майор госбезопасности Гендин. Дело в том, что, возглавляя одно время военную контрразведку, Гендин имел довольно хорошее представление о работе аппарата военной разведки, знал компрометирующие материалы на его основных сотрудников. В годы войны мы также искали формы организационного взаимодействия в работе разведывательных органов как по линии госбезопасности, так и по линии военной разведки.

Мне довелось возглавлять не только 4-е управление НКВД-НКГБ, известное как диверсионно-разведывательное управление, но по совместительству в течение всей войны, за исключением, кажется, шести месяцев 1942 года, вплоть до июня 1946 года быть заместителем начальника всей внешней разведки госбезопасности. Этого требовала необходимость координации деятельности спецслужб, ибо зафронтовая работа против противника базировалась на использовании всего потенциала агентурных, оперативных и технических возможностей НКВД-НКГБ как внутри страны, так и за рубежом.

Персонификация внешней политики

Накануун войны произошло очень важное, мало кем замеченное событие – персонификация внешней политики. Она замкнулась на конкретных руководителей советского государства: Сталина и Молотова. Разведка, как правило, не посвящалась в те внешнеполитические стратегические задачи, которые рассматривались высшим руководством страны. Только по мимолетным суждениям Молотова, Берии, Микояна и Вышинского можно было иногда судить о мотивах принятых решений. Поскольку соображения «за» и «против» обсуждались на самом верху, для разведки была определена главная задача – поставлять руководству не анализ разведданных, а информацию о жизни советского общества и об обстановке за рубежом. Разведка, в дополнение к излагаемым данным, должна была докладывать «наверх» лишь соображения о том, заслуживает ли источник информации и его сведения доверия. Сообщения, касающиеся необходимости корректировки внешней политики государства по линии НКВД-НКГБ, Сталину в 1939–1941 годах не представлялись. Очень важно отметить, что эта традиция, установленная еще в советское время, продолжается зачастую и сейчас.

Если мы почитаем докладные записки того времени, направленные руководством наркоматов внутренних дел и государственной безопасности руководству страны, то увидим, что в них содержатся просьбы получить согласие на проведение очередной крупной операции, которая в военно-политическом плане означала новые нюансы в отношениях с иностранным государством, либо они касались вербовки особо важных сотрудников и использования определенных финансовых средств.

А с какими инициативами выступало руководство наркомата внутренних дел или наркомата госбезопасности в канун и во время войны, по каким вопросам государственного

▲ Действия спецслужб Сталин, Молотов, Ворошилов

строительства? Чаще всего речь шла о расстановке кадров, о получении санкций на проведение агентурно-оперативных мероприятий, имеющих существенное политическое или международное значение. Но чаще всего предложения НКВД и наркомата госбезопасности накануне и в годы войны касались реализации директив правительства.

Иерархическая пирамида представления информации тех лет выглядела так. «Наверх» выходил народный комиссар, министр. Он докладывал и формулировал вопрос. Когда существовал Комитет информации под руководством члена Политбюро ЦК ВКП(б), 1-го заместителя председателя Совмина СССР, министра иностранных дел В. Молотова с 1947 по 1949 годы, то Молотов имел самостоятельный выход на Сталина. Начальник разведки выходил или на наркома, или на его заместителя. Такими людьми в канун и в годы войны были В. Меркулов и Б. Кобулов. Кобулов – заместитель Берии по НКВД в 1939–1941 годах – был единственный заместитель наркома госбезопасности в разгар войны, в 1943–1945 годах. Других заместителей, курировавших агентурную работу в НКГБ в тот период, не было. И это при громадном ее значении.

Важно и то, что начальник Разведупра Красной Армии имел, в отличие от начальника разведки НКВД-НКГБ, в ряде случаев право самостоятельного выхода на высшее руководство, то есть на Сталина. Сталин регулярно принимал у себя в Кремле и на даче руководителей военной разведки, причем зачастую без участия в беседе начальника Генерального штаба. Однако руководителей внешней разведки органов госбезопасности и закордонных резидентов НКВД-НКГБ он всегда принимал вместе с их непосредственными руководителями – Берией, Меркуловым и Кобуловым.

Главное из главных

Главными подразделениями в НКВД накануне войны были: 1-е разведывательное управление, 2-е управление, 3-е, недолго просуществовавшее, секретно-политическое управление (СПО) и управление особых отделов.

Основным направлением в работе органов разведки и контрразведки являлось немецкое.

Главным направлением в работе особых отделов и военной контрразведки также было немецкое.

Главным направлением в работе секретно-политического направления по-прежнему был разгром антисоветских политических партий, остатков «троцкистского подполья» и тому подобных оппозиционных организаций внутри страны.

Первый отдел контрразведывательного аппарата был самым важным. Он разрабатывал агентуру немецкой и польской разведок. Второе направление было нацелено на Японию, которая считалась одним из главных наших противников. Третье направление занималось отслеживанием действий английской и американской резидентур. Разрабатывали контрразведчики и наших неактивных противников – главным образом действия спецслужб нейтральных стран на нашей территории. Очень важно отметить, что в составе контрразведывательного отдела было специальное подразделение, которое занималось охраной дипломатического корпуса.

В организации разведывательной работы за границей опять-таки ведущее направление было немецкое.

Второе – связано с Францией, Италией, странами, оккупированны-

ми немцами. Третье – нацелено на США. Оно также включало в себя научно-техническую разведку. Четвертое направление касалось Японии, Маньчжурии, Кореи и Китая. Специальным направлением считались Синьцзян, Монголия и другие территории на Дальнем Востоке.

Наряду с этими обстоятельствами следует отметить, что контрразведывательное управление и управление военной контрразведки, а также транспортное управление имели самостоятельные выходы за границу через соответствующую агентуру. Большую разведывательную работу проводило управление пограничных войск, которое имело свои собственные разведывательные отделы и в соответствии с положением о нем также отвечало за разведку театра военных действий в прифронтовой полосе. Это смешение функций очень отчетливо себя проявило в том, что информация, поступавшая по различным источникам, нуждалась в правильной координации деятельности основных оперативных разведывательных подразделений. Зачастую это не удавалось осуществить. Скажем, управление пограничных войск вообще вышло в 1941 году из структуры органов госбезопасности и перешло в НКВД. Это удлинило сроки ознакомления с материалами разведки погранвойск руководства органов безопасности. Усложнилась реализация этих материалов. Курирование основных направлений работы также усложнилось, например, транспортное управление в канун войны осуществлялось в большой степени по линии НКВД, так как его начальник С. Мильштейн имел личный выход на Берию как на наркома внутренних дел, хотя формально работал в аппарате наркомата госбезопасности.

Контрразведывательную и разведывательную работу курировал заместитель наркома госбезопасности Б. Кобулов. К нему стекалась вся информация.

Эта структура НКВД-НКГБ дает нам основания понять два момента. Во-первых, не было никаких иллюзий, что главным противником является Германия, и, во-вторых, что

▲ С. Р. Мильштейн

▲ П. В. Федотов

источник войны находится в пределах Европейского театра военных действий. Работа Секретно-политического управления (СПУ) заключалась в том, чтобы парализовать во время войны, в особых обстоятельствах использование остатков антисоветских политических партий и организаций – основного резерва вражеских спецслужб в противоборстве с советским государством. Еще одно направление в работе СПУ, перешедшее из иностранного отдела, – недопущение вооруженных выступлений националистических организаций в поддержку главного вероятного противника. Главная нацеленность на оперативно-розыскные мероприятия всего аппарата госбезопасности сыграла очень большую роль в будущей войне. Никаких организованных групп, которые бы выступили в поддержку немцев, в нашем тылу не могло возникнуть. Так было всюду, за исключением Прибалтики и Западной Украины. По учетам НКВД, основные лица, которые могли сотрудничать с противником, были известны.

Но тем не менее масштаб содействия немцам в годы войны был все равно значительным. Во власовской армии и вспомогательных формированиях служило свыше 250 тысяч человек. После разгрома фашистской Германии у нас был создан мощный учетный аппарат. С его помощью мы хорошо знали участников формирований, оставшихся в эмиграции, а также тех, кто был захвачен в плен. После войны мы обладали всеми реальными возможностями не допустить использование этой силы в массовом порядке против советского государства. Мы знали людей, которых могли бы завербовать для своих целей западные спецслужбы. И это обеспечило локализацию так называемых повстанческих выступлений в Прибалтике и на Западной Украине в 1944–1950 годах. Исключена была возможность перехода вооруженной борьбы на внутренние районы страны.

Кто руководил контрразведкой?

Так совпало, что мое назначение заместителем начальника иностранного отдела в мае 1939 года было связано со значительными кадровыми перестановками, проведенными в аппарате органов госбезопасности и военной разведки.

Кто возглавлял главные направления работы госбезопасности в предвоенный период и во время войны в области контрразведки? Прежде всего, следует отметить смену руководителей оперативных подразделений. 1-й отдел ГУГБ, отвечавший за охрану Сталина, в 1939 году возглавлял Вла-

▲ Л. Ф. Райхман

▲ Л. П. Берия

▲ А.Я. Вышинский

сик, который от рядового работника охраны дошел до поста начальника охраны Сталина. Но, думаю, следует остановиться на тех, кто непосредственно руководил разведывательной и контрразведывательной работой. Среди деятелей этого направления того времени следует выделить прежде всего П. Федотова, первоначально возглавлявшего секретно-политический отдел ГУГБ НКВД, то есть 2-й отдел, как он тогда именовался, и позднее тот же Федотов возглавлял 3-й отдел ГУГБ – контрольно-разведывательный. Первым заместителем его был Л. Райхман.

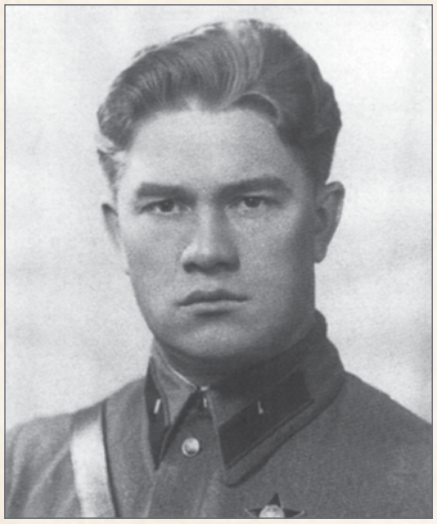
Петр Васильевич Федотов – кадровый работник органов безопасности, очень взвешенный человек, отличительной чертой его характера была медлительность в принятии решений. Тандем его инициативного заместителя Леонида Райхмана и медлительного Федотова, скрупулезно выполнявших все установки, шедшие сверху, просуществовал довольно долго, и содружество этих людей, начавшееся в 1939 году, продолжалось вплоть до 1946 года, когда Федотов возглавил уже внешнюю разведку, первоначально в МГБ СССР, а потом в Комитете информации.

Надо сказать, что Райхман в 1946–1951 годах продолжал руководить контрразведывательной работой, став первым заместителем Е. Питовранова, начальника контрразведывательного управления с 1946 года, а позднее заместителя министра госбезопасности. Фактически всю эту работу инициативно направлял Райхман вплоть до своего ареста в октябре 1951 года. Он был незаурядным, очень хорошо знающим агентурную работу человеком, совершенно искренне считавшим свою деятельность специальным направлением партийной работы. Райхман сам провел ряд важных агентурных комбинаций, в его распоряжении был мощный аппарат.

Первоначально особый отдел, то есть военную контрразведку, возглавлял В. Бочков – выпускник военной академии имени Фрунзе, пришедший по партийному набору. Он обладал довольно широким военным кругозором. В 1940 году он неожиданно был выдвинут на должность Генерального прокурора. Дело в том, что М. Панкратьев, сменив Вышинского, обвинил Берию в прекращении дел против «врагов народа», в освобождении лиц, по которым прокурор не усматривал оснований прекращения уголовного преследования. Было создано две комиссии по этим вопросам. Почему две? Панкратьев писал на Берию заявления дважды. Одно заявление было написано в 1939 году, сразу как Панкратьев стал Генеральным прокурором. По этому заявлению работала комиссия, которая не нашла злоупотреблений служебным положением и халатности по прекращенным делам. В 1940 году Панкратьев вновь написал заявление, в котором утверждал, что опять прекращаются дела, возбужденные в отношении врагов народа, и их прекращение, на его взгляд, является необоснованным, недостаточно согласованным с прокуратурой. Вторая комиссия также осуществила проверку и снова не нашла подтверждений. После этого Панкратьев был снят с должности Генерального прокурора, а на его должность был выдвинут Бочков, юридически совершенно неподготовленный человек, окончивший военную академию. Но тем не менее считалось, что он может провести в жизнь все необходимые директивы по правоохранительной деятельности.

С обстоятельствами отставки В. Бочкова с поста Генерального прокурора связаны трагические события, а именно убийство дочери посла СССР в Мексике К. Уманского и самоубийство сына министра авиационной промышленности Шахурина. Было возбуждено уголовное дело. Следствие по нему вел лично заместитель наркома ГБ Б. Кобулов и начальник секретно-политического управления, предшественника идеологической контрразведки КГБ, Н. Сазыкин. Бочков стремился замять

▲ А.Г. Дейч



▲ А.Н. Михеев

его. Но Сталин приказал дать ему ход и рассматривать его как пример бытового разложения членов семей советского руководства. Дело быстро приняло политическую подоплеку. В него оказались втянутыми дети других ответственных работников, в частности члена Политбюро А. Микояна. Семьи Микояна, Шахурина и других наркомов жили в атмосфере постоянного напряжения и страха. Дети ответственных работников, принадлежавшие к «золотой молодежи» того времени, были осуждены за незаконное хранение и использование чужого огнестрельного оружия. Пытавшийся замять это дело Бочков был снят с должности Генерального прокурора и вернулся на службу в конвойные войска.

Значительно больший след в военной контрразведке оставил В. Михеев. Он запомнился мне инициативным работником, понимавшим, что главная задача военной контрразведки заключалась в ограждении наших вооруженных сил от проникновения вражеской агентуры и срыве разведывательно-диверсионных операций в ближнем тылу наших пограничных военных округов. Однако реализовывать эту задачу было непросто, так как за военной контрразведкой тянулся очень большой след старых дел 1936–1937 годов. Целые направления работы нацеливались «на разработку остатков троцкистско-бухаринского подполья и военных заговорщиков – сторонников Тухачевского в армии и на флоте».

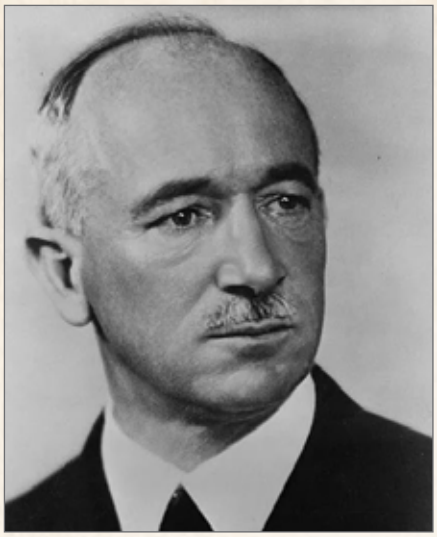
Военная контрразведка в ущерб отслеживанию боеготовности Красной армии интенсивно занималась перепроверкой показаний соучастников и свидетельств так называемого военного заговора 1937–1938 годов. Михеев не раз говорил мне и Фитину об удручающей картине компрометирующих показаний на большую часть командного состава Красной армии, запрашивая заграничные материалы на наших военных руководителей.

Много раз встречавшийся со мной сотрудник отдела политических репрессий администрации президента Российской Федерации Л. Решин показывал мне ряд материалов о том, что после массовых арестов 1937–1938 годов советское руководство в индивидуальном порядке решало вопрос о достоверности и серьезности этих материалов. По существовавшей тогда жесткой практике выписки из компрометирующих показаний на командный состав Красной Армии докладывались ЦК ВКП(б) в обязательном порядке. А вот «наверху», похоже, отдавали себе отчет в том, что достоверность этих материалов вызывала сомнения.

Практика докладов о компрометирующих сигналах на высоких военных существует во все времена. В военном аппарате об этом прекрасно знают, так же как и то, что используют эти документы лишь из соображений политической целесообразности, за исключением случаев очевидных провалов в работе или конкретной вины за чрезвычайные происшествия. На среднем уровне НКВД существовало некоторое недоумение, что материалы уходили «наверх», как в песок. Так было не только с военными, но и группой видных деятелей нашей творческой и технической интеллигенции. Несмотря на «компрометирующие», по данным НКВД, факты, их награждали орденами и медалями за заслуги перед Родиной, за вклад в развитие науки, литературы и искусства.

Говоря о работе Райхмана, Федотова, Михеева, нельзя не остановиться на тех структурных направлениях, которые обеспечивали функционирование аппарата госбезопасности. В системе НКВД и МГБ была еще одна организация, обычно ассоциирующаяся с самыми темными делами, которые осуществлялись в период, условно можно сказать, сталинской эпохи ВЧК-НКВД. Речь идет о так называемом Особом бюро при наркоме внутренних дел СССР.

Многие отмечают, что в системе НКВД и в органах разведки и контрразведки в начале войны не существовало информационно-аналитических подразделений, поэтому информация агентуры очень часто получала субъективную оценку Сталина и Молотова. Но это не совсем так. Особое бюро при наркоме внутренних дел как раз и было центром информационно-аналитической работы. В его состав входило специальное отделение по систематизации и обобщению информации, направляемой в правительство. Эту большую работу возглавлял заместитель начальника Особого бюро А. Коссой, ставший позднее видным советским экономистом. На завершающем этапе войны и вплоть до конца 1946 года мне пришлось по совместительству возглавлять Особое бюро. Мы занимались подготовкой методических пособий, рассылкой указаний, обобщением информации о работе разведывательных и контрразведывательных органов противника, обобщением опыта чекистской работы. Справочная картотека Особого бюро на государственных деятелей зару-



▲ Бенеш

▲ Л. Свобода

бежных стран была важным подспорьем для оперативных отделов разведки и контрразведки. Информационная работа аналитиков велась четко, и зачастую материалы Особого бюро по запросу правительства представлялись в более короткие сроки, нежели справки, которые получались из разведывательных и контрразведывательных подразделений НКВД-НКГБ.

Транспортное управление, обеспечивающее контрразведку на транспорте, возглавлял С. Мильштейн, который одно время руководил секретно-политическим управлением НКВД. Это был довольно грамотный человек, необычной работоспособности, имевший опыт работы не только в органах государственной безопасности, но и в сельском хозяйстве и железнодорожном транспорте. Некоторое время он возглавлял сельскохозяйственный отдел ЦК партии Грузии. Мильштейн был одним из немногих, кто во время оперативных совещаний мог позволить себе разговаривать с Берией на «ты». Надо отдать должное аппарату, который возглавлял Мильштейн. Ни одной крупной диверсии не удалось совершить противнику на транспорте в канун и во время войны. Оперативная работа Мильштейна была построена очень эффективно, система функционировала безотказно.

Мощным подспорьем в деятельности ведущих оперативных подразделений стала получившая значительное развитие шифровальная и дешифровальная работа и радиоконтрразведка, возглавляемая Копытцевым, Шевелевым и Блиндерманом. В канун войны мы читали шифропереписку японского посольства в Москве и японского МИД. Связано это было с двумя мероприятиями, которые мы успешно осуществили. Японский МИД свою диппочту в Москву отправлял нашими поездами без сопровождения. Во Владивосток она доставлялась в специальных вализах. 3-й специальный отдел НКВД сумел так наладить дело, что прямо в почтовом вагоне была создана небольшая лаборатория, сотрудники которой вскрывали японскую диппочту, фотографировали ее, вновь запечатывали так, что никаких следов вскрытия не оставалось.

Не могу не отметить, насколько скромно в количественном отношении формировался штат руководящих работников госбезопасности. Высшее руководство НКВД в 1939 году состояло из четырех заместителей наркома внутренних дел. Один из них – Меркулов. Он вел Главное управление госбезопасности. Первым замом Меркулова короткое время числился И. Серов, а затем Б. Кобулов. В феврале 1941 года было, как известно, принято важное решение о создании НКГБ, который должен был выполнять функции госбезопасности и охраны правительства. Его выделили из наркомата внутренних дел. Наркомом был Меркулов, первыми заместителями – Серов и Кобулов. Надо учесть и то, что в самый пик работы, с 1943-го по 1945 год, Меркулов имел только двух заместителей, причем один из них был замом по кадрам. Все это говорит о том, что штаты руководящих работников не раздувались. Работали сверх человеческих сил.

Спецагенты из иностранцев

Когда мы говорим о кадрах советской разведки и ее нелегального аппарата, важно выделить следующее обстоятельство. Что такое были для нее двадцатые – тридцатые годы? Становление советского государства с использованием кадров Коминтерна неизбежно ставило вопрос о том, что иностранные граждане и подданные в качестве спецагентов и источников информации зачастую превращались в штатных оперативных сотрудников Разведупра Красной армии, ИНО ОГПУ-НКВД и Особой группы Серебрянского. Достаточно припомнить такие фигуры, как бывшие польские офицеры в контрразведывательном и позднее в разведывательном отделах ОГПУ – Сосновский и Бодеско. Яркими личностями были нелегальные резиденты, ныне широко известные венгр Теодор Мали, австриец Ст. Дейч. Заметную роль в становлении советской разведки органов безопасности сыграл австриец подполковник Георг Миллер – участник рабочего движения, организатор и создатель «паспортного стола» – документов прикрытия для советских нелегалов в тридцатые – сороковые годы. Репрессии его не коснулись, так как он был уникальным специалистом. Он дал путевку в жизнь советским офицерам – мастерам паспортного дела, в частности полковнику П. Громушкину, изготовившему в годы войны прекрасные документы прикрытия для известного всей стране Пауля Зиберта – Героя Советского Союза Николая Кузнецова. Наконец, начальник иностранного отдела Артузов также был советским гражданином иностранного происхождения.

Нельзя не отметить, что в штатах ОГПУ и Разведупра Красной армии на положении граждан иностранного происхождения оказалось много высокопоставленных сотрудников. Однако в тридцатые годы в связи с провозглашенным Сталиным «освежением кадров» началась закономерная проверка обстоятельств зачисления их в кадры советской разведки. На положении лиц, подлежащих тщательной проверке, оказалось подавляющее большинство спецагентов ОГПУ за границей, ставших штатными сотрудниками аппаратов разведки в центре и на периферии. Среди них оказались те, кто сыграл громадную роль в становлении разведывательной службы. Но после того, как советское государство укрепило свои позиции, как произошел разгром троцкистской оппозиции внутри страны и за рубежом, изменились отношения с ведущими капиталистическими странами и появились, наконец, свои кадры, получившие профессиональную подготовку и высшее образование, вопрос был поставлен руководством страны по-другому. Лица иностранного происхождения и имеющие родственников за границей не имели права состоять на действительной службе в советских органах военной и внешнеполитической разведки и в системе органов безопасности. Это позволяет нам понять, почему, скажем, Теодор Мали, погибший в 1937 году, ряд видных работников разведки иностранного происхождения и т. д., будучи кадровыми сотрудниками, подвели под собой своеобразную черту. Ни Филби, ни Маклейн, приехавшие в СССР позднее, ни Кэтрин Гариссон, она же Кэти Харрис, кроме агентов и источников, будучи иностранцами, несмотря на получение советского гражданства, кадровыми сотрудниками не стали. И дело не в том, что кто-то бежал сюда, пройдя тюрьму, кто-то был более удачлив и оказался в Советском Союзе, не будучи формально засвеченным иностранной контрразведкой. Дело в том, что совершенно по-новому подбирались руководящие и оперативные кадры. Отбор происходил через систему специальных учебных заведений, появившуюся еще в тридцатые годы, которая применительно к разведке оформилась по указанию Сталина в Школу особого назначения. Поэтому прекращение существования Коминтерна в 1943 году было логичным прежде всего с точки зрения создания совершенно нового кадрового наполнения как Народного комиссариата иностранных дел, так и аппарата военной разведки и аппарата органов государственной безопасности.

Еще один важный вопрос, который заслуживает специального освещения. Это источники информации. Очень много пишется о том, что репрессии парализовали работу советской разведки. Это верно. Но они имели и другие далеко идущие последствия. Дело в том, что многие не отдают себе отчета в том, что в работе советской разведки было два этапа. Вначале была автономность, самостоятельность как за кордоном, так и внутри страны, когда резиденты и крупные работники имели право вербовки людей в ряде случаев без одобрения Центра. Этот период начал завершаться при Артузове в середине тридцатых годов. Если появлялся источник информации, то оформлялись соответствующие учеты, автоматически заводили дело, в котором подшивались все материалы по агенту. Но идеальных агентов не бывает. В любом деле накапливаются положительные и компрометирующие материалы. Переход к бюрократизации в середине тридцатых годов был связан с заведением пространных дел.

И арест, и увольнение из органов разведки довольно видных людей автоматически ставили вопрос о доверии к источникам информации и приобретенной агентуре.

Кроме того, сейчас, когда рассуждают о том, как можно было бро-

▲ Сталин и руководство НКВД

сать тень недоверия на такие важнейшие источники информации, как Филби, Маклейн, Берджесс, Арвид Харнак и Харро Шульце-Бойзен, ставить под вопрос существование преданных нам кадров, которые в условиях подполья поставляли исключительно важную информацию? Здесь следует отметить важнейшее обстоятельство. Помимо репрессий и сфальсифицированных дел против сотрудников внешней разведки, применительно к группе Кембриджской пятерки, временное недоверие к ним было обусловлено наличием реального перебежчика В. Кривицкого, которого пытаются поднять на щит «борьбы со сталинизмом», и невозвращенца Орлова-Никольского. В. Кривицкий, сотрудничавший с английскими и американскими спецслужбами, дал им общую наводку на Филби и Маклейна. Орлов-Никольский знал подробности об их работе. И никто не мог поручиться, что, сбежав на Запад, он не предал этих людей. Не исключалось также, что Орлов-Никольский мог стать на путь сотрудничества с противником и спровоцировать перевербовку этих источников. Для любого имеющего опыт разведывательной работы является аксиомой прекращение контактов с агентами, если они находились на связи у оперативного работника, который исчез, а потом объявился на Западе. Не следует забывать и о том, что Филби, Маклейн, Берджесс лишь в годы войны и в последний период своей деятельности выросли в исключительно ценных агентов.

Наконец, есть еще одно очень важное обстоятельство. О разведывательной работе и сотрудничестве с нами знаменитой Кембриджской пятерки имел более или менее ясное представление один из близких этим людям человек, широко известный у нас в стране и за рубежом, – Виктор Ротшильд. Занимая видное положение в английской разведке, он фактически действовал как «двойник» – мы получали от него важную информацию. Близость к Ротшильду бросала тень подозрений на характер этой информации, поступавшей в Москву от Филби и Берджесса. Ротшильда как источника информации и как

▲ И.М. Майский

▲ М.Б. Маклярский

канал дезинформации через наших резидентов в Лондоне А. Горского, И. Чичаева, К. Кукина мы использовали в течение всей войны. Покинувшего службу в английской разведке В. Ротшильда, как мне говорили, вплоть до восьмидесятых годов регулярно приглашали на все официальные приемы в советское посольство в Лондоне.

Знаковое событие

3 февраля 1941 года произошло разделение наркомата внутренних дел на наркомат госбезопасности и наркомат внутренних дел. Военная контрразведка тогда же формально была передана в подчинение наркомата обороны. Это событие можно считать знаковым. Видимо, у Сталина, как мне представляется, созрело решение о разделении функций спецслужб с целью выведения из-под контроля одного человека – Берии и непосредственного подчинения лично себе разных аспектов деятельности в области госбезопасности и охраны правопорядка. Что лежало в основе того, что военная контрразведка стала специальным органом, который был придан наркому обороны? Насколько мне известно (мне говорил об этом В. Меркулов), главной причиной такого решения было то, что Ворошилов – нарком обороны – мало получал документов непосредственно о реальной боеготовности войск, о реальном положении дел в округах. Почему? Да потому, что главными потребителями информации были ЦК ВКП(б) и управление кадров наркомата обороны. Причем их интересовала довольно своеобразная информация – наличие компрометирующих материалов и проверки руководящего состава офицерского корпуса. Как ни странно, информацией о боеготовности в округах, их мобилизационной готовности, о реальном состоянии дел в Красной армии больше интересовался не Ворошилов, а Сталин и Молотов как председатель Совета народных комиссаров.

НКВД возглавлял Ежов, секретарь ЦК, кандидат в члены политбюро. Свои доклады Ежов и его предшественник Ягода строили как переписку со Сталиным. Административная цепочка доведения до наркома обороны информации, проверенной через агентуру, о фактической боеготовности войск автоматически удлинялась. Когда Берия стал наркомом, порядок не изменился. Берия тоже был кандидатом в члены политбюро. И опять-таки переписка по этим вопросам, даже доклады по боеготовности и т. д. представлялись прежде всего Сталину и Молотову и только во вторую очередь доходили до Ворошилова. Ведь только Сталин, а позднее Хрущев, Брежнев лично принимали решение, следует ли рассылать поступавшую к ним от органов госбез-

опасности информацию «вкруговую» среди других членов Политбюро. Кроме того, в перечне докладов, которые направлялись НКВД «наверх», вопросы боеготовности Красной армии не стояли как приоритетные. Руководство страны искало после неудач в зимней войне с Финляндией наиболее рациональные варианты того, чтобы подкрепить деятельность наркомата обороны необходимой оперативной информацией.

Но, думается, тут дело в другом. Было принято половинчатое решение – фактически о двойном подчинении органов военной контрразведки. Во-первых, они подчинялись непосредственно наркому обороны, минуя Генштаб, то есть это был канал информации о реальном положении дел, в том числе в наркомате и в Генштабе. Во-вторых, существовал так называемый межведомственный совет, который регулировал взаимодействие военной контрразведки с другими органами безопасности – с территориальными и центральным аппаратом.

Военная контрразведка сама по себе работать самостоятельно не могла. Почему? У нее не было своих следственных изоляторов и оперативно-технической поддержки. Для успешной работы она должна была заимствовать подразделения наружного наблюдения, оперативного и слухового контроля. Она имела весьма и весьма ограниченную базу. Вместе с тем выделение военной контрразведки вскрыло необходимость дополнительных инструкций, нормативных актов о порядке взаимодействия всех оперативных служб органов госбезопасности. К сожалению, сделать это до войны не удалось. Организационные изменения в структуре органов госбезопасности, если они предварительно не проработаны в плане оперативного взаимодействия отдельных служб, пагубно сказываются на эффективности работы разведки и контрразведки.

Однако выделение военной контрразведки из НКВД-НКГБ накануне войны было кратковременным – с февраля 1941-го по июль 1941 года. Но и этого времени оказалось достаточно, чтобы можно было понять, что

▲ М.М. Литвинов

такого рода реорганизация пагубно отразилась на выполнении военной контрразведкой ее функции и взаимодействии с внешнеполитической и военной разведкой.

Мне как руководящему работнику не помнится, чтобы военная контрразведка, будучи подчиненной наркому обороны Тимошенко, ставила какие-либо принципиальные вопросы перед ним, за исключением вопросов кадровой проверки. Между тем поступавшие руководству страны данные о том, что происходило в округах, об изменениях штатного расписания Красной армии, ее пополнении, о развертывании дополнительных армий, реорганизации механизированных корпусов, строительстве аэродромов, хранении боеприпасов, нуждались в тщательной агентурной проверке. К сожалению, это делалось лишь эпизодически. И руководство страны – Сталин, Молотов, да и сам нарком обороны – не имело реальной информации о боеготовности войск приграничных округов.

Самая, пожалуй, трагичная глава в этой части истории связана с особыми отделами Красной Армии. Оглядываясь назад, можно предъявить огромные претензии военной контрразведке. До сих пор белым пятном остается роль материалов военной контрразведки в проведении тех репрессий, которые впоследствии были признаны необоснованными и преступными по отношению к руководящему составу армии непосредственно перед войной и в самом ее начале. Однако надо сказать, что те материалы, в которых шла речь о боеготовности Военно-воздушных сил, об авариях самолетов, использовались только при вынесении взысканий руководству ВВС, не только для смещения должностных лиц, но для обвинений политического характера, обвинений во вредительстве в ВВС Красной армии. В какой степени эти материалы были связаны с соперничеством в среде командиров Красной Армии, сказать трудно, поскольку прошло очень много времени. Однако они явились формальным поводом для ареста и расстрелов командования ВВС и ПВО Смушкевича, Штерна, Рычагова и других, для ареста и расправы над руководящими работниками Главного артиллерийского управления Красной Армии.

Новое время – новые задачи

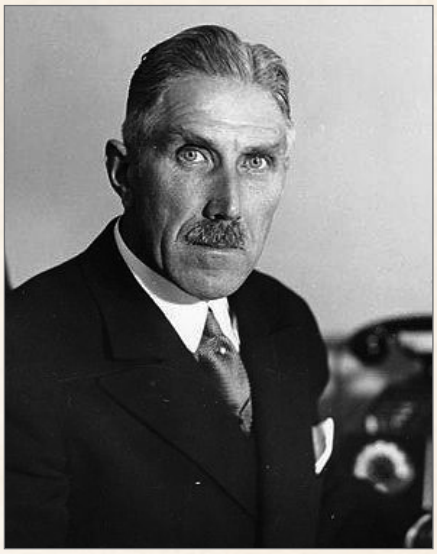
Что собой представлял фон, на котором весной 1939 года резко активизировалась деятельность советской разведки? Благодаря закрытости общества все попытки разведывательной работы против нас Германии, Англии, Польши с использованием национальных кадров – поляков, немцев и других иностранцев и членов их семей – находились под неослабным наблюдением советских органов безопасности. Почему хотелось мне выделить – и правомерно – 1939 год, важный год кануна войны и важный год перестройки в работе органов безопасности. Именно в этом году страна вступила в явный предвоенный период и перед разведывательными и контрразведывательными органами были впервые поставлены новые активные задачи.

Из беседы, состоявшейся в кабинете Сталина весной 1939 года, во время которой шла речь о необходимости развертывания операции «Утка» по ликвидации Троцкого, Сталин говорил и об изменении в приоритетах работы в целом. С чем были связаны эти изменения? Тут есть смысл вспомнить миф о том, что назначение Молотова народным комиссаром иностранных дел означало якобы «переворот» во внешнеполитической ориентации советского

руководства, которая означала переход от попытки противодействовать германской агрессии к сговору с Гитлером. В частности, И. Эренбург и другие публицисты во время так называемой перестройки в 1988–1991 годах безосновательно писали о том, что Литвинов последовательно противился этой линии и был сторонником сохранения сотрудничества с ведущими западными державами, которые должны быть якобы нашими партнерами по обеспечению безопасности в Европе. Но все было несколько иначе. В январе 1939 года, когда наша резидентура фактически прекратила работу в Германии, оттуда поступили сигналы о том, что в немецком руководстве имеются влиятельные сторонники развития нормальных отношений с СССР, что, несмотря на глубокие идеологические разногласия и расхождения, советско-германское сотрудничество возможно. Кстати, подобные высказывания, например, влиятельного промышленника Шахта были известны в Кремле и Литвинову еще в 1935 году. Мне представляется, что обстановка того времени предполагала взаимное маневрирование всех крупных держав мира, а также взаимное прощупывание позиций в предстоящей схватке за передел мира.

Много путаницы в оценке зондажных бесед, подходов друг к другу политиков и видных дипломатов, разговоров того времени. В связи с этим вспоминается новогодний прием 1939 года в Берлине. Тогда Гитлер оказал определенные знаки внимания советской стороне. Беседуя с нашим послом Меркаловым, он дал понять, что немецкая сторона отнюдь не блокирует какое-либо экономическое сотрудничество с Советским Союзом, она готова обсуждать даже политические вопросы отношений между странами и будущее Европы.

Затем уже весной 1939 года с довольно откровенным прощупыванием возможностей урегулирования разногласий между СССР и Германией выступили авторитетные немецкие деятели. Некоторые историки считают, что в этом велика роль чиновников немецкого МИД, в частности заведующего экономическим департаментом Шнурре. Но при этом недооценивают роль бывшего немецкого канцлера фон Папена, назначенного Гитлером послом в Турцию. Именно он впервые выступил с программой урегулирования советско-германских отношений в апреле-мае 1939 года, и это было предметом соответствующих докладов наверх, в том числе это породило специальный запрос в НКВД о том, какую роль играет фон Папен в формировании немецкой политики и выражении мыслей правящих кругов Германии.



▲ Папен

▲ М. Трилиссер

Фон Папен выступил с широкой программой германо-советского сотрудничества, построенного на базе долгосрочных интересов. В их основе лежало, по его мнению, противодействие англо-французскому диктату в Европе. Сама по себе эта информация, пришедшая из Германии и Турции, заслуживала самого пристального внимания.

Фон Папен, несомненно, действовал по поручению Гитлера. Немцы не случайно избрали Турцию местом зондажных бесед. Вплоть до 1938 года турецкие руководители брали на себя выполнение ряда деликатных поручений советского руководства по выяснению важных для Кремля намерений руководителей стран Запада в отношении Советского Союза. Через Турцию мы провели ряд важных внешнеторговых операций на Западе, в которых нам нежелательно было «засвечиваться» напрямую. Немцы, имея сильные позиции в Турции, несомненно, об этом знали. И хотя наши отношения с Турцией с 1938 года стали ухудшаться, немцы предпочли именно в этой стране через авторитетного своего представителя предпринять в отношении нас первые зондажные шаги по установлению доверительного обмена мнениями.

Нельзя представлять себе ситуацию таким образом, что советское правительство с весны 1939 года ориентировалось на соглашение с Гитлером против Англии и Франции в той обстановке, которая складывалась в Европе. Ситуация была совершенно иной. Наша дипломатия и разведка в глубокой тайне действовали на два фронта. Сейчас на фоне распространения всяких версий о политике Сталина накануне войны упускается из виду главное. Для СССР участие в военном конфликте, вспыхнувшем в Европе в 1939 году, было неприемлемо. И не потому, что мы боялись Гитлера или англо-французов. Военное столкновение было исключительно опасным для нас, если бы Запад выступил против СССР сплоченным.

Как начальник подразделения не только в годы войны, руководивший разведывательно-диверсионной работой, но уже и после войны возглавлявший аппарат, который был специально создан для действий в особый период, могу со всей от-

ветственностью утверждать, что советское руководство всегда ставило перед собой цель – не допустить втягивания страны в крупный военный конфликт с ведущими капиталистическими странами. При этом главной проблемой было не переступить опасную грань «большой войны», когда могло иметь место перерастание локальных конфликтов и наших операций по дестабилизации обстановки в ряде важных для капиталистического мира районах в масштабные военные действия. Такая опасность существовала в ходе операций в Западной Украине, Польше, Финляндии и Молдавии в 1939–1940 годах, в Иране в 1946 году, в Корее и Маньчжурии в 1950–1953 годах.

Советская военная и политическая разведка, начиная с тридцатых годов, поддерживая антианглийские, антияпонские и антигерманские силы на Балканах и Дальнем Востоке, решала важную задачу по отвлечению внимания от Советского Союза, что заставляло правящие круги Запада ввязываться в затяжные локальные конфликты. Это не позволяло Англии, США, Японии бросить против нас все свои ресурсы и резервы. Сталин никогда не был теоретиком и организатором мировой революции. Наоборот, наша поддержка революционного движения в капиталистических и колониальных странах целиком строилась на геополитических соображениях укрепления позиций Советского Союза как ведущей мировой державы. Иными словами, советская дипломатия и разведка в тридцатые – сороковые годы должны были успешно решить исключительно трудную задачу – использовать во благо страны страх правящих кругов Запада перед военной опасностью в Европе и на Дальнем Востоке вследствие агрессивной политики Гитлера и Японии.

Недостигнутые цели

Мало кто знает о попытке Сталина и Молотова создать три «буферные зоны» отношений с капиталистическим миром. Советская разведка и дипломатия действовали по трем направлениям

▲ Я. Серебрянский

▲ С.Г. Гендин

ведения тайных переговоров о разделе сфер влияния и противодействию агрессии Германии и Японии – в Центральной Европе, Скандинавии и Китае.

В Финляндии мы активно поддерживали политические партии, в частности мелких хозяев, которые выступали за то, чтобы Финляндия и Швеция стали посредниками между странами Запада и Советским Союзом в открытии постоянного коридора для поставок советского сырья в Европу. Наш посол в Швеции А. Коллонтай неоднократно высказывалась в доверительных беседах о необходимости установления особых отношений между СССР и Скандинавией. В обмен на гарантированный благожелательный нейтралитет наша страна готова была предоставить серьезные экономические льготы для Швеции и Финляндии, включая даже право реэкспорта древесины, нефтепродуктов из СССР в третьи страны.

Кроме каналов Иностранного отдела НКВД, имевшего сильные агентурные позиции в Скандинавии, не было иной возможности выйти на неофициальные и неформальные переговоры с финским руководством. Знаменательно, что резидент в Финляндии Б. Ярцев-Рыбкин (Кин) вел секретные переговоры с финским руководством втайне от советского посла в Финляндии Деревянко, который после их неудачного завершения о зондажных выходах на финнов вместе с наркомом иностранных дел Литвиновым был поставлен об этом в известность.

Другое направление – чехословацкое. Первый координатор деятельности советских спецслужб М. Розенберг, используя свои доверительные отношения с крупнейшим и авторитетным публицистом Западной Европы Женевьевой Табуи, добился серьезнейшего перелома в советско-французских отношениях – подписания в 1935 году в Париже советско-французского соглашения о сотрудничестве и взаимопомощи. Однако широкой общественности до сих пор не известно, что локомотивом этого соглашения выступил президент Чехословакии Э. Бенеш. Именно Чехословакия выступила инициатором вступления СССР в Лигу Наций.

Мы нашли особые подходы и плодотворно сотрудничали с президентом Бенешем. Сейчас многие пишут и существует масса иллюзий и мифов о том, что Бенеш поддался на немецкую уловку о заговоре в Красной Армии против Сталина, предупреждал Кремль о «предательстве» Тухачевского и будто бы вошел в контакты с Ежовым для этого. Упускается из виду, что господину Бенешу не было смысла входить в тайные переговоры со Сталиным в 1937 году, ибо еще в 1935 году было подписано беспрецедентное секретное соглашение о сотрудничестве разведок Чехословакии и Советского Союза, о совместном осуществлении ряда

внешнеполитических акций и обмене информацией в связи с возрастанием военной опасности в Европе.

Конкретно это сотрудничество привело к тому, что нам удалось использовать чешские каналы для поставок оружия республиканской Испании, через чехословацкого представителя Розенберг договорился о том, чтобы чехи поставили вопрос о нашем вступлении в Лигу Наций. Советско-французское соглашение с П. Лавалем было подписано в противовес Германии, усилению влияния Гитлера. В планы Бенеша входило в опоре на советско-французское соглашение укрепить позиции балканских стран в противостоянии Гитлеру.

Наша разведка проводила специальные мероприятия по проверке лояльности Бенеша. Ближайшему окружению Бенеша, завербованному НКВД, Людмиле Каспариковой и Яромиру Смутному был устроен побег из Чехословакии. Для этого были выделены деньги, при этом мы вывезли из Праги в Москву значительную часть чехословацкого архива и специальной переписки, в том числе об особых отношениях Бенеша с руководителями Запада.

После того как немцы оккупировали Чехословакию, Бенеш бежал первоначально в Америку, затем в Англию. Советский посол в США Уманский по указанию Москвы принимал Бенеша и вел с ним доверительные беседы, потому что он в условиях временного свертывания нашей разведывательной работы в Вашингтоне в 1939 году по указанию Москвы взял на себя выполнение ряда функций главного резидента НКВД в Америке. На должность посла его назначили после успешной работы как корреспондента ТАСС и в отделе печати НКИД. Уманского я хорошо знал лично. Его часто можно было встретить в 1941–1942 году в коридоре седьмого этажа здания НКВД на Лубянке, где размещалось Разведывательное управление, и в приемной Берии и Меркулова. Это был очень способный, эрудированный человек, значение которого прекрасно понимало американское правительство, некоторые представители которого

▲ И. Сосновский-Добржинский

▲ С. М. Шпигельглас

позволяли себе вести с ним неофициальные беседы. Любопытно, когда министр финансов США Моргентау принимал его, то удалял стенографисток и переводчиков, и обсуждение деликатных вопросов совместного американо-советского противодействия японской агрессии в Китае в 1939–1941 годах шло один на один.

Уманский не только беседовал с Бенешем в США, но и докладывал об этом сразу в две инстанции – в наркомат иностранных дел и в НКВД. Какие же вопросы обсуждали они? Речь прежде всего шла о будущем Европы. Бенеш выражал благодарность за нашу позицию, потому как мы не признали оккупацию немцами Чехословакии. Бенеш просил неофициально подтвердить, получена ли чехословацкая переписка и архив советской стороной. Он также ставил вопросы о будущей роли Чехословакии в надвигающейся войне, говорил и о чехословацкой армии, которая будет участвовать в войне, о том, что она будет формироваться в Англии. Заметьте, все это говорилось еще до того, как началась война, до того, как немцы предъявили свой ультиматум Польше. Бенеш говорил также о необходимости сохранения «иностранного легиона Чехословацкой армии», который будет находиться в Польше или в СССР. Война еще не началась, а ему уже ясно, что будущая война будет обязательно между Германией и Советским Союзом. В качестве союзников, считал он, выступят США и Англия. Он говорил и о Восточном фронте, о том, что там будет развернуто две-три чехословацких дивизии. Знаменитый Людвиг Свобода, тогда еще никому не известный подполковник, вместе с чехословацким легионом был отправлен в Польшу, где его интернировали поляки. Легион держался на всякий случай. Когда советские войска заняли Польшу, чехословацкий легион оказался интернированным, и мы единственное что сделали – его разоружили. Никаким репрессиям никто подвергнут не был.

Со Свободой непосредственно работал начальник отделения контрразведывательного управления НКВД М. Маклярский. Свободу поселили на даче НКВД и держали в особом резерве. Держали не потому, что к нему было какое-то особое внимание, а потому, что он был человеком Бенеша, а к людям Бенеша относились, по указанию Сталина, с очень большим вниманием и тактом.

Потом плодотворное сотрудничество, активный обмен разведывательной информацией осуществлялись нами с полковником, позднее генералом, Моравцем, начальником чешской разведки. Но не как с завербованным агентом, а как с человеком, целиком выполнявшим приказания и поручения Бенеша.

До сих пор история тайных советско-чешских отношений продолжает скрываться, хотя в этом нет ничего секретного, если смотреть на вещи трезво, после распада СССР и краха

социализма в Чехословакии. Возможно, открытие архивов невыгодно только для тех, кто идеализирует и превозносит Бенеша, Масарика и других деятелей либерально-демократической Чехословакии. Обнажение их тайных связей с советским руководством в реализации целей советской внешней политики подтверждает очевидную истину. Малые страны Европы обязательно попадают в чью-либо сферу влияния и активно стремятся использовать свое положение посредника в больших политических играх, но только с выгодой для себя вне зависимости от идеологических симпатий.

Среди советских дипломатов предвоенной поры К. Уманский, наш посол в США, был сравнительно молодым выдвиженцем. Ранее важные зондажные поручения выполняли дипломаты первого поколения – Я. Суриц, Б. Штейн, И. Майский. Зарубежных представительств СССР было сравнительно немного, и значение советского посла за границей, его полномочия были неизмеримо шире, нежели те, которые давались нашим дипломатам высокого ранга во время войны, не говоря уже о послевоенном периоде. На ключевых направлениях, там, где необходимо было вести зондаж, были расставлены не профессиональные дипломаты, а представители разведки НКВД или тесно связанные с ней лица, такие, например, как Уманский в США, комкор Красной Армии Луганец-Орельский и пришедший ему на смену в 1939 году посол-резидент НКВД А. Панюшкин в Китае.

Туда, где речь шла о временном замораживании отношений, а не о проработке каких-то вопросов, посылались люди, не имевшие никакого дипломатического опыта. Взять хотя бы ситуацию с руководством нашего посольства в Германии в 1939 году, когда Меркалов, простой директор завода, оказался в роли посла в Германии. Судьба Меркалова уникальна. Он закончил свою жизнь директором завода, так и не опубликовав своих воспоминаний об интереснейшем периоде 1939 года.

Чем связаны были дипломатия и разведка? Их взаимодействие характеризуется, по моему мнению, двумя этапами. До 1939 года можно говорить об особом периоде советской внешней политики и разведывательной деятельности, обусловленном в значительной мере внешнеполитической изоляцией Советского Союза. Это не являлось только следствием политики западных держав. Англия, Франция, Германия, США, Италия, Япония блокировали Советский Союз, стремясь лишить нас возможности использовать международные экономические связи для создания промышленности за счет вырученных средств от продажи сырья на мировом рынке. Но изоляция нас от мира была обусловлена также нашей сознательной линией на сохранение закрытости советского общества.

▲ П.А. Судоплатов

Провозглашенный Лениным в Генуе новый курс на отказ от выплаты царских долгов важно понять с точки зрения добровольного отказа от внешнеэкономического сотрудничества с нашей стороны с враждебными СССР мощными экономическими группировками Запада. Руководство Советского Союза опасалось в двадцатые – тридцатые годы, что широкие экономические связи с капиталистическим миром в сочетании с наличием в СССР сильной антисоциалистической оппозиции, остатков белого движения и обострением борьбы за власть в верхних эшелонах партии таят в себе громадную потенциальную угрозу для советского государства. Разведка и дипломатия ориентировались лишь на «локальные» прорывы в обеспечении экономических связей СССР не со всеми странами Запада, а с теми государствами, которые активно конфликтовали с главными державами капиталистического мира или играли в нем подчиненную роль недавно проигравших войну государств. Хорошие экономические отношения складывались у нас с Германией и Турцией.

Прежде всего разведка нацеливалась на использование раскола среди держав Запада и противоречий, которые существовали между ними. В условиях внешней политической изоляции рассчитывали мы и на активную дипломатическую деятельность, настойчиво добивались признания со стороны ведущих стран Запада. Важное значение в этой связи придавалось работе разведки и сотрудничавших с ней дипломатов по выяснению предварительных условий дипломатического признания СССР. Этот период завершился к началу 1939 года.

Угроза войны ставила Советский Союз в исключительное положение. Отсюда суть нашей позиции – поддержка Афганистана, Турции, наше участие в гражданской войне в Испании и т. д. Мы прощупывали, расшатывали слабые звенья в капиталистической системе. Но никогда не позволяли себе напрямую ввязаться в военный конфликт, который бы выходил за рамки локального. Руководство страны решало прежде всего внутренние задачи экономического и политического характера.

Молотов, Вышинский, Потемкин, с одной стороны, Берия, Меркулов – с другой, стали непосредственно у руля дипломатии и разведки тогда, когда Советский Союз, подписав известный пакт о ненападении с Германией и секретные протоколы к нему, превратился в крупнейшую мировую державу, чьи действия с 1939 года на международной арене предопределили исход Второй мировой войны и весь характер мирового развития в сороковые – пятидесятые годы. Два этапа советской политики за рубежом и людей, которые обслуживали эти этапы, следует трезво оценивать. ■

АНДРЕЙ ФУРСОВ

СТАЛИН И ВЕТЕР ИСТОРИИ

Фурсов Андрей Ильич родился в 1951 году, российский ученый-историк, социальный философ, публицист, кандидат исторических наук. Доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова. Директор Центра русских исследований Московского гуманитарного университета. В центре научных интересов ученого – методология социально-исторических исследований и востоковедения, теория и история сложных крупных социальных систем, феномен власти, мировая борьба за власть, русская история. Обладатель премии АПН «Солдат Империи», присуждаемой ученым-публицистам, общественным деятелям, внесшим особый вклад в дело возрождения государственности РФ. Автор более 400 работ, включая 11 монографий.

Правда – горькое лекарство, неприятное на вкус, но зато восстанавливающее здоровье.

Бальзак

Однажды Сталин сказал, что после его смерти на его могилу нанесут много мусора, одна-ко ветер истории его развеет. Всё так и вышло, как предвидел вождь. Не прошло и не-сколько лет, как один из главных «стахановцев террора» 1930-х годов Н. Хрущёв (именно на его запросе увеличить квоты на расстрел Сталин написал: «Уймись, дурак») начал поливать вождя грязью.

Хрущёв не был первым в этом плане: систематический полив Сталина (правда, вперемежку с реальной критикой) начал Троцкий, ну а не вышедший умом бывший троцкист Хрущёв оставил только полив. Затем к Хрущёву в качестве «мусорщиков» присоедини-лись наиболее рьяные из «шестидесятников», ну а о диссидентах, «певших» под чужие «го-лоса» и «плывших» на чужих «волнах», и говорить нечего – они были частью западной антисоветской пропаганды.

Перестройка ознаменовала новый этап в шельмовании Сталина. Здесь, однако, не Сталин был главной мишенью, а советский социализм,

советский строй, советская история, а за ними – русская история в целом. Ведь заявил же один из бесов перестройки, что перест-ройкой они ломали не только Советский Союз, но всю парадигму тысячелетней русской истории. И то, что главной фигурой слома был выбран именно Сталин, лишний раз свидетельствует о роли этого человека-феномена не только в советской, но и в русской истории – сталинизм, помимо прочего, стал активной и великодержавной формой выживания русских в XX в. в условиях исключительно враждебного окружения, нацелившегося на «окончательное решение русского вопроса» – Гитлер в этом плане вовсе не единственный, просто он – по плебейской манере – громче всех кричал, повторяя то, чему на-брался у англосаксов.

«Рухнул СССР, разрушен советский строй. Казалось бы, советофобы могут успокоиться по поводу Сталина и СССР. Ан нет, неймётся им. Правда, нынешние десталинизаторы – фигуры в основном фарсово-одиозные, глядятся мелко даже по сравнению с перестроеч-ной шпаной. На экранах телевизоров кривляются убогие социальные типы вроде полуобразованного пафасно-фальшивого публициста, академика-недоучки с ухватками стукача, алкоголика с претензией на роль международного дельца и прочая бездарь. Тут поневоле вспомнишь Карела Чапека («они приходят как тысяча масок без лиц» – о саламандрах) и Николая Заболоцкого:

Всё смешалось в общем танце,
И летят во все концы
Гамадрилы и британцы,
Ведьмы, блохи, мертвецы…
Кандидат былых столетий,
Полководец новых лет,
Разум мой! Уродцы эти —
Только вымысел и бред».

Действительно, иначе как бредом не назвать то, что «ковёрные антисталинисты» подают в качестве «аргументации». Это либо сплошные, на грани истерики эмоции в духе клубной самодеятельности с выкриками «кошмар», «ужас», «позор», очень напоминающими шакала Табаки из киплинговского «Маугли» с его «Позор джунглям!», – эмоции без каких-либо фактов и цифр. Либо оперирование фантастическими цифрами жертв «сталинских ре-прессий»: «десятки и десятки миллионов» (уже перешли на тысячи). Если на что и ссыла-ются, то на «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына. Но Солженицын-то был мастер легенди-рования и заготовки «подкладок». Например, он не претендовал в «Архипелаге…» на ци-фирную точность; более того, выражался в том смысле, что указанное произведение но-сит, так сказать, импрессионистский характер. Подстраховался «Ветров» – вот что значит школа.

▲ Сталин жил, Сталин жив, Сталин будет жить!

А ведь за последнюю четверть века на основе архивных данных (архивы открыты) и на-ши, и западные (прежде всего американские) исследователи, большинство которых вовсе не замечены в симпатиях ни к Сталину, ни к СССР, ни даже к России, подсчитали реаль-ное число репрессированных в 1922-53 гг. (напомню, кстати, что, хотя «сталинская» эпоха формально началась в 1929 г., по сути, только с 1939 г. можно формально говорить о пол-ном контроле Сталина над «партией и правительством», хотя и здесь были свои нюансы), и никакими «десятками миллионов» или даже одним «десятком миллионов» там и не пах-нет.

За последние годы появились хорошо документированные работы, показывающие реаль-ный механизм «репрессий 1930-х», которые как массовые были развязаны именно «старой гвардией» и «региональными баронами» вроде Хрущёва и Эйхе в качестве реакции на предложение Сталина об альтернативных выборах. Сломить сопротивление «старогвар-дейцев» вождь не смог, но точечный (не массовый!) удар по их штабам нанёс. Я оставляю в стороне борьбу с реальными заговорами – противостояние Сталина левым

▲ Троцкий на фронте

глобалистам-коминтерновцам, как и Троцкий, считавшим, что Сталин предал мировую револю-цию и т.п. Таким образом, реальная картина «репрессий 1930-х» намного сложнее, чем это пытаются представить хулители Сталина; это многослойный и разновекторный процесс завершения гражданской войны, в котором собственно «сталинский сегмент» занимает далеко не большую часть.

Аналогичным образом проваливается второй главный блок обвинений Сталина – в том, как складывалась в первые месяцы Великая Отечественная война: «проморгал», «про-спал», «не верил Зорге», «верил Гитлеру», «сбежал из Кремля и три дня находился в прост-рации» и т.п. Вся эта ложь давно опровергнута документально, исследователи об этом прекрасно знают – и о том, что Сталин ничего не проспал, и о том, что на самом деле ни-когда не верил Гитлеру, и о том, что правильно не верил Зорге, и о реальной вине генера-лов в канун 22 июня. Здесь не место разбирать все эти вопросы, но от одного замечания не удержусь. Уж как зубоскалили антисталинисты над заявлением ТАСС от 14 июня 1941 г.; в заявлении говорилось, что в отношениях СССР и Германии всё нормально, что СССР продолжает проводить миролюбивый курс и т.п. «Мусорщики» трактуют это как «глупость и слабость Сталина», как «заискивание перед Гитлером». Им не приходит в го-лову, что адресатом заявления были не Гитлер и Третий рейх, а Рузвельт и США. В апре-ле 1941 г. Конгресс США принял решение, что в случае нападения Германии на СССР США будут помогать СССР, а в случае нападения СССР на Германию – Германии.

Заявление ТАСС фиксировало полное отсутствие агрессивных намерений у СССР по отношению к Германии и демонстрировало это отсутствие именно США, а не Германии. Сталин прекрасно понимал, что в неизбежной схватке с рейхом его единственным реаль-ным союзником могут быть только США, они же удержат Великобританию от сползания в германо-британский антисоветский союз. И уж, конечно же, нельзя было допустить не-осторожным движением, к которому подталкивал русских Гитлер, спровоцировать возникновение северо-атлантического (а точнее, мирового – с участием Японии и Турции) антисоветского блока. В этом случае Советскому Союзу (относительный военный потенциал на 1937 г. – 14%) пришлось бы противостоять США (41,7%), Германии (14,4%), Великобритании (10,2% без учёта имперских владений), Франции (4,2%), Японии (3,5%), Италии (2,5%) плюс шакалам помельче. Кстати, с учётом этих цифр и факта решения Конгресса США очевидна вся лживость схемы Резуна и иже с ним о якобы подготовке Стали-ным нападения на Германию в частности и на Европу в целом.

Есть один чисто психологический нюанс в обвинениях научной и околонаучной братии в адрес Сталина. Во всём, точнее, во всём, что считается отрицательным в правлении Ста-лина (положительное проводится

по линии «вопреки Сталину») винят одного человека как якобы наделённого абсолютной властью, а потому всемогущего. Но, во-первых, Ста-лину удалось упрочить свою власть лишь к концу 1930-х годов; до этого – борьба не на жизнь, а на смерть, хождение по лезвию, постоянная готовность отреагировать на радост-ный крик стаи: «Акела промахнулся». Война – не лучшее время для единоличных решений. Ну а период 1945-1953 гг. – это время постоянной подковёрной борьбы различных номенклатурных группировок друг с другом – и против Сталина. Послевоенное 8-летие – это история постепенного обкладывания, окружения стареющего вождя номенклату-рой (при участии определённых сил и структур из-за рубежа); попытка Сталина нанести ответный удар на XIX съезде ВКП(б)/КПСС (1952 г.) и сразу после него окончилась смер-тью вождя. Таким образом, в реальной, а не «профессорской» истории, по поводу которой Гёте заметил, что она не имеет отношения к реальному духу прошлого – это

▲ Сталин и церковные иерархи

«...дух профессоров и их понятий,
Который эти господа некстати
За истинную древность выдают»,

Сталин никогда не был абсолютным властелином – Кольца Всевластия у него не было. Это не значит, что он не несёт личную ответственность за ошибки, жестокость и пр., не-сёт – вместе с жестокой эпохой, по законам и природе которой его и нужно оценивать.

Но дело не только в этом. Простая истина заключается в следующем: тот, кто руководил коллективом хотя бы из 10 человек, знает, что абсолютная власть невозможна – и она тем менее возможна, чем больше подчинённых. Большая часть тех, кто писал и пишет о Сталине, никогда ничем и никем не руководили, не несли ответственности, т.е. в этом смысле суть люди безответственные. К тому же на власть они нередко проецируют свои амбиции, страхи, претензии, желания, «сонной мысли колыханья» (Н. Заболоцкий) и, не в последнюю очередь, тягу к доносительству (не секрет, что больше всего советскую эпоху Сталина и КГБ ненавидят бывшие стукачи, доносчики, ведь легче ненавидеть систему и её вождя, чем презирать собственную подлость – вытеснение, понимаешь). Абсолютная власть – это мечта совинтеллигенции, нашедшая одно из своих отражений в «Мастере и Маргарите»; помимо прочего, именно поэтому роман стал культовым для совинтеллиген-ции (а «Записки покойника», где этому слою было явлено зеркало, – не стали). Сводить суть системы к личности одного человека – в этом есть нечто и от социальной шизофре-нии, и от инфантилизма, не говоря уже о профессиональной несостоятельности.

Можно было бы отметить и массу иных несуразностей, ошибок и фальсификаций «наносчиков мусора» на могилу Сталина, но какой смысл копаться в отравленных ложью и не-навистью, замешанной на ком-

▲ Ялта. 1945 г.

плексах и фобиях, мозгах? Интереснее разобрать другое: причины ненависти к Сталину, страха перед ним целых слоёв и групп у нас в стране и за рубежом, страха и ненависти, которые никак не уйдут в прошлое, а, напротив, порой кажется, растут по мере удаления от сталинской эпохи. Как знать, может это и есть главная Военная Тайна советской эпохи, которую не дано разгадать буржуинам и которая висит над ними подобно «дамоклову мечу»?

Нередко говорят: «Скажи мне кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты». На самом деле чело-века в не меньшей степени определяют не друзья, а враги: «Скажи мне, кто твой враг, и я скажу тебе, кто ты». Поразмышляем о Сталине сквозь призму ненависти к нему и страха перед ним его врагов и их холуёв.

Отношение к лидерам: царям, генсекам, президентам, – интересная штука в силу своей, по крайней мере, внешне, парадоксальности. В русской истории было три крутых властителя – Иван Грозный, Пётр I и Иосиф Сталин. Наиболее жестокой и разрушительной бы-ла деятельность второго: в его правление убыль населения составила около 25% (народ мёр, разбегался); на момент смерти Петра казна была практически пуста, хозяйство разо-рено, а от петровского флота через несколько лет осталось три корабля. И это великий модернизатор? В народной памяти Пётр остался Антихристом – единственный русский царь-антихрист, и это весьма показательно. А вот Иван IV вошёл в историю как Грозный, и его время в XVII в. вспоминали как последние десятилетия крестьянской свободы. И опричнину в народе практически недобрым словом не поминали – это уже «заслуга» либеральных романовских историков. Сталин, в отличие от Петра, оставил после себя великую державу, на материальном фундаменте которой, включая ядерный, мы живём до сих пор, а РФ до сих пор числится серьёзной державой (пусть региональной, но без сталинского фундамента нас ожидала и ожидает участь сербов, афганцев и ливийцев, никаких иллюзий здесь питать не надо).

Парадокс, но из трёх властителей Пётр, несмотря на крайнюю личную жестокость и про-вальное царствование, любим властью и значительной частью интеллигенции. Ему не досталось и десятой доли той критики, которую либеральная историография и публицистика обрушила на головы Ивана Грозного и Иосифа Сталина. Грозному царю не нашлось места на памятнике «Тысячелетие России», а Пётр – на первом плане. Что же такого де-лал Пётр, чего не делали Иван и Иосиф? Очень простую вещь: позволял верхушке воровать в особо крупных размерах, был либерален к «проказам» именно этого слоя.

За это и любезен власти (портрет Петра I в кабинете Черномырдина очень символичен) и отражающему её интересы, вкусы и предпочтения определённому сегменту историков и публицистов. Иван Грозный и Сталин были жестки и даже жестоки по отношению, прежде всего, к верхушке. «Проклятая каста!» – эти слова сказаны Сталиным, когда он узнал о том, что эвакуированная в г. Куйбышев номенклатура пытается организовать для своих детей отдельные школы.

Всю свою жизнь у власти Сталин противостоял «проклятой касте», не позволяя ей превратиться в класс. Он прекрасно понимал, как по мере этого превращения «каста» будет сопротивляться строительству социализма – именно это Сталин и имел в виду, когда говорил о нарастании классовой борьбы по мере продвижения в ходе строительства социализма. Как продемонстрировала перестройка, вождь оказался абсолютно прав: уже в 1960-е годы сформировался квазиклассовый теневой СССР-2, который в союзе с Западом и уничтожил СССР-1 со всеми его достижениями. При этом реальное недовольство населе-нием было вызвано СССР-2, т.е. отклонением от модели, но заинтересованные слои про-вернули ловкий пропагандистский трюк: выставили перед населением СССР-2 с его изъянами, растущим неравенством, искусственно создаваемым дефицитом и т.п. в качестве исходной проектной модели СССР-1, которую нужно срочно «реформировать».

В советское время, как при жизни Сталина, так и после его смерти, вождя ненавидели главным образом две властные группы (и, соответственно, связанные с ними отряды совинтеллигенции). Во-первых, это та часть советского истеблишмента, которая была заря-жена на мировую революцию и представители которой считали Сталина предателем дела мировой революции или, как минимум, уклонистом от неё. Речь идёт о левых глобалистах-коминтерновцах, для которых Россия, СССР были лишь плацдармом для мировой ре-волюции. Им, естественно, не

▲ Иван Грозный

могли понравиться ни «социализм в одной, отдельно взя-той стране» (т.е. возрождение «империи» в «красном варианте»), ни обращение к русским национальным традициям, на которые они привыкли смотреть свысока, ни отмену в 1936 г. празднования 7 ноября как Первого дня мировой революции, ни появление в том же 1936 г. термина «советский патриотизм», ни многое другое. Показательно, что уже в сере-дине 1920-х годов Г. Зиновьев, «третий Гришка» российской истории (знали бы те, кто нумеровал, каким ничтожеством по сравнению даже с третьим окажется четвёртый), аргументировал необходимость снятия Сталина с должности генсека тем, что того «не любят в Коминтерне», а одним из главных критиков Сталина в 1930-е годы был высокопоставлен-ный коминтерновский функционер О. Пятницкий.

Вторую группу сталиноненавистников можно условно назвать «советскими либералами». Что такое «либерал по-советски»? Разумеется, это не либерал в классическом смысле, да и вообще не либерал – даже низэ-э-энько-низэ-э-энько не либерал. Советский номенкла-турный либерал – занятный штемп: это чиновник, который стремился потреблять больше, чем ему положено по жёстким правилам советско-номенклатурной ранжированно-иерархической системы потребления, а потому готовый менять власть на материальные блага, стремящийся чаще выезжать на Запад и сквозь пальцы глядящий на теневую экономику, с которой он всё больше сливается в социальном экстазе.

В наши дни это называется коррупция, но к совсистеме этот термин едва ли применим: коррупция есть использование публичной сферы в частных целях и интересах. В том-то и дело, однако, что в совреальности не было юридически зафиксированного различия меж-ду этими сферами, поскольку не было частной сферы – «всё вокруг колхозное, всё вокруг моё». Речь вместо коррупции должна идти о подрыве системы, который до поры – до времени (до середины 1970-х годов, когда в страну хлынули неучтённые нефтяные доллары) носил количественный характер. Таким образом, правильнее говорить о деформации системы. Вот эти деформаторы и ненавидели Сталина больше всего, поскольку но-менклатурное и около-номенклатурное ворьё понимало, что при его или сходных поряд-ках возмездия не избежать; поэтому так опасалось прихода к власти неосталиниста А. Шелепина, поставило на Л. Брежнева – и не проиграло. Именно при «герое Малой земли» возрос теневой СССР-2 (не теневая экономика, а именно теневой СССР, связанный как со своей теневой экономикой, так и с западным капиталом, его наднациональными структурами, западными спецслужбами), но тень при Брежневе знала своё место, выжи-дая до поры, а с середины 1970-х годов, готовясь к прыжку, а вот при Горбачёве она заня-ла место хозяина, уничтожив фасадный СССР-1.

Реальный СССР в начале 1980-х годов напоминал галактическую империю из азимов-ской «Академии» («Foundation») – благополучный фасад при изъеденных внутренностях. Только у СССР, в отличие от империи, не оказалось математика Селдена с его планом – у нас был «математик»-гешефтматик Б. Березовский и этим всё сказано. Но вернёмся к сталинофобии. Она довольно чётко кореллирует с потребленческими установками, с уста-

▲ Голосование по Хрущеву

новками на потребление как смысл жизни. Символично, что один из «ковёрных антисталинистов» заявил в телеэфире: национальную идею можете оставить себе, а мне дайте возможность потреблять. Может ли такой тип не ненавидеть Сталина и сталинизм? Не может. Сталинизм – это историческое творчество, установка на творчество как цель и смысл жизни, СССР был творческим, высокодуховным проектом, что признают даже те, кто Советскому Союзу явно не симпатизирует. Показательна в этом плане фраза, сказан-ная бывшим министром образования А. Фурсенко о том, что порок (sic!) советской школы заключался в том, что она стремилась воспитать человека-творца, тогда как задача эрэ-фовской школы – воспитать квалифицированного потребителя. Это, выходит, и есть на-циональная, а точнее, групповая идея, поскольку у потребителя и «потреблятства» нет национальности, главное – корыто, а кто его обеспечит, свои или чужие, дело десятое, главное, чтоб было куда хрюкальник воткнуть.

Символично также следующее. Тот самый персонаж, который требовал для себя «празд-ника потребления», высказывался и в том смысле, что если земли к востоку от Урала смо-жет освоить мировое правительство, то пусть оно и возьмёт их. Так потребленческая установка антисталинизма совпадает с глобалистской – это две стороны одной медали. Так прочерчивается линия от антисталинизма к смердяковщине, т.е. к русофобии. Социальный мир антисталинистов – это глобальный «скотный двор», главная цель которого – обеспечивать потребление под руководством и надзором мирового правительства. Ста-лин трижды срывал строительство такого мира на русской земле, именно за это его и ненавидят антисталинисты. Всё прозаично, разговоры же о свободе, демократии, «совет-ском тоталитаризме» бывших советских карьеристов и стукачей никого не могут обмануть.

Парадоксальным образом ими оказалась часть левых (условно: «троцкисты», левые глобалисты) и часть правых (условно: «бухаринцы»). В этом плане становится ясно, что «троцкистско-бухаринский блок» – это не нарушение здравого смысла, а диалектическая логи-ка, которую Сталин, отвечая на вопрос, как возможен лево-правый блок, сформулировал так: «Пойдёшь налево – придёшь направо. Пойдёшь направо – придёшь налево. Диалектика».

Страх позднесоветской номенклатуры перед Сталиным – это страх «теневого СССР» перед исходным проектом, страх паразита перед здоровым организмом, перед возмездием с его стороны, страх перед народом. После 1991 г. этот страх обрёл новое, откровенное, а не скрытое, классовое измерение, которое, как демонстрируют время от времени кампа-нии десталинизации, делает этот страх паническим, смертельным. ■

С. ГЕРАСИМОВА,
кандидат исторических наук

КАК К ЭТОМУ ОТНОСИТЬСЯ?

Сегодня много говорится о фальсификации истории II мировой войны. Чаще это относят к мнениям, высказанным за рубежом. Но и в нашей стране есть интерпретации некоторых событий войны, которые вызывают удивление и требуют оценки ученых.

В частности это относится к военным действиям в районе ржевско-вяземского выступа. Точка зрения советской, а затем российской военно-исторической науки состояла и состоит в том, что в 1942 г. на этом выступе в линии советско-германского фронта существовал хорошо укрепленный плацдарм вермахта, на котором находились в разное время от половины до 2/3 войск группы армий «Центр». Города Ржев, Сычевка, Белый, Гжатск и другие, расположенные на территории выступа, в течение длительного времени были немецкими опорными пунктами, которые войска вермахта использовали для удержания удобного для них плацдарма на московском направлении. Советское командование считало наличие крупной группировки войск противника у стен столицы опасным, опасаясь повторения наступления на Москву. Для ликвидации вражеского плацдарма и нанесения поражения группе армий «Центр» войска Красной Армии провели здесь последовательно одну за другой четыре

крупные наступательные операции, в каждой из которых участвовали войска не менее чем двух, а иногда и более фронтов. В феврале-марте 1943 г. командование вермахта вывело немецкие войска с территории ржевско-вяземского выступа. Военные действия на этом участке фронта сопровождались большими людскими и материальными потерями обеих воюющих сторон.

Казалось бы, эту историческую ситуацию уже можно рассматривать как аксиому. В то же время ряд документов, публикаций в СМИ разного уровня, появившихся в последнее двадцатилетие, состоявшихся в этот период мероприятий описывают или заставляют рассматривать её по-другому, переворачивая общую её оценку «с ног на голову».

Основным в этом ряду является указ о присвоении городу Ржеву звания «Город воинской славы», опубликованный в 2007 г. В нем говорится, что звание городу присвоено «за мужество, стойкость и массовый героизм, проявленные защитниками города…» [подчеркнуто мною – *С.Г.*]. Если вспомнить, что город в октябре 1941 г. был оставлен без боев, а затем в течение 14 месяцев его удерживали, т.е. обороняли солдаты вермахта, то данный текст вызывает недоумение. Вне всякого сомнения, человек, подписавший указ, меньше всего стремился героизировать солдат вермахта, но в свете реальной истории по-другому данный текст рассматривать нельзя. На удивление ржевитян текстом указа при его вручении был получен ответ: звание присваивается и другим городам, поэтому одно звание – общий текст.

В свете этого документа отдельные высказывания чиновников высокого ранга, некоторых ученых, ряд мероприятий уже менее удивительны и в какой-то степени объяснимы. Назовем лишь некоторые. 5 марта 2013 г., освещая празднование 70-летия освобождения Ржева, газета «Тверская жизнь» утверждала: «Это был наш Сталинград» и приводила слова главы региона, сказанные на открытии выставки в Центральном музее Великой Отечественной войны на Поклонной Горе в Москве: «Безусловный долг нынешних поколений – быть достойными продолжателями подвига и героизма всех защитников Ржевско-Вяземского плацдарма». В 2015 г. в музее на Поклонной Горе проходила научно-практическая конференция «Солдаты Красной Армии выстояли под Ржевом». Во время работы конференции над сценой висел баннер с этими словами. В 2016 г. в том же музее на открытии выставки «Память и время», посвященной 800-летию города Ржева, один из ведущих военных историков страны, говоря о ржевитянах, сказал, что они, «выходя из своих домишек, помогали защитникам города», имея ввиду советских солдат. Справедливости ради, следует сказать, что похожие высказывания были и раньше. Так, Ржев уже не один раз называли Сталинградом, а говоря о значении Ржевской битвы, утверждалось, что она спасла столицу России – Москву. Один из архитектурных элементов мемориального комплекса, открытого в Ржеве в 2005 г., – имитация части кремлевской стены – «символизирует, что солдаты у

Ржева отстаивали столицу и не допустили второго наступления гитлеровцев на Москву». На памятном знаке, установленном в 2013 г. на трассе «Балтия» у выезда из Ржева воины 29-й армии, которой в январе 1942 г. было приказано освободить Ржев, названы «защитниками Ржева».

Эти документы, мероприятия, высказывания не имели бы особого значения, если бы происходили на региональном уровне. Мало ли что говорят в провинции о значении событий своей истории! Но приведенные факты случились в Центральном музее Великой Отечественной войны на Поклонной Горе в Москве во время проведения научных конференций или на открытии выставок. Высказанная в этом музее точка зрения в провинции рассматривается как определяющая, к тому же она массово тиражируется в региональных СМИ и различных изданиях, а памятники видят тысячи людей. Все это формирует исторические представления, противоположные реальным. Но можно ли критиковать государственных чиновников, государственные учреждения, СМИ, если они просто повторяют то, что написано в государственном документе федерального уровня? Неоднократные обращения в соответствующие государственные структуры по поводу странной ситуации, зафиксированной в указе о присвоении городу Ржеву почетного звания, возвращались в регион, местные чиновники выражали обратившимся благодарность «за активную жизненную позицию», но ситуация не менялась.

Сегодня в центре города Ржева стоит стела с текстом указа о присвоении ему почетного звания. Результат налицо: большинство молодых жителей города, его гости, участники «научных» конференций убеждены, что город Ржев защищали советские солдаты. Данное письмо появилось после рассказа в июне этого года одного доктора исторических наук о находках на «местах героической обороны Ржева».

Уж если ученые-историки заговорили об обороне Ржева советским солдатами в годы Великой Отечественной войны, осталось последнее: обратиться к научному историческому сообществу с вопросом: как относиться к данной ситуации:

- как к свидетельству массовой исторической безграмотности общества сверху донизу;
- как к фальсификации истории с определенными идеологическими целями;
- как к целенаправленному искажению исторических фактов с целью убедить массы в соответствии реальной истории тексту высокого государственного документа;
- как к процессу создания очередного исторического мифа;
- как к свидетельству главенства бюрократизма над фактами реальной истории, что довело ситуацию до абсурда;
- как к ...? Варианты возможны.

Для автора данного письма оценка ситуации с моральной точки зрения ясна: налицо очередное предательство по отношению к тем, кто «убит под Ржевом»: в советское время о них многие десятилетия молчали, а в наши дни перепутали с противником.

Российское военно-историческое общество запланировало в Ржевском районе создание большого мемориала. Интересно, память кого он будет увековечивать: «защитников» Ржева или его освободителей? ■

АЛЕКСАНДР КАМЧАТОВ

НАБЕГИ КРЫМСКИХ ТАТАР НА РУССКИЕ ЗЕМЛИ

Крымское ханство – государство, возникшее в XV веке, занимало Крымский полуостров и земли на север и восток от него, не имея здесь определенных границ. Состав населения был самым пестрым: оно постоянно перемещивалось, видоизменялось и менялось. Прилив сюда тюрских народностей начинается не позже первой половины XIII века, с нашествием монголо-татар; если не считать еще ранее пришедших в Крым хазар. Кочевники проникали туда морем и через Крымский перешеек. Турки-сельджуки шли первым путем, прочие кочевые племена, среди них и татары – вторым. Турецкая иммиграция носила сначала частичный характер, но при золотоордынском хане Берке, принявшем ислам, большая группа турок-сельджуков пришла в Европу и, с разрешения византийского императора, поселилась сначала в Добрудже (Болгария), а во второй половине XIII века вынуждена была во главе с Сары-Салтыком переселиться в Крым. Хан Берке дал турецкому султану Изз-эд-Дину в удел город Судак. Турки поселились по южному берегу Крыма, где жили также и христиане, преимущественно генуэзцы, центрами которых были Судак и Кафа. Сыновья Изз-эд-Дина после смерти отца вернулись в Малую Азию. Татары жили внутри и на севере полуострова.

История Крымского ханства до появления династии Гиреев находилась в тесной связи с историей Золотой Орды. Крым считался владением ханов, но резиденцией их никогда не был. Лишь хан Узбек жил там некоторое время. Для других ханов Крым служил временным убежищем в случае дворцовых переворотов; здесь же находили приют татарские узурпаторы и авантюристы. Ордынские татары нередко совершали набеги и грабили полуостров. В конце XIII века, в царствование хана Телебуги, выдвинулся хан Ногай. Убив Телебугу и разбив войска его племянника Тохту, Ногай послал своего внука Актаджи в Крым собирать подати, но жители полуострова напали на него и убили. Ногай жестоко им отомстил, вторгшись в Крым с большим войском: разграбил города, вырезал множество жителей, других продал в рабство, пощадив лишь своих приверженцев. В правление Узбека Крым нередко страдал от полчищ татарских беков и мурз (таких как, Толак-Темир и Кара-Булат).

Первым официально признанным владетелем в Крыму и основателем крымского юрта считается Орам-Тимур, получивший удел от своего дяди, хана Менгу-Тимура. Это произошло во второй половине XIII века. Некоторые историки полагают, что крымский юрт возник еще раньше, с проникновением в Крым татар Бату-хана. В силу разного рода причин из среды тюркской и татарской знати Крыма, называемой себя эмирами, беями (беками), затем мурзами, выдвигаются временщики, которые, смотря по обстоятельствам, пользовались то благоволением ханов, то поддержкой эмиров. Первый из них был упоминавшийся Ногай, впоследствии появляются Джубан, Мамай, Едигей и др. Ордынские междоусо-

бицы всегда отражались на Крыме. Ногай стремился основать новое государство, ядром которого должен был стать Крым. Часть беев, помогавших Ногаю, впоследствии изменила ему и перешла на сторону Тохты. Ногай был вскоре убит каким-то русским, служившим в войсках Тохты. После этого Крым остался на положении удела Золотой Орды. Пост наместника занял Толук-Тимур, один из приверженцев Тохты в его борьбе против Ногая. Он продержался и все правление Узбека.

После смерти последнего в Орде опять начались смуты, во время которых престол занял один из его сыновей – Джанибек. Смуты ослабили ханскую власть в Крыму. Джанибек после неудачной попытки овладеть в 1347 году Кафой заключил с генуэзцами союз, сделав им существенные уступки. Правление Бердибека, сына и наследника Джанибека, явилось финалом золотоордынской монархии.

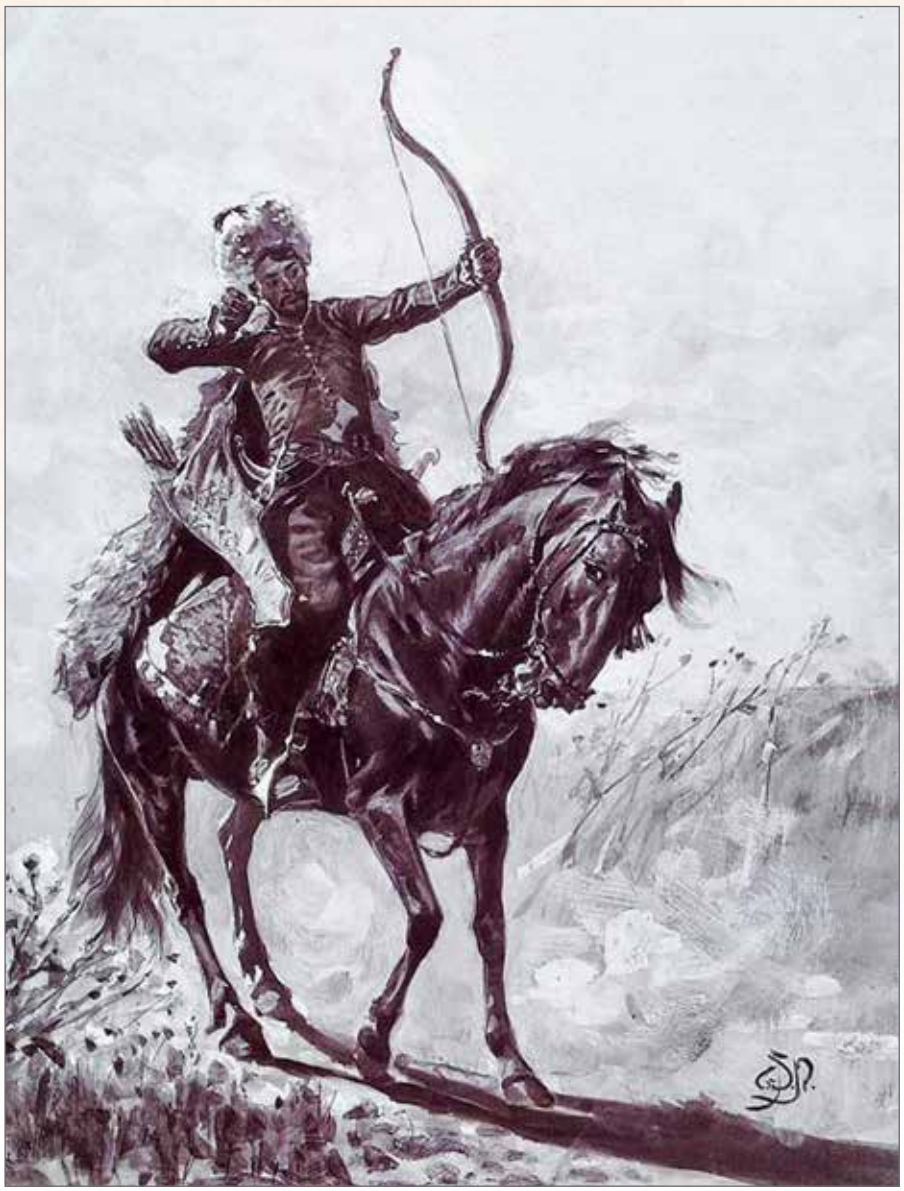
После его смерти эмиры, правившие в отдельных провинциях полуострова, стали претендовать на самостоятельность.

Эмир (от арабского – повелитель) – в мусульманских странах военачальник, правитель, князь. В Золотой Орде, а затем в Средней Азии и Иране после монгольского завоевания эмирами стали называть глав монгольских и тюрских племенных объединений – улусов (в том же значении, что бег, или бек, или нойон). Этот титул носил Тимур (Тамерлан), принцев тимуридской династии стали называть эмир-заде (сын эмира), откуда сокращенное мирза, а затем – мурза.

Один из эмиров, Мамай, вступил в Крым, объявил ханом одного из сыновей Узбека и двинулся на Сарай. Случилось это около 1374-1375 года. После поражения в Куликовской битве 1380 года Мамай бежал именно в Крым, в Кафу, где и был убит. На ордынском престоле в это время оказался Тохтамыш, достигший власти с помощью Тимура. Последний вскоре согнал его с престола и занял его сам. Подобно ханам менялись и их наместники в Крыму. За Толук-Тимуром следовал Мелик-Темир, затем Зейн-Эд-Дин Рамазан и после него энергичный Тимур-Кутлук. Он служил сначала под началом Тимура, а затем около 1391 года взял правление Крымом в свои руки. В 1398 году литовцы Витовта заставили его бежать из Крыма, но в том же году он стал ханом Золотой Орды, а еще через год подверг страшному разгрому на реке Ворскла объединенное войско Витовта и Тохтамыша. Затем в Орде ханы стали вновь меняться с такой быстротой, что современники не успевали запоминать их имена. Крымские наместники менялись с такой же скоростью.

Лишь в XV веке, с утверждением в Крыму династии Гиреев, меняется характер истории крымского юрта.

Гиреи – династия крымских ханов XV-XVIII веков, основанная Хаджи-Гиреем, появившимся в Крыму в 1447 году в качестве претендента на ханский престол. С 1449 года Крымское ханство стало независимым от Золотой Орды. При сыне Хаджи-Гирея, хане Менгли-Гирее, ханство в 1475 году стало вассалом Османской империи. В XVI-XVII веках Гиреи были организаторами грабительских набегов на русские, южнорусские, польские, литовские и молдавские земли. С присоединением Крыма к России в 1783 году последний крымский хан, Шагин-Гирей, отрекся от престола.



▲ Татарский лучник

▲ Хаджи-Гирей

Первый хан из этой династии Хаджи-Гирей, которого называли то Девлет-Берды, то Ази-Гиреем, его деятельность была направлена, главным образом, на утверждение своей династии в Крыму. Он победил хана Золотой Орды; с польским королем Казимиром IV Ягеллончиком находился в дружественных отношениях, поддерживал довольно мирные отношения с русскими. Он старался обезопасить себя от турок-османов. Хаджи-Гирей перенес столицу в Бахчисарай. Умер он в 1466 году. Престол после длительной борьбы с братом Нур-Девлетом занял один из сыновей Хаджи-Гирея – Менгли-Гирей, правивший с 1468 по 1515 годы. За помощь, которую турки оказали ему в его борьбе за престол, Менгли-Гирею в 1478 году пришлось признать себя их вассалом. Он находился в дружественных отношениях с великим князем московским Иваном III Васильевичем. В конце жизни хан и его сыновья стали нападать на пограничные области Русского государства.

Нур-Девлет (летописный Нордоулат, Мердоулат или Удовлет) старший сын крымского хана Хаджи-Гирея. Получил престол после смерти отца, но, свергнутый с него младшим братом Менгли-Гиреем, бежал между 1478-1479 годами с другим братом – Айдаром – в Литву. Оттуда они через короткое время перебрались

Юрий ГАЛКИН

БИТВА ПРИ МОЛОДЯХ

Огромное войско Девлета Гирея,
Со всем авангардом спешит на Москву,
Среди степняков нету хана смелее,
В Москве ж только – только «уняли» чуму.
Османы, ногайцы, татары с мурзами,
Подарок султана в лице янычар,
В Ливонской войне неудачи за нами,
«И этот последний по русским удар».
«Стекались» казаки к Муравскому шляху,
Земской и опричник спешил на войну,
Давно не видали такого размаха,
Ни в наших пределах, ни в ихнем Крыму.
Шлёт князь Воротынский гонцов по уделам:
«Послужим же братья родному царю»,
Бердыш и пищаль, – у иных самострелы,
«Здесь ляжем костями в грядущем бою».
«Уже разметал зад орды Хворостинин»,
Гирей развернулся войсками назад,
Спускался закат фиолетово-синий, -
По первым убитым живые скорбят.
Стоит на позиции князь-воевода,
Дородный кремень, и бесстрашный солдат,
«Зависит вся жизнь от итога похода,
Державе конец, коль враги победят».
При Молодях штурм, завизжали татары,
Пальба, дымный порох, и спешенный строй,
И справа, и слева пылают пожары,
Сошлись наши предки с Ногайской ордой.
Рубились стрельцы, встав за общее дело,
Друг к другу плечом, и ни шагу назад,
Орда исполином им в лица ревела,
Но выведен в тыл их, опричный отряд!
Рубя Гуляй-город, как лес дровосеки,
Волной нарастая, и схлынув в откат,
Враги натыкались на наши «засеки»,
На сталь бердышей, и на ядреный град.
Бойцы отбивают за приступом приступ,
Огромны потери под лязг топоров,
Отряд янычар между «крымцами» втиснут,
Здесь бой беспощадный, особо суров.
На конных татар наскочили казаки,
Предсмертные стоны, и ржанье коней,
Настал «часопик» генеральной атаки,
Сломить оборону мечтает Гирей.
Удар с двух сторон, и окончена бойня –
Девлет, хан без войска, и степь без коней,
А эхо той битвы гудит и сегодня,
Под гулкими сводами наших церквей.

▲ Девлет-Гирей

▲ Ахмат-Гирей хромой

▲ Менгли-Гирей

в Москву, поступив на службу к великому князю московскому Ивану III Васильевичу. Во время «стояния на Угре» в 1480 году вместе с князем В.И. Ноздроватым-Звенигородским Нур-Девлет совершил набег на владения хана Ахмата и разорил почти весь его юрт. «Казанский летописец» в связи с этим сообщает о решении великого князя «низовые воинства с ханом Удовлетом да со князем Василием Звенигородским послати наспех плавное на град Болгары, зане тамо людей мало, и тако учиниша...» В 1486 году Иван III Васильевич дал Нур-Девлету в держание Городец на Волге (Касимов), превратив его таким образом в касимовского царевича. Сын Ахмата, хан Большой Орды Муртаза, пытался сделать Нур-Девлета яблоком раздора между Крымом и Москвой, но Иван III Васильевич разгадал эту уловку, и из затеи хана ничего не вышло. Умер Нур-Девлет около 1491 года, оставив троих сыновей: Бир-Девлета, Сатылгана и Джаная.

«Казанский летописец» – это неизвестный автор, проведший в татарском плену двадцать лет. Им была составлена историческая повесть о Казанском царстве с основания его булгарами волжско-камскими и до присоединения к России в 1552 году. Эта историческая повесть составлена в 1564-1566 годах. Автор использовал для ее написания татарские предания, письменные источники и личные впечатления. Повесть сохранилась во многих списках, и является ценным источником по истории Казанского ханства и Русского государства до середины XVI века.

В правление Менгли-Гирея происходит окончательное отделение Крымского ханства от Золотой Орды, но с 1475 года отдельные его области (Белгородская орда в низовьях Днестра и Азов) попадают в вассальную зависимость от Турции. Претензии ханов Большой Орды, считавших себя претендентами золотоордынских ханов, а Крым своим уделом, привели к борьбе между ними и Менгли-Гиреем. Хан Большой Орды Ахмат вторгся в Крым, Менгли-Гирей потерял на некоторое время ханский престол, но затем вернул его с помощью турок. Укреплению его власти помогли союзнические отношения с Москвой, а великий князь московский Иван III Васильевич использовал крымцев в борьбе за освобождение Руси от татаро-монгольского ига. В 1480 году Менгли-Гирей организовал набег на владения Польско-Литовского государства, что помешало королю Казимиру IV Ягеллончику оказать помощь Ахмату, организовавшему поход на Русь («стояние на Угре»). После 1480 года Менгли-Гирей продолжал борьбу с Большой Ордой и в 1502 году окончательно разгромил ее. Он также вел войны с Польшей, участвовал в войне Турции против Молдавии.

После уничтожения крымцами Большой Орды, и особенно уже после смерти в 1505 году великого князя всея Руси Ивана III Васильевича, стали ослабевать союзнические отношения между Москвой и Крымом. И хотя Россия, не завершившая, до сей поры борьбу с Литвой за Смоленск и другие западно-русские земли, была заинтересована в сохранении союза с Крымом, последнему такой союз уже был не нужен. К 1507 году определилось принципиальное изменение политического курса Крымского ханства, и на долгие годы оно стало самым серьезным и беспокойным врагом Русского государства.

* * *

В первое время после вступления на престол Василия III Ивановича между Москвой и Крымом поддерживались внешне нормальные дипломатические отношения. Но, уже в 1507 году Менгли-Гирей заключил союз с Литвой, что послужило предлогом для последней начать военные действия против Рос-

сии. В это время крымский хан счел себя достаточно сильным, чтобы выдать 2 июля 1507 года польскому королю и великому князю литовскому Сигизмунду I ярлык на управление многими русскими городами. Этим документом Крымское ханство фактически объявило себя преемником Золотой Орды, осуществляющим верховную власть над обширными русскими территориями. Требуя от короля даней и «службы», Менгли-Гирей, ничтоже сумняшеся, «давал ему в первую очередь древнерусские города, которыми король владел уже давно: Киев, Владимир-Волынский, Луцк, Каменец, Смоленск «с землями и с водами», а также берега Днепра «до устья». Кроме того, хан «давал ему десятки городов, находившихся в пределах России «с землями и водами». В числе таких городов были Чернигов, Путивль, Брянск, Стародуб, Рыльск, Мценск, Козельск, Тула, Пронск. В дополнение Менгли-Гирей дал Сигизмунду еще «Псков и Великий Новгород, и Рязань, и Переяславль».

В соответствии с договором между Менгли-Гиреем и Сигизмундом (подкрепленным большими «поминками», присланными из Литвы хану, его вельможам и родственникам) Менгли-Гирей послал на южную «украйну» Московского государства сильный отряд конницы во главе со своим старшим сыном, Мухаммед-Гиреем, который в конце июля опустошил пограничные с Полем русские города и селения. Согласно Никоновской летописи, «того же лета приде весть к великому князю Василию Ивановичу всея Русии, что идут многие люди татарове на Поле, а чают их прихода на украйну, на Белеву, и на Белевские места, и на Одоевские, и на Козельские».

▲ Иван III Васильевич

Посланные из Москвы с войском, воеводы князья И. И. Холмский и К. Ф. Ушатый, прийдя в Воротынск, узнали, что татары, «имав на украйне много полону, и прочь пошли». Еще одно нападение татар вскоре после этого закончилось не столь успешно для крымцев: русские нагнали степняков в верховьях Оки, отбили у них весь полон и преследовали татар «до речки до Рыбницы», справа впадающей в Оку южнее современного города Орел. У взятых в плен степняков воеводы узнали, что набег крымских татар возглавлял «Зяньсеит-мурза, Янкуватов сын».

В то лето, согласно договору между татарами и литовцами, Менгли-Гирей должен был нанести удар по «рязанской украйне». Проводником у татар являлся литовский дворянин из русских Я. Ивашенцев. В пути Мухаммед-Гирей получил вдруг известие, что враждебные Крыму ногайцы готовятся напасть на крымское войско, когда оно, отягощенное русской добычей, будет возвращаться. Царевич решил изменить маршрут движения и двинулся на восток, против Ногайской орды. Согласно русским источникам, Мухаммед-Гирей «пошел был на государя нашего украйну на Рязанскую со многими людьми да поворотил на Нагаи». Менгли-Гирей писал тогда Сигизмунду, что его люди вынуждены были повернуть против ногайцев и «казнить» их, поэтому, мол, удар по России не был таким сокрушающим. Хан тут же пообещал Сигизмунду послать против Москвы новое войско зимой 1507-1508 года,

▲ Бахчисарай

а летом сам «сесть на конь», однако этот поход не состоялся.

В своих отношениях с Литвой и Россией Менгли-Гирей руководствовался, прежде всего, своими интересами, а русско-литовские противоречия устраивали его, поскольку он, смотря по обстоятельствам, мог нападать на русские или литовские земли, получая еще при этом и богатые «поминки» и с той, и с другой стороны.

Термин «поминки» (иначе поминок, упоминок) в XV-XVII веках имел два значения: 1) подарки, посылавшиеся московским правительством татарским ханам с целью предотвращения набегов их орд на русские земли. 2) название одной из пошлин в пользу чиновников и феодалов на Руси.

Судя по упомянутому ярлыку и прочим документам Крымского ханства той поры, Менгли-Гирей считал Поле и прилегающие к нему территории своими владениями, которыми он мог распоряжаться по своему усмотрению.

В 1508-1511 годах крымские татары не нападали на русскую «украйну». Менгли-Гирей в эти годы поддерживал внешне нормальные отношения с Москвой, с одной стороны, пытаясь подчинить своему влиянию Казань, Астрахань и ногайских татар, а с другой, выжидая момент, когда обострятся русско-литовские отношения. Кроме того, в 1510-1511 годах мирные отношения Крыма и России были связаны также с поездкой в Москву и Казань одной из жен Менгли-Гирея – «царицы» Нур-Салтан.

Нур-Салтан – влиятельная казанская и крымская ханша, бывшая в 3-м браке за крымским ханом Менгли-Гиреем. Она была дочерью бека Тимура из ордынского рода Мангыт. Родилась около 1447 года. Была выдана за казанского хана Халиля, а после смерти последнего вышла в 1467 году замуж за казанского хана Ибрагима, родив ему двоих сыновей: Мухаммед-Эмина и Абдул-Латифа. Женитьба Ибрагима на невестке была совершена по праву левирата, то есть обычаю, согласно которому вдова была обязана (или имела право) выйти замуж за брата своего умершего мужа, что у многих народов считалось целесообразным в интересах воспитания сирот и сохранения имущественного единства рода. А в среде восточных монархов, в том числе и казанских ханов, обычай левирата давал возможность обеспечить преемственность после умершего (или свергнутого) брата или укрепить политический союз между родственными династиями. Видимо к этому стремился и Менгли-Гирей, женившийся в 1487 году на вновь овдовевшей Нур-Салтан, от которой у него было двое сыновей: Мухаммед-Гирей и Сахиб-Гирей.

Ради своих старших сыновей, оказавшихся на Руси в большой зависимости от великого князя московского Ивана III Васильевича, а затем Василия III Ивановича, Нур-Салтан проявила активную заинтересованность в налаживании мирных отношений с Русским государством, вела переписку с этими государями. В 1510 году она решила приехать в Москву, чтобы навестить своих сыновей. 21 июля из Крыма в Москву вернулось посольство В. Г. Морозова. Вместе с ним приехали Нур-Салтан и ее младший сын от 3-го брака – Са-

хиб-Гирей. Они с большим почетом были приняты Василием III Ивановичем, который позволил ханше через месяц (20 августа) отправиться в Казань к Мухаммед-Эмину. Туда ее сопровождали великокняжеский гонец, дьяк И. Кобяк, и боярин князь М. Д. Щенятев.

В Казани ханша пробыла почти год и возвратилась в Москву 22 июня 1511 года. В сопровождении окольничего М. В. Тучкова она отбыла в Крым 5 декабря, уверив Василия III Ивановича в глубокой преданности ему своих сыновей и Менгли-Гирея. В течение этих полутора лет (как сказано выше) ни один отряд крымских татар не потревожил границ Русского государства. Умерла Нур-Салтан около 1520 года.

* * *

Татарские набеги возобновились в 1512 году. Сигизмунду в преддверии очередной русско-литовской войны удалось заключить союз с Крымом. Престарелый Менгли-Гирей постепенно утрачивал полноту власти и терял контроль над действиями своих многочисленных сыновей. Однако это не означало, что он запрещал им планировать и осуществлять набеги на русские территории, наносившие большой урон

▲ Василий III Иванович

Московскому государству.

После взятия русскими летом 1514 года Смоленска, Менгли-Гирей в конце этого года подписал послание-ультиматум Василию III Ивановичу, считая себя преемником Золотой Орды («великим царем Великой Орды») и на этом основании утверждая, что верховным владельцем Смоленска является он, Менгли-Гирей, что «мы, пожаловав, дали Смоленский юрт» королю Сигизмунду, а потому Василий III Иванович, дескать, никакого права не имел без его ведома захватывать и присоединять Смоленск к своим владениям. Далее Менгли-Гирей требовал передать ему восемь русских городов: Брянск, Карачев, Новгород-Северский, Почеп, Путивль, Радогощь, Рыльск и Стародуб, утверждая, что «те писаные восьм городов из старины наши были, а отцу твоему великому князю Ивану мы их дали». Еще 35 русских городов, по словам Менгли-Гирея, «из старины деда нашего были», и Иван Великий, мол, ежегодно посылал в Крым дань, взятую с них. Сейчас он, хан, эти 35 городов не требует, но упомянутые восемь городов необходимо ему вернуть, иначе он возьмет их силой. В подтверждение серьезности своих намерений Менгли-Гирей, не дожидаясь ответа, послал к русской границе «сына своего Магмет-Гирея со многою ратью». Однако хан переоценил свои силы, поскольку ни одного из перечисленных городов зимой 1514-1515 года Мухаммед-Гирею так и не удалось взять.

В 1492 году на месте существовавшего некогда греческого укрепленного поселения, а затем польской крепости Дашев Менгли-Гирей основал татарскую крепость Кара-Кермен (Черная крепость), которая

▲ Невольничий рынок в Крыму

вскоре перешла к туркам и была переименована в Очаков. Крепость стала опорным пунктом турецких владений на Черноморском побережье и крупным торговым центром.

В 1516 году запорожские казаки под командой гетмана Предслава Лянцкоронского ходили к турецкому городу крепости Аккерман (современный Белгород-Днестровский), захватили там множество лошадей, рогатого скота и овец, но на обратном пути были настигнуты татарами и турками у озера Овидово под Очаковым. В кровавой сече казаки разбили наголову неприятеля и возвратились домой с большой добычей. В 1528 году казаки вновь во главе с Лянцкоронским, и бывшим в ту пору хмельницким старостой Евстафием (Остапом) Дашковичем, черкасским старостой, а также винницким и браславским старостами принимали участие в походе под Очаков. На этот раз казаки трижды разбили татар и взяли добычу, состоявшую из 500 коней и 30 тысяч голов скота. В 1547 году казаки под началом барского старосты Бернарда Претвица до самого Очакова преследовали татар, совершивших

▲ Предслав Ляндскоронский

набег на польские владения возле Винницы, захвативших в плен много православных людей. Поскольку татары успели отправить в Кафу полон, казаки «отомстили» им, захватив в окрестностях Очакова многочисленный полон из татар и турок, и благополучно вернулись домой. В 1556 году запорожские казаки во главе с атаманами Млынским и М. Еськовичем (Миской) вместе с русским отрядом под командованием головы Ржевского-Дьяка спустились вниз по Днепру и причинили много бед татарам и туркам под Ислам-Керменем, Очаковым и Волам-Керменем. В 1586 году запорожские казаки взяли Очаков и разграбили его.

В 1594 году, подписав договор с императором Священной Римской империи Рудольфом II о борьбе с турками, казаки начали военные действия против их союзника – крымских татар. Узнав, что крымский хан Казы-Гирей собирается в поход на Венгрию и хочет переправиться через Днепр у Очакова, они отправились во главе со своими атаманами туда же, намереваясь помешать их переправе. Однако, прибыв на место, запорожцы обнаружили у Очакова большие силы татар и турок, Несмотря на значительный численный перевес врага, запорожцы дважды атаковали неприятеля, ожесточенно бились с ним, и, захватив в плен знатного татарского бея, вынуждены были отступить. В 1595 году к польскому королю Сигизмунду III Вазе

▲ Невольничий рынок в Каффе

обратился с письмом вождь казаков Северин Наливайко. Он предлагал королю отвести казакам для поселения пустынные степи в междуречье Южного Буга и Днепра, на путях татарских набегов на южные области Польши, между городами Тягиня и Очаков. Кроме того, он просил разрешить строительство на этой территории особого города – крепости, который стал бы центром всего казачества. Прошение Наливайко осталось без ответа.

* * *

Чтобы обезопасить свой род в дальнейшем от посягательств прочих родичей на престол и установить преемственность ханской власти от отца к сыну, ослабить значение родового обычая, при котором ханская власть переходила в руки старшего в роде, второй хан из клана Гиреев – Менгли-Гирей ввел звание калги или вице-хана, на которого переносились права наследника престола. Он назначил калгой своего сына Мухаммед-Гирея. Менгли-Гирей в 1515 году умер, оставив семерых сыновей: Мухаммед-Гирея, Фатых (Фатх)-Гирея, Ахмат-Гирея Хромого, Сахиб-Гирея, Бурнаш-Гирея, Мубарек-Гирея и Сеадет-Гирея.

В 1512 году Ахмат-Гирей Хромой с братом Бурнаш-Гиреем по приказу отца, подкупленного Литвой, ворвались в русские пределы и стали грабить и разорять окрестности Белева и Одоева, но, услышав о подходе хорошо известного татарам московского воеводы князя Д. В. Патрикеева-Щени, бежали в Поле. Через некоторое время Ахмат-Гирей Хромой напал на рязанскую землю, но встретив там мощный отпор, ушел в Степь. Московские воеводы гнали его до реки Тихая Сосна. После смерти отца (хана Менгли-Гирея) в 1515 году был объявлен калгой и стал искать покровительства у Василия III Ивановича, надеясь на всякий случай приготовить себе убежище на Руси. Владея Очаковым, нападал на литовские границы и писал Василию III: «Не думая ни о чем ином, возьми для меня Киев, а я помогу

▲ Мухаммед-Гирей

тебе завоевать всю Литву». Еще в декабре 1516 года московский великий князь сообщал Ахмат-Гирею Хромому, что готов пожаловать его Мещерским Городцом (Касимовым), если бы крымский царевич согласился выехать на Русь. Ахмат-Гирей Хромой был убит в марте 1519 года племянником Алп-Гиреем (сыном хана Мухаммед-Гирея), заступившим на его место. Ахмат-Гирей Хромой оставил двоих сыновей Уметь-Гирея и Бучак-Гирея.

После смерти Менгли-Гирея его трон занял старший сын калга (вице-хан) Мухаммед-Гирей. Еще при жизни отца он занял резко враждебную позицию по отношению к Русскому государству. В 1507 году во главе большого войска совершил набег на южные области Русского государства. Участвовал в набегах 1512, 1513 и 1515 годов, произведя страшные опустошения в рязанской, тульской и калужской землях.

Вступив на престол в 1515 году, Мухаммед-Гирей потребовал от русского правительства передачи Крыму восьми русских городов: Брянска, Новгорода-Северского и др. (тех, которые требовал еще его отец), а своему союзнику, польскому королю Сигизмунду I Старому – Смоленска. В 1516-1517 годах принял участие в организации новых набегов на Русь. Усиление влияния в Крыму сторонников русских мурзы Аппака привело к кратковременному русско-крымскому союзу. В 1520 году Мухаммед-Гирей заключил с Сигизмундом антирусский договор, в 1521 году организовал заговор в Казани против хана Шейх-Али – ставленника Москвы и помог стать ханом своему брату – Сахиб-Гирею. В том же году возглавил нашествие крымских и казанских татар на Москву. Его войска остановились всего в 60 верстах к югу от русской столицы, и ушли обратно в Поле с огромным полоном, услышав о приближении русских полков. В декабре 1522 года совершил вместе с ногайцами поход на Астрахань, во время которого, в начале января 1523 года, он был убит мурзой Агишем. Мухаммед-Гирей оставил четырех сыновей: Бахадура, Ислам-Гирея, Казы-Гирея и Алп-Гирея.

На его место был назначен Сеадет (Сечадер)-Гирей, которому пришлось вести упорную борьбу с сыном Мухаммед-Гирея Ислам-Гиреем, который восстал, и после нескольких лет упорной борьбы принудил Сечадер-Гирея отказаться от престола и вернуться в Османскую империю. Затем, Ислам-Гирей I предложил султану назначить нового хана (имея ввиду самого себя), но когда выбор Стамбула пал не на него, а на его дядю – Сахиб-Гирея, Ислам-Гирей I начал новую борьбу, провозгласил себя ханом и в этом качестве сносился с великим князем московским Василием III Ивановичем, а позже – с его сыном Иваном IV Васильевичем, добиваясь себе поминков (подарков) и предупреждая о замыслах и действиях Сахиб-Гирея. Тем не менее, в 1527-1528 году совершил нападение на южную границу Русского государства в районе Рязани и Тулы. Борьба Ислам-Гирея I с Сахиб-Гиреем продолжалась с переменным успехом до 1537 года, когда Ислам-Гирей I был умерщвлен убийцами, подосланными ногайцами, которые в то время симпатизировали Сахиб-Гирею. Потомства не оставил.

В 1551 году был убит и Сахиб-Гирей, вместо которого воцарился Девлет-Гирей.

Следует заметить, что после смерти Менгли-Гирея крымские ханы

назначались султаном из Стамбула и фактически являлись его наместниками.

Девлет-Гирей единственный сын крымского царевича Мубарек-Гирея. Взошел на престол в Бахчисарае в 1551 году. В правление своего предшественника Сахиб-Гирея жил в Стамбуле, где снискал расположение турецкого султана Сулеймана, вассалом которого оставался всю свою жизнь. Весьма искусно умел пользоваться благоприятными обстоятельствами и успел в значительной степени обеспечить себе самостоятельность. Так он помешал осуществлению задуманного турками плана соединения Волги и Дона каналом, что угрожало усилением турецкого влияния на Крым. Располагая значительными военными силами, Девлет-Гирей вел постоянные войны с соседями, преимущественно с Русским государством. В 1552 году он безуспешно пытался помешать походу русских войск на Казань.

* * *

В 1552 году перестроенная и укрепленная несколько десятков лет назад крепость Тулы доказала свою неприступность, выдержав одну из жесточайших осад в своей истории. Девлет-Гирей, полагая, что все силы Русского государства находятся под стенами Казани, с 30-тысячным отрядом вторгся в пределы России. Сначала он шел к Москве напрямик, через Рязань, но неожиданно повернул на Тулу и 21 июня 1552 года осадил ее. Тульский наместник Князь Г. И. Темкин-Ростовский тут же послал в Коломну известие о приходе татар. В это время царь Иван IV Васильевич находился в походе на Казань и на время остановился в Коломне. Получив весть о вторжении татар, он приказал части своего войска выступить из Коломны, а большому полку под командой боярина князя М. И. Воротынского и полку правой руки под командой боярина князя П. М. Щенятева, переправившись через Оку, идти на помощь Туле. 22 июня татары пошли на штурм крепости. Девлет-Гирей с основными силами подошел к городу с восточной стороны и начал стрелять раскаленными ядрами. Дубовые стены и дома в остроге загорелись, а турки-янычары, находившиеся в войске хана, полезли на стены. В Туле воинов было мало, так как почти все они отправились с царем в Казанский поход. Однако оставшиеся дрались мужественно и самоотверженно. Все, от мала до велика, женщины и дети, спасали крепость от огня, подносили горячую воду, смолу, бревна, боеприпасы, колья, камни – все, что годилось для отражения неприятеля. Бой на всех стенах продолжался восемь часов. Пушки со стен продолжали наносить большой урон осаждавшим. Лишь с наступлением темноты сражение прекратилось. Туляки остались на стенах, опасаясь ночного штурма. Многие то и дело поглядывали в сторону Щегловской засеки, надеясь на подмогу. С рассветом 23 июня на Каширской дороге показались клубы пыли. Сторожевые с башен сообщили о подходе русских полков. С воодушевлением защитники крепости стали готовиться к бою, но татары уже дрогнули, узнав о приближении большого войска русских, и побежали по дороге на Дедилов. Воевода князь Темкин-Ростовский сделал вылазку с удальцами и помчался вслед за отступающими в панике татарами. Трофеи были велики: пушки, порох, весь обоз, кони, верблюды и прочие запасы. Многие из бежавших татар погибли под русскими клинками, другие попали в плен.

После разгрома крымского хана Девлет-Гирея под Тулой вспомогательный отряд русских под командой бояр и воевод царя Ивана IV Васильевича – князей П. Щенятева и А. М. Курбского, двигаясь на юго-восток от Тулы, в район Дедилова, встретил 30-тысячное войско крымских татар, которые, видимо, только что вышли на берег реки Шиворона по Муравскому шляху в том месте, где она впадает в Упу. Русские насчитывали в своих рядах всего 15 тысяч воинов, но в ожесточенной схватке они наголову разбили татар. На исход битвы повлиял фактор неожиданности для татар и только что одержанная победа над ханом у стен Тулы. После этого сражения, чтобы защитить Тулу с юго-востока, на правом, высоком, берегу Шивороны в 1553 году в Дедилове поставили дубовый острог.

К царю в Старую Каширу отправили гонца с радостной вестью. Переночевав в Кашире и выслав в Тулу награды, Иван IV Васильевич вернулся в Коломну для продолжения похода. Пленных и отбитые трофеи

▲ Отбить у татар полон

он отослал в Москву, а русский полон хана распустили по домам.

Выполняя волю турецкого султана, Девлет-Гирей помимо нанесения прямого удара по Руси, старался вернуть под свое влияние Астрахань и не допустить включения Астраханского ханства в состав Русского государства. В то же время и царь Всея Руси Иван IV Грозный решил провести первый в истории борьбы с Крымом собственный удар непосредственно по Крымскому ханству. Оба военных похода – и русских и татар – начались почти одновременно и разрешились Судбищенской битвой.

В 1555 году Девлет-Гирей с 60 тысячным войском конных татар вторгся на Русь, пройдя весь путь по Муравскому шляху до Тулы. В марте месяце этого же года «приготовил царь и великий князь послати на крымские улусы воевод боярина Ивана Васильевича Шереметева с товарищи, а с ним детей боярских, московских городов выбор».

Дети боярские – один из разрядов служивых людей в русских удельных княжествах XIV-XV веков. Происхождение его понимается поразному. Дети боярские рассматриваются как потомки измельчавших и разорившихся бояр или боярских дружинников («дети» или «отроки» – в значении младшей дружины). В XVI веке «князья и дети боярские» – наиболее обычное общее обозначение служивых землевладельцев.

2 июня Шереметев с 13-тысячным отрядом конников, разделенным на три полка – большой, передовой и сторожевой, выступил из Белева, пошел на Чернь и далее на Ливны. Ему следовало войти в пределы Крымского ханства, к левому берегу Днепра, в район Мамай-луга, и совершить нападение «на стада на крымские». В отряде были стрельцы с ручными пищалями и «наряд» то есть артиллерия. Конкретной задачи перед воеводой не ставилось. Этот поход имел скорее стратегические цели, нежели тактические: надо было продемонстрировать хану возросшую силу Русского государства и поставить его в положение обороняющейся стороны.

▲ Пограничные сторожи

Пройдя за 20 дней около 500 верст, Шереметев достиг верховьев реки Коломак в пределах современной Харьковской области. Здесь, у старинных «валков» к нему должны были присоединиться дети боярские из Новгорода-Северского. Однако 22 июня к воеводе «прибежал Изюм-Курганский сторож» И. Григорьев и сообщил, что несколько десятков тысяч крымцев идут на Русь, что они уже переправляются через Северский Донец «под Изюм-Курганом, и под Совиным Бором, и под Болыклеем, и на Обышкине». Узнав о вторжении, Шереметев послал гонцом к царю И. Дарина, а сам от Донца Изюмской дорогой повернул обратно и возле Думчева кургана (в пределах современной Белгородской области) зашел в тыл к татарам, чтобы перекрыть им дорогу назад.

Позже Шереметев и 2-й воевода большого полка окольничий Л. А. Салтыков объясняли свой маневр следующим образом: «Чаяли его (хана) в войне застати; нечто станет воевати и розпустит войну, и воеводам было приходити на суволоку». Татары прошли Думчев курган за несколько дней до повторного появления здесь русских полков, которые продолжали двигаться по следам Девлет-Гирея. Приблизительно на рубеже современных Липецкой и Орловской областей шедший впереди полков достаточно крупный отряд во главе с головами Ш. Кобяковым и Г. Жолобовым настиг татарский обоз и уничтожил его походное охранение.

Русским досталась огромная добыча: во-первых, все заводные лошади татарского войска – около 60-тысяч голов; около 200 высоко ценившихся арабских скакунов; около 80 верблюдов с наиболее ценными грузами; множество телег с провиантом, снаряжением и прочими припасами. Кобяков и Жолобов отослали к Шереметеву 20 пленных татар, рассказавших воеводе о планах Девлет-Гирея. Из состава русского войска около 6 тысяч воинов отрядили для сопровождения добычи в сторону Мценска и рязанской границы. Из слов пленных стало ясно, что хан собирался пройти мимо Тулы к Кашире, там переправиться через Оку и дальше идти прямо на Москву. Шереметев с оставшимся 7-тысячным отрядом спешно пошел по сакмам татар, отправив еще одного гонца с новым донесением к царю. Сакма – колея, след колеса или полоза; тропа, путь, которым прошли пешие или конные люди.

Иван IV Васильевич, еще 28 июня получив известие от путивльских станичников о появлении у русских границ крупных сил татар, быстро собрав большую рать, выступил из Москвы к Оке. Девлет-Гирей, узнав уже под Тулой от пленных о приближении многочисленного русского войска с севера, повернул назад и 3 июля в полдень неожиданно столкнулся с отрядом Шереметева у деревни Судбищи (ныне село в Хомутовском районе Орловской области) на реке Любовша. Хан, не имея информации о численности русских, принял его за войско царя и, не вступая в сражение, быстро пошел на юг. Шереметев остановился, поджидая царя.

▲ Иван IV Васильевич

Уже скоро хану стало известно от двух пленных русских воинов о точном числе войска у боярина и на следующее утро, развернув всю свою конницу, Девлет-Гирей атаковал русских, намереваясь пленить весь отряд. Он надеялся на быстрый успех, так как татары имели почти десятикратное превосходство. Шереметев принял бой, уничтожив передовые силы неприятеля. По сообщению Никоновской летописи, русские «с царем билися и до вечера, и передовой полк царев и правую руку и левую потоптали, и знамя взяли ширинских князей, и билися до ночи». Шереметев попытался вернуть ту часть своего отряда, которая ушла с трофеями, однако «в ночи к ним поспело против четверга только с пятьсот человек».

Утром 4 июля сражение возобновилось. Хан лично восемь часов подряд водил своих воинов в атаку, но горстка русских стрельцов и пушкарей всякий раз метким огнем отбивала татарскую конницу и турецких янычар. Шереметев был серьезно ранен и упал с коня. Другие воеводы – Л. Салтыков, Д. Плещеев и Б. Зюзин – не имели опыта главного воеводы. Силы русских в неравной схватке слабели, а татары все время вводили в бой свежие силы. Русские пушкари уже изнемогали, к тому

▲ Иван Грозный принимает капитуляцию Казанского ханства

же татары тоже имели артиллерию, правда, не столь эффективную, как у русских. Поле битвы было усеяно телами пяти тысяч павших русских воинов и втрое большего числа татар. Наконец русские дрогнули и, смешавшись, побежали. Однако воеводы А. Д. Басманов и С. Г. Сидоров, протрубив сигнал сбора, сумели остановить бегущих и собрали вокруг себя около двух тысяч оставшихся в живых. Они засели в овраге, поросшем деревьями и кустарником, у самого села, перетащили туда раненых, в том числе и Шереметева, и снова стали биться с наседавшим врагом.

Хан, вне себя от ярости, еще трижды атаковал горстку смертельно уставших и в большинстве своем раненых русских ратников, потерял еще несколько своих мурз, но не смог одолеть отчаявшихся в своей храбрости смельчаков. Видимо, потеряв всякую надежду на победу, и не желая более терять своих воинов, да к тому же получив от пленных подтверждение прежних сведений о приближении большого войска во главе с Иваном IV Васильевичем, Девлет-Гирей остановил битву и в сгущавшихся сумерках «пошел наспех и Сосну (река Быстрая Сосна) перелез назавтрие».

Между тем царь уже был возле Тулы, когда ему сообщили, что Шереметев разбит, а хан будто бы идет к Москве с огромным войском. Многие бояре советовали ему уйти назад за Оку, и там ждать татар. Другие говорили, что надо продолжать движение вперед и попытаться спасти Шереметева с его отрядом. Царь решил идти в Тулу, полагаясь на мощную защиту ее стен и гарнизон, отбивший уже один раз Девлет-Гирея. В тот же день все узнали о бегстве хана: Салтыков и Басманов с оставшимися в живых воинами привезли в Тулу раненых Шереметева и Сидорова. Иван IV Васильевич милостиво встретил лежавшего на носилках боярина и наградил всех его сподвижников, сражавшихся за все московское войско.

В ходе Ливонской войны 1558-1583 годов Девлет-Гирей совершил ряд крупных разорительных набегов на Русь в союзе с польским королем.

В 1556 году русские ратные люди и донские казаки совершили несколько набегов на турецкие и крымские владения. Были разорены окрестности Ислам-Кермена, Очакова и Керчи, разбиты несколько крымских отрядов и захвачены «языки».

Весной 1557 года крымский хан Девлет-Гирей с большим войском в течение 24 дней осаждал и штурмовал крепость запорожских казаков на днепровском острове Хортица. Запорожские казаки под командованием князя Дмитрия Ивановича Вишневецкого отбили все атаки противника и заставили его отступить.

В январе 1558 года крымский хан, узнав о походе русских войск в Ливонию, организовал большой поход на южнорусские земли. 100-тысячная орда под предводительством калги Мухаммеда-Гирея, старшего сына хана, перешла через реку Донец, намереваясь, напасть на Рязань, Тулу и Каширу. Калга Мухаммед-Гирей дошел до реки Мечи, где получил

▲ Шереметев Иван Васильевич

данные о сосредоточении русских войск на реке Ока, и отступил назад в степи. Русские воеводы преследовали татар до реки Оскол, но не смогли настигнуть противника. Летом большой отряд крымских татар и ногайцев, возглавляемый крымским уланом Мухаммедом, двигавшихся в районы Тулы и Каширы у реки Красивая Меча неожиданно встретились лицом к лицу с сильным отрядом воеводы князя М. И. Воротынского вышедшего из Тулы татарам навстречу. Произошел скоротечный бой, в результате которого татары потерпели поражение и бежали. Ратники Воротынского долго гнались за ними, почти до Старого Оскола, находя по их следам много брошенных коней и верблюдов. Летом того же года русские ратные люди и запорожские казаки под предводительством князя Д. И. Вишневецкого на речных судах спустились по Днепру и дошли до Перекопа, уничтожая и татарские отряды и поселения.

Летом 1559 года князь Д. И. Вишневецкий вместе с запорожцами и русскими воинами спустился на судах в низовья Дона, совершил новый рейд вглубь крымских владений и разгромил на реке Айдар татарский отряд. В это же время второй русский отряд под командованием окольничего Даниила Федоровича Адашева спустился вниз по Днепру и разорил западное побережье Крыма. Русские разбили посланные против них татарские отряды и освободили множество русских и литовских пленников.

В мае-июле 1562 года крымский хан Девлет-Гирей предпринял новый поход на южнорусские земли. 15-тысячное татарское войско разорило окрестности Мценска, Одоева, Новосиля, Болхова, Черни и Белева.

Весной 1563 года крымские царевичи, братья Мухаммед-Гирей и Алп-Гирей, сыновья Девлет-Гирея, возглавили очередной набег на пограничные московские владения. 10-тысячное татарское войско разорило дедиловские, пронские и рязанские места.

В октябре 1564 года крымский хан Девлет-Гирей предпринял новый поход на южнорусские владения. 60-тысячная крымская орда под предводительством хана и двух его сыновей напала на Рязанскую землю. Сам хан подступил к Рязани и осадил город, но русский гарнизон отбил все вражеские приступы. Крымцы сильно разорили и опустошили рязанские окрестности. Пробыв в рязанских пределах шесть дней, татары отошли в степи.

▲ Дмитрий Вишневецкий

Осенью 1565 года Девлет-Гирей с небольшим татарским войском напал на южнорусские владения. 9 октября хан осадил Болхов, но в тот же день при приближении русских полков ночью спешно бежал в степи.

Летом 1569 года османский султан Селим II организовал большой турецко-татарский поход на Астрахань. Из Кафы выступило 17-тысячное турецкое войско под командованием Касим-паши. На Переволоке к туркам присоединился крымский хан Девлет-Гирей с 50-тысячным татарским войском. Турецкое командование планировало построить канал между Доном и Волгой, перевести на Волгу корабли с пушками, затем спуститься к Астрахани, и захватить город. Однако турки не смогли прорыть канал и перетащить свои суда волоком на Волгу. Касим-паша вернул корабли с артиллерией назад в Азов, а сам вместе с ханом отправился походным порядком к Волге. 16 сентября турки и татары подошли к Астрахани, но из-за отсутствия артиллерии не решились штурмовать крепость. Русский гарнизон в Астрахани был усилен людьми и имел пушки. Царь Иван Грозный отправил на помощь Астрахани речную рать под командованием князя П. С. Серебряного. Вначале крымский хан Девлет-Гирей с ордой отступил в Крым, а 26 сентября и Касим-паша приказал турецкой армии начать отступление на Дон. Во время отступления турки понесли большие людские потери.

Провал операции турок под Астраханью продемонстрировал, что открыто бороться в устье Волги Османская империя, не имея материальных возможностей, не может, она просто не располагает достаточными силами. Однако алчный, хитрый и коварный противник быстро переориентировался и решил воплотить свои агрессивные замыслы через Кавказ.

В переговорах с русскими стали фигурировать черкесы, кумыки, кабардинцы, ногаи, которые якобы «исстари принадлежат Турции». Речь велась о полном вытеснении русских с Кавказа, откуда туркам удобно было нанести удар по устью Волги, тем самым, воспрепятствовать сближению России и Ирана.

Турки предпринимали множество усилий, чтобы обеспечить себе преимущества по трем основным географическим направлениям. Через Молдавию и Валахию на малороссийские земли, через Крым, посредством крымского хана, на центральные районы Русского государства и, наконец, с использованием причерноморского региона, устья Дона, города-крепости Азова – с дальнейшим проникновением в Поволжье и юго-восток Русского государства.

* * *

В течение XVI-XVII веков основным заслоном для турецких вылазок на донском направлении были воинские формирования донских казаков. Если русские регулярные войска проявляли свою наступательную инициативу выборочно, во время больших военных турецких операций, то донские казаки были

начеку ежечасно и пресекали любые попытки вторжения османов. Они были основным противником турок и защитником русских рубежей на азовском направлении.

Московское посольство не раз выговаривало казачьим атаманам за якобы стихийные, беспричинные столкновения с турками, считая, что из-за этого ухудшаются отношения с Османской империей. Московские послы пытались даже обвинить казаков в провокациях. Однако вскоре значение оборонческой казачьей позиции было оценено по достоинству, и им было даже назначено «государево жалованье», а с ним казакам доставили и большое войсковое знамя, с коим велено было «против наших недругов стоять и на них ходить и над ними промышлять». Однако, по свидетельству документальных источников, только лишь с 60-х годов XVII века московские власти окончательно прониклись проблемами Азова и Дона, и перешли к активному противодействию на государственном уровне против османов и их пособников. «Челобитные» казаков на бесчинства «бусурманов» начали в Москве рассматриваться всерьез.

В конце концов, русское правительство правильно оценило значение донского казачества. Несмотря на то, что очень часто Москва искренне сетовала на казаков, и строго выговаривала им за нападения на турецкие черноморские города, но в то же время она сама поручала казакам «чинить промысел» над турками и крымским ханом, которые... совершали набеги и нападения на русские украины... чаще, чем казаки нападали на турецкие города. Поводом для казачьих походов в Константинополь зачастую служила необходимость вызволить из османского плена или рабства своих боевых соратников или родственников.

Весной 1570 года крымский хан Девлет-Гирей организовал новый поход на русские владения. Татарская орда (50-60 тыс. чел.) под предводительством царевичей, калги Мухаммеда-Гирея и Алп-Гирея, опустошила рязанские и каширские места.

Весной 1571 года крымский хан Девлет-Гирей при поддержке Османской империи и в согласовании с Речью Посполитой предпринял свой кровавый поход на московские земли, завершившийся сожжением Москвы и разорением многих южнорусских районов. Вначале хан собирался ограничиться набегом на козельские места и повел свою орду к верховьям реки Оки. Перейдя через Оку, крымцы устремились на Болхов и Козельск. Согласно донесению гонца Сергея Клавшова, именно Тишенков Кудеяр – белевский сын боярский – стал виновником того, что весной 1571 года крымский хан Девлет-Гирей изменил первоначальный план набега в район Козельска и повел свою многочисленную конницу прямо на Москву. В результате чего Русскому государству был нанесен громадный ущерб, резко отрицательно сказавшийся и на ходе Ливонской войны 1558-1583 годов, которую Московское государство в то время вело с военной польско-датско-шведской коалицией.

Русские воеводы, как обычно, выводили каждой весной полки «на берег», на Оку, для предотвращения возможных набегов татар. Ждали их появления и на этот раз в районе Тулы. И действительно, в середине мая татары во главе с ханом подошли к русским пределам у Болхова и сделали короткую остановку «на Злынском поле» (район современного села Злынь в Орловской области), на полпути между Орлом и Болховом. Однако здесь планы хана резко изменились, и татары устремились не в «козельские места», а пошли из-под Болхова через Перемышль прямо к Москве. Сергей Клавшов, видимо, доверенное лицо крымского князя Сулеша, агент-разведчик Москвы, сообщает о причине такого поворота событий следующее: «И на Злынском де поле прибежали ко царю (хану) изменники, государевы дети боярские белевцы Кудеяр Тишенков да Окул Семенов, да колужане Ждан да Иван Васильевы дети Юдинкова, да коширяне Федор Лихарев, а прозвище Сотник, да серпуховитин Русин, а с ними десять человек их людей. И царь и царевичи про государя (Ивана Грозного) и про московское собрание (русское войско) про все выспрашивали».

Русские изменники убеждали Девлет-Гирея идти «прямо к Москве» и говорили, что путь туда татарам свободен, поскольку в Московском государстве, дескать, уже два года неурожай, голод и болезни, многие люди поумирали, а еще больше народа извел царь со своими опричниками. «И царя изымал за узду Кудеяр Тишенков и говорил: только де ты пришод к Москве, ничего не

▲ Стычка между татарами и казаками

учинишь, и ты де меня на кол посади у Москвы, стоять де против тебя некому. И царь де потому и приходил к Москве».

Сведения, полученные ханом, сразу же стали известны крымским царевичам и мурзам, которые поддержали идею похода на Москву. Девлет-Гирей не стал распускать татар «в войну» под Козельском, а быстро прошел со всем войском к Жиздре, форсировал ее в нижнем течении и изгоном пошел к русской столице. Узнав об этом, Иван Грозный покинул Москву и ушел в Ростов. Воеводы спешно отошли с полками от Оки к Москве, и пришли туда за день до хана.

Главный воевода боярин князь И. Д. Бельский принял на редкость бездарное и преступное решение – вместо того, чтобы встретить врага за пределами города, решил дать ему бой на улицах столицы. Однако татары не стали ввязываться в уличные бои, а просто подожгли Москву с нескольких сторон. Сухая погода и сильный ветер способствовали тому, что огонь моментально распространился на весь город, и через три часа от громадной русской столицы остались лишь головешки.

По сообщению Никоновской летописи, 24 мая «Москва згорела вся: город и в городе государев двор и все дворы, и посады за Москвою, и людей погорело великое множество, им же не бе числа». Иностранные источники писали, что во время пожара погибли около 120 000 человек. Полки, стоявшие на тесных улицах, утратили порядок, смешались с бежавшим населением. Погиб, задохнувшись в дыму, главный воевода Бельский.

▲ Горящая Москва

▲ Артиллерия гуляй-города

Уже 26 мая Девлет-Гирей двинулся в обратный путь, распустив большую часть своих конных отрядов для беспрепятственного грабежа городов и селений, стоявших вдоль Оки. По крымским источникам, татары увели в полон 60 000 человек.

Изменник же Тишенков принесший своим предательством столько бед государству и народу, согласно одному тульскому преданию, стал ненужным хану, который его бросил, уходя из русских пределов, видимо, даже не отблагодарив за предательство. Изменнику ничего не оставалось, как заняться разбоем и грабежами на большой дороге.

Итог похода татар: убиты десятки тысяч русских, более 150 тысяч уведены в рабство. Девлет-Гирей отправил к царю Ивану Грозному посольство, требуя передачи ему Казани и Астрахани.

* * *

В следующем 1572 году, получив поддержку Османской империи, крымский хан Девлет-Гирей собрал для нового похода на русские земли 120-тысячную армию: 80 тысяч крымцев и ногайцев, 33 тысячи турок, 7 тысяч турецких янычар.

Летом 1572 года огромное войско крымского ханства, Большой и Малой ногайских орд и турецких янычар,

усиленных турецкой артиллерией под командованием хана Девлет-Гирея, вторглось в пределы Русского государства и к августу месяцу подошло к Москве. Случилось это в тяжелый для Русского государства период Ливонской войны 1558-1583 годов. Татарские набеги поощрялись и инспирировались Речью Посполитой, стремившейся вовлечь Крымское ханство и Османскую империю в военные действия на юге Руси, с целью ослабить силы русских войск на основном театре военных действий в Прибалтике.

В ожидании нового нашествия русское правительство к маю собрало на южной границе около 12 тысяч дворян, 2 тысячи стрельцов и три с половиной тысячи казаков. Вместе с ополчениями северских городов войско насчитывало немногим более 20 тысяч человек. Противник имел многократное превосходство.

Русские воеводы расположили основные силы под Коломной, надежно прикрыв подходы к Москве со стороны Рязани. Была учтена возможность повторного прорыва татар с юго-запада, из района реки Угра. На этот случай главный воевода князь М. И. Воротынский, командовавший большим полком, выдвинул на крайний правый фланг в Калугу с передовым полком опричного воеводу князя Д. И. Хворостинина. Вопреки традиции, его полк на этот раз превосходил по численности полки правой и левой руки. Молодому воеводе был придан также подвижный речной отряд для обороны бродов на Оке. Полком правой руки командовал воевода князь Н. Р. Одоевский, сторожевым полком – князь И. П. Шуйский; полком левой руки – князь А. В. Репнин. В большом полку, кроме главного воеводы, находились воеводы И. В. Меньшой и Ф. В. Шереметевы.

Татары вторглись в русские пределы 23 июля, пройдя от Дона к Оке по северной части территории современной Тульской области. Их легкая конница на третий день попыталась перейти Оку ниже Серпухова, но была отбита от переправ сторожевым полком. Тем временем хан с главным войском вышел к бродам у самого Серпухова. Московские воеводы ждали противника за Окой на сильно укрепленных позициях. Натолкнувшись на непреодолимое препятствие, хан возобновил атаку в районе «Сенькина перевоза», у впадения реки Лопасня в Оку. В ночь на 28 июля ногайская конница разогнала две сотни дворян, охранявших брод, и захватила переправы. Развивая наступление, ногайцы за ночь ушли далеко на север. Под утро к месту переправы татар подошел с передовым полком князь Д. И. Хворостинин, но, столкнувшись с главными силами татар, уклонился от боя. Вскоре полк правой руки попытался перехватить татар в верхнем течении реки Нара, но был отброшен. Девлет-Гирей вышел в тыл русской армии и по серпуховской дороге двинулся, не встречая сопротивления, к Москве.

Татарскими арьергардами командовали сыновья хана с многочисленной и отборной конницей. Передовой полк следовал за царевичами, выжидая благоприятного момента. Когда он наступил, князь Хворостинин обрушился на татар. Бой произошел в районе Молодей, в 50 верстах от Москвы. Татары не выдержали внезапного удара и бежали. Хворостинин «домчал» сторожевой полк татар до ханской ставки. Чтобы поправить положение, Девлет-Гирей вынужден был бросить на помощь сыновьям 12 тысяч крымских и ногайских всадников. Сеча была не на жизнь, а насмерть. Стрел было употреблено мало, в основном рубились саблями и кололись копьями, давили друг друга лошадьми. Сражение разрасталось, и М. И. Воротынский в ожидании татар приказал установить возле Молодей подвижную крепость – «гуляй-город». Большой полк укрылся за стенами крепости, изготовившись к бою.

«Гуляй-город» – русское подвижное (на колесах или полозьях) сборное боевое укрепление XVI века из брусчатых или дощатых щитов. Впервые гуляй-город был применен при осаде Казани в 1530 году. Гуляй-город использовался в осадной и полевой войне; внутри него располагались воины, которые вели бой.

▲ Д.И. Хворостинин

При осаде городов гуляй-город приобретал иногда форму многоярусной самоходной крепости-башни, внутри которой располагались ратные люди и орудия. Начальник гуляй-города назывался «гуляйным воеводой». В начале XVII века вышли из употребления.

Трехкратное превосходство противника в силах заставило Хворостинина отступить. Но при этом он осуществил блестящий маневр: его полк, отступая, увлек татар к стенам «гуляй-города». Залпы русских пушек, стрелявших в упор, внесли смятение и опустошение в ряды татарской конницы и заставили ее повернуть вспять.

Умелые, решительные, отчаянно дерзкие действия князя Хворостинина, принесшие поражение татарскому арьергарду при Молодях вынудили хана приостановить наступление на Москву. В течение дня татары простояли за рекой Пахра, ожидая подхода русских. Но те не возобновляли атак. Тогда татары повернули от Пахры к Молодям. Русские воеводы добились бесспорного успеха, вынудив Девлет-Гирея отойти от Москвы и принять бой на избранной ими позиции.

Центром русских оборонительных позиций служил холм, на вершине которого стоял «гуляй-город», окруженный наспех вырытыми рва-

ми. За его стенами укрылся большой полк. Остальные полки прикрывали его тыл и фланги, оставаясь вне укрепления. У подножья холма за рекой Рожай стояли три тысячи стрельцов, чтобы поддержать воевод «на пищалях». Татары быстро преодолели расстояние от Пахры до Рожая и всей массой обрушились на русские позиции. Стрельцы полегли на поле боя все до одного, но засевшие в «гуляй-городе» воины отбили атаки конницы сильным пушечным и ружейным огнем.

Обеспокоенный неудачей, главный татарский воевода Дивей-мурза выехал на рекогносцировку и приблизился вплотную к русским позициям. Здесь его захватили в плен «резвые» дети боярские. Кровопролитное сражение продолжалось до самого вечера 30 июля. Потери татар были исключительно велики. Погибли предводитель ногайской конницы Теребердей-мурза и трое знатных крымских вельмож.

Не добившись успеха, хан прекратил атаки и в течение двух дней приводил в порядок свое сильно потрепанное войско. В сражении русские одержали победу, но успех грозил обернуться неудачей. Когда поредевшие полки укрылись в «гуляй-городе», запасы продовольствия у них быстро иссякли, и в армии «учал быти голод людям и лошадям великой».

После 2-х дневного затишья Девлет-Гирей 2 августа возобновил штурм «гуляй-города», направив к нему все свои конные и пешие полки. Атакой руководили ханские сыновья, получившие приказ, во что бы то ни стало «выбить» у русских Дивей-мурзу. Невзирая на потери, татары упорно пытались опрокинуть неустойчивые стены «гуляй-города», «изымалися у города за стену руками, и тут много татар побили и руки пообсекли безчисленно много». К концу дня, когда натиск татар начал ослабевать, русские предприняли смелый маневр, который и решил исход всего сражения. Воротынский с полками незаметно покинул «гуляй-город» и, продвигаясь по дну лощины позади укреплений, скрытно вышел в тыл татарам. Оборона «гуляй-города» была поручена Хво-

▲ Мухаммед-Гирей жирный

ростинину, в распоряжение которому поступила вся артиллерия. По условленному сигналу Хворостинин дал залп из всех орудий, затем сделал дерзкую вылазку из крепости и напал на врага. В тот же момент с тыла на татар обрушился со своими полками Воротынский. В жестокой сече были зарублены все янычары, сын и внук Девлет-Гирея и весь цвет крымской и ногайской знати. Татары не выдержали столь внезапного и решительного удара и бросились бежать.

Множество их было перебито и взято в плен. В числе убитых были сын хана царевич Шардан-Гирей и его внук – царевич Хаспулад-Гирей. В руки воевод попало много знатных крымских и ногайских вельмож. На другой день русские продолжали преследование неприятеля и разгромили арьергарды, оставленные Девлет-Гиреем на Оке (около 5 тысяч всадников). Татары, понеся громадные потери, бежали с поля боя, бросив всю артиллерию и обоз. Победителям достались богатые трофеи, в том числе и собственное знамя Девлет-Гирея.

Из огромного войска, перешедшего в июле 1572 года русскую границу, в Крым возвратилось менее 10 тысяч. В этом набеге на Русь крымцы потеряли почти все боеспособное мужское население Крыма. Этот поход стал последней крупной военной кампанией Крымского ханства против Русского государства.

Русь нанесла сокрушительный удар по военному могуществу крымского ханства. После битвы у Молодей двадцать лет татары не выходили из Крыма за Перекоп.

* * *

В ближайшем окружении Девлет-Гирея был крымский вельможа, татарский хан по имени Сулеш. Он считался «другом» Москвы и то и дело получал за это жалованье и подарки. Участвовал в походе Девлет-Гирея весной 1571 года на Москву, часто находился рядом с ханом, лично видел и слышал перешедших на сторону татар подданных русского царя. Летом того же года именно по рекомендации Сулеша Девлет-Гирей принял С. Клавшова, неофициального посланника Ивана IV Васильевича Грозного, перед его отъездом на родину. Со слов московского «друга» Клавшов составил подробный документ о подготовке и успешном проведении татарами этого похода. Необходимо отметить, что роль «русского друга» Сулеш, а затем и его потомки – князья Сулешевы выполняли в Крыму достаточно долго и совершенно открыто.

В последующие годы хан Девлет-Гирей лично не совершал набеги на русские владения. На московские окраины нападали только его сыновья, отдельные крымские и ногайские мурзы небольшими силами.

В конце жизни хана Девлет-Гирея резко обострились отношения между его старшими сыновьями, калгой Мухаммедом-Гиреем и Алп-Гиреем. Умер Девлет-Гирей от чумы 29 июня 1577 года, оставив пятерых сыновей Мухаммеда-Гирея Жирного, Ислам-Гирея, Алп-Гирея, Казы-Гирея Бору и Фатх-Гирея.

После Девлет-Гирея ханский трон занял его старший сын Мухаммед-Гирей II Жирный, правивший в Крыму с 1577 по 1584 годы. Участвовал в многочисленных набегах на Россию, Литву и Польшу, которые организо-

вывал его отец. Так, поздней осенью 1558 года во главе большого отряда конницы царевич Мухаммед-Гирей вместе с отрядами ногайских мурз двинулись на Русь, полагая, что царь Иван Грозный ушел с войсками в Ливонию. Ногайцы, будучи в русском подданстве, ввиду ожидаемой огромной добычи переметнулись на сторону крымского хана. Согласно Никоновской летописи «всех крымских людей было и ногайских сто тысяч». Татары переправились в низовьях Северского Донца, и пошли «Доном вверх», по территории современных Ростовской, Воронежской и Липецкой областей. В планы царевича входило, «разделися» на три части, ограбить рязанские, тульские и каширские места. В низовьях реки Красивая Меча, в пределах современной Липецкой области, «за два дни до украйни», татары захватили «рыболовей пяти человек», от которых Мухаммед-Гирей узнал, что царь Иван IV находится в Москве, а его самые страшные для татар воеводы – князь Д. И. Вишневецкий и И. В. Шереметев Большой – стоят с полками в Туле и Рязани. Царевич тут же повернул свое войско назад. Царь послал вдогонку за татарами полки во главе с воеводой князем М. И. Воротынским, который вышел из Калуги, дошел до реки Оскол в пределах современной Белгородской области, но татар не догнал и вернулся. Во время преследования русские видели тысячи павших лошадей и верблюдов. По свидетельству плененных татар, царевич «в Крым пришел добре истомен», потеряв немало людей и коней. Весной 1563 года около 10 тысяч татар во главе с сыновьями Девлет-Гирея, Мухаммед-Гиреем и Алп-Гиреем, совершили нападение на окрестности Михайлова, Пронска, Переяславля Рязанского и Дедилова. В 1566 году царевич Мухаммед-Гирей по требованию турецкого султана совершил набег на Венгрию. В 1577 году сел на престол после смерти отца, к тому времени Мухаммед-Гирей II Жирный «был так толст, что не помещался в седле, его возили в телеге шесть лошадей». Конечно, в таком состоянии хан не мог лично возглавлять грабительские

▲ Воротынский вручает Ивану Грозному оружие Девлет-Гирея

походы на своих соседей, однако при нем не уменьшилось число нападений крымцев на русские и литовские границы.

Не обладая умом и изворотливостью отца, Мухаммед-Гирей II Жирный быстро попал под полное влияние султана и в дальнейшем действовал в русле его политики. Он, будучи не в состоянии назначить калгой своего сына Сеадет-Гирея, но желая сохранить власть в своей семье, создал новую степень второго наследника, получившую название «нур-эд-дина», и отчислил в его распоряжение хороший годовой оклад из ханских доходов. Это постановление хана утвердили и в Стамбуле. Мухаммед-Гирей Жирный был задушен в 1584 году своим братом, калгой Алп-Гиреем. Оставил троих сыновей: упомянутого Сеадет (Сечадер)-Гирея, Джанибек-Гирея и Мухаммед-Гирея.

Далее крымским ханом был Ислам-Гирей II (1584-1588 гг.), сын Девлет-Гирея. Жил он сначала в Турции в качестве аманата, позже удалился в дервишский монастырь в Бурсе, отчего потом получил прозвище «хана из дервишей». Когда старший брат – крымский хан Мухаммед-Гирей II Жирный – отказался повиноваться султанским предписаниям и осадил Кафу, Ислам-Гирей II с помощью турецкого воинского отряда занял ханский стол. Его правление было ознаменовано кровопролитной борьбой с сыном Мухаммеда-Гирея – Сечадер (Сеадет)-Гиреем, который, найдя помощь у ногайцев, успел выгнать Ислам-Гирея II из Бахчисарая и захватил ханский престол, но затем должен был бежать. Держась на престоле исключительно с помощью турок, Ислам-Гирей II, в противоположность своему предшественнику,

вел себя по отношению к Стамбулу крайне покорно и униженно, введя, между прочим, обычай, по которому на общественной молитве имя султана стало поминаться впереди имени хана. Умер в 1588 году без потомства.

Как было сказано выше, после убийства в 1584 году хана Мухаммед-Гирея II Жирного и восшествия на престол его брата Ислам-Гирея II в Крыму началась усобица, в результате которой брат Ислам-Гирея, Мурат-Гирей (оба сыновья хана Девлет-Гирея), и племянник хана, Сеадет-Гирей, свергли Ислам-Гирея и на престоле оказался Сеадет-Гирей. Уже через два месяца Мурат-Гирей и Сеадет-Гирей вынуждены были бежать из Крыма и просить покровительства у русского царя. Сеадет-Гирею было разрешено кочевать в астраханских степях, а Мурат-Гирею местом жительства в роли «служилого царевича» была определена Астрахань. Правительство Федора Ивановича давно уже стремилось к расширению своего влияния среди ногайских орд, и направило царевича для этой цели в Астрахань. Мурат-Гирей добился подчинения Москве ногайского князя (мурзы) Уруса, однако это не улучшило обстановку на южной границе, поскольку в 1586-1587 годах крымские татары и ногайцы осуществили крупные набеги на Русь. Летом 1586 года московское правительство попыталось использовать Мурат-Гирея в борьбе с Крымом. Царевич был вызван в Москву, где 21 июня «ел у государя» в присутствии членов Боярской думы: князя Ф. И. Мстиславского, Б. Ф. Годунова и Ф. Н. Романова. 18 июля Мурат-Гирей поехал в Астрахань в сопровождении думного дворянина Р. М. Пивова и головы М. Н. Бурцева. Царевич должен был возглавить поход в Крым и там «сесть царем». Крымский поход Марат-Гирея не состоялся, но угроза такого похода беспокоила крымское правительство до самой смерти Мурат-Гирея в 1591 году. Согласно донесению русского посланника в Крыму в 1587-1588 годах И. С. Мясного, там ходили слухи, что царь Федор Иванович дал Мурат-Гирею 30 тысяч воинов и что тот будет воевать «Крымский юрт». Мурат-Гирей скоропостижно скончался в Астрахани. Московское правительство посылало туда специальную комиссию для расследования причин гибели царевича. Казнив лекарей, якобы виновных в смерти Мурат-Гирея, она вернулась в Москву.

В 1588 году власть в Крымском ханстве перешла к брату и преемнику Ислам-Гирея II – Казы-Гирею Бора. Делая набеги на Литву, и сносясь со шведами, Казы-Гирей Бора сохранял мирные отношения с царем Федором Ивановичем, но в 1591 году внезапно с огромной армией (по некоторым подсчетам до 150 тыс. человек) вторгся в пределы Московского государства. Перейдя Оку под городом Тешилов (ныне село в Каширском районе Московской области), ниже серпуховского моста, разбил воеводу князя В. И. Бахтеярова-Ростовского и подступил к самой Москве, осадив ее. 5 июля началась жестокая сеча напротив Кремля, на берегу реки Москва. Татары были разбиты. Русскими полками командовали боярин и воевода князь Ф. И. Мстиславский и конюший Б. Ф. Годунов. Отсюда, оставив значительную часть награбленного добра, Казы-Гирей Бора бежал к Оке, где бросил весь обоз, собственный шатер и повозку; перетопил массу людей на переправах и помчался налегке по тульской земле, оставляя тысячи своих воинов на расправу летучим отрядам легкой русской конницы – казакам. Его арьергард возле самой Тулы был настигнут и разбит, причем только пленными русские взяли тогда около 1 000 человек, среди которых оказалось много знатных мурз и беков.

Конюший Б. Ф. Годунов, командовавший полками в сече у стен Кремля, как начальник Конюшенного приказа, в ведении которого находились, кроме сбруи, упряжи, карет и проч., табуны лошадей, придворные конюхи, имения, отведенные на содержание царских табунов. В XVI веке должность конюшего была связана с организацией конных дворцовых войск. Конюший фактически возглавлял Боярскую думу и активно участвовал в дипломатической и военной деятельности правительства и временами даже возглавлял его.

После поражения Казы-Гирей Бора написал царю Федору Ивановичу послание о желании возобновить дружбу с ним и сообщил даже о своем намерении отложиться от Османской империи. Тем не менее, его отряды то и дело вторгались в южные районы Московского государства. Беспрестанно посылаемый турецким султаном Мурадом то в Молдавию, то в Валахию, то в Венгрию, Казы-Гирей Бора для поправки своего финансового положения, с разрешения султана, в 1594 году помирился с Федором Ивановичем и выпросил у него 10 тысяч рублей и множество даров. С той поры, подкармливаемый русскими, он оставался в дружбе с ними до самой своей смерти в 1608 году. Оставил он двух сыновей: Инает-Гирея и Тохтамыша.

▲ Памятник князю Воротынскому

Казы-Гирей Бора стремился к самостоятельности и сделал еще одну попытку заменить принцип родового старшинства принципом прямого наследования престола от отца к старшему сыну, поэтому калгой он сделал не брата, а сына Тохтамыша, который после смерти Казы-Гирея и был провозглашен ханом, но султан не утвердил его, и Тохтамыш был вскоре убит своими соперниками – Селямет-Гиреем и Мухаммед-Гиреем. ■

Г. В. ДОРОФЕЕВ

ТРЯПИЧНАЯ КУКЛА

Во время визита в Англию предателя Советского государства Горбачева, ставившего целью своей жизни уничтожение коммунизма, он получил сигнал, что «Августейшая семья не может простить коммунистам, которых представляет Горбачев, уничтожение царской семьи. В то же время Её Величество королева Елизавета II, прямая внучка английского короля Георга V, кузена Николая II, понимает, что Горбачев не может нести всей ответственности за убийство царской семьи. Поэтому она готова принять его, но при условии, что Горбачев выполнит её просьбу – перезахоронит прах Николая II и его семьи из того тайного места, где он ныне находится, в освященную христианским обрядом усыпальницу, куда она, королева Английская, в ходе своего визита в СССР могла бы возложить цветы».

Духовный плебей и «вождь»-пигмей с холуйским подобострастием пропел: «Передайте её королевскому величеству, что я с радостью выполню её просьбу».

С того момента началась оголтелая бесстыдная пропаганда по возвеличиванию Николая II. Скоро какие-то останки нашли под Свердловском. Однако царские они или не царские – осталось под большим вопросом. Инициативу перезахоронения «царских» останков перехватил новый политический карлик – Ельцин – соперник Горбачева в борьбе за власть, но его верный последователь в деле развала государства, холуйской преданности западно-американской властной элите и ненависти к Советской власти. Он еще в большей мере развел ажиотаж вокруг царствования Николая II. «Независимые» печать, радио и телевидение продолжали трубить о «великих достижениях» последнего императора.

Месяцами, изо дня в день, обсуждался вопрос: где должны покоиться останки царя и его семьи – в Москве или Петербурге. После долгих дискуссий было принято решение, что прах Николая II и его семьи должен покоиться в Северной столице, а сопровождать царские гробы к месту захоронения должны Ельцин и Патриарх Всея Руси. Однако Алексий II сразу же отказался от участия в похоронной процессии, сославшись на то, что церковь не уверена в том, что найденные в Екатеринбурге останки принадлежат царю и его семье.

Всё, что происходит сегодня в нашей жизни, тесно связано с минувшим. Хотим мы того или нет, но на нас, на всем ныне живущем поколении лежит печать прошлого. Ни уйти от этого, ни спрятаться. Да и не нужно ни уходить, ни прятаться. Прошлое надо помнить таким, какое оно есть. В нем ничего уже не исправишь. Нельзя его ни хулить, ни приукрашивать. Это наш опыт, который поможет нам не наступать дважды, как говориться, на одни и те же грабли. Вспомним слова А.С. Пушкина: «Ни за что на свете я бы не хотел переменить Отечество и иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог её дал».

* * *

Царских сыновей учили домашние учителя. Наставником у Николая был Победоносцев К.П., который воспитывал и его отца Александра III. Он являлся обер-прокурором Священного синода и одновременно воспитателем наследника престола. Победоносцев был человеком крайне консервативных взглядов даже для своего времени.

«Царь, – внушал Победоносцев наследнику престола, – это помазанник Божий. Божий промысел не допускает вмешательства народа в управление государством. Следовательно, царь, который не правит единолично, не исполняет обязанности, возложенной на него Всевышним».

Прошло детство, отрочество, юность. Какими же знаниями, кроме наставлений Победоносцева, овладел ко времени своего совершеннолетия наследник престола? К 22 годам он великолепно ездил верхом, еще лучше танцевал, метко стрелял, отлично владел английским, немецким и французским языками. Его приучили вести дневник, куда он записывал все свои устремления, размышления и деяния. Собственно, дневник – это зеркало его жизни, документ, свидетельствующий об интеллекте и интересах наследника в зрелые годы.

В мае 1890 года он делает такую запись в дневнике: «Сегодня окон-

▲ Коронация

чательно и навсегда прекратил свои занятия».

Таким образом, учеба закончилась к 22 годам. Что дальше? Следовало ожидать, что цесаревич будет вникать в премудрости государственного управления. Ознакомится с положением дел в образовании, исследует направление, по которому идет Россия и сопоставит её развитие с другими странами, задумается о нуждах народа и попробует найти какое-либо решение, чтобы облегчить их жизнь. Словом, работы для человека, который не сегодня, так завтра станет во главе государства, непочатый край. Однако эти проблемы интереса у наследника не вызывают. Его, судя по документам, больше всего привлекал праздный образ жизни. Вставал он поздно, с головной болью после очередного кутежа. «Как всегда после бала, – пишет он в дневнике, – чувствовал себя ненормально. В ногах слабость. Встал в 10 ½; я уверен, что у меня сделалась своего рода болезнь – спячка, т.к. никакими средствами добудиться меня не могут». Зимой он завсегдатай катка, где катается с сестрой Ксенией и тетей Эллой. «На катке очень весело, – пишет он.- Я во всю мочь развлекался». Ужинали в ресторане или у кого-то из знакомых, где хозяева устраивали для высоких гостей развеселые концерты.

Особой страстью Николая были светские развлечения. В январе 1890 года он 20 раз был в театре, опере или балете, иногда дважды в день. Наследник был желанным гостем на званых вечерах, где собравшихся развлекал оркестр императорского флота. Два-три раза в неделю цесаревич отправлялся на бал. «Пение, пляски продолжались до первого часа... сели за ужин в 3 ½ утра».

Были у Николая и «серьезные» обязанности. Когда ему исполнилось 19 лет, Александр III выделил под его начало сотню казаков. Но, по сути, военная служба цесаревича больше походила на игру в солдатики. Он садился на белого коня, прикладывал к козырьку руку, а мимо него рысью носились казаки. После такого представления начиналась попойка. 25 июня 1887 года он пишет в своем дневнике: «Было принято соответствующее количество влаги, попробовал шесть сортов портвейна и слегка надрызгался, лежали на лужайке и пили, был отнесен офицерами домой».

Министр финансов С.Ю. Витте зимой 1894 года предложил Александру III назначить наследника председателем Комитета по сооружению Великого сибирского пути. Император был несказанно удивлен этим предложением. Между царем и министром состоялся интересный разговор.

– Как?! – удивился царь. – Да вы знаете цесаревича?

– Как же, ваше величество, я могу не знать наследника-цесаревича?

– Да, но вы с ним когда-нибудь о чем-нибудь серьезном разговаривали?

– Нет, ваше величество, я не имел счастья говорить с наследником.

– Да ведь он, – сказал император, – совсем мальчик («мальчику» шел 26 год от роду. – ***Прим. авт.***), у него совсем детские суждения. Как же он может быть председателем комитета?

– Но ведь если вы, ваше величество, не начнете приучать (его) к государственным делам, он никогда к этому не приучится...

Николай, будучи театральным завсегдатаем, присматривался к молоденьким и симпатичным балеринам. Как ярый поклонник балетного искусства он критически оценивал их ножки и гибкость. Из всей труппы императорского балета он особо выделял танцовщицу Матильду Кшесинскую. Она была хороша собой, невысокого роста, гибкая, с гордо изогнутой шеей, полногрудая, что особенно нравилось наследнику. Кшесинская вскоре целиком завладела его мыслями. Он не пропускал ни одного спектакля с её участием, бывал за кулисами в её уборной, а потом увозил с собой.

Император и императрица знали об увлечении Николая, но смотрели сквозь пальцы на юношеские забавы отпрыска, считая его интерес к юной балерине временным и несерьезным. Однако скоро дела стали принимать нежелательный оборот. Николая всюду видели только в обществе Матильды. Прошел даже слух, что он собирается на ней жениться. Это переполнило чашу терпения родителей. На семейном совете было принято решение охладить пыл Николая, отправив его в кругосветное путешествие. Вдали от Матильды он забудет про нее, и слухи поутихнут, и «мальчик» образумится. Однако путешествие никак не повлияло на цесаревича. Опять пошли веселые кутежи, театры, встречи с Матильдой.

Весной 1894 года император Александр III заболел. Ощутив приближение рокового исхода, августейший двор стал думать – гадать о судьбе государства. Что касалось способности Николая управлять страной, то двух мнений быть не могло. Но и сидеть сложа руки было уже нельзя. Решили упрочить положение будущего монарха срочной женитьбой. Но здесь возникли проблемы. Родители предлагали ему в жены принцессу Елену Французскую, дочь графа Парижского. Однако Николай не согласился с мнением отца, да и Елена возражала против этого брака. Она не хотела менять римско-католическую религию на православие. Была сделана попытка сосватать Николаю принцессу Маргариту Прусскую. Однако цесаревич решительно отказался принять и это предложение, и Маргарита тоже отказалась менять конфессиональную принадлежность. Осталась одна кандидатура в жены Николая – Гессен-Дармштадтская принцесса Алиса. Родители в спешном порядке дали «добро» на брак с дармштадтской принцессой, и Алиса со своими скромными пожитками приехала в Крым, где доживал свои последние дни Александр III. Он еще нашел в себе силы благословить молодых, и 20 октября 1894 года скончался.

До двадцати шести лет Николай в основном развлекался, бражничал и волочился за балеринами. О том, что он скоро унаследует российский трон и ему придется управлять величайшим государством в мире, в котором живет стомиллионный народ, он, видимо, вообще не думал.

Расчет был на «авось» и «еще успеется». И для того, как ни странно, были все основания. Императору Александру III, отцу Николая, в 1894 году было всего 49 лет. Он рассчитывал царствовать еще лет 20-25. За это время, безусловно, он смог бы приобщить Николая к делам государства. Однако недаром говорят: человек предполагает, а Бог располагает.

Признаки болезни, которая свела Александра III в могилу, впервые были обнаружены профессором Захарьиным в начале июля 1894 года. Несмотря на предупреждение врачей, император мало заботился о своем здоровье и в августе отправился на охоту в Спалу, где стояла сы-

▲ Ходынка

рая и холодная погода. 21 сентября он переехал в Ливадию, уже совсем больной. Здесь его лечили профессор Захарьин, берлинский профессор Лейден, профессор Попов, лейб-хирурги Вельяминов и Гирш. Бюллетень от 5 октября констатировал ухудшение здоровья. Болезнь привела к смертельному исходу 20 октября.

Александр III скончался на 50-м году жизни. Его не задушили, не взорвали, не отравили – он умер сам (исключительный случай в династии Романовых). Телеграфы отстукивали в редакции газет по всему миру чрезвычайное сообщение: «Это был первый русский император, который умер естественной смертью – от алкоголизма...»

У тела усопшего властителя России собралась вся фамилия Романовых, в дворцовой ливадийской церкви в душной тесноте надо было присягнуть Николаю II. Обращаясь ко всем Романовым, вдовая царица – мать Ники с неожиданной ненавистью заявила:

– Мой сын неспособен править Россией! Он слаб. И умом и духом. Еще вчера, когда умирал отец, он залез на крышу и кидался шишками в прохожих на улице... И это – царь? Нет, это не царь! Мы все погибнем с таким императором. Послушайтесь меня: я ведь мать Ники, и кому, как не матери, лучше всех знать своего сына? Вы хотите иметь на престоле тряпичную куклу? –

Николая II обступили Романовы: – Печально, но мать права. Откажись сразу же от престола, пусть коронуется Мишка, а до его совершеннолетия регентство над ним отдадим твоей разумной матери.

– Не слушай никого! – по-английски (русским она не владела) шепнула «гессенская муха», невеста Ники, Анна Гессенская.

Николай слабо сопротивлялся перед сородичами.

– Ну, какой же Мишка царь? Ему бы только собак гонять... – Прекратите этот срам! – рыдала Мария Федоровна. – Я не стану присягать тебе. Не стану!

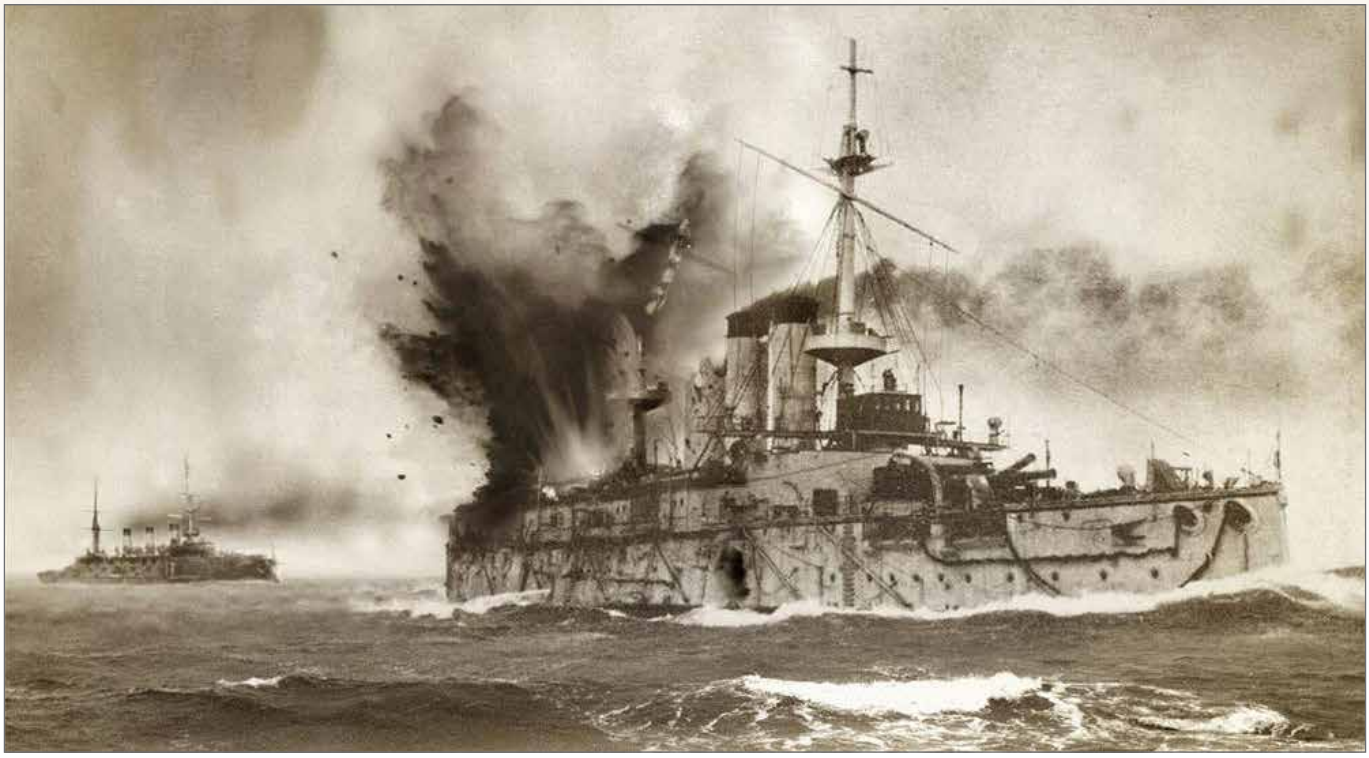
Ситуацию (уже в который раз!) спасла гвардия. Верный своему командиру, батальон Преображенского полка вступил под сень храма, где грызлись «помазанники божии» и присягнул Николаю, как императору. Следом, кроме матери, пошли целовать икону и все прочие.

Ни для кого смерть императора Александра III не была более значимой, чем для 26-летнего Николая, унаследовавшего его трон. В кругу близких Николай патетически восклицал: «...Я не готов быть царем. Я никогда не хотел быть им. Я ничего не понимаю в делах правления. У меня даже нет понятия, как разговаривать с министрами».

Бывший министр иностранных дел А.П. Извольский писал о сыне Александра III, Николае II: «До сих пор я не могу понять, как наследник, предназначенный самой судьбой для управления одной из величайших империй мира, мог оказаться до такой степени не подготовленным к выполнению обязанностей величайшей трудности».

Николай II Александрович Романов – последний государь император и самодержец Всероссийский (1894-1917 гг.), сын императора Александра III и императрицы Марии Федоровны, родился 6 мая 1868 года, в день святого Иова Многострадального. Вступил на престол 20 октября 1894 года.

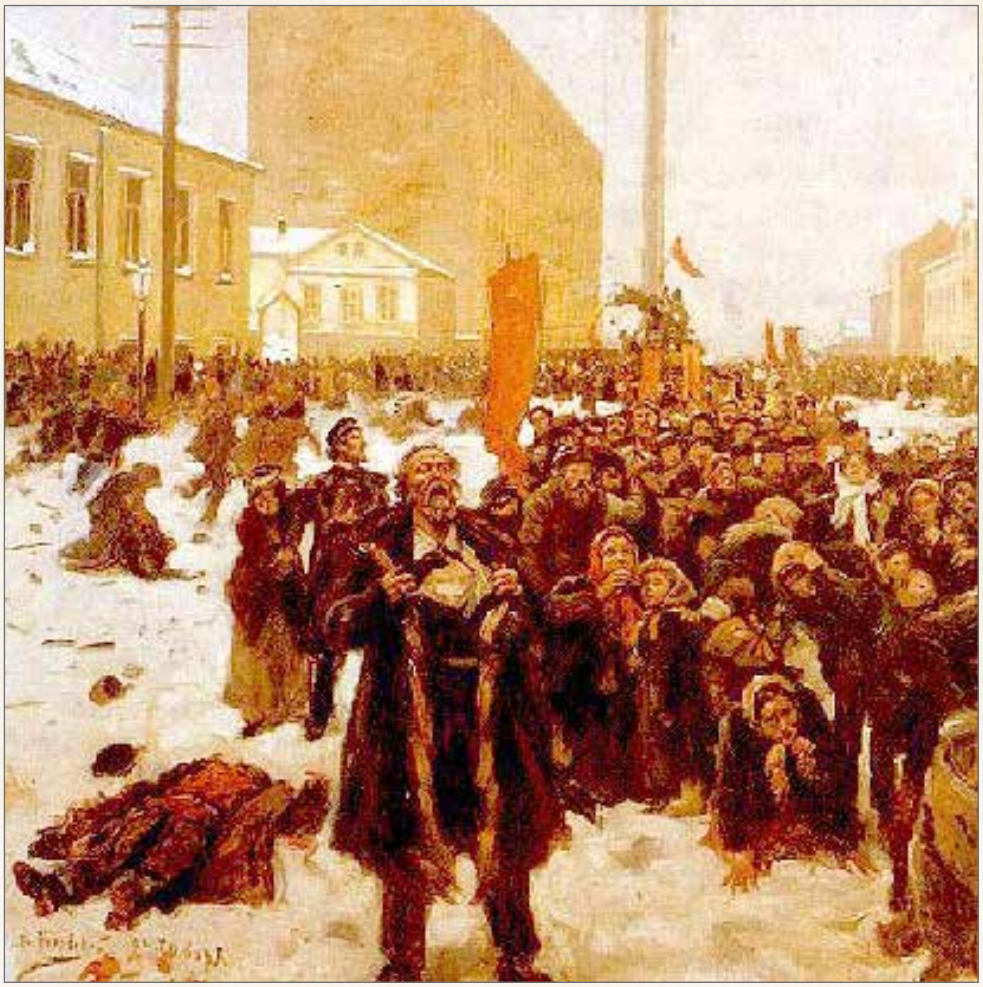
Нового царя Николая II мало знали в России ко времени его восшествия на престол. Мощная



▲ Цусима

фигура императора Александра III как бы заслоняла наследника цесаревича от глаз внешнего мира. Знали, что ему 26 лет, что он по своему росту и сложению, в свою мать, императрицу Марию Федоровну, что он имеет чин полковника русской армии, что он совершил путешествие вокруг Азии и подвергся в Японии покушению азиатского фанатика. Но облик нового монарха оставался обществу неясным. Николай II короновался 14 мая 1896 года. Был женат на дочери Людовика IV, великого герцога Гессенского Алиссе-Виктории-Елене-Луизе-Беатрисе (в православном крещении Александра Федоровна).

По свидетельствам С.Ю. Витте и П.Н. Милюкова Николай II был человеком не глупым, но неглубоким, «...Основные его качества – любезность, когда он этого хотел, ...хитрость и полная бесхарактерность и безвольность. Он не переносил лиц, представляющих собою определенную личность, то есть лиц твердых в своих мнениях, своих словах и своих действиях. Николай боялся влияния на себя сильной воли. В борьбе с ней он употреблял...единственное ему доступное средство – хитрость и двуличность».



▲ Кровавое воскресенье 9 января

Новое царствование началось с Ходынки, за ней последовали Цусима, Кровавое воскресенье, Ленский расстрел и многое, многое другое. Фабриканты бесчеловечно эксплуатировали рабочих, и те, не находя заступничества у правительства, шли в революционные партии. Обезумевшее от страха перед эсерами-террористами правительство не заметило, как окрепли социал-демократы и слились с массовым революционным движением, как массовое движение превратилось в несокрушимую силу, вобрав в себя рабочих, интеллигенцию, армию. Последний император ничего этого не видел, не желал и не мог видеть. Вокруг трона сомкнулась пережившая свой век многочисленная царская фамилия. Великие князья и княгини, их дети, свекры и свекрови, нескончаемая вереница высочеств вмешивались в дела управления империей, совершали нечистые сделки с западными финансистами, расхищали, распродавали, насиловали Россию.

Нашептывая и причитая возле истеричной надменной императрицы и ее несамостоятельного мужа, преследуя свои выгоды, дворцовая камарилья меняла кратковременных обладателей министерских кресел, раздавала и распродавала высокие административные посты, требуя от своих ставленников не предпринимать никаких перемен. Её не устраивали уступки, диктуемые временем. Если в министры попадали талантливые, болевшие за Россию администраторы, их превращали в марионеток, руководимых закулисными кукловодами из Зимнего дворца, ни за какие свои действия ни перед кем не отвечавшими. Если же попадались «строптивые», их удаляли. Кружилась камарилья, толкая державу в хаос, к самоуничтожению, не ведая, что творит. На свет Божий всплывали гапоны, распутины, рачковские, белецкие, азефы, комиссаровы.

Царь был: «...коварный и лживый византиец, признающий только интересы своей семьи и их эгоистически оберегающий человек недалекий по кругозору, неумный и необразованный». А вот характеристика Николаю II, данная ему Григорием Распутиным: «Папа...что ж, в нем ни страшного, ни злобного... ни доброты, ни ума... всего понемногу. Сними с него корону, пусти в кучу – в десятке не отличишь. Ни худости, ни добротности. Всего в меру. А мера куцая – для царя маловата. Он от нее царской гордости набирает, а толку – мало... Петухом кружится. И тот мучается. Только у него все иное... Все полегче...одначе, чувствует... – не по Сеньке шапка».

Думается, что искать объяснения многого, приведшего, в конце концов, Россию к краю гибели и позору, надо не в умственных способностях Николая II, а в отсутствии у него сер-

дца, бросающемся в глаза в целом ряде его поступков. Достаточно припомнить посещение им бала французского посольства в ужасный день Ходынки, когда по улицам Москвы развозили пять тысяч изуродованных трупов, погибших от возмутительной по непредусмотрительности организации его «гостеприимства», и когда посол предлагал отсрочить этот бал. С.Ю. Витте в своих воспоминаниях передает слова великого князя Сергея Александровича, московского губернатора, советовавшего Николаю не посещать бал в французском посольстве. Николай не согласился. «По его мнению, эта катастрофа есть величайшее несчастье, но несчастье, которое не должно омрачать праздник коронации; ходынскую катастрофу надлежит в этом смысле игнорировать».

Можно ли, затем, забыть Японскую войну, самонадеянно предпринятую в защиту корыстных захватов, и посылку эскадры Н.И. Небогатова со «старыми калошами» (устаревшими боевыми кораблями) на явную гибель, несмотря на мольбы адмирала. Можно ли забыть ничем не выраженную скорбь по случаю Цусимы и Мукдена и, наконец, трусливое бегство в Царское Село, сопровождаемое расстрелом безоружного рабочего населения 9 января 1905 года. Этой же бессердечностью можно объяснить нежелание ставить себя на место других людей и разделение на «я» или «мы» и «они». Этим объясняются жестокие испытания законному самолюбию и чувству собственного достоинства, наносимые им своим сотрудникам на почве самомнения или даже зависти, которые распространялись даже на членов фамилии. Таковы отношения к Витте, таковые, в особенности, отношения к П.А. Столыпину, которому он был обязан столь многим и который для спасения его династии принял на душу тысячи смертных приговоров.

▲ Царская чета

Неоднократно предав Столыпина и поставив его в беззащитное положение по отношению к явным и тайным врагам, «обожаемый монарх», «хозяин земли Российской» (так Николай II написал в графе «род занятий» во время первой в России переписи населения) не нашел возможным быть на похоронах убитого, но зато нашел возможным прекратить дело о попустителях убийцам и сказал, предлагая премьерство Коковцеву: «Надеюсь, что вы меня не будете заслонять, как Столыпин?» Такими примерами полно все его царствование. Обер-прокурор Синода Самарин, приехав на другой день после благосклонно принятого доклада в Совете министров, прочел записку царя к Горемыкину, в которой стояло: «Я вчера забыл сказать Самарину, что он уволен. Потрудитесь ему сказать это».

Трусость и предательство прошли красной нитью через все его царствование. Когда начинала шуметь буря общественного негодования и народных беспорядков, он начинал уступать поспешно и непоследовательно, с трусливой готовностью. То уполномочивая Комитет министров на реформы, то обещая Совещательную Думу, то создавая Думу Законодательную в течение одного года, чуждаясь независимых людей, замыкаясь от них в узком семейном кругу, занятом спиритизмом и гаданьями, смотря на своих министров, как на простых приказчиков.

Царствование Николая II совпало с быстрым развитием капитализма в стране и проходило в обстановке

почти непрерывно нарастающего революционного движения, в борьбе с которым использовалась армия, полиция, карательные отряды, суды, раздувались национализм и шовинизм, поощрялись погромы, организованные черносотенцами.

Поражение в русско-японской войне 1904-1905 годов и революция 1905-1907 годов резко ослабили влияние России на международной арене. Началось интенсивное сближение со странами Антанты, в составе которой Россия вступила в I мировую войну.

Николай Романов не обладал большим умом и способностями в управлении страной. Под стать ему была и его жена Александра Федоровна – немка с английским воспитанием, ограниченным домашним образованием, душевно неуравновешенная, склонная к мистицизму, суеверию и спиритизму. Только на этой почве, богато удобренной, и мог появиться Распутин и распутинщина.

О Распутине написано много, как в бывшем СССР, так и за рубежом.

▲ I мировая война

Проводились даже специальные исследовательские работы, чтобы понять феномен «знаменитого» старца. Как мог неграмотный мужик, смазывающий свои сапоги дегтем, стать советником и доверенным лицом царского дома, вершителем судеб министров и генералов? Что можно сказать о «слепом случае»?

У царской четы родились одна за другой четыре девочки, а нужен был наследник престола. Склонная к мистицизму императрица попробовала прибегнуть к потусторонним силам. Во дворце стали появляться различного рода колдуны и волшебники. Они кружили вокруг царицы, вздымали руки к небу, что-то прятали в темных комнатах дворца, пускали слюни, бились в припадке, но ничего не помогало.

Наследник появился на свет естественным путем без всякого колдовства. Однако мальчик родился с наследственной по линии матери неизлечимой болезнью крови – гемофилией. Родители окружили ребенка заботой и вниманием. К его услугам были лучшие врачи мира. Но ничего не помогало. Однажды, когда врачи не смогли остановить очередное кровотечение после применения медицинских препаратов, и мальчик был на краю смерти, пришел Распутин, подливавший в это время масло в лампады в царских покоях, и путем «заговора» остановил кровотечение (очевидно, к тому моменту уже начали действовать медикаменты).. Всё! Для царицы он стал святым. Она стала называть его Другом и заявила, что с Распутиным связано всё счастье царской семьи и престола.

Позже будут сделаны далеко идущие умозаключения. Если мы доверяем Другу самое дорогое – сына, то почему мы не можем доверять ему, когда он советует сместить, скажем, главу правительства или назначить другого министра. Делается вывод: Распутин все делает не сам по себе, а по велению свыше. Его советы от Бога.

Распутин был вознесен на такой пьедестал, что стал недосягаем для простых смертных. Жизнь великой страны стала зависеть от его капризов и бредовых фантазий. Он бил зеркала в ресторанах, брал крупные взятки за предоставление протекции, использовал женщин-просительниц, и всё ему сходило с рук. Царь и царица ничего не хотели слушать о проделках «святого черта», как называл Распутина великий князь Николай Николаевич. Когда великие княжны Милица и Анастасия отказались пускать на порог своего дома новоявленного «святого» и попытались рассказать императрице о его проделках, та не стала их слушать.

Первые официальные расследования всех похождений и мерзостей Распутина начали служители церкви, те, кому исповедовались в грехе женщины, побывавшие в лапах «святого» Друга.

– Наговоры. Поклеп. – ответил царь.

Распутин хвастался иеромонаху Илиодору, что царь становился перед ним на колени и говорил: «Григорий, ты Христос». Старец хвастался и тем, что он целовал царицу в спальне дочерей. Чтобы убедить Илиодора в том, что он не врет, Распутин показал ему письма царицы. Илиодор попросил подарить ему несколько писем на память. Распутин согласился.

Через некоторое время скандальные письма появились в печати. Что могли думать современники, читая это и подобные ему письма?

«Возлюбленный мой, – писала царица к «святому», – и незабвен-

▲ Император на фронте

ный учитель, спаситель и наставник. Как томительно мне без тебя. Я только тогда душой покойна, отдыхаю, когда ты, учитель, сидишь около меня, а я целую твою руку, голову свою склоняя на твои блаженные плечи. О, как легко мне тогда бывает. Тогда я желаю мне одного: заснуть, заснуть навеки на твоих плечах, в твоих объятьях. О, какое счастье даже чувствовать одно твое присутствие около меня. Где ты есть? (Распутин в это время навещал свою деревню.) Куда ты улетел? А мне так тяжело, такая тоска на сердце. Только ты, наставник мой возлюбленный, не говори Ане (Вырубова) о моих страданиях без тебя. Аня – добрая, она – хорошая, она меня любит, но ты не открывай ей моего горя. Скоро ли ты будешь опять около меня? Скорей приезжай. Я жду тебя и мучаюсь по тебе. Прошу твоего святого благословения и целую твои блаженные руки. Во веки любящая тебя – мама».

История с увольнением гувернантки великих княжон мадемуазель Тютчевой была хорошо известна в России. Всё началось с того, что «чудотворец», под предлогом совершения молебна, появился в комнате царских дочерей, когда они, надев ночные сорочки, готовились ко сну. Тютчевой это не понравилось, и она усомнившись в благих намерениях и святости «божьего человека», заговорила об этом с императрицей. Последняя была разгневана, но не Распутиным, а Тютчевой. С ней состоялся «крутой» разговор, и она была уволена.

Усилиями императрицы и Распутина великий князь Николай Николаевич был снят с поста верховного главнокомандующего русской армии, должность верховного принял Николай II.

Находясь в Ставке, Николай II в письме от 23 сентября 1916 года дает указания императрице: «Да, действительно тебе надо бы быть мо-

ими глазами и ушами там, в столице, пока мне приходится сидеть здесь. На твоей обязанности лежит поддерживать согласие и единение среди министров, этим ты приносишь огромную пользу мне и стране! Я так счастлив, что ты, наконец, нашла подходящее дело! Теперь я, конечно, буду спокоен и не буду мучиться, по крайней мере, о внутренних делах».

Императрица не заставила себя долго упрашивать и развернула бурную деятельность. В сентябре 1916 года она пишет мужу: «Я больше уже ни капли не стесняюсь и не боюсь министров и говорю по-русски с быстротой водопада».

Рядом с императрицей находился Распутин. Он был не только её главным советником, но и мерилом в оценке человеческих качеств. Императрицу не интересовали деловые качества того или иного претендента на должность министра. Для неё «... главное, чтобы он был угоден «божьему» человеку». Каждый новый претендент в члены Совета министров оценивался по таким меркам: «Он любит нашего Друга... Он почитает нашего Друга... Он считает нашего Друга святым...»

В результате началась министерская чехарда. Контора заработала во всю мощь. Убедившись в необыкновенных способностях и возможностях Распутина, дельцы и всякого рода проходимцы стали пользоваться его услугами, минуя императрицу. Он сам писал записки высоким правительственным чинам: «Сделай для хорошего человека». Дело дошло до того, что всякого рода жульё просто покупало у него эти записки, чтобы потом самим выбирать, кому их предъявить.

Деятельность императрицы и Распутина не только деморализовала страну. Они взялись за руководство военными действиями. В телеграмме императрицы, которую она направила в Ставку царю в 1916 году есть такая строка: «Нужно сделать небольшой перерыв, и тогда всё пойдет хорошо. Он (Распутин) так сказал». Видимо, царица знала о начавшемся наступлении, и эту строку следует рассматривать как совет Распутина сделать небольшой перерыв в наступлении.

В письме из Царского Села от 4 июня 1916 года, направленном царю в Ставку, императрица пишет: «... Мой родной голубчик, от всей души благодарю тебя за твое драгоценное письмо. А. (этой буквой обозначалась Анна Вырубова) позабыла тебе сказать, что наш Друг шлет свое благословение всему православному воинству. Он просит, чтобы мы не слишком сильно продвигались на Север, потому что, по его словам, если наши успехи на Юге будут продолжаться, то они сами станут на Севере отступать, либо наступать, и тогда их потери будут очень велики. Если же мы начнем там, то понесем большой урон. Он говорит это в предостережение».

В ответ на это письмо царь из Ставки пишет царице 5 июля 1916 года: «...Мы с Алексеевым (начальник штаба Ставки Верховного главнокомандующего) решили не наступать на Севере, но напрячь все усилия на Южном. Но прошу тебя, никому об этом не говори, даже нашему Другу. Никто об этом не должен знать. Даже войска, расположенные на Севере продолжают думать, что они скоро пойдут в наступление, и это поддерживает их дух. Демонстрации, и даже очень сильные, будут здесь продолжаться нарочно. К Югу мы отправляем сильное подкрепление».

Предупреждение царя о том, чтобы императрица никому не говорила о планируемой штабом операции, «даже Другу», может только насмешить. Именно Друг и советовал не наступать на Севере, как же царица может не сказать ему, что совет исполнен?

А вот еще одно послание от 21 июля 1916 года: «Вечером пойду к Анне (Вырубова), чтобы повидать нашего Друга. Он находит, что во избежание больших потерь, не следует так упорно наступать. Надо быть терпеливым, не форсируя событий, т.к. в конечном счете победа будет на нашей стороне. Можно бешено наступать и в два месяца закончить войну,

▲ Заседание Ставки: Николай II, Брусилов, Алексеев

но тогда придется пожертвовать тысячами жизней, а при большой терпеливости будет та же победа, зато прольется значительно меньше крови».

В письме от 4 августа 1916 года императрица пишет царю в Ставку: «Он (Распутин) огорчен слухами, будто бы Гучков и Родзянко приступили к организации сбора меди. Если это так, то следует, по его мнению, отнять у них инициативу в этом. Совсем это не их дело. Просит тебя быть очень строгим с генералами в случае ошибок…Видишь ли, все страшно возмущены Безобразовым, все кричат, что он допустил избиение гвардии, что Леш, отступая в течение пяти дней, дал Б. приказ наступать, а он всё откладывал и, благодаря своему упорству, всё потерял, раненые стрелки, да и остальные не скрывают своего негодования».

Цитирование подобных посланий можно продолжать ещё долго, но и без того ясно, какое влияние имел Распутин на царя и царицу и какими он владел военными и государственными тайнами. Если вспомнить, что в военной стратегии и в управлении страной он сам ничего не смыслил, то возникает вопрос: кто руководил его действиями, кто определял, где и когда нужно наступать, а где нужно повременить? О том мы можем только догадываться. Вокруг Распутина вращалось много темных лиц, готовых торговать Родиной. Но были задействованы силы и другого порядка. В Петрограде действовала немецкая разведка, и было бы наивно думать, что она оставалась в стороне. Очевидно, именно на это намекали в своих послевоенных выступлениях немецкие специалисты, утверждавшие, что они получали информацию на самом высоком уровне.

Министр иностранных дел Сазонов, заметил с выражением глубокой скорби: «Император царствует, но правит императрица… Увы! Да хранит нас Бог!» А великий князь Николай Михайлович, на правах дяди наставлял Николая II следующим образом: «Ты веришь Александре Федоровне. Оно и понятно. Но что исходит из ее уст, – есть результат ловкой подтасовки, а не действительной правды. Если ты не властен отстранить от нее это влияние, то, по крайней мере, огради тебя от постоянных, систематических вмешательств этих нашептываний через любимую тобой супругу». Что же сделал Николай II? Он дал прочитать это письмо своей жене.

О том, что Распутин, торгует государственными и военными тайнами, говорили и депутаты Думы, прямо причисляя «святого старца» к «немецкой партии», действующей в пользу врага. К этой же партии современники причисляли и саму императрицу. Она не пользовалась в народе ни любовью, ни доверием. О ней ходили самые невероятные слухи и анекдоты. Вот один из них: «Царевич сидит и плачет в коридоре Зимнего дворца. К нему подходит генерал и спрашивает:

– Что случилось? Почему ты плачешь?

Царевич отвечает: – Как же мне не плакать? Когда бьют русских, плачет папа, а когда бьют немцев, плачет мама. А мне жалко и папу, и маму».

Плакать приходилось больше «папе». Российские войска, несмотря на свою беспримерную храбрость, были обречены. И в том не было их вины. Это была великая беда, в которую вверг свой народ Николай II. Трагедия заключалась в том, что Россия ввязалась в войну совершенно не подготовленной. Положение российской армии усугублялось еще бездарностью верховного командования. Его возглавляли два человека, которые конфликтовали друг с другом – генерал Сухомлинов, военный министр, и великий князь Николай

Николаевич, двоюродный дядя императора, главнокомандующий действующей армии. О военном искусстве оба стратега имели довольно смутное представление. Сухомлинов, лучший друг Распутина, был к тому же ещё и нечист на руку.

Позже, когда Николай II назначил сам себя Верховным главнокомандующим, всю работу по разработке стратегических и тактических планов выполнял начальник штаба генерал Алексеев. Правда, император вносил в них существенные коррективы, которые он делал по подсказке Распутина, что, естественно, вносило еще большую сумятицу в работу штаба и приводило к еще большим потерям.

Узнав о беспорядках в Петрограде, англичане и французы забили тревогу, опасаясь, что Россия может выйти из войны, потребовав от своих послов встречи с царем для обсуждения выхода из создавшейся ситуации. Английскому послу удалось получить аудиенцию у Николая II.

– Ваше величество! Позвольте мне сказать, что перед вами открыт только один верный путь, – это уничтожить стену, отделявшую вас от вашего народа, и снова приобрести его доверие.

Император выпрямился во весь рост, и жестко глядя на посла, спросил: «Так вы думаете, что я должен приобрести доверие своего народа или что он должен приобрести моё доверие?

Вот так, ни больше и не меньше. Кем же нужно себя считать, чтобы высказывать подобные суждения?!

Бездарная политика Николая II привела Россию на край пропасти. Сошлемся на документы. Вот «Доклад Петроградского охранного отделения Особому отделу полиции. Октябрь 1916 год. Совершенно секретно.»

Во внутренней части доклада характеризуется общая обстановка в стране и возможные катастрофические бедствия, угрожающие всему жизненному укладу государства. Далее авторы доклада сообщают: «Систематически нараставшее расстройство транспорта; безудержная вакханалия мародерства и хищений различного рода темных дельцов в разнообразных отраслях торговли,

▲ Царская семья

промышленной и общественно-политической жизни страны; бессистемные и взаимно-противоречивые распоряжения правительственной и местной администрации; недобросовестность второстепенных и низких агентов власти на местах и, как следствие всего вышеизложенного, неравномерное распределение продуктов питания и предметов первой необходимости, неимоверно прогрессирующая дороговизна и отсутствие источников и средств питания у голодающего в настоящее время населения – всё это определенно и категорически указывает на то, что грозный кризис уже назрел и неизбежно должен разрешиться в ту или иную сторону».

И далее: «Экономическое положение массы, несмотря на большое увеличение заработной платы, более, чем ужасно. В то время как заработная плата у массы поднялась всего на 50 %, цены на все продукты возросли на 100-500 %. Если раньше обед (чайная) стоил 15-20 коп, то сейчас 1 р. 20 коп; чай соответственно – 7 коп и 35 коп; сапоги – 5-6 руб. и 20-30 руб.; рубаха 75-90 коп и 2 руб. 50 коп-3 руб. и т.д.

Далее в том случае, если принять, что рабочий заработок повысился на 100 %, то всё же продукты повысились на 300 %».

«Страна отдана во власть мародеров, – говорится далее в докладе, – которые грабят и жмут всех без исключения. Правительство же как будто не видит этого и продолжает свою систему покровительства разным банкам, сомнительным дельцам и т.п. В начале войны казалось дикими всякие слова о возможности революции в России, а ныне все уверены, что революция будет неизбежно».

* * *

Рождественские праздники и новый 1917 год Николай II встретил в кругу семьи. Он хорошо отдохнул от военных забот. Правда, докучали министры и председатель Государственной думы Родзянко. С последним в январе состоялся довольно непростой и неприятный разговор. Родзянко считал положение в стране критическим и даже опасным. Ожидая каких-то потрясений, он требовал отставки правительства. Но больше всего царю не понравилось, как Родзянко высказался о его жене.

– Императрица, помимо вас отдает распоряжения по управлению

государством, министры идут к ней с докладом, и по её желанию все неугодные ей, но деловые люди быстро летят со своих мест и заменяются людьми, совершенно непригодными. В стране растет негодование на императрицу, очень много недовольных ею... Её считают сторонницей Германии, которой она симпатизирует. Об этом говорят даже среди простого люда...

– Давайте факты, сказал государь, – фактов у вас нет...

– Какие ещё нужны факты, – возразил Родзянко, – если всё направление политики, которое проводит её величество, ведет к тому... что для спасения вашей семьи надо найти способ отстранить императрицу от влияния на политические дела... Не заставляйте, ваше величество, чтобы народ выбрал между вами и благом Родины. До сих пор понятия царь и Родина были неразрывны, а в последнее время их стали разделять.

Можно себе представить, что чувствовал и о чем думал Николай II, выслушивая мнение председателя Государственной думы. Родзянко вспоминал, что во время разговора император сжал голову обеими руками, долго молчал, а потом спросил:

– Неужели я двадцать два года старался, чтобы было лучше, и двадцать два года ошибался?

Родзянко не стал его щадить.

– Да, ваше величество, двадцать два года вы стояли на неправильном пути.

Месяц спустя, 23 февраля, состоялась новая, уже последняя, встреча Родзянко и императора. Однако и на этот раз общего понимания не было достигнуто. Председатель Думы высказал свое предположение о надвигающейся революционной угрозе, а Николай II по своему обычаю пропустил мимо ушей его предупреждение и промолчал.

Император решил снова отправиться в Ставку. Его пытались отговорить от поездки, ссылаясь на ту же революционную ситуацию в столице. Он пообещал, больше того, он сообщил, что будет сформировано новое «ответственное правительство». Это было утром. Однако вечером того же дня император заявил о

▲ Отречение

своем отъезде в Ставку. Ему попытались напомнить о его обещании.

– Да... Но я изменил свое решение, – сказал Николай II, – и сегодня вечером уезжаю в Ставку.

Напомним, разговор состоялся в среду 23 февраля, а спустя пять дней случилось то, что и должно было случиться.

В тот день, когда царский поезд увозил императора в Ставку, в Петрограде начались бунты. Голодные люди начали громить булочные и продовольственные склады. На следующий день, 24 февраля, к бунтующим добавились новые массы людей. События развивались с катастрофической быстротой. 26 февраля забастовало большинство рабочих Петрограда. Остановились поезда и трамваи. Демонстранты заполнили все улицы столицы. Бастующие шли под красными знаменами, пели «Интернационал», требовали хлеба, отставки правительства. Были и более конкретные призывы: «Долой Протопопова!», «Долой войну!», «Долой немку!».

Народ потерял доверие к царю и правительству. Война обнажила всю несостоятельность и гнилость существующего режима правления. В городах и селах люди умирали с голоду. В трудные годы войны 15 миллионов крестьян бросили свои хозяйства, и армия практически осталась без продовольствия. Железнодорожный транспорт был парализован. Если в начале войны Россия располагала паровозным парком в количестве 20 070 машин, то к началу 1917 года их количество уменьшилось на 11 050 и составило всего 9 021 единицу. Парк вагонов сократился с 539 549 до 147 346 единиц. У шестимиллионной российской армии, сражавшейся с Германией и Австро-Венгрией, практически не было тыла. Солдат загнали в окопы и держали их там месяцами без еды и без боеприпасов. Однако всякое терпение имеет предел.

После двухмесячного отдыха в кругу семьи, царь прибыл в Ставку. Как видно из его писем, отправленных императрице, он скучал по домашнему уюту. Он пишет, что здесь, в Ставке, ему будет «недоставать тех игр, в которые они играли каждый вечер. В свободное время я здесь опять примусь за домино». Эти письма датированы 23 и 24 февраля – как раз те дни, когда на улицы Петрограда вышли демонстранты, требуя хлеба и отставки правительства.

Что отвечала императрица – неизвестно. Известно лишь, какую телеграмму направил Родзянко. «Положение серьезное. В столице – анархия. Транспорт, продовольствие и топливо пришли в полное расстройство. На улицах происходит беспорядочная стрельба. Медлить нельзя. Всякое промедление – смер-

ти подобно. Молю Бога, чтобы в этот час ответственность не пала на Венценосца».

Известна и реакция царя на эту телеграмму. «Опять этот толстяк Родзянко, – сказал он графу Фредериксу, – мне написал всякий вздор, на который я ему уже отвечать не буду». А в своей телеграмме на имя князя Голицына царь требует «занятия Государственной думы прервать». В тот же день он отправляет телеграмму императрице. «Выезжаю послезавтра. Разобрался здесь со всеми важными вопросами, спи спокойно. Да благословит тебя Господь». Телеграмма была отправлена 28 февраля, а накануне царское правительство во главе с Протопоповым было отправлено в отставку, и власть перешла в руки Государственной думы.

Выехав из Ставки, царский синий литерный поезд в два часа ночи подошел к станции Малая Вишера, расположенной в 160 км к юго-востоку от столицы и остановился. Пришло сообщение о том, что путь перекрыт мятежными солдатами, вооруженными пулеметами и орудиями. В Петроград и к Царскому Селу не пробиться. Решили повернуть на запад – в Псков. В восемь вечера царский поезд подошел к перрону Псковского вокзала. На платформе, где обычно выстраивался почетный караул, царя встречал только генерал Рузский со старшими чинами штаба. Рузский доложил Николаю II, что все гарнизоны Петрограда и Царского Села, включая гвардейские части и казаков, перешли на сторону мятежников. Отряд генерала Иванова, ранее направленный на подавление восставшего Петрограда, также перешел на сторону мятежников.

Выслушав его доклад, Николай II решил сделать уступку и создать новое правительство. Он приказал Рузскому сообщить об этом Родзянко. Однако его сообщение не обрадовало председателя Думы. «Его величество и вы не отдаете себе отчета в том, что здесь происходит; настала одна из страшнейших революций. Ненависть к государыне императрице дошла до крайних пределов. Вынужден был во избежание кровопролития, всех министров, кроме

▲ Великий князь Николай Николаевич

военного и морского, заключить в Петропавловскую крепость. Прекратите посылку войск. Я сам вишу на волоске, и власть ускользает у меня из рук. К сожалению, манифест запоздал. Время ушло. Возврата нет».

Телеграмма Родзянко ярко высвечивала сложившуюся ситуацию в столице. Он только не сообщил, что Временный комитет Думы и Петросовет сошлись в одном мнении – о необходимости срочной отставки императора в пользу цесаревича (делалась последняя попытка спасти монархию). Об этом царю должны были сообщить при личной встрече члены Государственной думы Гучков и Шульгин, которые для того уже отправились в Псков.

Посланцы прибыли к царю в десять часов вечера. К тому времени был проведен опрос всех командующих фронтами, чтобы узнать их отношение к Николаю II. Все они единодушно высказались за отречение. «Если такое решение не будет принято в течение ближайших часов, – сообщили командующие фронтами, – то это повлечет за собой катастрофу с неисчислимыми бедствиями». Но Николай II и сейчас не понял того, что произошло, назвав это «изменой». Это была не измена, а отторжение инородного тела, питающегося соками великой России, доведя её народ на грань гибели.

Николай II 2 (15) марта 1917 года отрекся от престола «в пользу моего брата Михаила». Но брат Михаил, едва сделавшись царем, немедленно отрекся от престола. В марте Временное правительство отдало приказ об аресте царской семьи. В начале августа новый глава Временного правительства Керенский А.Ф. приказал перевезти Романовых в Тобольск. Поезд шел под японским флагом с транспарантом на вагонах «Миссия японского красного креста». 25 октября (7 ноября) в Петрограде большевики свергли Временное правительство. 22 апреля 1918 года в Тобольск прибыл комиссар Яковлев В.В., чтобы перевезти Романовых в Москву, объездным путем, чтобы миновать Екатеринбург. Но как только Екатеринбургский совет узнал об этом, он забил тревогу. Под Орском поезд был остановлен. Яковлев получил приказ от Свердлова Я.М. передать узников в руки Уральского совета в Екатеринбурге. 17 июня 1918 года полковник Романов Н.А. и члены его семьи были расстреляны.

В начале XXI века «продвинутые в политическом плане» священнослужители РПЦ канонизировали полковника Романова, сделав его «святым». Император Николай II проиграл две войны – одну на востоке, другую на западе, в которых погибли в общей сложности миллионы людей и десятки миллионов были искалечены. Он до основания разорил Россию, привел ее на край пропасти, отрекся от престола, бросив свой голодный, обездоленный и измученный народ на произвол судьбы. И вот награда. Все средства массовой информации трубят о его скромности, человеколюбии, доброте и прочих достоинствах. По непредсказуемой логике церковных служителей, Николая II возвели в ранг святых мучеников. Сейчас в православных храмах вывешены его портреты в золотой оправе для всенародного поклонения.

Нам, к великому сожалению, уже не удастся узнать – какую оценку дадут этому деянию служителей Церкви будущие поколения многострадальной России. ■

ДЕНИС ДАВЫДОВ

О ПОЛЬСКИХ СОБЫТИЯХ 1830 ГОДА

В памяти всех не может не быть запечатленным образ цесаревича Константина Павловича; одаренный замечательною физическою силою, будучи среднего роста, довольно строен, несколько сутуловат, он имел физиономию, поражавшую всех своею оригинальностью и отсутствием приятного выражения. Пусть всякий представит себе лицо с носом весьма малым и вздернутым кверху, у которого густая растительность лишь в двух точках над глазами заменяла брови; нос ниже переносицы был украшен несколькими светлыми волосиками, кои, едва заметные при спокойном состоянии его духа, приподнимались вместе с бровями в минуты гнева. Неглупый от природы, не лишенный доброты, в особенности относительно близких к себе, он остался до конца дней своих полным невежею. Не любя опасностей по причине явного недостатка в мужестве, будучи одарен душою мелкою, неспособной ощущать высоких порывов, цесаревич, в коем нередко проявлялось расстройство рассудка, имел много сходственного с отцом своим, с тем, однако различием, что умственное повреждение императора Павла, которому нельзя было отказать в замечательных способностях и рыцарском благородстве, было последствием тех ужасных обстоятельств, среди которых протекла его молодость и полного недостатка в воспитании, а у цесаревича, коего образованием также весьма мало занимались, оно, по-видимому, было наследственным. Цесаревич говорил однажды некоторым из ближайших в себе особ: «не смея обвинять отца моего, я не могу, однако не сказать, что императрица Екатерина, обратив всё свое внимание на брата моего Александра, вовсе не занималась мною в детстве».

▲ Константин Павлович

Будучи предоставлен самому себе, вовсе не любя, подобно и младшим братьям своим, умственных занятий, он не был окружен с самого детства своего наставниками. Его воспитанием занималась императрица Мария Феодоровна. – Столь высокая обязанность далеко превосходила силы этой добродетельнейшей царицы, не обнаруживавшей никогда большого ума и немало любившей придворный этикет. Она однажды сказала князю П. И. Багратиону, назначаемому в начале царствования императора Александра летним комендантом Павловска: «Любезный князь, прикажите производить смену караулов без музыки, а то дети, услышав барабан или рожок, бросают свои занятия и бегут к окну; после того они в течении всего дня не хотят ничем другим заняться».

Вступив на действительную службу, цесаревич, бывший неумолимо взыскательным начальником относительно своих подчиненных, дозволял себе нередко, в порыве своего зверства, бить юнкеров, кои не обнаруживали быстрых успехов в знании службы. Участвовав в итальянской войне, он имел при себе, в качестве наставника и руководителя, бесстрашного и благородного генерала Дерфельдена, высоко уважаемого самим Суворовым. Будучи однажды недовольным распоряжением цесаревича, Суворов отдал в своих заметках следующее: «зелено, молодо, и не в свое дело прошу не вмешиваться». Встречаясь с ним, Суворов говаривал ему обыкновенно: «кланяюсь сыну великого моего государя». В течении этой войны цесаревич, оценив блестящие достоинства князя Багратиона, не переставал питать к нему чувство самой искренней приязни.

Цесаревич, воспитанный лишь для парадов и разводов, чувствовал себя весьма неловким среди дамской компании.

Хотя цесаревич не мог иметь детей по причине физических недостатков, но госпожа Фридрихс, муж которой возвысился из фельдъегерей до звания городничего, сперва в Луцке, а потом в Дубно, будто бы родила от него сына, названного

Павлом Константиновичем Александровым. Хотя е.и.в. лучше, чем кто-либо мог знать, что это был не его сын, и даже не сын г-жи Фридрихс, надеявшейся этим средством привязать к себе навсегда великого князя, но он очень полюбил этого мальчика; состоявший при нём медик, будучи облагодетельствован его высочеством, и терзаемый угрызением совести, почел нужным открыть истину цесаревичу, успокоившему его объявлением, что он уже об этом обстоятельстве давно знал. Надобно отдать справедливость, что г-жа Фридрихс, не показываясь нигде с великим князем, вела себя весьма скромно.

Цесаревич, никогда не принадлежавший к числу бесстрашных героев, в чём я не один раз имел случай лично убедиться, страстно любил, подобно братьям своим, военную службу; но для лиц, не одаренных возвышенным взглядом, любовью к просвещению, истинным пониманием дела, военное ремесло заключается лишь в несносно-педантическом, убивающем всякую умственную деятельность парадировании. Глубокое изучение ремешков, правил вытягивания носков, равнения шеренг и выделывания ружейных приемов, коими щеголяют все наши фронтовые генералы и офицеры, признающие устав верхом непогрешимости, служат для них источником самых высоких поэтических наслаждений. Потому и ряды армии постепенно наполняются лишь грубыми невеждами, с радостью посвящающими всю свою жизнь на изучение мелочей военного Устава; лишь это знание может дать полное право на командование различными частями войск, что приносит этим личностям значительные, беззаконные, материальные выгоды, которые правительство, по-видимому, поощряет. Этот порядок вещей получил, к сожалению, полную силу и развитие со времени вступления на престол императора Николая; он и брат его великий князь Михаил Павлович не щадят ни усилий, ни средств для доведения этой отрасли военного искусства до самого высокого состояния. И подлинно, относительно равнения шеренг и выделывании темпов, наша армия бесспорно превосходит все прочие. Но, Боже мой! каково большинство генералов и офицеров, в коих убито стремление к образованию, вследствие чего они ненавидят всякую науку. Эти бездарные невежды, истые любители изящной ремешковой службы, полагают, в премудрости своей, что война, ослабляя приобретенные войском в мирное время фронтовые сведения, вредна лишь для него. Как будто бы войско обучается не для войны, но исключительно для мирных экзерциций на Марсовом поле.

Прослужив не одну кампанию, и сознавая по опыту пользу строевого образования солдат, я никогда не дозволю себе безусловно отвергать полезную сторону военных уставов; из этого однако не следует, чтобы я признавал пользу системы, основанной лишь на обременении и притуплении способностей изложением неимоверного количества мелочей, не поясняющих, но крайне затемняющих дело. Я полагаю, что надлежит весьма остерегаться того, чтобы начертанием общих правил стеснять частных начальников, от большего или меньшего умственного развития коих должно вполне зависеть приложение к делу изложенных в уставе правил. Налагать оковы на даровитые личности и тем затруднять им возможность выдвинуться из среды невежественной посредственности – это верх бессмыслия.

Таким образом, можно достигнуть лишь следующего: бездарные невежды, отличающиеся самим узким пониманием дела, окончательно изгонят отовсюду способных людей, которые, убитые бессмысленными требованиями, не будут иметь возможности развиться для самостоятельного действия и безусловно подчинятся большинству. Грустно думать, что к этому стремится правительство, не понимающее истинных требований века, и какие заботы и огромные материальные средства посвящены им на гибельное развитие системы, которая, если продлится надолго, лишит Россию полезных и способных слуг. Не дай Боже убедиться нам на опыте, что не в одной механической формалистике заключается залог всякого успеха. Это страшное зло не

Давыдов Денис Васильевич – потомок древнего дворянского рода, герой Отечественной войны 1812 года, один из организаторов партизанского движения. Военный писатель и поэт, едко высмеивающий первых лиц государства. Генерал-лейтенант, в армии с 1801 года. Адъютант генерала от инфантерии, князя П. И. Багратиона. Участвовал в войнах России с Францией 1806–1807 гг., 1812–1814 гг.; Швецией 1808–1809 гг.; Турцией 1809–1812 гг.; в войне с Ираном 1826 г. Отличался исключительной храбростью. Принимал участие в подавлении польского мятежа 1830–1831 гг.

уступает, конечно, по своим последствиям, татарскому игу! – Мне, уже состарившемуся в старых, но несравненно более светлых понятиях, не удастся видеть эпоху возрождения России. Горе ей, если к тому времени, когда деятельность умных и сведущих людей будет ей наиболее необходима, наше правительство будет окружено лишь толпою неспособных и упорных в своем невежестве людей. Усилия этих лиц не допускать до него справедливых требований века могут ввергнуть государство в ряд страшных зол.

Вообще хотя в эпоху правления Польшею цесаревича, заботливостью нашего правительства благо-

состояние этой страны было увеличено, но это было вполне тяжкое для поляков время. Никакие заслуги, никакие добродетели не спасали тех, кои имели несчастье заслужить неблаговоление цесаревича, действовавшего лишь по своему капризному произволу. Хотя он долгое время видел лишь зрелище любви и подобострастия к себе в поляках, но сердца их не могли быть преисполнены большою к нему нежностью. Отсутствие личного права, несправедливые действия цесаревича и безумное злоупотребление силы не могли не возбудить всеобщего негодования.

По установлении русского владычества в Варшаве, цесаревич, сначала довольно милостивый к полякам, дал вскоре полную волю своему дикому, необузданному нраву. Посещая полки во время учений, он нередко, в припадках бешеного гнева, врезываясь в самые ряды войск, осыпал всех самыми неприличными бранными словами. Он говаривал начальникам при всех: «Vous n'ètes que des cochons et des misérables, c'est une vraie calamité que de vous avoir sous mon commandement Вы не находите, свиньи и негодяи, это настоящее бедствие, что вы под моим командованием (*фр.*); я вам задам конституцию».

К довершению всего, он, в припадках ярости, часто лично наказывал тех, кои возбуждали его подозрение. Этот порядок вещей не мог долго продолжаться; мы видели, что ничтожное покушение нескольких подпрапорщиков послужило сигналом к явному против нас восстанию.

И в 1830 году, польское патриотическое общество, видя решительные действия Императора Николая со времени 14 декабря, требовало немедленного приступления к делу. Вследствие того образовались два новые тайные общества: одно военное, другое гражданское, целью коих было возбуждение к скорейшему восстанию. Потому и определили: что сорок решительных и вооруженных юношей в плащах, явившись поодиночке на Саксонскую площадь до развода, должны были скрыться в толпе народа до прибытия цесаревича, которого им надлежало тотчас убить. Это должно было служить сигналом для пятидеся-

▲ Император Николай I

ти подпрапорщиков к нападению на русских генералов и взятию их в плен. Войска, собранные для развода на площади, должны были, провозгласив независимость Польши, немедленно устремиться в казармы, занимаемые русскими войсками и обезоружить их. Для того, чтобы поддержать это движение было назначено несколько сотен учеников из военных училищ, много студентов и саперный батальон, на коем основывалась главная надежда заговорщиков. По словам Салтыка, усердие и преданность к пользам России русской гвардейской дивизии, силою в 7000 человек, составленной из уроженцев польско-российских губерний, были весьма сомнительными.

8-е октября было назначено днем восстания в Варшаве по той причине, что 7-е и 8-е были днями, в которых польские гвардейские гренадеры должны были содержать караулы. Порядок гарнизонной службы, заведенный цесаревичем, был следующий: эта обязанность должна была быть исполняема в течении двух дней сряду русскими, а в течении двух следующих дней – поляками. В течении этого времени было взято под стражу несколько молодых людей; цесаревич стал, без всякого намерения, изменять довольно часто порядок очередей по гарнизонной службе и реже присутствовать на разводах; Это побудило мятежников отложить восстание до 29-го/17 ноября. В это время заговорщики, не желая терять времени, послали в разные воеводства для возбуждения восстания между гражданами и войсками, и для приведения всего в надлежащую готовность: Звиерковского, Салтыка и других важнейших членов тайного общества. Невольно спросим: что же делала в это время Варшавская тайная полиция, которая стоила правительству столь много денег?

Но в половине ноября стали распространяться следующие слухи: будто бы русское правительство высылает в Бельгию особую армию, которой приказано на походе обезоружить польскую; австрийцы будто бы выводят из Галиции польские войска в Венгрию и заменяют их там венгерскими, будто они свозят все ружья и сабли польской милиции в крепости Моравии и наконец будто бы тридцатитысячный ландвер, выведенный из Познании, размещен пруссаками по крепостям Силезии, где ему предстоит нести гарнизонную службу.

И так 17/29 ноября в 7 часов вечера, покушение нескольких польских подпрапорщиков убить цесаревича в Бельведерском дворце послужило сигналом ко всеобщему восстанию. Цесаревич, едва спасшийся, выступил в ту же ночь с русскими и некоторыми оставшимися верными польскими войсками в деревню Виржбу, по дороге в Гуры находящуюся в 3-х верстах от заставы (здесь собралось до 8000 человек при 28-ми орудиях).

Совет правительственный, установленный еще в 1815 году, принял в ту же ночь бразды правления; президентом его был граф Соболевский, членами – гр. Мостовский, граф Грабовский, генералы Раутенштраух и Косецкий, граф Фредро и князь Любецкий. Это было предприятие весьма отважное со стороны совета, обязанного своим значением той власти, против которой возбуждено было восстание. Члены совета, обнаружившие тут ловкость и смелость, имели вероятно в виду удержать за собою преимущества, сопряженные с званиями, ими до сего времени носимыми. Они избрали еще новых членов из лиц, наиболее популяр-

ных: князя Адама Чарторыжского, князя Михаила Радзивилла, Кохановского, генерала Паца, Немцевича и генерала Хлопицкого. Этот последний предвидел гибельные последствия восстания и, не желая стать во главе правления, как того желали все, скрывался в продолжении некоторого времени в городе и его окрестностях. Совет, предписав образование национальной гвардии, назначил генерала Паца (с оговоркой: до прибытия Хлопицкого) начальником польских войск, коих число не превосходило в то время 4500 человек, ибо некоторые еще колебались приступить к восстанию, другие же последовали за цесаревичем.

Нашим войскам, как видим, легко было, вступив на следующий день обратно в Варшаву, потушить восстание в самом его зародыше. Предложение о том было отвергнуто лишь вследствие воспоминания о событиях 1794 года. Войска Игельштрема понесли тогда жестокое поражение, не по причине пребывания своего посреди возмутившегося города, но потому, что они, будучи рассеяны в нём, и вовсе не готовы к принятию боя, нашлись вынужденными пробиваться малыми частями сквозь

▲ Хлопицкий Иосиф

огромные толпы войска и вооруженных жителей. Ничего подобного не могло здесь случиться, – если бы войска наши решились вступить в город через Мокотовскую заставу, 18-го ноября поутру, одною колонною. Независимо от нашего материального превосходства в силах, смелость и решительность с нашей стороны могли дать большие результаты. – Если бы даже это предприятие и не удалось, то мы могли, очистив еще раз город, вступить уже не через Мокотовскую заставу, а через Вислу в Прагу, следуя самым естественным, прямым и удобным путем сообщения с Россиею, что одно уже представляло огромные выгоды.

Хлопицкий, бывший весьма честным, но бедным человеком, удостоился чести командовать французскими войсками во время Наполеона, который пожаловал ему титул барона Французской империи, и майорат в 6000 франков ежегодного дохода. Ермолов, вернувшись из Варшавы в Петербург в 1821 году, сказал Государю: «я вполне удивляюсь, как могли выпустить в отставку Хлопицкого?» На что Е.В. отвечал: «я вынужден был уволить его потому, что он позволял себе явно насмехаться над некоторыми подробностями нашей фронтовой службы». В самом начале восстания Хлопицкий, явившись к цесаревичу, вызывался занять гвардейским полком арсенал наполненный оружием и не допускать мятежников овладеть им, но великий князь не решился воспользоваться этим предложением. Впоследствии император Николай имел одно время в виду наказать его ссылкою, но когда ему объяснили, что мы обязаны Хлопицкому тем, что мятеж не охватил всей Литвы, то он назначил ему пожизненный пенсион.

▲ Взятие варшавского арсенала

10 ноября Хлопицкий принял на себя, после продолжительных отговорок, звание главнокомандующего всеми польскими войсками. Возникший между тем клуб, под председательством знаменитого Лелевеля, приобрел огромное влияние. Вынужденный уступить требованиям большинства, правительственный совет исключил из среды своей Соболевского, Грабовского, Раутенштрауха, Косецкого и Фредро, почитавшихся слишком умеренными, и заменил их Дембовским, графом Островским, графом Малаховским и Лелевелем, который в свою очередь уступил председательство в клубе Броникowскому. Вследствие объявленного цесаревичем желания, видеться с некоторыми из членов совета для узнания истинных требований Польши, кои он желал по возможности удовлетворить, присланы были в Виржбу: князья Чарторыжский и Любецкий, граф Островский и Лелевель; им было предписано требовать прежде всего возвращения царству конституции, дарованной ему в 1815 году и присоединения к нему западных русских губерний. Сверх того им было поручено выведать, косвенными путями, об истинных намерениях цесаревича, у которого надлежало также исторгнуть решительный ответ о назначении Литовского корпуса: предписано ли ему вступить в царство польское или нет? После пятичасовой конференции цесаревич, принявший весьма благосклонно депутатов, вручил им следующее письменное объявление.

«1. Е.И.В. объявляет, что не имея намерения атаковать город войсками, находящимися под его начальством, он в случае начатия военных действий обязуется известить о том правительство за 48-м часов.

2. Е.И.В. принимает на себя ходатайство у престола Е.В. императора и царя о милосердном забвении всего прошлого.

3. Е.И.В. объявляет, что он не давал повеления Литовскому корпусу вступить в царство Польское.

4. Пленные будут освобождены».

Чрез три дня Варшава представляла совершенно иной вид. Совет правления пал и был заменен временным правлением; членами коего были князь Чарторыжский, Лелевель, Островский, Кохановский, Пац, Дембовский и Немцевич. Сейм должен был быть собран к 6-му декабрю; полки Шембека и Скржинецкого вступили в город. Сверх того были посланы приказания Гельгуду в Радом и Круковецкому в Раву о направлении вверенных им войск к Варшаве, для того чтобы угрожать этим движением единственному пути отступления цесаревича на Гуры и Пулаву. Это последнее обстоятельство побудило великого князя, оставив левый берег Вислы, направить свой путь в границе Империи. Цесаревич почел нужным переслать во временное правление следующее объявление:

«Дозволяю польским войскам, оставшимся мне до сей минуты верными, присоединиться к своим.

Я выступаю с императорскими войсками и удаляюсь от столицы. Я надеюсь на великодушие польской нации, и уверен, что мои войска не будут, во время движения их в границам, тревожимы. Я вверяю покровительству нации охранение зданий, собственность разных лиц и особ».

По мнению некоторых, цесаревич послал приказание русским войскам, занимавшим Модлин, очистить эту крепость, которую поляки поспешили занять. Не опровергая этих слухов, я однако не могу поручиться за их достоверность. Цесаревич, успокоенный циркулярным приказанием Хлопицкого, запрещавшего полякам тревожить наши войска во время их движения к границам Империи, выступил из Виржбы на Гуры.

Между тем Хлопицкий убедил, 23-го ноября (5 декабря) временное правительство облечь его диктаторскою властью. Это было утверждено Сеймом 8-го декабря на следующих основаниях: Диктатор, Надзирательная комиссия, избираемая из членов Сейма и имевшая право, по своему усмотрению, лишать Диктатора власти, и министры, ответственные пред Сеймом. Хлопицкий умел уладить дело таким образом, что Надзирательная Комиссия находилась вполне под его влиянием, ибо значительнейшие члены её были им включены в какую то национальную Комиссию, которая была ему непосредственно подчинена. Хлопицкий, вступив в свои права, отправил в Петербург князя Любецкого и графа Езерского с всеподданнейшим донесением о прекращении им безначалия и всеподданнейшею просьбою возвратить царству конституцию 1815 года, и даровать подобную же польско-российским губерниям. Хлопицкий выразил при этом собственные чувства преданности, питаемые им к особе Его Величества. Отправив эту депутацию в Петербург, он строго запретил, под опасением лишения жизни, лицам, вызвавшимся, подобно графу Роману Салтыку, истребить войска цесаревича, сметь предпринимать что-нибудь противу наших войск. Приказав закрыть все клубы, возникшие в Варшаве, он стал строго наблюдать за тайными обществами и сходками всякого рода. Он говорил явно всем, что действуя лишь как верноподданный короля своего (Императора Николая), он продолжает совершать акты именем Е.И.В.; замечательно то, что во время Диктаторства Хлопицкого, имя нашего государя не преставало раздаваться в храмах во время Богослужения. Он послал адъютанта своего графа Замойского к командиру Литовского корпуса барону Розену с объявлением, что по случаю отъезда депутатов в Петербург и в надежде умиротворить край без пролития крови, он требует, чтобы не было предпринято со стороны Розена каких-либо военных действий; в противном случае Розен должен будет отвечать самому Государю за пролитие единой капли крови до получения высочайшего на то повеления. Не взирая на предложение, сделанное ему князем Любецким до отъезда сего последнего из Варшавы, о распространении восстания в Польско-Российских губерниях, и мнений Салтыка и Кицкого, вызывавшихся привести это в исполнение, Хлопицкий, не согласившись с ними, объявил даже прибывшим депутатам Волыни, Литвы и Подолии, что у него нет ни одного патрона к их услугам. Очевидно было, что диктатор, ожидавший со стороны России единства в усилиях, и не над-

еявшийся на счастливый исход восстания, думал спасти свое отечество, не прибегая к оружию и стараясь, до полного подчинения Польши России, привести ее предварительно в совершенную от себя зависимость. Поляки, понимая по своему характер Хлопицкого, не могли допустить, чтобы этот человек был бы способен заглушить в себе голос честолюбия и мщения, после продолжительного и оскорбительного к нему невнимания цесаревича и ряда личных неудовольствий, испытанных им в течении нескольких лет; большинство, мечтавшее лишь о войне, возлагало все свои надежды на одного Хлопицкого. За недостатком лучших генералов, все превозносили военные дарования Хлопицкого, не имевшего однако случая командовать большими массами войск. Как бы ни было, но в настоящих затруднительных обстоятельствах Хлопицкий, не имел соперников, был потому человеком необходимым, которого поддерживали даже те, против желания коих он явно действовал. Однако благоразумие требовало, чтобы он сделал некоторые уступки лицам, управлявшим общественным мнением, без чего ему было невозможно достигнуть избранной цели. Занявшись устройством армии, он отправил двух регементаржей или главных наборщиков и обучителей ополчения: одного, Салтыка, в воеводства, лежащие на правом берегу Вислы, а другого – Малаховского – в воеводства левого берега. Поручив князю Чарторыжскому вступить в письменные сношения с Австрией, он отправил Валевского – в Париж, Белопольского – в Лондон, Мостовского в Берлин. Все меры, принимаемые регементаржами, не только не встречали одобрения и поощрения со стороны диктатора, но он явно стремился затруднить приведение их в исполнение. Наставления дипломатическим агентам заключались лишь в том, чтобы склонить дворы к посредничеству между Польшей и Россией, исходатайствованию у нашего государя возвращения царству конституции 1815-го года и дарованию подобных же учреждений польско-российским губерниям: в этих наставлениях не было упомянуто об отторжении этого царства и польско-российских губерний от России.

Между тем цесаревич отступал благополучно на Гуры и Пулаву, но здесь одна польская артиллерийская рота, не извещенная еще о том, что Хлопицкий строго запретил беспокоить наши войска, приготовилась, вместе с жителями местечка, преградить нам переправу через Вислу. Но к нашему благополучию повеление Хлопицкого пришло еще вовремя, и потому эта рота, двинувшись в Варшаву, не помешала нашим вступить в Пулаву. Это приказание было сообщено роте генералом Вейсфлоком, квартировавшим с одним из уланских полков своей бригады в Люблине. Цесаревич, прибыв в Пулаву, посетил престарелую княгиню Чарторыжскую, мать князя Адама, которую цесаревич терпеть не мог, и называл бабой ягой. – Цесаревич, на которого, как и на всех русских явно сыпались везде страшные ругательства, не мог не заметить, что шапки и шляпы всей дворни княгини и вообще всех пулавских жителей были украшены национальными кокардами; выступив из Пулавы, он двинулся на Куров, Маркушев и Каменку с намерением миновать Люблин, занятый одним польским уланским полком. Войска наши следовали до самого Любартова по крайне дурным проселочным дорогам, совершенно испортившимся вследствие продолжительной дурной погоды; главная забота цесаревича состояла в том, чтобы избежать встречи с польскими войсками, коих невозможно было опасаться: во 1-х вследствие приказания отданного Хлопицким, и во 2-х по причине значительного превосходства нашего корпуса над разбросанными, небольшими от-

рядами польскими. Цесаревич хотел двинуться из Любартова, через Коцк, на Брестское шоссе около Бялы, но так как по слухам Бияла была уже занята войсками, присланными сюда из Варшавы для наблюдения за литовским корпусом, сосредоточенным между Брестом и Белостоком, то цесаревич предпочел, пробравшись вправо на Влодаву, вступить в границы нашей империи, где и расположился в окрестностях Ружон и Слонима позади нашего Литовского корпуса. В этом быстром и вместе чрезмерно осторожном отступлении видна господствующая мысль цесаревича: избегать по возможности встречи с мятежными войсками. Он вероятно, не желая подавать повода к решительному разрыву с царством, думал, что пока между нашими и польскими войсками еще не воспоследовало кровавой встречи, всегда было возможно приступить к возобновлению мирных переговоров, не унижая тем величия России: если бы даже и нельзя было избежать стычки, он имел в виду не допускать большего кровопролития, что могло лишь ожесточить друг против друга оба сражавшиеся народа. Такова была, по-видимому, мысль цесаревича, которой он остался вполне верным во всё продолжение войны. Малейшая капля крови, пролитая войсками цесаревича в битве с поляками, могла отдалить на самое неопределенное время умиротворение края; с одной стороны исчезла бы навсегда возможность выйти с честью из дела, предпринятого весьма легкомысленно; – с другой-великодушное забвение о прошлом становилось невозможным, и надлежало прибегнуть к силе оружия. Вообще все действия цесаревича в эту эпоху столь таинственны, что значительное большинство его подчиненных, никогда ему ни в чём не сочувствовавшее, явно обвиняло его в измене. Хотя я глубоко убежден, что русский великий князь не мог забыть обязанностей своих, но я должен с прискорбием сказать, что поведете цесаревича, к личным качествам коего никогда не питали большего уважения, подало повод к нареканиям страшным и неотразимым. Этот своенравный, дерзкий, но

далеко не мужественный человек, не привыкший с самого детства своего обуздывать порывов своего крутого и своевольного характера, требовавший от всех лишь безусловного исполнения малейших своих прихотей, был вынужден терпеливо выслушивать надменные и дерзкие требования лиц, незадолго перед тем распростертых у ног его. Он делал, вероятно, всё это, имея в виду пользу России: так по крайней мере полагаю я, но не так думали поляки. И подлинно: уважение, оказываемое цесаревичем варшавскому правительству во время официальных с ним сношений, поистине непостижимо! Он, казалось, охотно признавал законность этого правительства, и тем будто поощрял европейские дворы к признанию независимости Польши. Цесаревич, постоянно взыскательный и малоприветливый с своими подчиненными, совершенно изменился теперь в этом отношении в полякам, благосклонно выслушивая их предложения, иногда оскорбительные для русского воинства. На вопрос, сделанный ему начальниками оставшихся верными польских войск «куда Е.И.В. прикажет им идти?», цесаревич, брат русского Императора, отвечал: «повинуйтесь уже не мне, а вашему новому правительству!»

Войска Польские, не умея объяснить себе поведения цесаревича, которое они приписывали не желанию решить вопрос миролюбивым путем, но лишь чувству робости, потеряли к нему всякое уважение, а с утратой уважения исчезло и всякое к нему повиновение.

Меня уверяли очевидцы, как поляки так и русские, проживавшие в то время в Варшаве, что после выступления наших войск в Виржбу 17-го ноября можно было потушить народное волнение в самом городе, на другой день утром с шестью батальонами, к вечеру того же дня десятью, но на третий день и двадцати тысяч человек было бы уже недостаточно, тем более, что в город уже вступили несколько польских полков, собралось из окрестностей много шляхтичей и тогда уже характер восстания ясно обозначился. Это было весьма правдоподобно, ибо, как мы выше видели, Варшава заключала в себе еще 18-го числа утром не более 4500 человек войска. Поляки утверждали, что официальный характер сношений цесаревича с временным правительством придал ему вид законности, а изъявленное его высочеством полное согласие на статьи, поднесенные ему этим правительством, равносильно торжественному признанию независимости, царства Польского. Они еще более выводили подобное заключение из следующего: известно, что цесаревич приказал некоторым полковым командирам польских войск, в числе коих находились командир полка Скржинецкий и Гельгуд, командовавший одной пехотной бригадой, повиноваться уже не ему, а народному правлению; это приказание было вероятно дано Е.И.В. из опасения измены сих полков и соб-

ственного плена. Как бы то ни было, но эти полки превзошли напротив все прочие в ненависти к русским и в старании раздуть по возможности пламя восстания. Предоставляю моим читателям выводить из всего мною сказанного свои собственные заключения; что же касается лично до меня, то я, как исключительно военный человек не могу надивиться следующему обстоятельству: пренебрежению цесаревича захватить Замостьскую и Модлинскую крепости, которые он бы мог удержать за собой до прибытия наших главных сил. В Модлине находился немногочисленный и неготовый к обороне гарнизон, коего часть, услыхав о восстании столицы, еще недоумевала на что решиться, но большая его часть ничего еще о том не знала. Как много выиграли бы наши военные действия в самом начале войны, если бы наши главные силы нашли эти крепости занятыми своими войсками. Да не додумают, что войскам, оставленным в этих крепостях, предстояла какая-либо опасность со стороны противной армии; Модлин был сильно укреплен и снабжен всем необходимым. Что касается до обороны крепости после овладения ею, то это не могло представлять нам больших затруднений, тем более, что в польской армии не было ни одного осадного орудия; если бы она имела у себя несколько осадных парков, то и в таком случае она не решилась бы отдалиться от Варшавы, куда ежеминутно ожидали прибытия нашей главной армии. Диктатору пришлось бы потому ограничиться одной блокадой, которая, как известно, зависит от многих обстоятельств: осаждающие, при первом известии о приближении нашей армии, поспешили бы отступить к Варшаве. Надобно присовокупить, что цесаревич, отступая на Гуры и Пулаву, мог тем легче занять Замостье. Чтобы захватить Модлин ему надлежало, оставив Пулаву, следовать почти мимо пражского предместья, откуда поляки, собравшиеся в Варшаве, могли атаковать его; это могло подать повод к битве, чего цесаревич тщательно и явно избегал. Во всяком случае ему надлежало достигнуть поспешнее брестского шоссе и тогда бы Модлин мог быть легко занят нашими войсками. Сношения цесаревича с народным правлением приняли бы совершенно иной характер. Удержав за собой Модлин, мы могли бы господствовать над обоими берегами Вислы, что значительно облегчило бы нашей главной армии атаку Варшавы, обнесенной лишь небольшим валом. В случае, если бы мятежники решились отдалиться от Праги, не имевшей еще предмостного укрепления, мы могли бы действовать против них с фланга, с тыла или наперерез. Нет сомнения, что в этом случае поляки не замедлили бы изъявить полную покорность. Занятие нашими войсками Замостья, не представляя для нас тех же выгод, значительно способствовало бы успеху войны. Это охранило бы Волынскую, Подольскую и Киевскую губернии от вторжения поляков и исчезли бы выгоды, доставляемые им этою крепостью, которая находится на прямейшем сообщении с Галицией, откуда поляки в течении войны получали за деньги порох, оружие и съестные припасы. Обмундированные, вооруженные и обученные военному ремеслу выходцы галицийские, соединившись со многими беглецами из Волыни, Подолии и Киевской губернии, отправлялись вдоль Австрийской Галиции к Завихвосту; перейдя здесь Вислу, они следовали левым её берегом в Варшаву. Обладание сею крепостью избавило бы нас от необходимости ослабить нашу армию, которой во всё время войны угрожали с левого фланга и почти с тыла, сперва Дверницкий, потом Хржановский, находившийся близ Замостья. Мы нашлись впоследствии вынужденными обеспечить свой левый фланг корпусами Крейца и Ридигера. – Когда уже было явно, что Варшаву невозможно было усмирить, 19-го ноября по утру, мы могли выступить из Виржбы, и следуя быстро сквозь рассеянные, малочисленные мятежные отряды, достигнуть Замостья, отстоящего от Варшавы в 260 верстах, не более как в 8 дней. Если ореол власти, озарявший цесаревича, померк уже в самой Варшаве, то он был еще в полном блеске в отдаленных краях царства; внезапное

▲ Генерал-фельдмаршал Иван Иванович Дибич-Забалканский

прибытие великого князя с войсками к малосильному и ни о чём еще не извещенному гарнизону, привыкшему трепетать при одном слове Е.И.В, возымело бы на него сильное действие, и без сомнения ворота крепости тотчас бы растворились пред нами. Мы во всяком случае рисковали весьма немногим; если бы нам это предприятие не удалось, мы, подвергшись нескольким выстрелам из крепости, и пройдя с небольшим милю, могли вступить в свои пределы, но уже не в Влодаве, а в Устилуге. В начале декабря литовский корпус, в соединении с войсками цесаревича и в ожидании прибытия главной армии, находился уже на нашей границе. Надобно отдать полную справедливость, что цесаревич и его окружающие совершенно растеряли головы.

Здесь является вопрос: надлежало ли ожидать прибытия главной армии, или, немедленно соединясь с литовским корпусом, что составило бы 50 000 войска, тотчас атаковать 30 000 польскую армию, еще не приведенную в надлежащий порядок. Если бы офицеры и нижние чины литовского корпуса были природные русские, то без сомнения надлежало

бы воспользоваться превосходством наших сил над неприятелем, коего силы, будучи развеяны, не могли бы выдержать наших ударов. На литовский корпус, сформированный большею частью из уроженцев западных губерний, невозможно было полагаться в таком деле, в коем успех и неудача много зависели от первого удара. Хотя отсрочка в действиях представляла много выгод полякам, способствуя полному развитию их средств, но при взаимной неготовности обеих враждующих сторон, она дозволяла нам одержать с большею вероятностью решительные успехи над неприятелем. Средства, коими могли располагать поляки, возросли бы без сомнения в течении первых трех месяцев, но не далее; напротив средства России были можно сказать неистощимы. Основываясь на этом, было решено с нашей стороны отложить наступление до прибытия главной армии.

Теперь возникает другого рода вопрос: если литовскому корпусу и войскам, приведенным цесаревичем, надлежало воздержаться до прибытия главных наших сил от наступления, следовало ли полякам до этого времени приблизиться к месту расположения литовского корпуса. Хлопицкий воздержался от этого, не потому, чтобы польза этого движения ускользнула от его проницательности, но потому лишь, что он ожидал спасения Польши, не от битв, а от мирных переговоров. Я только этим объясняю себе пренебрежение его к подобного рода действиям. Но неужели он надеялся на успешный исход переговоров, начатых Любецким и Езерским? Невольно вопрошаю себя: неужели надеялся он, в награду за обуздание безначалия в Варшаве и за несогласие на распространение мятежа в польско-российских губерниях, что государь изъявит свое согласие на предложения, присланные ему через депутатов? Пятилетнее царствование императора Николая должно было бы открыть глаза Хлопицкому. Притом требования его различествовали от требований прочих поляков лишь тем, что были облечены в формы более мягкие, тогда как требования других были объявлены надменно и с оружием в руках. В сущности требования их были одни и те же, а потому уступки со стороны государя ожидать было нельзя. После этого непростительно заблуждения Хлопицкого, пренебрегшего принять меры к скорейшему приготовлению Польши для продолжительной борьбы на жизнь и смерть, и замедлявшему развитие всех необходимых для того средств, в надежде на заключение выгодного с Россиею мира! Жребий был брошен, и потому Хлопицкому надобно было избрать одно из двух: либо не принимать на себя звания диктатора, и уклониться от участия в восстании; либо принять это звание с явным и решительным намерением вести борьбу с Россиею до полного изнеможения сил. Это было бы по крайней мере вполне согласным с логикой; первая система могла возбудить против него ненависть и негодование поляков и подвергнуть его большой опасности; вторая же должна была навлечь на него полное неблаговоление государя. Но делать было нечего; он должен был, приняв на себя звание диктатора, действовать решительно в пользу избравших его, и не верить в возможность восстановления мира в самом разгаре войны. Едва ли сам Хлопицкий, в минуты, когда он не увлекался несбыточными фантазиями, не отчаивался в успехе начатого дела? И так если он решился захватить диктаторскую власть у времен-

▲ Сражение при Грохове

ного правительства, то должен был не замедлять и не затруднять развития боевых средств своего отечества, но напротив не щадить усилий для успешнейшего и скорейшего вооружения и образования наибольшего количества войск, что нисколько не помешало бы ему продолжать начатые мирные переговоры. Тому могло значительно содействовать движение польской армии к нашей границе; она этим могла усилиться вследствие побегов, которые не могли не оказаться в корпусе, состоящем из её соотечественников. Таким образом силы польские при самом начале восстания могли, независимо от резервов и от поголовного ополчения, возрасти до 80 000 человек. Конечно, это предприятие и могло не иметь никакого успеха, ибо в течении войны литовский корпус не изменял России, но при всём том дух этого корпуса был весьма ненадежным. Если литовский корпус остался верным, то это может статься произошло лишь от того, что он вошел в общий состав нашей армии; этого бы не случилось, если бы он оставался в одиночестве, порознь от нашей армии, тем более, что сам Салтык утверждает, что третья часть офицеров принадлежала к Варшавскому патриотическому обществу. Это еще более убеждает меня в том, что Хлопицкому надлежало, двинув свою армию к нашим границам, приказать немедленно своим офицерам и солдатам войти в сношения с чинами литовского корпуса, который без всякого сомнения присоединился бы к своим соотечественникам. Хлопицкий бы таким образом, появившись с 80 000 армиею в Белостоке, возбудил против нас Литву, где он присоединил бы к себе всё местное ополчение. Примеру Литвы последовали бы Волынь и Подолия, обнаженные от наших войск. Если бы оно и не удалось, он не подвергнулся бы ни малейшей опасности; мы в то время не могли еще ни угрожать его тылу, ни наступать на него с переду, тем более что литовскому корпусу было строго воспрещено, до сосредоточения всех наших сил на границе Польши, предпринимать малейшее наступательное движение. Вместо всего этого, какой имела результат политика Хлопицкого? Мир не состоялся и не мог состояться, а когда надобно было прибегнуть к оружию, то поляки не располагали, для продолжения войны, тем количеством войск, каким они могли бы обладать, если бы присоединили к себе литовский корпус, и возбудили бы к восстанию Литву, Белоруссию, Волынь и Подолию. Поляки были принуждены принять наши удары на свой щит, не будучи поддержаны жителями польско-российских губерний и имея уже против себя литовский корпус.

Мы пришли теперь к любопытному событию: к падению Хлопицкого; хотя диктаторство его продолжалось лишь около сорока дней, но оно имело решительное влияние на весь характер военных действий. В начале сорока двух дневного владычества своего Хлопицкий был кумиром армии и всего народонаселения царства, но принятые им строгие меры, явное его противодействие усилению военных сил и стремление к прекращению возникшего между Россиею и Польшей разрыва, не прибегая к оружию, восстановили всех против него. Ненависть в Хлопицкому, вскипевшая втайне, сперва не смела еще нигде явно обнаружиться, но вскоре накопившаяся гроза разразилась: комиссия, учрежденная для составления манифеста, поднесла его на утверждение Надзирательной Комиссии; хотя эта последняя и утвердила проект манифеста, но Хлопицкий восстал против некоторых выражений, которые показались ему слишком резкими и строго запретил обнародовать манифест. Невзирая на запрещение, манифест, не скрепленный подписью Хлопицкого, был тайно отлитографирован и разослан по всему царству. Это обстоятельство усилило вражду между диктатором и патриотами, которые стали разглашать, будто он изменник, что побудило Хлопицкого увеличить национальную стражу для подавления недовольных, если бы они вздумали явно восстать против него.

К этому времени, т.е. к 3-му январю 1831 года прибыл из С.-Петербурга посланный туда курьером подполковник Величинский, привезший

▲ Генерал-фельдмаршал Иван Федорович Паскевич

между прочим известие о движении нашей армии к границам царства и следовательно о неизбежности войны. Он также привез от статс-секретаря польских дел графа Грабовского официальное письмо на имя Хлопицкого, коему было объявлено: высочайшее благоволение за изъявленные им верно-подданнические чувства и настоятельное требование о буквальном исполнении всех статей прокламации, обнародованной государем 6-го декабря. Диктатор, поспешно собрав всех членов национальной комиссии, передал полученные бумаги на их обсуждение. По мнению меньшинства надобно было продолжать начатые переговоры, и, пользуясь тем, вознаградить потерянное время поспешным приведением в порядок всех сил до открытия военных действий; большинство же требовало, чтобы немедленно атаковали литовский корпус до прибытия русской армии. Хлопицкий приказал созвать Сейм к 7-му январю; хотя власть его видимо поколебалась, но враги его, не удовольствовавшись тем, решились нанести ему окончательный удар. Тотчас после удаления членов национальной комиссии яви-

лись к Хлопицкому члены надзирательной комиссии под предводительством президента сената и маршала сейма. Хлопицкий, хладнокровно изложив им весь ход дел, указал им на необходимость единства в усилиях, которое не могло иметь места при великом разногласии во мнениях. Представив им несоразмерность материальных средств Польши относительно сил, коими могла располагать Россия, он предложил принять безусловно все статьи, изложенные в вышесказанной прокламации. Это возбудило всеобщее негодование всех членов, которые осыпали упреками Хлопицкого, и на слова его, что он действует лишь именем царя Николая объявили ему, что он уже более не диктатор. В ответ на это Хлопицкий закричал в исступлении: «Я сам слагаю с себя диктаторство и упрекаю всех вас в якобинстве, в возбуждении народа и войска к безначалию, и через это в вовлечении отечества в неминуемую гибель». Когда умы несколько успокоились, князь Чарторыжский сделал Хлопицкому следующее предложение, облеченное в весьма ласковые формы: «мы надеемся, генерал, что вы по крайней мере не откажетесь принять на себя командование армией». – «Ни за что, – гневно закричал Хлопицкий, – будь я шельма, если я приму какое-либо начальство, но как верный сын отечества, я гостов жертвовать жизнью на поле брани». Тем заключилось диктаторство Хлопицкого, в прежние годы доказавшего любовь свою к отечеству своею сорокалетнею боевою службою и ранами, полученными на полях чести. На конце своего поприща Хлопицкий, будучи временным главою Польши, причинил делу, ему вверенному, едва ли не более зла, чем самый коренной россиянин которому было бы поручено потушить возникший против России мятеж. Он принес зато нашему делу едва ли не большую пользу, чем сам Дибич во всё время своего начальствования армиею. Это – факт неопровержимый. Лишенный диктаторской власти, он ходил по городу в партикулярном платье и в круглой шляпе, смело и бодро. Все смотрели с уважением на седины маститого воина, не раз отличавшегося подвигами мужества; почитая себя правым, он вполне заблуждался; умственные способности его далеко не соответствовали его мужеству.

После его падения поступили, в отлично обученную 30 000 армию, рядовые получившие отставки лишь за несколько лет пред тем, и множество волонтеров, что возвысило численность армии до 80 000 человек, кроме того образовалась 9000 резервная армия; многие магнаты и помещики, в числе коих находились в окрестностях Остроленки – Ходородецкий; Седлеца – Кучинский и Кушель; Ломзы – Улан; Люблина – Яросовский, Варшавы – Замойский, возбуждая крестьян своих к восстанию, устраивали на свое иждивение эскадроны, батальоны, отряды, исключительно предназначенные для партизанского рода службы.

Одно Августовское воеводство выставило в течении десяти дней 5000 вооруженных всадников, Варшава – полк пехоты и полк кавалерии и так далее. Молодежь Познани и Галиции, оставив дома родителей, университеты и ремесла, спешила в Варшаву. В течении пятнадцатилетнего владычества России арсеналы были снабжены оружием, изготовленным на российских оружейных заводах; народное правление приказало спешить выделкой оружия на литейных и оружейных заводах Варшавы, Кракова и окрестностей Кельца; повелено возвести Пражское предмостное укрепление, усилить оборону Модлина и Замостья, и окружить Варшаву внешними укреплениями. Пороховой завод в Кракове был увеличен; новый устроен был в Маримонте. Магнаты, шляхетство и духовенство взнесли сто двадцать миллионов рублей, наконец новое правительство стало возбуждать нравственные силы поляков разными выдуманными обнародованиями о помощи Франции и Англии и о скором прибытии союзных армий на театр военных действий. Поляки верили всему этому; первая забота Сейма, открывшегося 7-го января, состояла в том, чтобы избрать главнокомандующего. Недостаток в способных генералах был столь велик, что Сейм внес в число кандидатов несколько молодых штаб-офицеров. Генерал Вейссенгоф был человек лишенный опытности и дарования; – полковник Шембек, пользовавшийся покровительством народного клуба, был человек умный, но не могущий распоряжаться большими массами войск; генерал Круковецкий дерзкий, хвастливый и надменный, но хитрый и искательный, когда того требовали обстоятельства, желал провозгласить себя диктатором, но он был неспособен ни к военному, ни в гражданскому делу. Генерал Пац также любимый народным клубом, человек красивой наружности, отличался ограниченным умом, нерешительностью и весьма небольшими сведениями. В числе кандидатов находились князь Михаил Радзивилл и Сврижинецкий; князь Радзивилл был избран восемью голосами главнокомандующим; он при избрании своем объявил, что готов передать власть и звание тому из генералов, который в течении войны окажется достойнейшим; наибольшее число голосов, после него, получил Пац. Выбор Радзивилла, бывшего уже полковником в 1808 году во время осады Данцига, и с того времени не слыхавшего боевого выстрела, удивил многих, но он объясняется следующим образом: Радзивилл был родным братом князя Антония Радзивилла, женатого на принцессе Луизе Прусской, двоюродной тетке короля Прусского, и бывшего в то время наместником Познанским. Хлопицкий, еще до избрания Радзивилла, сказал членам Сейма, что без сомнения князь Антоний, по дружбе своей к брату своему, не откажется помогать ему. И так избранием Радзивилла члены Сейма думали, сделав угодное королю Прусскому, привлечь к себе если не Пруссию, то по крайней мере наместника Познанского.

В 1807 году мы видели князя Антония Радзивилла в нашей главной квартире; он был тогда предан делу, за которое стояли Пруссия и Россия против Наполеона, у коего, в корпусе польских войск, служил в то время брат его князь Михаил, о коем шла здесь речь. ■

Г.П. КОЧЕРГИН,

Генерал-майор авиации,
Заслуженный военный летчик России.
Член Союза писателей России

ТАНКИСТ

Я танкистом сражался, как надо.
Черный шлем, под глазами круги.
От комвзвода дошел до комбата,
От Москвы и до Курской дуги.

Я не втягивал голову в плечи,
Всё равно танк всегда на виду.
Не спасает броня от картечи
И снарядов – на нашу беду.

Нашей кровью дороги политы,
Ведь не будешь приказ обсуждать.
Хорошо, если будешь убитым,
Хуже – могут свои расстрелять.

Здесь, под Курском, в успех контратаки
Я не верил и знал наперед,
Что «пантеры» и «тигры», их танки,
В лобовую снаряд не пробьет.

Мы надеялись в том сорок третьем,
Каждый думал тогда об одном –
Что Победу добудем и встретим
Этот день и ещё поживем.

И сразились, две грозных армады.
И июльская роза ветров
Пахла трупами, дымом и смрадом
От горящих в округе костров.

Кто погиб, те известными стали.
Танк над городом птицей взлетел.
Мой, такой же, челябинской стали,
В Понырях с экипажем сгорел.

День Победы наступит, и завтра,
По прошествии стольких времен,
Буду вновь у Большого театра
Свой погибший искать батальон.

День Победы

День Победы – праздник главный –
Дождем стучит с утра в окно,
Как щеки предков наших славных,
Все мокрое от слез оно.

Здесь слезы счастья и страданий,
Что довелось им пережить.
И боль потерь, и ожиданий,
И радость снова мирно жить.

Мои родные полной чашей,
Испили горечь той войны,
Всегда Победа будет нашей
Мы ей и с нею рождены.

Мой дед с «Максимом» на плечах,
Прошёл от Бреста страшный путь,
Семью оставив палачам,
Чтоб под Москвою повернуть.

Потом обратный путь пройти:
По пеплу, по раскисшей глине,
И дух слегка перевести,
Уже в поверженном Берлине.

На всем известной по кино
Стене Рейхстага расписаться,
И мирно спать – ведь так давно,
Не получалось отоспаться.

Я – сын солдатов той войны,
И внук прошедших пламя дедов
Их будем памяти верны
За мир, за подвиг, за Победу.

И надо внукам рассказать
О подвиге отцов и дедов,
О жертвах, что не описать
И нашем праве на Победу.

Полковник В.С. КОРНЕЕВЕЦ